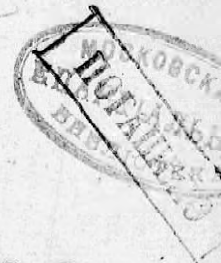

А $\frac{192}{472}$

$\frac{80-13}{2879}$

Духовная Школа.

Сборникъ.

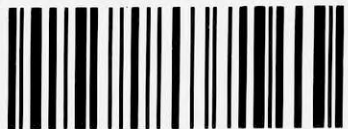
Москва. 1906.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

17739-66

2011094105

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ авторовъ.	I—IV
Безъ призора. Воспоминанія о духовномъ учи- лищѣ. <i>Н. Смирновъ</i>	I
Дезорганизованная коллегія. Изъ замѣтокъ и наблюденій учителя дух. училища. <i>С. Клязь- минъ</i>	49
Воспитаніе въ духовной школѣ. <i>Сергій Любимовъ</i> .	65
Атеизмъ. Изъ пережитаго. <i>Н. Смирновъ</i> . . .	136
Принципы богословскаго образованія. <i>Павелъ Любимовъ</i>	156
Къ вопросу о преподаваніи литературы. <i>Павелъ Любимовъ</i>	185
Философія въ духовной семинаріи. Проф. <i>П. Тихомировъ</i>	196
Какъ мы изучали Библию. <i>Н. Горностаевъ</i> . . .	212

Духовно-учебное начальство. У. А.	228
Записки семинариста. Н. Румянцевъ	244
Страничка изъ недавняго прошлаго	269
Семинарскія петиции.	280
Епархиальныя женскія училища. А. Смирновъ- Кутаческiй	287
О духовныхъ академiяхъ. Проф. П. Тихомировъ.	315

Отъ авторовъ.

Говорить о связи школы съ обществомъ, въ частности духовной школы и церковнаго общества, нѣтъ никакой нужды. Въ концѣ концовъ, школа это не что иное, какъ то же общество, только въ состоянiи неполнаго развитiя, школьная молодежь—будущее общество. Волну за волной каждый годъ на смѣну общественнымъ работникамъ школа шлетъ молодыя силы, чтобы въ свое время смѣнить и ихъ новыми волнами новыхъ людей.

Школа—самое дорогое дитя общества, на которомъ его надежды, его любовь, его слава. Это все ясно. Но русская дѣйствительность жестоко смѣется и надъ ясными истинами. Въ школѣ, дитяти своемъ, общество не хочетъ и не можетъ видѣть кровное дѣтище. Школа—подкидышъ.

Современная духовная школа—тоже подкидышъ, суровымъ историческимъ процессомъ подброшенный русской церкви. Для тѣхъ, кто приглядывался поближе къ положенiю нашего духовно-школьнаго дѣла, и вдумывался въ судьбы религiозной жизни въ Россiи, это тоже ясно.

Духовная школа изжила сама себя. Въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, она и въ минимальной долѣ не осуществляетъ тѣхъ цѣлей, которыя ставятся ей ея идеей.

Теперь реформа духовной школы не за горами. О ней уже нѣсколько лѣтъ перешептывались въ столичныхъ канцеляріяхъ, а на послѣднихъ дняхъ св. Синодъ вслухъ заявилъ о предстоящей реформѣ и потребовалъ отъ педагоговъ духовной школы ихъ соображенія „по вопросу о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ строѣ“ духовной школы.

Итакъ, духовная школа будетъ реформирована.

И вотъ, — положить одинъ изъ камней въ это зданіе будущей новой школы, даже еще скромнѣе — расчистить нѣсколько для него почву и было нашей задачей въ изданіи этого сборника.

Мы не беремъ на себя смѣлости начертить подробный планъ новой духовной школы, это дѣло ума и силъ многихъ людей. Наша главная цѣль — поставить передъ глазами общества вопросъ о духовной школѣ во всей его дѣйствительной остротѣ. Мы хотимъ показать, какова духовная школа въ ея современномъ строѣ, и вскрыть причины, которыя ее такой сдѣлали (конечно, и здѣсь отнюдь не претендуя на всестороннюю полноту).

Мы, далѣе, отчетливо сознаемъ, что истинно плодотворная реформа духовной школы мыслима и возможна исключительно подъ условіемъ полного и коренного обновленія всей русской жизни, и церковной въ особенности, — обновленія во главѣ и членахъ, въ духѣ раскрѣпощенія и свободы. Для насъ очевидно, что пока священникъ и всякій дру-

гой, причисленный къ вѣдомству православнаго исповѣданія, будетъ попрежнему оставаться въ безраздѣльной власти епископскаго усмотрѣнія и не получить элементарныхъ правъ и законной самостоятельности, никакія реформы школы не помогутъ дѣлу оздоровленія церковно-религіозной жизни: воспитанники духовной школы все равно будутъ бѣжать отъ своего назначенія, какъ катятся воды по линіи меньшаго сопротивленія, — туда, гдѣ свободнѣй дышать, гдѣ меньше давятъ тяжелые своды и больше простора для активной работы.

Отсюда же наше отрицательное отношеніе къ реформѣ, возвѣщенной св. Синодомъ.

Реформа не должна и не можетъ производиться путемъ тайной канцелярской работы, людьми, выдвинутыми на верхъ жизни старымъ режимомъ. Живое церковное общество, всѣ тѣ, кому дороги интересы родной церкви — духовенство, педагоги (дух. школы), міряне не могутъ удовлетвориться только „нѣкоторыми измѣненіями въ строѣ“ духовной школы, какъ то желательно высшей церковной бюрократіи. Школа нуждается въ полномъ и коренномъ обновленіи, перестройкѣ на иныхъ, живительныхъ началахъ. Такая работа требуетъ новыхъ работниковъ и должна быть возложена на все церковное общество, освобожденное отъ тисковъ бюрократическаго режима.

А современные реформаторы должны понять, что, разъ погубивъ школу, они не въ правѣ братья за ея возрожденіе, что они не въ силахъ осуществить дѣло, принадлежащее всему церковному об-

шеству. Для нихъ не должно быть тайной и то, что общество имъ уже не вѣритъ.

Къ нимъ же—реформаторамъ—обращаемся мы со словами „пророка“, призывая ихъ чутче прислушиваться къ голосамъ жизни:

Вѣкъ зоветъ, созрѣло сѣмя;
Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ...

(Полонскій).

1905 годъ 20 декабря.

Безъ призора.

(1891—1895).

Съ жуткимъ чувствомъ покидалъ я милыя, родныя мѣста. Мой братъ, недавно окончившій училище, много рассказывалъ о немъ и его рассказы наводили грусть. Что то темное, большое и непріязненное ждало меня впереди, а назади оставалось все дорогое, любимое, гдѣ каждый уголокъ, каждый кустикъ былъ обвѣянъ нѣжными воспоминаніями и больно было вспоминать о нихъ, и больно разставаться съ ними.

Теперь уже почти все забылось изъ этого перваго моего путешествія въ духовное училище, но врѣзалась въ память одна подробность. Былъ теплый солнечный день. Осталась позади и послѣдняя деревня, въ которой я помогалъ на Пасхѣ причту и получалъ копейки. Небо начало хмуриться и на востокѣ собралась туча. Она росла, ширилась, загрохоталъ громъ. Она двигалась на насъ, двигалась отъ города и мнѣ стало жутко. Она предвѣщаетъ мнѣ слезы училищной жизни, рѣшилъ я. Разсѣется,—проживу хорошо: дойдетъ до насъ, вымочить—плохой знакъ. И туча дѣшла, и пролилась дождемъ.—Мнѣ часто потомъ вспоминалась эта туча,—грозная, грохочущая, и, окончивъ училищный курсъ, я убѣдился, что предзнаменованіе меня не обмануло.

Училище, стоявшее на концѣ города, было пустынно. Шаги гулко раздавались по каменнымъ корридорамъ и комнатамъ, на дворѣ изрѣдка двигались фигуры родителей въ рясахъ, да дьячковскихъ полукафтаныхъ и робко, неувѣренно

мелькали новички. Что то сжималось въ горлѣ, трудно выговаривались слова, когда отецъ заговаривалъ со мной, чтобы развеселить меня и приободрить. Но понемногу обстановка переставала казаться странной. Промелькнули экзамены. Помню стихъ, прочитанный мной: „душный воздухъ, дымъ лучины“..., помню экзаменъ по ариѳметикѣ, — написать на доскѣ число 17000017, помню симпатичную фигуру депутата отъ духовенства, не считавшагося съ чопорнымъ официальнымъ этикетомъ экзамена и вносившаго струю теплоты и задушевности въ классную комнату, помню, наконецъ, то чувство глубокой осиротѣлости, когда скрылась за монастырской башней черная шляпа отца на телѣгѣ и разсѣялись послѣдніе клубы пыли и когда я почувствовалъ себя, — увы! ученикомъ духовнаго училища... Побродивъ нѣсколько у подъѣзда, сглотивъ наvertывавшіяся слезы и кое какъ разсѣявъ вниманіе, чтобы не поддаться новымъ подступавшимъ потокамъ, я побрелъ лѣнливо въ больничныи корпусъ, куда помѣстили насъ, новичковъ, до начала ученія, пока шли переэкзаменовки. Здѣсь уже размѣстились кое кто изъ старшихъ и здѣсь меня уже ждалъ первый привѣтъ училища.

Недалеко отъ входа, у лѣвой стѣны, разбирался въ своемъ имуществѣ второкласникъ. Раскрывъ свой сундукъ, онъ перекладывалъ тамъ лепешки и бѣлье. Это былъ богачъ, нашъ училищныи аристократъ, впоследствии уволенный за малоуспѣшность. Меня сразу же заинтересовалъ его сундукъ: его крышка и стѣнки изнутри всѣ были украшены картинками. Я не могъ пройти мимо, не остановиться и не посмотреть. Но не успѣлъ я нагнуться надъ крышкой, — рѣзкій неприятный голосъ проскрипѣлъ мнѣ прямо въ лицо: „тебѣ чего? проходи!...“ и увѣсистый кулакъ опустился на спину. Все горе, вся осиротѣлость сразу встали въ моемъ сознаниі, всѣ слезы брызнули наружу и я уже лежалъ на койкѣ, обливаясь слезами отъ боли и обиды... Кто то вступился за меня, бросилъ Л. фразу — другую, но тотъ отругивался, считая себя безусловно правымъ.

Такъ встрѣтила меня моя черствая alma mater.

Два каменныхъ корпуса училища выглядѣли очень красиво, расположившись на высокомъ холмѣ. Но какъ томительно больно сжималось каждый разъ сердце, когда бывало завидишь ихъ съ „Травы-горы“, возвращаясь послѣ каникулъ. Какимъ то холодомъ повѣетъ вдругъ на душу и отъ зеленыхъ крышъ, и отъ этихъ маленькихъ черныхъ оконъ третьяго этажа, и отъ этой темной ели, одиноко выглядывающей изъ-за „старого“ корпуса...

Въ учебное время эти громадныя зданія, — самыя большія въ городѣ, — кишмя-кишатъ дѣтворой. То одинъ, то другой этажъ круглый годъ періодически закипаютъ жизнью. Утромъ, въ 9-мъ часу, всѣ стягиваются въ средній этажъ „старого“ корпуса; сюда же опять перебираются вечеромъ на три часа „вечернихъ“ занятій. Тѣмъ временемъ „новый“ корпусъ и верхній этажъ „старого“ пустуютъ. За то послѣ уроковъ, когда запирались классы, оживали спальни, и мы съ правомъ могли сказать, что жили въ спальняхъ, а въ классы ходили только учиться. Забѣгали еще въ столовую, но не надобно: на обѣдъ и ужинъ не требовалось много времени.

Въ спальныхъ комнатахъ казарменно и неудобно. Голыя стѣны выкрашены какой то розовато-желтой краской. Онѣ мараются и всюду исчерчены ключами; тамъ и тутъ слѣды убитыхъ насѣкомыхъ, засохшіе плевки. Длинные рундуки (низенькій ларь съ полуаршинными перегородками) тянутся вдоль всѣхъ стѣнъ, съ большими и маленькими замками, съ изрѣзанными и часто совсѣмъ поломанными крышками. Ряды желѣзныхъ коекъ съ жесткими матрацами и одѣялами, цѣлкомъ сбитыми изъ пыли, кое гдѣ подъ койками сундуки — вотъ и все убранство спальныхъ комнатъ. А какіе ужасныя были здѣсь полы! По нимъ нельзя было ходить въ человѣческой обуви. Они такъ стары, такъ изъерзаны и выбиты ученическими каблуками (ихъ топтали десятки поколѣній), что сучья и гвозди торчатъ повсюду торчками, выпячиваясь на четверть вершка и больше.

Классы были свѣтлѣй и просторнѣй. Но что это были за парты! Когда въ четвертый классъ (гдѣ стоялъ иконостасъ, служились иногда всенощныя и происходили экзамены) привезли парты съ отложными крышками и ящиками, всѣ бѣгали

ихъ смотрѣть, какъ что то необычайное, предметъ великаго искусства и изумительныхъ удобствъ, и кстатѣ съ упоеніемъ нюхали смолистый запахъ свѣжаго дерева. А парты, на которыхъ учились остальные классы, были верхомъ уродства. При одинаковой и чрезмѣрной высотѣ онѣ имѣли неподвижныя лавки. Крышки однѣ были безобразно круты, а другія совсѣмъ пологи, а часть партъ почти совсѣмъ была лишена верхнихъ досокъ, потому что ихъ буквально вырѣзали ученики для своихъ подѣлокъ вплотъ до той планки, на которую ставятся чернила. Учениковъ не разсаживали; садились кто гдѣ хотѣлъ. И на этихъ то „партахъ“ полусидя, полустоя, съ изломанной спиной, неправильно изогнутой шей, мы учились всякимъ наукамъ и даже — чистописанію.

Училище стояло у монастырскихъ стѣнъ. Мѣсто было выбрано самое лучшее.

На огоркѣ, вблизи березовой роши и внѣ городской пыли, грязи и шума: лучше мѣста найти было трудно. Монастырское сосѣдство тоже повидимому было въ интересахъ училища: уставное служеніе, близость храма. Но по другую сторону училища было иное прямо изумительное сосѣдство. Саженья въ двадцати отъ него, чуть чуть дальше по направленію къ рошѣ пригнулись къ землѣ три дряхлые деревянные домишки. Это были какіе-то притоны, публичные дома самаго низшаго разряда; а мы ихъ звали— „скопцы“. Откуда шло это названіе и понимало ли большинство его смыслъ, не знаю. Въ крайнемъ домикѣ жили какіе то подозрительные люди, полунищія, грязная семья. Хозяйка его торговала печенкой— „тухлой“, по нашему общему убѣжденію, предлагая ее съ лотка прохожимъ богомольцамъ, и была постоянной мишенью для ученическихъ забавъ и грязныхъ, бурсацкихъ шутокъ. На перебранку появлялся изъ дома „самъ скопецъ“, промышлявшій невѣдомо чѣмъ, и ученики, подъ градомъ циничныхъ ругательствъ прятались за воротами. Въ этотъ же домикъ къ „скопчихъ“ ходила „Миту-

сиха“, какая то пьяная безобразная баба, циничная и обрванная, вѣчно оравшая что нибудь грязное по адресу невѣдомыхъ знакомыхъ. Визитъ Митусихи для учениковъ былъ своего рода праздникомъ. Не было конца здѣсь полудѣтскимъ, полумужицкимъ шуткамъ, грубымъ, порой безобразнымъ, какъ сама Митусиха. Она отвѣчала тѣмъ же, но схватка не ограничивалась словами: въ пьяную бабу летѣла грязь, камни, зимой комки снѣга, а Митусиха бросалась на учениковъ, моментально скрывавшихся опять за воротами, пока какая нибудь случайность—появленіе надзирателя или звонокъ на „мѣста“ не прерывали бурсацкой забавы. А порой по ночамъ отъ „скопцовъ“ неслись дикіе звуки, пьяная ругань и визги ..

Но я не знаю, что больше развращало насъ, учениковъ,— близость ли къ этимъ домикамъ или близость къ монастырю. Я хорошо помню того слѣпца монаха, сухого какъ палка, съ длинными костлявыми пальцами, на котораго нельзя было смотрѣть безъ какого то страха и благоговѣнія, когда, растопыривъ руки и ворочая бѣлыми глазами, онъ проходилъ одинъ черезъ церковь. И какія безобразныя, виртуозно-циничныя вещи шепталъ намъ надъ ухомъ этотъ слѣпецъ на клиросѣ, когда на серединѣ читалось шестопсалміе или пѣли на другой сторонѣ. А ученики не только водили знакомства, но и тѣсно дружили съ послушниками, этими босяками въ полукафтаныяхъ, и ихъ безконечные рассказы о своихъ монастырскихъ скитаньяхъ не всегда были скромны и невинны. Помню, одного величали Кишъ-мишъ, другого болѣе сложно Куздрияздри-козбинко, а третьяго, монаха-хвостикъ, потому что вѣрили, что у него есть настоящій обезьяній хвостъ.

Такъ направо отъ воротъ ученики знакомились съ жизнью людей отдавшихъ религіознымъ подвигамъ, а налѣво—съ жизнью мірской.

Какъ ни грустно, но приходится сознаться, что и тѣ вліянія, подъ которыми мы находились внутри училищныхъ стѣнъ, не были благотворны. Не грамматики и не церковный уставъ

съ пѣніемъ, конечно, развивали и воспитывали насъ. Дѣтей воспитываютъ и развиваютъ люди. Но эти люди, наши воспитатели, повидимому слишкомъ слабо были знакомы съ самыми элементарными педагогическими приемами. Приказъ и воздѣйствіе физическое—другихъ приемовъ они не знали. И право, намъ не отъ кого было учиться благородству поведения, скромности манеръ.

Я помню мертвую тишину, какая воцарялась по корридолу и классамъ, когда во время „мѣстовъ“—вечернихъ занятій—являлся въ классъ о. смотритель съ толстыми книгами, въ которыхъ онъ вѣчно велъ какое то письмоводство. Онъ не всегда былъ хмуръ и строгъ. А когда на своемъ огорождѣ выбиралъ изъ грядъ въ корзиночку камушки, перекапывая землю (его любимое и чуть ли не постоянное весеннее занятіе) или принималъ и выдавалъ въ кладовой матрацы передъ лѣтними каникулами и послѣ нихъ,—онъ бывалъ добродушенъ, шутилъ съ учениками и смѣялся. Но временами его раздражалъ малѣйшій шумъ. Надъ виноватымъ тогда раздражалась буря. Еще страшнѣй были отеческія внушенія малоуспѣшнымъ. Послѣ длинныхъ словесныхъ увѣщаній начиналось собственно внушеніе. Сначала оно было беззвучно,—отецъ смотритель дергалъ за волоски на вискахъ, на затылкѣ, или „дралъ“ уши. Потомъ раздавалась раскатистая затрещина и вслѣдъ за ней рѣзкое, отчетливое, прямо отечканенное: „по-ро-се-нокъ! свинья!“ Иногда затрещина пускалась въ заключеніе, а самое наказаніе состояло только въ щипкахъ. Тогда не оставалось мѣстечка на головѣ, особенно на вискахъ и затылкѣ, котораго не извѣдила бы смотрительская рука. Онъ щипалъ съ наслажденіемъ, съ жадностью, сладострастно, приговаривая къ каждому слову: „оселъ! негодяй! свинья!“ Почему то о. смотритель былъ неравнодушенъ къ чистотѣ рукъ. Если къ нему приходилъ ученикъ съ чернильными пальцами (онъ часто нарочно осматривалъ ихъ), смотритель выходилъ изъ себя и въ подобнымъ случаяхъ всегда пускалъ въ ходъ ключи; въ его рукахъ всегда была связка ключей (очень крупныхъ: отъ кладовой, напр.), и онъ начиналъ колотить по рукамъ всей связкой.—Особенно памятна сцены казни на обшихъ спѣвкахъ. Мы на недѣлѣ разъ или

два собирались всѣ въ одинъ классъ спѣваться ко всенощной. Шумъ, нестройность пѣнія, жара скоро дѣлали о. смотрителя раздражительнымъ. И бѣда была шалуну, если на него попадалъ строгій начальнической взглядъ. Хорошо, если сидѣлъ онъ очень далеко; тогда дѣло могло ограничиться только бранью, но иногда смотритель приказывалъ виноватому выйти изъ-за парты къ нему и тогда мы бывали свидѣтелями публичной казни. Щипковъ здѣсь не полагалось. Въмѣсто нихъ звонко сыпались затрещины въ обѣ щеки. Тогда водворялась въ классѣ убійственная тишина. Послѣ казни въ могильномъ безмолвіи съ полминуты слышался только стукъ смотрительскихъ каблуковъ. Онъ успокоивался и спѣвка продолжалась своимъ порядкомъ. „Дерется“, говорили про о. смотрителя наши отцы, и пытались жаловаться, но кажется безуспѣшно. Я прошелъ благополучно и не узналъ смотрительскихъ затрещинъ. Но начальственная рука подержалась и за мои уши.—У насъ вообще запрещалось во время вечернихъ занятій сходить съ мѣстъ. Но шумъ и гамъ или приставанья сосѣда иногда заставляли уйти за парту, къ доскѣ. Бывали такіе безпокойные часы, когда полкласса принималось учить ходя. Въ одинъ изъ такихъ часовъ бродили за доской двое—я и товарищъ. Вдругъ,—хлопанье кожаныхъ калошъ и въ нашемъ классѣ смотритель. Компаньонъ улизулъ, а я остался за доской. Безмолвно о. смотритель подходит ко мнѣ, произноситъ только одно слово: „свинья!“ беретъ за ухо и среди мертваго молчанья доводитъ до мѣста.

Къ физическому воздѣйствію прибѣгали—можетъ быть, съ легкой руки о. смотрителя—довольно въ широкихъ размѣрахъ и лица не столь высокаго ранга. Среди нашихъ разговоровъ объ инспекціи всегда воздавалось особенное почтеніе щелчкамъ одного надзирателя. А онъ, дѣйствительно, умѣлъ дать щелчекъ. Къ затрещинамъ онъ прибѣгалъ рѣдко. Но за то щелкалъ съ упоеніемъ и искусствомъ. Весь секретъ этого искусства состоялъ въ томъ, что онъ носилъ на пальцахъ золотой перстень и старался шелкнуть именно перстнемъ. Дрался онъ, впрочемъ, не всегда, а лишь когда былъ „въ градусяхъ“. На наше счастье онъ еще не былъ тогда форменнымъ алкоголикомъ.

Нельзя сказать, чтобы обязанности воспитателей были сложны. Кромѣ молитвъ, обѣда съ ужиномъ, церковныхъ службъ, да трехъ часовъ вечернихъ занятій, ученики всегда оставались безъ надзора. Въ эти свободные часы воспитателямъ вмѣнялось въ обязанность только „ловить“. Ловить—значило заставить учениковъ на мѣстѣ преступления, обычно въ спальняхъ, клозетѣ. Впрочемъ, ловить собственно было не въ чемъ: водку пили рѣдко и единственнымъ преступленіемъ было табакурство. Драки сюда не относились. Случится драка—потерпѣвшій самъ долженъ пожаловаться, если онъ дѣйствительно чувствуетъ себя обиженнымъ; но словить „въ табакъ“ или заставить драку было не такъ то легко. Почти никогда не случалось, чтобы ктонибудь изъ начальства могъ „нагрязнать“, напр., въ спальни, неожиданно для учениковъ. Если не выдавала его приближенія тяжелая поступь, скрипъ калошъ, то какойнибудь ученикъ, замѣтившій общаго врага еще на лѣстницѣ, или улицѣ, циканьемъ давалъ знать объ опасности. Не предупредить, если была возможность, считалось преступленіемъ неслыханнымъ и, по нашимъ нравамъ,—невозможнымъ. Я даже не помню ни одного подобнаго случая.—Но за то у инспекціи были свои особые способы борьбы съ ученической преступностью, предъ которыми пасовала и ученическая изобрѣтательность. Это—обнюхать и обыскать. Если въ воздухѣ пахиваетъ табакомъ, тѣмъ болѣе спиртомъ,—сейчасъ: „такой то, поди сюда... дыхни!“ Дѣйствительный преступникъ обыкновенно симулируетъ дыханіе. „Дыхни еще!..—Дыхни какъ слѣдуетъ!..—Куриль“?—„Нѣтъ, я не курю“...—„Говори, кто еще куриль“?—„Никто не куриль“...—„Въ журналъ запишу“...—„Простите, NN, я больше не буду“...—„Гдѣ твой рундукъ?.. Отопри“!.. и большая рука копается въ бѣлишкѣ, отыскивая улики. Черезъ минуту воспитатель уходитъ, неся въ рукѣ осьмушку махорки или табаку. Визитъ конченъ. „Отобралъ“?—„Отобралъ“!.. и вслѣдъ за замирающими звуками шлепанья калошъ сначала неуверенно и тихо, а потомъ все громче и громче посылаются некрѣпкія и крѣпкія словца. За то теперь уже можно и курить и играть въ карты свободно: новый визитъ во всякомъ случаѣ будетъ не такъ то скоро. Въ предупрежденіе нежиданностей чаще всего ставили сторожей на время куренья или картъ и тогда совершенно свободно и курили, и пили, и играли.—Куреніе было вообще самымъ распространеннымъ и самымъ любимымъ ученическимъ грѣшкомъ. Курили почти всѣ, по крайней мѣрѣ три четверти, конечно, попадались, несли жестокія наказанія и все-таки курили. Инспекція для искорененія зла ставила ученикамъ четверки, тройки, двойки по поведенію и, наконецъ, увольняла—„за упорное куреніе табаку“.

Среди учителей трое были съ семинарскимъ образованіемъ и вотъ отъ нихъ-то особенно дышало на насъ бурсапизмомъ. Одинъ, сухошавый человекъ, съ лицомъ, напоминавшимъ обезьяну, не всегда любилъ стѣсняться въ выраженіяхъ, но его все-таки любили за простоту нрава. Для меня лично выслушивать грубья, почти циничныя фразы его было противно, не смотря на всю подкупающую простоту и, пожалуй, душевность его обращенія съ воспитанниками.—Другой былъ раздражителенъ и совсѣмъ забывался въ гнѣвѣ. Уставая сидѣть, онъ становился „корточками“ на стуль. И когда ему особенно досаждалъ какойнибудь ученикъ своей непонятливостью, онъ вдругъ давалъ выходъ своему раздраженію въ самой своеобразной формѣ: онъ плевалъ въ лицо и стремительно ударялъ ладонью по лбу оплеваннаго. Тотъ откачивался или отскакивалъ отъ стола и черезъ минуту урокъ продолжался, какъ будто ничего не случилось. Швырянье тетрадокъ тутъ было, конечно, обычнымъ дѣломъ. И мы все-таки любили этого учителя, и хранимъ о немъ теплую память. Кажется, ни одинъ изъ начальствовавшихъ и учившихъ не принималъ такъ близко къ сердцу интересовъ ученическаго здоровья, какъ онъ. Онъ внимательно присматривался къ нашимъ лицамъ, осматривалъ наши горла, когда мы жаловались на недомоганіе.—Но о третьемъ, „жеребцѣ“—на нашемъ ученическомъ языкѣ,—сохранилась другая память. Занимая одновременно нѣсколько предметовъ, наиболѣе отвѣтственныхъ и развивающихъ, онъ сумѣлъ поставить ихъ такъ, что мы всѣ выходили болѣе всего слабыми именно въ его предметахъ. И какая иронія судьбы: ни одинъ учитель не былъ такъ ревностенъ въ исполненіи своихъ

обязанностей, какъ онъ; ни у кого такъ не зубрили, какъ у него; и ничьихъ часовъ, особенно экзамена, такъ не боялись, какъ его. Онъ былъ невыразимо грубъ. „Остолопы!“ „осель!“ щедро разсыпалъ онъ направо и налево и любилъ потиранивать двойками, подразнить непропускомъ въ семинарію. „Нѣтъ нѣтъ, — улыбаясь басилъ онъ на молчавшаго ученика: видно не хлебать тебѣ семинарскихъ шей!“ и потомъ назидательно, тономъ ниже, прибавлялъ: „на пищу св. Антонія!“ — что означало остаться на этотъ день и безъ шей училищныхъ. „Я тебѣ колыганъ заверну!“ — говорилъ онъ одному; „колушекъ, колушекъ поставлю!“ конфиденціально заявлялъ другому; „тебѣ бы только кашу ѣсть, а не уроки учить!“ получалъ третьяго, при чемъ нравоучительно попрекалъ родителями, которые ночей не досыпаютъ, куска не доѣдаютъ, чтобы „тебѣ остолопу“ жилось лучше. Этотъ педагогъ какъ-то странно смотрѣлъ на тѣхъ, кто выходилъ изъ класса во время урока. Онъ не спрашивалъ о причинахъ и отпускалъ каждаго словами: „на колѣна послѣ!“ а иногда еще болѣе классически: „три урока на колѣна!“ Любители перемѣнить впечатлѣнія выходили каждый урокъ и потомъ всякій разъ на колѣна. А на новый урокъ они же первые полагали начало колѣнному стоянію, лишь только прочитывалась молитва. Не отвѣтившіе, шалившіе — всѣ отсылались на колѣна. И бывали нерѣдко часы, когда почти весь классъ выстраивался рядами впереди партъ, а „жеребецъ“ прохаживался и грубо басилъ на отвѣчавшаго. Наказанные могли исправиться: стоило поднять руку и отвѣтить что нибудь за молчавшаго ученика. Этого жеребца еще звали Іудой и дьяволомъ.

Но судьба всетаки не совсѣмъ насъ обидѣла и людьми другого склада. Я помню учителя латинскаго языка, — изящнаго молодого человѣка, симпатичнаго, только что окончившаго академію. Онъ первый и единственный говорилъ ученикамъ „вы“, что вмѣстѣ съ его изящной фигурой и англійскимъ картузикомъ являлось диссонансомъ въ нашей грубой, сѣровой средѣ. Ему же принадлежатъ первыя попытки дать намъ какія нибудь развлечения, въ родѣ литературныхъ вечеровъ, хотя бы въ видѣ чтенія басенъ; но это были только попытки и совершенно неудачныя. Еще болѣе

страннымъ диссонансомъ и неожиданностью было для насъ появленіе въ училищѣ одного надзирателя. Онъ поразилъ насъ своей гуманностью, благородствомъ обращенія, участіемъ, какое онъ въ насъ принималъ. Онъ умѣлъ съ каждымъ завести разговоръ, сразу стать на близкую, товарищескую ногу, хотя и не допускавшую панибратства. Онъ былъ сердеченъ, видимо старался вліять на насъ въ добрую сторону, часами проводилъ время послѣ молитвы въ нашихъ спальняхъ, фланируя отъ стѣны до стѣны, пока мирно не засыпалъ весь корпусъ. Такіе визиты въ наши спальни „новаго корпуса“ онъ дѣлалъ очень часто и мнѣ казалось, что настроеніе обитателей этихъ спаленъ значительно измѣнилось: — поменьше стало дракъ, грубыхъ безобразій. Ему удалось улучшить нашъ столъ, потому что онъ взялъ въ свои руки и экономическую жизнь училища. Изъ его рукъ впервые пробралась въ наши классы газета — онъ давалъ намъ охотно „Биржевыя Вѣдомости“, въ ту пору только что начавшія выходить. Наконецъ, ему удалось устроить впервые что-то въ родѣ спектакля съ чтеніемъ „Ревизора“, сценокъ изъ Мясницкаго, басенъ, и пѣніемъ веселенькихъ полудѣтскихъ, полународныхъ пѣсенъ.хлопотъ было не мало, но сколько удовольствія дали намъ самыя эти хлопоты. Одна репетиція на его квартирѣ, когда все таки чувствовали себя вѣ унылой бурсацкой обстановки и за новымъ интереснымъ занятіемъ, чего стоили. И мы всѣ были въ восторгѣ отъ этого надзирателя, предъ нимъ благоговѣли, искренно уважали, любили. Прибавьте къ этому, что у него былъ басъ, съ которымъ онъ очень умѣло проводилъ свою партію въ въ нашемъ дѣтскомъ хорѣ, и что къ басамъ бурсаки не могутъ быть равнодушны. — Къ сожалѣнію, его дѣятельность не могла оставить сколько нибудь прочнаго слѣда на нашемъ училищѣ, потому что онъ пробылъ у насъ всего полтора — два года, выбывъ, кажется, не по независящимъ обстоятельствамъ.

Въ концѣ концовъ не учителя и воспитатели воспитывали насъ, а сами другъ друга и всѣхъ вообще—среда. А это была жесткая среда.

Ученическая жизнь, свободная отъ всякаго культурнаго вліянія со стороны, текла свободнымъ ручьемъ по своему собственному руслу. Ей даже не приходилось прятаться отъ очей власти, потому что уже исторически такъ сложилось, что эта власть только поверхностно глядѣла на ученическую жизнь и не мѣшала ей течь, какъ она хочетъ. А здѣсь долгими годами выработались свои теченія—грязныя и упорныя. Законами, десятки лѣтъ создававшими самобытный режимъ для этой дѣтской толпы, были не какіе нибудь высокіе принципы, даже не страхъ предъ начальствомъ, а исключительно—грубая физическая сила и жажда власти и преклоненія. Здѣсь царилъ одинъ коренной законъ: кулакъ господинъ надъ всѣми; должно слушать и почитать только сильнаго. Честь, стыдъ, умъ—это не цѣнилось. Всякое проявленіе нѣжныхъ чувствъ, семейныхъ привязанностей, религіозность, цѣломудріе—все высмѣивалось и только нахальство, насилие и кулачный ударъ почитались, окружались ореоломъ идеальнаго, должнаго.

Вспоминая теперь эти мучительные безконечные четыре года, я изумляюсь,—до какой степени безпросвѣтно груба и цинична была эта дѣтская толпа и эта дѣтская жизнь. Такъ мало гуманнаго, человѣческаго и такъ много и прочно антиобщественнаго, гадкаго и скотскаго культивировала въ нашихъ душахъ эта публичная, общественная жизнь, жизнь маленькихъ звѣрьковъ, загнанныхъ въ хлѣвъ и предоставленныхъ самимъ себѣ—праву цѣпкихъ когтей и острыхъ, молодыхъ зубовъ.

Достоинство ученика оцѣнивалось исключительно его физической силой. „Первакъ“—большей частью произносилось съ презрѣніемъ. Правда, этимъ презрѣніемъ кулачная мораль отдавала дань уваженія ему, видя въ немъ своего постоянного и тайнаго врага, но первакамъ отъ этого не жилось лучше.

Фактически, заправление всей жизнью училища было въ рукахъ „старичковъ“. А старички это—второгодники, почти

всегда съ развитыми мускулами и даже исторически, въ силу традицій—господа, аристократія класса. Новички всѣежались, трусятъ cadaго шага, боятся cadaго учителя, всякаго учебника, а старичекъ съ перваго же урока „грубить“ учителю, съ перваго же дня ходить пѣтухомъ среди новичковъ, раздавая направо и налево колотушки и щелчки,—тому за то, что попался на дорогѣ и не сумѣлъ сообразить, что передъ старичкомъ надо посторониться, этому, что не сразу показалъ книгу, третьему, что мало отломилъ лепешки. Попадѣвъ въ училище въ первый разъ, ученикъ сразу же оказывается во власти второгодниковъ и силачей; отъ нея онъ никогда и потомъ не освобождается, въ каждомъ классѣ получая новыхъ господъ, если самъ не приобрѣтетъ авторитета кулаками или долготѣнимъ ученіемъ. Такъ въ каждомъ классѣ и во всемъ училищѣ устанавливается своего рода кулачная іерархія, глава которой неприкосновененъ, а прочіе члены, чѣмъ ниже, тѣмъ слабѣе и „прикосновеннѣе“,—такъ до послѣдняго, какаго нибудь забитаго, загнаннаго, слабенькаго ученичка, которому каждый вправѣ дать тумака и засвѣтить „банку“.

Каждый ученикъ, попавшій въ это царство кулака, считалъ за лучшее сразу же подчиниться установившимся законамъ. А они требовали—прежде всего—не ябедничать, тѣмъ болѣе не шпионить, чему бы ты ни подвергался; потомъ—воздавать старичкамъ и силачамъ часть отъ имѣній своихъ, когда тѣмъ вздумается угоститься; третье—безпрекословно кулаку повиноваться, и четвертое, касающееся главнымъ образомъ „перваковъ“,—все ему показывать, объяснять и всячески облегчать работу.

Ничего не могло быть тяжелѣе въ духовномъ училищѣ, какъ оказаться шпиономъ. Правда, открытаго шпиона не всякій рѣшится „хряснуть по зубамъ“. Но ему буквально не дадутъ прохода. Въ классѣ на него изъ-за доски летитъ мѣлъ, на его спинѣ внезапно оказывается мѣловая тряпка,

его прозвище красуется на доскѣ, въ его лавку коварно набиты перышки, въ спальнѣ въ него летитъ невѣдомо откуда сапогъ, когда кажется, что уже всѣ заснули, и даже шпионъ можетъ успокоиться. Одновременно ведется противъ него форменная блокада: какъ опальному, ему никто ничего не покажетъ, до него не дойдетъ чередъ выучить по какойнибудь книгѣ и въ какуюнибудь субботу, послѣ всеношной, или на роспускѣ въ полумракѣ спальни вдругъ шпионъ окажется подъ одѣяломъ—ему устраиваютъ „темную“. Въ спальнѣ водворяется мертвая тишина и нѣсколько секундъ глухо раздаются только кулачные удары.

Такова же участь подозрѣваемого въ шпионствѣ. Можетъ быть даже у насъ и совсѣмъ не было настоящихъ шпионовъ, которые занимались бы систематически этимъ ремесломъ, и только особенно подозрѣваемые попадали въ разрядъ настоящихъ шпионовъ. Въ число же просто подозрѣваемыхъ попасть было слишкомъ легко. Надо не быть кулачникомъ, хорошо учиться (и, значить, быть на хорошемъ счету у начальства), или просто не раздѣлять общепринятыхъ взглядовъ, не придерживаясь узаконенныхъ обычаевъ. Сапогъ—постоянный вечерній гость такихъ учениковъ; иногда онъ залетаетъ и днемъ. Темной грозятъ имъ же. А насмѣшки и издѣвательства сыпятся на нихъ изъ рога изобилія. Мнительнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ приходилось очень плохо. Чуть какойнибудь необычайный шагъ инспекціи, приходъ не въ условленный часъ, нечаянная поимка курильщика, обыскъ въ рундукѣ—и обиженный ищетъ сейчасъ виновника: ктонибудь сошпионилъ. И вотъ—нынче подозрѣваютъ того, завтра другого, отношенія вчера мирныя сегодня разстраиваются и при ежедневномъ разстройствѣ изъ за всевозможныхъ дразгъ,—каждый посланный невѣдомой рукой сапогъ будитъ вопросъ: „неужели подозрѣваютъ?“ Помню, я самъ много вынесъ изъ за этой мнительности. Я совсѣмъ былъ не склоненъ о комъ либо шпионить или просто жаловаться, хотя для этого и имѣлись часто достаточно уважительные поводы. А разъ были поводы для жалобъ, являлись поводы для подозрѣній. Но я не могъ выносить этого состоянія „быть въ подозрѣніи“. Въ результатѣ,—молчаливость,

отдаленіе отъ того, другого. А это—уже новый поводъ къ подозрѣнію въ шпионствѣ. Въ концѣ концовъ—косые взгляды, окрики „шпионъ“ и лишнія „банки“ въ спину.

Другимъ источникомъ мукъ для слабыхъ и поводомъ къ применению кулачнаго права, были лепешки. Такъ у насъ назывались домашніе гостинцы—пирожки домашняго изготовления, ситники, пышки, лепешки,—отъ черныхъ ржаныхъ съ лукомъ и кашей, до слоеныхъ, промасленныхъ и насдобенныхъ, какъ сдобять только для любимыхъ сынковъ. По пріѣздѣ съ каникулъ мы всѣ бывали богаты: у того мѣшокъ, у другого коробъ лепешекъ. Послѣ пасхи—корзины съ печеными яйцами. И съ перваго же дня начинаются муки—поборы. Лепешки бываютъ не у всякаго. Иные остаются на праздникахъ въ училищѣ, другіе—сироты, не привозятъ ничего, третьи, побѣднѣе—привозятъ чегонибудь невкуснаго, а нѣкоторые и нарочно не возятъ—стыдно ѣхать съ мѣшкомъ пироговъ чуть-чуть не усатому юношѣ.

Побираться лепешками—не привиллегія силачей. Но силачу волей-неволей надо чегонибудь давать, а другого можно и оттолкнуть отъ своего рундука. Впрочемъ, иногда не отталкивались и „вшенки“: „а мнѣ дашь, когда къ тебѣ пріѣдутъ“?—„Дамъ“!—„Ну, на; только, смотри, не забудь“!—и кусочекъ лепешечки отламывается малышу. Въ особенности плохо приходилось первокласникамъ, второкласникамъ, а еще хуже—приготовишкамъ. Четвертокласники гурьбами ходятъ отъ одного къ другому. Пришли сейчасъ пять человѣкъ. Черезъ полчаса еще жди, а вечеромъ и еще придутъ. Назавтра придутъ опять тѣ же—и въ одиночку, и толпами.

Права собственности до известной степени уважаются. Не всегда врываются въ рундуки; по большей части довольствуются тѣмъ, что даютъ. Комично видѣть крошечнаго малыша у открытаго рундука, обступленнаго силачами четверокласниками, которыхъ онъ одѣляетъ кусочками не больше тѣхъ, что кидаютъ курамъ. Силачи принимаютъ съ серьез-

нымъ видомъ и это, какъ должное, говорятъ „спасибо“ и уходятъ. Другой простачекъ даетъ сразу помногу и его мѣшечекъ пуста раньше, чѣмъ желалъ бы его желудокъ.

Но мирно эти сцены собиранія гостинцевъ проходятъ рѣдко. Всякій новичекъ очень скоро находитъ, что сколько онъ ни привози гостинцевъ, — четвертый классъ не накормить, врядь только своихъ старичковъ задобрить. И вотъ начинается мальчуганъ упираться. Его обступаютъ, убѣждаютъ. Лица принимаютъ суровое, жесткое выраженіе. Начинается вымогательство. Если застали ученика, когда онъ копался въ рундукъ и не успѣлъ запереть, пытаются силой поднять крышку. „Да у меня нѣту! да у меня все вышло“!.. молить ученикъ, наваливаясь на рундукъ, защищая свои сокровища. Но крышка все-таки поднимается и волей-неволей надо давать. Еще чаще осажденный садится на крышку и какъ горлица защищаетъ гнѣздо свое. Отъ увѣщаній просители быстро переходятъ къ убѣжденію, а убѣждаютъ обычно „стукушкой“. „Не дашь“? — „Не дамъ“! — „Не дашь“? — тономъ выше. — „Не дамъ“! — Ну, въ послѣдній разъ: не дашь“? — „Не дамъ“! — „Такъ вотъ тебѣ“!.. Или еще выразительнѣй: заносится кулакъ со словами: „ну, въ послѣдній разъ — не дашь“? и въ отвѣтъ на „не дамъ“ кулакъ опускается на спину, или зуботычина попадаетъ въ морду. Впрочемъ, надъ лепешками дрались безъ эффекта, — безъ звонкихъ ударовъ, но за то, дѣйствительно, умѣло, убѣдительно. Стукушка чаще опускалась какъ то быстро, незамѣтно, съ шипеньемъ: „у, жадеба! с....“! и не кулачный ударъ, даже не банка, а именно стукушка, отъ которой на спинѣ появляются синяки, хотя и кажется, что ударили чуть-чуть. (Стукушка дается маклышкой большого пальца). — Но голодный желудокъ глухъ даже и къ кулачной расправѣ. Въ слѣдующій визитъ, который начинается уже не съ мягкаго: „дай лепешечки“, а полузлюбнаго, полутребовательнаго: „что - жъ, опять не дашь“? — слѣдуетъ ударъ или чаще банка, но уже теперь съ публичными осмѣянiями и угрозами: „ну попомни“!.. „Помни двадцатое число“!.. (день отпуска на рождество).

Было худо, когда привозили или присылали съ оказiей ѣды мало. Но случалось, хватало добра на недѣлю. И вотъ на

исходѣ то недѣли начинались истинныя муки. Остатки такъ дороги, такъ мечтаешь о кусочкѣ засохшаго ситничка, а именно теперь то и дѣлаются визиты особенно часты и назойливы. — „Отстань, чего лѣзешь; вѣдь я тебѣ вчера далъ“! — „Чай, дай небось“!.. „Убирайся, колдунъ“!.. „А-а-а... я колдунъ?!“ — „Колд ..“ Но слово не выговаривается, потому что рука колдуна впилась въ горло: „Давай лепешки“!.. — „И-на ..“ вырывается изъ сдавленнаго горла послѣ безплодной борьбы и лепешка, можетъ быть, послѣдняя, ломается пополамъ...

Чтобы уйти отъ подобныхъ коллизiй, начинаешь увѣрять всѣхъ и каждого, что въ мѣшечкѣ пусто, вчера послѣднее съѣлъ и стараешься ухитриться — вынуть изъ рундука и съѣсть такъ, чтобы не видалъ никто. Брать гостинцы къ чаю у насъ вообще было неслыханной вещью: изо рта повытаскають. И понеобходимости приходилось съѣдать черствые куски гдѣ нибудь въ корридорѣ, на улицѣ, отламывая кусочки въ карманѣ, поскорѣе, съѣдать не прожевывая, чтобы никто не видалъ.

Лепешки были своего рода монетой, на которую можно было купить всевозможныя цѣнности и прежде всего — сильный кулакъ и умственную помощь. Очень немногіе изъ старичковъ и силачей дружили съ слабыми по какимъ нибудь дѣйствительно духовнымъ побужденiямъ. Если это были не земляки, то по большей части сердечныя привязанности скрѣплялись только лепешками. Кулачникъ выражаетъ готовность быть другомъ слабаго, если тотъ будетъ кормить его своими лепешками. Быть другомъ сильнаго, хоть и кормить его лепешками, — все-таки выгодная сдѣлка: можно не только избѣгать цѣлаго ряда затрещинъ, а и самому давать ихъ кое кому, и вообще жить поспокойнѣй. Правда, эта дружба бываетъ часто коварна и длится не дольше того, какъ сильный другъ уберетъ послѣднюю лепешку друга слабаго. Но бывали и очень дальновидные покровители, которые, въ чаянiи будущихъ благъ, охотно расправляли свои кулаки на спинахъ какихъ нибудь старичковъ со словами: „ты что трогаешь такого то!?. Вотъ тебѣ“!.. Вообще, иные ученики, у которыхъ повкуснѣе лепешки, да которые сами не чужды политики и дипломатiи, умѣютъ во время сообразить, кому сколько и

когда дать, чтобы оградить свою спину, могли устроиться недурно (т. е., — могли сократить на нѣсколько процентовъ опредѣленное на ихъ долю количество стукушекъ).

Мозговая энергія также охотно продавалась за лепешки, какъ и дружба, хотя и здѣсь приходилось расходоваться только тѣмъ, кто послабѣе. У сильныхъ была своя, очень умѣренная оцѣнка духовной помощи: иногда — заступиться въ отплату за услугу, а чаще всего — не привести въ исполненіе всегда подразумевавшуюся кулачную угрозу въ случаѣ отказа со стороны первака (банка — въ потенціи).

За лепешки писались переводы, рѣшались задачи. За лепешки ухаживали, унижались, льстили, позволяли надъ собой зубоскалить, издѣваться. За лепешки закабалались въ добровольную кабалу, превращались въ своего рода батраковъ, носили книги, чинили карандаши, удовлетворяли всякую прихоть. Конечно, эти лепешечныя униженія и мелконькія издѣвательства и даже добровольное батрачество не забывались, и рано или поздно приходилъ тотъ часъ, когда все это возмѣщалось на спинѣ бывшаго господина — или въ видѣ увѣсистой „свинчатки“, или въ видѣ перышекъ, набитыхъ въ его лавку...

Въ нашемъ кулачномъ царствѣ было нѣчто подобное восточной деспотіи. Кулакъ это — царь, а у царя въ подчиненіи находятся рабы. Эти рабы освобождаютъ своего господина отъ всякихъ обязанностей и всякаго труда. Въ столовой силачъ кричитъ: „эй, ты, принеси воды!“ — и рабъ несетъ. Въ классѣ онъ распоряжается: „такой то, принеси мнѣ отъ такого то книгу!“ — и ему несутъ. Посылаетъ раба въ городъ купить табаку, — и рабъ идетъ. „Дай отъ меня Чумичкѣ въ харю!“ — и рабъ даетъ; даетъ и сдачи не получаетъ. Силачъ рѣдко носитъ самъ свои книги изъ класса въ спальню — у насъ книги и послѣ уроковъ, и послѣ вечернихъ занятій таскали съ собой въ спальню — ему несетъ ихъ какойнибудь рабъ. Онъ даже въ журналѣ, когда бываетъ очереднымъ класснымъ

дежурнымъ не пишетъ, что требуется („на урокъ такой то ученики приходили въ классъ своевременно; въ классѣ были всѣ и всѣ занимали должныя мѣста; при наставникѣ изъ класса никто не выходилъ; ученики вели себя...“); — онъ просто крикнетъ: „кобыла, напиши журналъ“!..

Не всегда, конечно, повиненіе бываетъ безпрекословно. Но одна — другая „свинчатка“, „зафздъ“ въ морду и приказаніе исполнялось.

Такъ же удовлетворялись нужды силача и по учебному дѣлу. Задачи онъ самъ не рѣшаетъ, переводовъ не дѣлаетъ; даже не списываетъ словъ (по латинск. и греч. язык.) въ свою тетрадку — все это за него дѣлаютъ другіе. А когда ему заблагоразсудится лично имѣть дѣло съ кѣмънибудь по учебной нуждѣ, напр., усвоить переводъ, отыскать на картѣ города и рѣки, провести по богослужебнымъ книгамъ какуюнибудь церковную службу, рабъ, на котораго падетъ вниманіе господина, долженъ бросить всѣ свои дѣла и помогать сильному. Такъ, старички обычно всѣ, а ихъ въ классѣ всегда 5—7 человекъ, выѣзжаютъ на спинахъ лучшихъ учениковъ. Чаще всего судьбу вола несетъ какойнибудь одинъ ученикъ, наиболѣе скромный и безотвѣтный. Но иногда первакомъ бываетъ строптивая, задорная натура и сама не лишенная увѣсистаго орудія господства; въ такомъ случаѣ, частые конфликты между классомъ и первакомъ обычно заканчиваются одной развязкой: его „лупятъ“, или „проучиваютъ“, — потому что онъ слишкомъ зазнался, — и тотъ долженъ сбавить наполовину своей независимости.

Для меня, помню, очень много страданій доставляли экспромпты по языкамъ. За часъ времени должно приготовить и свою работу и написать переводы на 2—3 записочкахъ для всего класса и специально для одного-двухъ силачей. Можно было обидѣть классъ, не послать на его долю ни одной записки, но — не силача. И тѣ, черезъ кого записка шла до мѣста назначенія, рѣдко осмѣливались ее задержать, а поскорѣй передавали, кому слѣдуетъ. Бывало, еще во время работы намучаешься, когда нѣтъ возможности своевременно послать почту подъ учительскимъ взглядомъ, или у самого дѣло не клеится (а этому никогда не вѣрили) и когда на-

зади, если мимикой стараешься дать понять о томъ, что дѣла не выходятъ, встрѣчаешь разсвирѣпѣвшее лицо, злобой сверкающій взглядъ, стиснутыя челюсти и несмѣло, но выразительно высывающійся изъ-за парты кулакъ. Надо обязательно посылать, и посылаешь;— иначе...

Вообще, кулаки пускались у насъ въ дѣло нѣсколько чаще, чѣмъ требовала необходимость даже и при кулачной этикѣ. Въ дни, когда подводились итоги оскорбленій, т. е., устраивались темныя, когда силачи отправлялись толпами „душить“,— вымещалось все, до самыхъ маленькихъ, забытыхъ грѣшковъ, о которыхъ, казалось, не помнить ни одна сторона. У насъ создались свои поговорки на подобные случаи. „Сѣвшій раза“, по его мнѣнію не заслуженнаго, конечно, хоть слабымъ стономъ, взываетъ къ справедливости: „за что?“... „Много стараго зашло! Обирай на бабки, да молчи въ тряпочку!“...

Безраздѣльное господство кулака-силача создавало въ концѣ-концовъ такія явленія, которыя даже въ этой уродской средѣ казались нелѣпымъ уродствомъ. Если силачъ былъ, действительно, очень силенъ, болѣе обычного склоненъ къ властвованію и въ то же время не встрѣчалъ сильной оппозиціи со стороны другихъ силачей, то создавались картины классическаго деспотизма.

Я помню одного ученика, который въ теченіе почти двухъ лѣтъ держалъ весь нашъ классъ въ рукавицахъ болѣе колкихъ, чѣмъ ежовыя. На шелчки, вымогательства лепешекъ мы уже не обращали вниманія. Къ истязаніямъ и издѣвательствамъ надъ отдѣльными учениками тоже привыкли и сдѣлались равнодушны. Наконецъ, ему даже пришлось издѣвательство сразу надъ цѣлымъ классомъ. Онъ, напр., посылалъ— это уже въ четвертомъ классѣ— кого нибудь изъ рабовъ въ неурочный часъ въ рошу вырѣзать и принести ему самую длинную ивовую лозы и, когда приказаніе исполнялось, садился на задней партѣ и часами упражнялся въ хлестанья по головамъ и спинамъ всѣхъ, кого хотѣлось. Издѣвательство, позореніе того, другого, циничное, грязное здѣсь не знало границъ. А классъ молчалъ,— только два-три приближенныхъ напер-

сника помогали во всемъ своему патрону. Дѣло доходило до тиранства,— гнуснаго и нелѣпаго. Онъ связывалъ ремнями ученику назади руки, накидывалъ на шею веревочную петлю или захлестнутый ремень, пропускалъ его подъ нижнюю перекладину передней парты, притягивалъ за шею ученика къ этой перекладинѣ и такъ въ теченіе 10—15 минутъ заставлялъ его въ неестественной позѣ валяться на полу, почти у двери, иногда привязавъ этотъ ремень къ перекладинѣ. Такъ,— опозоренный, беспомощный, жалкій лежалъ онъ подъ щипками, издѣвательствомъ до тѣхъ поръ, пока не собирался весь классъ. А приходящіе изъ усердія и раболѣпства то же изощрялись въ насмѣшкахъ надъ жертвой безумія, — хотя каждый назавтра могъ очутиться на ремнѣ той же перекладкины. Впрочемъ, это услаждало вкусъ нашего Нерона и спасало отъ пытокъ.

Но пришелъ конецъ и Неронову деспотизму.

Всетаки и среди прогнившей кулачной атмосферы появлялись люди, не вполне подчинившіеся всѣмъ требованіямъ ея морали. Они также обладали сильными мышцами, но не становились высоко на лѣстницѣ кулачной іерархіи. Это были единицы, стыдившіяся своей силы, исключенія, съ которыми хорошо было водить дружбу. Къ сожалѣнію, такіе ученики, повидимому, люди не рожденные для активной работы, стояли въ сторонѣ отъ жизни и не имѣли вліянія на нашъ бытъ, какое имѣть могли бы. И въ нашемъ классѣ былъ такой силачъ, „силачъ баба“. Вотъ онъ-то, достаточно наглядѣвшійся на безчинства нашего Нерона, и явился избавителемъ насъ всѣхъ отъ его деспотизма. Въ одинъ прекрасный-благословенный нами день, съ кучкой единомышленниковъ, онъ, придравшись къ новой грубости деспота, вызвалъ его на драку и поколотилъ... Демагогія свержена, классъ освобожденъ. Неронъ палъ, отверженъ, а спаситель дѣлается общимъ героемъ и идоломъ...

Мы ликовали, какъ будто насъ всѣхъ сразу перевели въ семинарію, и ходили толпами за своимъ кумиромъ, а низверженный бродилъ темный, какъ ночь, и въ глазахъ его сверкала непрощеная, кровная обида...

Дѣти, конечно, подвижны и требуютъ выходовъ для энергій. Между тѣмъ, отъ начальства, кромѣ шелчковъ, „запишу въ журналъ“, да того, что опредѣлялось нашимъ особымъ словечкомъ: „набѣветъ“—нагорить, будетъ нагоняй, —ничего не видали. Правда, надзиратель, специалистъ по шелчкамъ, очень развлекалъ въ иные часы учениковъ, когда дѣлалъ послѣбѣдненный моціонъ передъ корпусами и за нимъ ходила толпа учениковъ человѣкъ въ 10—15. Шутки, остроты тутъ лились рѣкой. Въ толпѣ непременно оказывались комики, вродѣ „чухны“ или „скопца“—посмѣшища училища, которыхъ онъ величалъ по имени и отчеству,—но всетаки это было слишкомъ однообразно и не выходило изъ рамокъ общеучилищнаго тона. Зимняя гора, устроенная однажды смотрителемъ на дворѣ, да маленькій спектакль, это все, что должно было развлекать насъ на протяжении четырехъ лѣтъ. Понятно, въ общемъ все это проходило для насъ безслѣдно. Мы продолжали жить своей жизнью, и забавляться своими играми и своими забавами. И, конечно, орудіемъ забавы оставался все онъ же—мускулистый кулакъ.

Наиболѣе любимымъ развлеченіемъ для учениковъ были драки, и, надо замѣтить, наиболѣе постояннымъ.

„Драка, драка!.. Въ старомъ корпусѣ драка! Гусевъ Попова лупить“!.. Это нарочно прибѣжалъ какойнибудь Добчинскій изъ стараго въ новый корпусъ и всѣ толпой бѣгутъ черезъ улицу, въ ту спальню, гдѣ, окруженные толпой, сомкнувшейся тѣснымъ кругомъ, „лупятся“ второкласники. Толпа растетъ, напираетъ, сразу же, стихійно опредѣляются симпатіи и всѣ торжествуютъ, какъ одинъ „наливаетъ“ другому. Среди минутной тишины порой только и слышатся звонкіе или глухіе кулачные удары. „По мордѣ не биты!“—раздается внезапно почти вопль. „Дай еще! дай еще! Ата!..“ вырываются возгласы изъ толпы, иногда раздражающейся громкимъ хохотомъ въ наиболѣе комическіе моменты, а драчуны, какъ два пѣтуха, все налетаютъ одинъ на другого, красные, потные, въ какомъ то азартѣ и угарѣ... Толпа разжигаетъ. Слабый не сдастся. Но вотъ противникъ его „припираетъ“, втискиваетъ въ толпу, сразу заколыхавшуюся и зашумѣвшую, и, минуто спустя, бой конченъ. Побѣдитель торже-

ствующе и злорадно еще разъ грозитъ кулакомъ въ сторону побѣжденнаго, а дѣтская толпа шумно обступаетъ того и другого съ своими мнѣніями, сужденіями, одобреніями. Иногда побитаго вновь натравляютъ и, какъ дикій звѣрекъ, онъ вновь набрасывается съ кулаками на своего врага и опять бой.. А мы все толпимся и жадно слѣдимъ за всѣми перепитіями борьбы.

Понятно, особенно интересовала насъ борьба силачей и еще больше—изъ разныхъ классовъ. Тогда сбѣгалось буквально все училище. Теперь ужъ затрогивалась честь сразу цѣлыхъ двухъ классовъ: чей силачъ возьметъ верхъ. И съ замираніемъ сердца смотрѣли, какъ одинъ „нашиваетъ“ другому, съ наслажденіемъ принимая каждый ударъ по врагу.

Среди учениковъ были нѣкоторые изумительные господа по своей жадѣ подраться и по своей нечувствительности. Помню Чухну. Онъ кажется и не носилъ христіанскаго имени. За его аппетитъ и постоянное пребыванье за голоднымъ столомъ звали его еще „каши-мало“. Этотъ рябой, плотный мальчуганъ лѣтъ 12, казалось, былъ сдѣланъ изъ гуттаперчи—такъ эластиченъ былъ весь его корпусъ. И буквально не было дня, чтобы онъ съ кѣмънибудь не подрался. Это былъ какой то кулачный герой. Онъ никогда не плакалъ, никогда не жаловался на боль и никогда не имѣлъ синяковъ. А его били и въ голову, и въ спину, и кулаками, и ногами. Судя по тому, что онъ всегда лѣзъ на кулаки, мы рѣшили, что ему вообще не можетъ быть больно, хотя иногда избивали его поистинѣ жестоко, когда онъ схватывался съ кѣмънибудь посильнѣе. Но это не мѣшало ему иной разъ черезъ полчаса еще попробовать чьихънибудь другихъ кулаковъ. И вѣдь это не былъ какойнибудь циникъ, нахаль; а просто—комикъ, даже добродушный, но—дитя кулачнаго царства... Конечно, онъ не дотянулъ и до второго класса.

Къ особенно интереснымъ у насъ относились драки какихънибудь тихонь, благодѣльныхъ, и еще болѣе—перваковъ. При неопытности такіе бойцы особенно задорны, и ихъ поединки чаще кончались кровопусканіемъ. А училищная мораль смотрѣла на эти драки, какъ на своего рода крещеніе, актъ высокой важности, и потомъ даже поднимался престижъ

того, кто впервые расправлял кулаки и сумѣлъ „намазать“. Но я помню свое чувство: мнѣ становилось немного стыдно за тѣхъ, кто выступалъ впервые въ публичныхъ дракахъ и мнѣ казалось это своего рода падениемъ. но чувство это таилось гдѣ то тамъ, въ глубинѣ души, и я не отставалъ отъ другихъ и самъ всегда былъ зрителемъ публичныхъ дракъ.

Наконецъ, былъ еще особый видъ дракъ, когда выходилъ классъ на классъ. Чаще всего, какой нибудь силачъ, напримѣръ, третьекласникъ слишкомъ зазнается, не стѣняясь начинаетъ заирать ни съ того, ни съ сего четверокласниковъ. Поднимаются ссоры, которыя быстро переходятъ во вражду класса къ классу. Масса мелочныхъ фактовъ оскорблений, дѣйствительныхъ и кажущихся, наслаиваются одно на другое и становится трудно разобрать, кто правъ и кто виноватъ. Въ концѣ концовъ созрѣваетъ мысль взлупить такихъ то и такихъ то. Иногда дѣло обставляется по всѣмъ правиламъ международного права; объявляется перерывъ сношеній и грозное: „иду на вы“. Толпа вооружается накладками, свинчатками, замками и гдѣ нибудь въ корридорѣ, классѣ или спальнѣ въ одинъ послѣобѣденный часъ разражается побоище. Кто бѣжитъ, тотъ побѣжденъ. Возстанавлиются помянутыя права и нарушенный миръ, хотя битые долго еще скалятъ зубы и чешутъ кулаки на побѣдителей. Впрочемъ, надо оговориться, кулачная этика выработала въ подобныхъ международныхъ осложненіяхъ особыя—гуманныя правила: выступали на бой только силачи. Слабые отстранялись и не считалось зазорнымъ, если они не вступались за побиваемыхъ силачей однокласниковъ.

Объ этихъ исторіяхъ, если онѣ бывали слишкомъ крупны и волновали все училище, иногда доходило и до начальства, но обычно тогда, когда конфликтъ уже разрѣшался болѣе или менѣе крупнымъ мордобитиемъ. Относительно же мелкихъ дракъ и темныхъ, начальство только гадало, т. е., оно отлично знало, что вся ученическая жизнь построена на кулачномъ правѣ, но должно быть ему все казалось, что это его не касается. Въ случаѣ же жалобы бійца наказывался: „за грубую драку“, какъ выражались официально, ему убавляли баллъ по поведенію, выговаривали, ставили къ голод-

ному столу. А жалобщикъ уже знаетъ, что ему не слѣдуетъ попадаться наказанному „на узенькой дорожкѣ“.

Травить малышей, какихъ нибудь безответныхъ слабенькихъ молчаликовъ было тоже обычной ученической забавой. Травля начиналась безъ организаци, безъ уговора, а какъ то сама собой. Одинъ, двое „пристануть“ къ такому малышу, начинаютъ заирать, а толпа любопытныхъ, падкихъ до всякаго развлечения, уже растетъ. Два-три задиристыхъ во проса, слезливый, робкій отвѣтъ, громъ хохота и начинается издѣвательство съ циничными насмѣшками, щипками, отниманіемъ книгъ, сбрасываньемъ одѣяла, швыряньемъ подушекъ. Подъ конецъ это дѣлается зло отвратительно и кончается безпомощнымъ, конвульсивнымъ плачемъ обиженного или трусливымъ бѣгствомъ вонъ изъ корпуса съ жалобой до начальства подъ крики: „убью, живъ не будешь,—скажи только!.. и увы,—съ жалобой, которая не доносится дальше холодного корридорчика надзирателя или дверей инспекторской квартиры... Тамъ мальчуганъ зябнетъ, дрожитъ, глотаетъ послѣднія слезы и черезъ 10—15 минутъ возвращается на свое мѣсто, гдѣ изъ подъ матраца вытаснены доски или изъ парты выброшены книги невѣдомой рукой,—возвращается не пожаловавшись, потому что легче жить подъ постояннымъ издѣвательствомъ и пинками, чѣмъ подъ страхомъ таинственной „темной“ ..

Шумъ, бѣготня, „возня“—какъ у насъ говорили, была другой обычной нашей забавой. Возиться значило прежде всего бороться. Потому это были дѣтскія игры самыхъ разнообразныхъ сортовъ и видовъ. Возились въ классахъ въ перемѣны или въ спальняхъ. Я не знаю, гдѣ мы поднимали болѣе пыли:—въ классахъ ли, куда за день своими сапогами наносили цѣлые вороха грязи, или въ спальняхъ, гдѣ нельзя было чуть чуть хлопнуть по одѣялу, чтобы не поднять цѣлые облака пыли. У насъ выметали полы метлами, безъ оплодъ, не всегда поливая водой, или поливая лишь для того,

чтобы всю грязь оставить на мѣстѣ. И я помню, въ вечернюю переѣмку, когда, предполагается, комнаты провѣтриваются послѣ двухчасового сидѣнья учениковъ, поднимался отъ нашей бѣготни по корридору и классамъ такая невообразимая пыль, что я теперь, вспоминая, удивляюсь, какъ мы были въ состояннн дышать въ такой атмосферѣ и какую непосильную задачу задавали мы своимъ легкимъ. Нельзя сказать, чтобы форточки всегда оставались закрытыми; онѣ были и иногда отворялись; но какія форточки могли вытянуть эти пыльные тучи, когда вокругъ лампъ образовывались блестящие, пыльные круги, какъ вокругъ уличныхъ фонарей въ туманную, промозглую ночь. — Теперь я уже не удивляюсь, когда изъ нашего училища ученики прѣзжаютъ домой зеленые, съ синяками и впадинами вокругъ глазъ, но невольно думаю: неужели эти десять лѣтъ для моей alma mater такъ таки и прошли безслѣдно!..

И мы возились въ этой атмосферѣ, возились часами — наваливались другъ на друга кучами, валялись въ пыли, грязи, обтирали всѣ стѣны, „выжимая масло“, лазили подъ койками, партами, закидывались подушками, прыгали по партамъ, окнамъ, потомъ горячіе, потные тутъ же выскакивали на морозъ и дежурили гдѣ нибудь за дверью, поджидая какого нибудь ученика, чтобы напасть на него неожиданно. Особенно памятны мнѣ наши „шкварки“ — плевки, которые мы пускали, догоняя другъ друга. Требовалось большое искусство, чтобы пустить шкварку какъ можно дальше. Получить плевковъ въ лицо не было чѣмъ нибудь необычнымъ; утрись и самъ постарайся не остаться въ долгу. А картинку, какъ ученикъ, сломя голову, носится по койкамъ, партамъ за другимъ, съ ремнемъ на плечѣ, носится цѣлый часъ, чтобы за что нибудь „отплатить“, можно было видѣть въ любую минуту, стоило только заглянуть въ училище, когда ученики находятся внѣ надзора.

Возились, какъ видите, не всегда благородно и шутивно, но и не всегда невинно. Чаше всего возня начиналась на почвѣ маленькихъ оскорбленій и главнымъ образомъ изъ за прозвищъ, чтобы дать другъ другу за дразненье легкую потасовку. Это дразненье стоитъ нѣсколькихъ минутъ вни-

манья: оно играло въ нашей жизни тоже свою, очень видную, роль.

Прозвища имѣлъ каждый ученикъ. Иныхъ награждали сразу двумя-тремя; они мѣнялись иногда каждый мѣсяць. Группа учениковъ носила зоологическія прозвища: слонъ, осель, сусликъ, зебу, пырка, кобыла, чухна, гагара, сука; другимъ нарекались имена изъ иныхъ, самыхъ разнообразныхъ, областей: колдунъ, дѣтка, тезка, клюй, мафука, сын-куй, сметана, микадо, урликъ. Наконецъ, у третьихъ прозванія были неприличны и циничны. Иныя были такъ мѣтки, что прививались сразу, и я теперь многихъ помню только по прозвищамъ. Нѣкоторыя выражали собой пѣлую бездну презрѣнія, другія просто подмѣчали что нибудь комическое въ характерѣ, еще чаще въ фигурѣ, иныя были грязны и грубы, другія нѣжны и пожалуй почетны. Я помню, въ первомъ классѣ глубоко восторгался фигурой и поведеніемъ одного четверокласника. Его величали: „Саша-мастакъ“ * и я втайнѣ мечталъ, что къ четвертому классу, когда у меня наростутъ на рукахъ мускулы, я самъ буду защитникомъ угнетенныхъ, и меня тоже будутъ величать какимъ нибудь почетнымъ именемъ. Случилось впрочемъ нѣчто иное: мускуловъ я не нарастилъ и почетныхъ прозвищъ не получилъ.

Едвали не больше всего было прозвищъ женскими именами. Отъ нихъ не спасался ни одинъ ученикъ съ мало-мальски женственнымъ личикомъ и скромными манерами. Наташка, Машка, Вѣрка, монашенка, баба — эти имена носили мои товарищи. Кобыла, пырка, тезка, финка — тоже были имена женскія. Меня величали Анюткой чуть не съ перваго дня — „по брату“, лишь только узнали, что у меня учился братъ подъ такимъ прозвищемъ. Это постоянное имя, сохранившееся на всѣ четыре года. Еще меня звали періодически, —

* „Мастакъ“ — мастеръ, ловкачъ; этотъ ученикъ выдѣлялся нѣкоторой гуманностью, не всегда злоупотреблялъ своей силой и иногда употреблялъ ее во благо слабымъ, обиженнымъ.

сначала „просвирней“, потому что ко мнѣ часто заѣзжала наша просвирня и ея визиты, женщины словоохотливой и сердечной, для учениковъ были очень интересны. Потомъ долгое время звали „попадъей“, потому что ученику старшаго класса, котораго дразнили „попомъ“ и „батькой“, соблаговолилось мнѣ покровительствовать и звать меня своей „женой“. Наконецъ, еще временами считался и величался просто „женой“ сразу двухъ и трехъ учениковъ однокласниковъ, силачей и старичковъ.

Что прикрывалось этими нѣжными именами и пряталось за нѣжными отношеніями,—ясно само собой. Столько грубаго цинизма и грязи въ концѣ концовъ рождалось отсюда и дѣтская милovidность воистину являлась проклятьемъ, источникомъ нравственныхъ и физическихъ страданій для каждаго изъ насъ. Собственно говоря, какая нибудь Машка вовсе не была женой только одного старичка. Она была Машкой для всякаго, и всякій, чуть-чуть сильный, имѣлъ на нее извѣстныя, грязныя права. И даже не всегда надо было носить женское имя, чтобы оказываться иногда въ чьихъ нибудь грязныхъ объятяхъ или защищаться отъ щекотливыхъ движеній и назойливыхъ поцѣлуевъ... Прибавьте къ этому, что иногда мальчуганъ еще и не понимаетъ истиннаго смысла этихъ манипуляцій и разнообразныхъ движеній.

Вообще, нашъ училищный недѣтскій развратъ отлился въ крайне своеобразныя формы, но о нихъ не совсѣмъ удобно выражаться даже въ специально училищныхъ терминахъ...

Не буду я говорить также и о специально дѣтскихъ болѣзняхъ, которыя нуждались бы въ кое-какомъ вниманіи со стороны начальства и въ которыхъ опять таки мы были предоставлены исключительно самимъ себѣ. Только—нѣсколько строкъ о томъ, что являлось слѣдствіемъ этихъ болѣзней. На почвѣ физиологическихъ аномалій среди насъ часто встречались субъекты съ нарушеннымъ душевнымъ равновѣсіемъ. Я особенно хорошо помню одного ученика, который буквально впалъ въ умопомѣшательство. Онъ гибнулъ и физически, и духовно, ото всѣхъ бѣгалъ, прятался, былъ оборванъ, всегда не застегнутъ, грязенъ, не умывался, не ходилъ въ баню, весь пропитался какимъ то гадкимъ запахомъ, на-

чалъ мочиться подъ себя, и къ обидѣ учениковъ обнаружилъ безумную скупость: колбаса, лепешки, пироги—все у него портилось и въ рундукъ и сундукъ, заражало воздухъ,—но онъ никого не подпускалъ къ себѣ, кричалъ, плакалъ и бѣгалъ, и поверхъ всего—страшная религіозная манія: онъ, очевидно, всюду видѣлъ козни дьявола, постоянно шепталъ про себя какія то фразы, молитвы, заклія, постоянно крестился, крестилъ вокругъ себя воздухъ, стѣны, углы, убѣгалъ на улицу, въ клозетъ и тамъ наединѣ отдавался своимъ безумнымъ мистеріямъ, а когда не было никого въ спальнѣ, обѣгалъ всѣ углы и тамъ все что то шепталъ, крестился, лѣвой рукой придерживая на груди раскрывавшуюся засаленную, рваную курточку. Болѣзнь тянулась долго. Послѣ каникулъ онъ выглядѣлъ свѣжѣе, лодимѣе, но постепенно уходилъ все больше и больше въ свою безумную скорлупу, дичалъ, терялъ рассудокъ, попалъ въ число малоуспѣшныхъ, остался на второй годъ и, наконецъ, былъ изгнанъ—за малоуспѣшность. А въ первомъ классѣ это былъ даровитый мальчикъ, умный, развитой, какъ говорится,—подающій надежды. Я не могу описать всѣхъ тѣхъ издѣвательствъ, мытарствъ, какимъ подвергали этого ученика товарищи и не товарищи, сильные и слабые, невозможно исчислить, сколько онъ „сѣлъ сапоговъ“ и за тухлыя лепешки, и за свое нелюдимство, сколько разъ онъ проваливался на своей койкѣ и днемъ и ночью и сколько онъ пролилъ слезъ и издалъ стоновъ за эти два года болѣзни. Онъ былъ въ явномъ помѣшательствѣ, а начальство и видѣло это, и не желало обращать вниманія, и лечило разстройство всего человѣка оставленіемъ на второй годъ и потомъ исключкой. И вѣдь оно не только знало, оно видѣло, какъ на ихъ глазахъ погибла молодая душа и жизнь.

Еще нѣсколько словъ о нашихъ забавахъ и развлеченіяхъ. Уличныхъ игръ, кромѣ снѣжковъ зимой и лапты, бабокъ, да еще какой то нелѣпой, состоявшей въ забиваніи палочекъ въ

землю и вытаскивали ихъ зубами,—лѣтомъ, не знали. Въ комнатахъ же играли въ перышки, иногда отдавая этой игрѣ все свободное время, изрѣдка въ жгуты и еще рѣже въ чехарду. Любители много вниманія удѣляли картамъ. Три листика и стучолка были особенно распространены. Играли, конечно, въ деньги. Но карточная игра жестоко преслѣдовалась. Однако, это не мѣшало ей процвѣтать, потому что слишкомъ не трудно было укрываться отъ надзора. При слабомъ мерцаніи вечерней лампочки гдѣ нибудь вдали на койкѣ долго послѣ ужина или передъ всенощной рѣжуются игроки и словить ихъ на мѣстѣ нѣтъ никакой возможности. Находились ученики, которые такъ усовершенствовались въ этой области, что не только были всегда при деньгахъ, но и домой ѣздили съ деньгами.

Наконецъ, очень любили игру въ „учителя“. Кажется, не было ученика, который бы ей дань увлеченія. Сшивалась тетрадь, разлинеивалась на клѣтки, какъ въ классномъ журналѣ, писались фамилии. Ученикъ изображалъ изъ себя учителя, садился на койку, вооружался перомъ и чернилами и начиналъ игру. Сначала идетъ одинъ урокъ, потомъ другой; ученикъ изображаетъ изъ себя сначала учителя греческаго языка потомъ катехизиса, пѣнія, вызываетъ учениковъ, спрашиваетъ, во всемъ копируя учителя, подражая ему манерами, голосомъ, привычками. Въ журналъ сыятыся двойки, ставятся изгороди, ввертываются троешники, воображаемые ученики получаютъ балбесовъ, остолоповъ, сажаются за голодный... Потомъ выступаетъ начальство съ выговорами, мысленными шелчками... Иногда всѣхъ воображаемыхъ учениковъ замѣняетъ какой нибудь одинъ реальный, который отвѣчаетъ сразу по всѣмъ предметамъ за всѣхъ учениковъ и вмѣстѣ съ пятерками и двойками въ чужія клѣтки иногда получаетъ и затрещину отъ не въ мѣру разыгравшагося учителя.—Въ этой игрѣ не обходится безъ лицепріятія. Обычно такой учитель въ журнальныхъ клѣткахъ даетъ свою оцѣнку успѣхамъ и поведенію учениковъ и по балламъ мы опредѣляли симпатіи и антипатіи товарища. Я помню, двое изъ учениковъ—большіе комики—до такой степени пристрастились къ этой игрѣ, что въ углу, гдѣ была койка „о. смотрителя“,

всегда раздавались самые разнообразные классные возгласы, во всѣхъ тембрахъ голоса, часто въ невозможной утрировкѣ. А „о. смотритель“ такъ до окончанія курса и величался о. смотрителемъ.

Наѣзды родителей, знакомыхъ составляли въ нашей жизни тоже своего рода событія, и не потому только, что у ученика заводились послѣ этого лепешки.—Приемной комнаты, конечно, никакой не было и гостей принимали во время уроковъ въ корридорѣ; въ другое время—на койкѣ въ спальняхъ. Посѣщенія интересовали сами по себѣ: интересно было поглядѣть на чужого человѣка, послушать рѣчей со стороны. Наѣзжающіе дѣлились на разряды. Одни, какіе нибудь деревенскіе псаломщики, не дошедшіе дальше второго-третьяго класса училища, съ чувствомъ уваженія глядѣли и на каменные корпуса, и на толпы учениковъ, особенно четвероклассниковъ. Они считали за честь для себя сойтись на близкую ногу съ товарищами сына, а ученики, сознававшіе свое ученое достоинство, считали своимъ долгомъ поважничать предъ такими гостями. У насъ они иногда ночевывали или проводили вечера вмѣстѣ съ учениками, и вотъ тогда начинались безконечные разговоры объ училищѣ, ученикахъ, ученическихъ продѣлкахъ и подвигахъ, воспоминанія добраго стараго времени и торжественное раскуриваніе папирось. На другихъ пріѣзжихъ, лицъ болѣе важныхъ, священниковъ, свѣтскихъ только собирались глядѣть. Эти держались солиднѣй, дѣловито и позволяли себѣ только изрѣдка перекидываться съ учениками двумя-тремя словечками. Но когда пріѣзжали женщины, въ особенности, сестры, дѣвушки—вздуроживалось все училище, всѣ бѣжали смотрѣть „сестру такого то“... Подглядываніе въ дверь, шнырянье мимо гостей не прекращалось, пока они не уѣзжали. А послѣ ученику долго надо отшучиваться отъ назойливыхъ, циничныхъ шутокъ по адресу пріѣзжавшихъ гостей. Вспоминая теперь прошлое, я думаю, что не для одного меня визиты дорогихъ гостей отравлялись этой пошлостью и вмѣсто чистой незамутненной радости, приносили, какъ и лепешки, очень чувствительную боль.

Но мы не знали дня интереснѣе того, когда прїѣзжали къ двумъ братьямъ ихъ отецъ, дьяконъ. Обыкновенно у насъ кричатъ безлично: „къ такому то прїѣхали!“ но когда прїѣзжали къ Головлевымъ, всюду объявлялось точно: „къ Головлямъ отецъ прїѣхалъ!“ и всѣ уже знали, что готовится спектакль въ бурсацкомъ стилѣ.

Головли учились плоховато и, конечно, баловали какъ слѣдуетъ. Это и вызывало всякій разъ бурю въ душѣ отца, выпивавшаго по случаю прїѣзда лишнее. Сначала свиданіе текло мирно: показывались сапоги безъ подметокъ, штаны, обратившіеся въ одну сплошную прорѣху, и слышалась какая то бесѣда. Но четверть часа, полчаса — и спектакль начинался. Поднималась ругань, попреки, обращенія къ намъ, толпящимся кругомъ ученикамъ. Головли стояли или сидѣли опустивъ голову и безмолвно внимаая строгимъ родительскимъ внушеніямъ. Лицо родителя, между, тѣмъ наливалось кровью, глаза принимали зловѣщій блескъ и скоро отъ словъ онъ переходилъ къ дѣлу. Одна за другой сыпались затрещины, шипки за волосы, хлестанье голенищами, шлепанье штанами то по одному, то по другому. Ребята надувались, пыхтѣли, пятились, не пытаясь защищаться. А отецъ все разъярялся и, наконецъ, доходилъ „до сапоговъ“. Тогда Головли обращались въ бѣгство, а отецъ, какъ будто насладившись и опомнившись, — затихалъ и спектакль кончался.

Кажется, ничто такъ не отражаетъ на себѣ направленія духовной жизни, запросовъ и идеаловъ общества, какъ пѣсня.

И въ этомъ отношеніи на насъ не было никакого вліянія со стороны. Пѣсенный міръ у насъ былъ свой, самобытный.

Конечно, больше всего пѣли церковное, потому что оно было наиболѣе знакомо. Но когда составлялось что нибудь въ родѣ любительскаго хора, то церковное никогда не удавалось; сейчасъ же начинался безобразный крикъ, неистовство басовъ и хоръ распадался на группы, изъ которыхъ каждая оретъ что нибудь свое, стараясь перекричать другую.

Первоклассники любили тянуть грустныя мелодіи изъ уроковъ по пѣнію; онѣ и до сихъ поръ не изгладились у меня изъ памяти: утъ, утъ, ре, ми, ми, фа, ми, ми, ре, утъ; ре, ре, ми, фа, фа, ми, ре, ре, утъ, ре, ми, фа; ми, ми, ре, ми, фа, соль, ми, ми, фа, ре, ре, ми, утъ, утъ...

Изъ пѣсенъ общихъ, пользовавшихся наибольшимъ вниманіемъ, была: „по синимъ волнамъ океана“...—ее любили, кажется, исключительно за тягучую, тоскливую мелодію, — и двѣ арестантскихъ пѣсни. Одну изъ нихъ, за исключеніемъ перваго стиха, очень ужъ нескладнаго, помню всю, отъ начала до конца:

...Стоять два ангела съ мечемъ;
А я, мальчикъ, по заградью
И пошелъ домой чесать.
Бѣгу я день, бѣгу недѣлю,
Вижу край родной страны.
Вотъ теперь меня поймають,
Въ Сибирь—каторгу сошлютъ.
Прощай отецъ, прощай родные,
Прощай милая моя...
Ни ружья, ни острой сабли,
Ничего мнѣ не дадутъ;
А дадутъ стальну лопату,
Руки къ тачкѣ прикують.
И работай, какъ проклятый,
До двѣнадцати часовъ.
А двѣнадцатый часъ пробилъ, —
Арестанту жрать несуть;
Чашку шей, два фунта хлѣба
За рѣшетку подають.
Какъ взглянулъ я въ эту чашку,
Тамъ до сотни червяковъ.
Ложку бросилъ, самъ заплакалъ
И сталъ хлѣбъ сухой жевать.
Арестантъ, вѣдь, не собака, —
Онъ такой же человѣкъ;
Небольшой проступокъ сдѣлалъ,
Они рады уморить!..

Откуда залетѣла къ намъ эта пѣсня, не знаю, но ее пѣли дружнымъ хоромъ и допѣвали до конца.

Еще одну пѣсню могу привести тоже почти цѣликомъ. Но это будетъ жанръ совершенно другого рода.

На Кукуевской, Московской,
 На Ивановской, Петровской,
 На лѣвой рукѣ...
 Тамъ живетъ моя милая,
 Душа—свѣтикъ дорогая,
 Хороша собой.
 Да съ чего же намъ начать
 Красоту ее писать—
 Дай, начну съ волосъ.
 Рыжи волосы сваялись,
 Щеки въ сажѣ обмарались,—
 Вымыться нельзя...
 Ей нельзя, она не хочетъ,
 А сидитъ въ углу хохочетъ:
 Хи! ха! ха! ха! ха!
 Лобъ у ней такой прекрасный,
 Весь въ угряхъ и съ шишкой красной—
 Заносной башмакъ!..
 Губы толсты, носъ большой
 И сопля течетъ вожжей
 У милой моей!
 Разъ меня поцѣловала,
 Меня три дня кряду рвало,
 Недѣлю не ѣлъ.
 На носу еще прибавка—
 Въ три аршина бородавка
 Тянется до ногъ.
 Акулина Ермолавна
 Сбиралася недавно
 Въ Питерь-городокъ.
 Всѣ пожитки собирала,
 Всѣ лохмотья собирала

Себѣ на салопъ.
 Салопъ бархатный, атласный,
 Воротникъ суконный красный—
 Солдатска шинель...

Дальше слѣдовали прибаутки-частушки, съ содержаніемъ самымъ разнообразнымъ и летучимъ. Наконецъ, чтобы вполнѣ очертить весь кругъ художественныхъ образовъ, которые должны были удовлетворять наши эстетическіе запросы и воспитывать художественный вкусъ, я привелъ бы еще одну, двѣ пѣсни, но никакая цензура не можетъ ихъ пропустить.

Иногда залетали къ намъ и культурныя пѣсни, но онѣ какъ то слабо прививались, вѣроятно, потому, что не отвѣчали ни развитію, ни вкусамъ массы учениковъ.

Музыкальныхъ инструментовъ мы не знали никакихъ. Только иногда заводилась какая нибудь „тальянка“. Но взгляды инспекціи на этотъ предметъ не были устойчивы: то гармоника запрещалась, то на эту музыку не обращалось никакого вниманія.

Весь разнообразный, многоголосый ученической гуль постоянно пронизывался одной, уже недѣтской струей,—матершиной. Ругались отборно, виртуозно, съ аппетитомъ и вкусомъ. Можно дивиться, какъ въ этой средѣ всѣ не подчинялись общему тону. Но было много такихъ, которые совершенно не ругались и были идеальными скромницами. Я думаю, здѣсь сыграла свою роль эта крайность въ грубости. Для меня лично училищный тонъ былъ такъ невообразимо новъ и при своей новости дикъ, что у меня такъ и засѣло въ душѣ глубочайшее отвращеніе къ этой грязи, такое отвращеніе, которое сразу же гарантировало меня отъ заразы по крайней мѣрѣ словеснымъ развратомъ. Навѣрно, тоже было и съ другими.

Хочется привести здѣсь одинъ маленькій эпизодъ. Дома, лѣтомъ, пришла какъ то изъ деревни старушка „бабушка

Авдотья". Посадили ее чай пить и за чаемъ она начала рассказывать о всевозможныхъ деревенскихъ страхахъ, — шуткахъ и навожденіяхъ „его“. Я рассказалъ къ случаю о томъ, какъ „онъ“ и у насъ шутить. Мы вѣрили, что если войти въ спальню вечеромъ, во время занятій, или просто послушать у двери, то обязательно что нибудь услышишь. И многіе, дѣйствительно, слыхали — то гдѣ нибудь въ углу нечистая сила коровой мычить, то пѣтухомъ кукарекаетъ, то лаеетъ, то блеетъ. Тутъ былъ частью самогипнозъ, частью обманъ, но мы всѣ (за исключеніемъ немногихъ обманщиковъ) вѣрили, что въ нашихъ спальняхъ, классахъ, чердакахъ живутъ черти и въ нашемъ отсутствіи, по вечерамъ, играютъ. На мои рассказы бабушка возразила: „и, что ты, родима моя, врутъ это!.. Съ чего у васъ нечисти завестись, чай не охальники какіе, ни матернымъ, ни чернымъ словомъ не ругаются... Это, вотъ, въ нашемъ быту“... Я промолчалъ, потому что стыдно было разубѣждать и говорить правду, хотя и не могъ согласиться, что эта „нечисть“ заводится отъ матернаго слова. Но еслибы слѣдствіе дѣйствительно отвѣчало причинѣ, то черти, зародившіеся въ нашей училищной грязи, училище обратили бы прямо въ адъ.

Такъ воспитывались будущіе семинаристы — въ этомъ загонѣ, который почему то назывался училищемъ.

Теперь немного вниманія къ тому, какъ въ этомъ загонѣ питались.

Казенная ѣда распредѣлялась по времени такимъ образомъ. Утромъ въ 7 часовъ молитва и чай. Къ чаю порція чернаго хлѣба (чай — свой). Въ часъ съ половиной — обѣдъ. Потомъ чай съ порціей чернаго же хлѣба и ужинъ въ 8 часовъ.

Вотъ эти то „порціи“ и именно утреннія мнѣ особенно памятны. На ученическомъ языкѣ онѣ звались „порчами“. Представьте себѣ тоненькій тоненькій ломтикъ чернаго хлѣба, который надо съѣсть за чаемъ, и потомъ говѣть до второго часа. Голодные волченята, мы жадно ѣли и эти тошенькія черныя порціи. Только, увы, — больше одной

не давалось. А съ какой завистью мы глядѣли во время молитвы на столъ четверокласниковъ, гдѣ всегда были разложены „горбушки“. Поджаренныя, промасленныя, — онѣ втрое толще и питательнѣй нашихъ убогенькихъ порцій. Однако, и ученикамъ остальныхъ классовъ иногда случалось полакомиться горбушкой — У насъ были заведены дежурства изъ учениковъ четвертаго класса. Дежурный обязанъ былъ будить всѣхъ учениковъ къ молитвѣ (обходя по утрамъ спальни, онъ кричалъ: „эй, вставайте“!.. а уходя, иногда получалъ вдогонку „сапогъ“, посланный какимъ нибудь непріятелемъ) и раскладывать въ столовой порціи, гдѣ и происходила молитва. Обычно горбушекъ оказывалось на 4—5 больше числа четверокласниковъ. И вотъ эти то лишнія горбушки дежурный имѣлъ право положить, кому хочетъ. Конечно, онъ захочетъ положить ихъ тому, съ кѣмъ дружить, а дружить или съ землякомъ, или съ тѣмъ, кто его кормитъ лепешками. Среди учениковъ иногда попадались такіе, которымъ положительно везло на горбушки. Того задобрить, этого прикормить, смотришь, — нынче горбушка, завтра тоже, хоть сухонькая и тошенькая, а все-таки горбушка, не чета простой „порчѣ“. Пріятно было получить горбушку уже потому, что этимъ въ нѣкоторомъ родѣ поднималось достоинство ученика въ глазахъ товарищей. А это не совсѣмъ пустякъ. Поэтому, получить право на горбушку старался каждый и иногда за двѣ-три недѣли до дежурства какого нибудь ученика всѣ горбушки уже были обѣщаны. Можно было купить это право, оно стоило два-три куска сахара (пиленого), да продавалось то оно не всякому, а только тѣмъ, кто стоялъ къ дежурному поближе. И вотъ, задолго узнавалось, кто когда будетъ дежурный, задолго начинаешь бывало, что бы не забыть положить горбушку, а когда приходилъ дежурный будить, то всегда раздавались наряду съ увѣренными голосами: „не забудь положить-то“! и безнадежныя вскрикиванья: „ей, положи горбушечку“!.. Но она клалась, конечно, только избранникамъ, а прочіе довольствовались „порчей“. Для вкуса покрѣпче подсаливали или посыпали сахаромъ.

Иногда порціи въ сухую слишкомъ надоѣдали. Тогда пробирались на кухню, къ плитѣ, — жарить. Подгорѣлый

хлѣбъ, да еще горячій, это — почти горбушка. Впрочемъ, утреннія порціи поджаривать было некогда. Это дѣлалось съ вечерней. Да и то, къ сожалѣнію, удавалось не всегда. Съ служителями кухни у насъ была вѣчная война: то одинъ ученикъ запуститъ руку въ снѣтки, то другой стянетъ горсть кислой капусты и, конечно, столкновение и не одна словесная перебранка. Поварь, хлѣбникъ и простые служителя бивали, случалось, и ухватами, пускали полѣбнями въ когонибудь изъ голодной своры, а чаще всего запирали двери и никакіе удары и толканія не вели ни къ чему. — За то кашей, когда она оставалась, почему то позволялось пользоваться невозбранно (прочіе остатки, за исключеніемъ части, назначавшейся смотрительской коровѣ, шли неизвѣстно куда); ее набирали въ карманы, притаскивали въ классы и ѣли.

Проглотивъ порцію, сѣли за парту, чтобы явиться на обѣдъ во второмъ часу. Можете же себѣ представить, какое урчанье начиналось въ желудкѣ уже на третьемъ урокѣ (всѣхъ четыре). Я теперь самъ дивлюсь своему тогдашнему голодному аппетиту, но помню, когда по утрамъ приходилъ въ училище „косой“ съ булками и можно было на свои деньги купить у него какойнибудь ѣды, я, съѣвъ одинъ пятакъовый бѣлый хлѣбъ, до такой степени раздраживалъ свой аппетитъ, что не въ состояннн былъ утерпѣть, — покупалъ еще хлѣбъ, съѣдалъ его и все-таки не чувствовалъ полного насыщенія. Конечно, черезъ полчаса чувствовалась тяжесть на желудкѣ, самая мысль о ѣдѣ дѣлалась противной, но подрядь могъ бы легко съѣсть и три хлѣба.

Впрочемъ, чтобы самому съѣсть все купленное, надо было куданибудь прятаться. Такъ и дѣлали — прятались, и ѣли изъ кармана, гдѣнибудь въ углу корридора, у клозета, за воротами. Только тѣ, кто умѣлъ въ подобныхъ случаяхъ „отшивать“ пристававшихъ товарищей, ѣли не прячась, въ то время какъ другіе провожали глазами кусокъ за кускомъ, безнадежно пошелкивая голодными зубами.

Понятно, булочникъ не всегда досчитывался пятакъовъ, когда подводилъ итоги дня. Но ему приходилось переживать и нѣчто болѣе неприятное, когда внезапно чьянибудь нога вдругъ ударяла по лотку и все добро рассыпалось на землю.

Сейчасъ же набрасывалась толпа и многіе пряники и калачи нечаянно попадали въ карманы или прятались за пазухой. „Косой“ ругался, усовѣщевалъ, но не жаловался. Видимо, въ общемъ, отъ этихъ покушеній его дѣла страдали не такъ существенно.

Систематическія голодовки не проходили безслѣдно для организма. У меня, помню, къ концу уроковъ не только подводило въ животѣ, но и начинала болѣть голова. Послѣ обѣда боль быстро проходила*. Желудки наши тоже портились порядочно, и не тѣмъ только, что желудку слишкомъ часто и слишкомъ подолгу приходилось пустовать. Можетъ быть, болѣе трудную задачу задавали мы ему своимъ обѣдомъ. Я не могу говорить о доброкачественности пищи. Мясо съ отливомъ всѣхъ цвѣтовъ радуги обычно не только въ училищѣ, но и въ семинаріи. Черви въ супѣ вмѣсто грибовъ и вмѣстѣ съ картошкой тоже вещь слишкомъ обычная. Но намъ некогда было разбирать, какое мясо и много ли червей. Развѣ только каша съ керосиномъ не поддавалась нашему аппетиту. Мы, какъ волки, набрасывались на обѣдъ, не ѣли, а жрали все, что было на столѣ, запивая квасомъ изъ неимовѣрной величины оловянныхъ жбановъ, а желудокъ какъ то ухитрялся справляться со всей этой массой недоваренной, непрожованной пищи, которую мы поглощали. И думается, когда мы потомъ въ семинаріи, страдая несвареніемъ и катарромъ (обычныя болѣзни у семинаристовъ, живущихъ въ общежитіи), жаловались только на семинарскій столъ, да хапанье эконома, мы были не совсѣмъ справедливы.

А какъ мы ѣли, это — курьезно. Столъ — обычный училищный: щи и каша (въ будни), супъ и картошка съ мясомъ (въ праздникъ). Мясо давалось рубленнымъ въ мискахъ съ го-

* Въ духовныхъ училищахъ головныя боли отъ недоѣданія, повидному, очень распространенная болѣзнь. Въ прошломъ году пришлось просмотрѣть мнѣ сочиненія учениковъ одного изъ дух. училищъ Владимірской губ. на тему: „состояніе моего здоровья“. И большая группа учениковъ, какъ будто сговорившись, писала приблизительно такъ: „я чувствую себя хорошо. Только вотъ къ концу уроковъ у меня заболѣваетъ голова. А послѣ обѣда она проходитъ. Я думаю, — это отъ усталости“. Поразпросивъ о питаннн учениковъ, я убѣдился, что ихъ головы болятъ не отъ одной усталости.

рячимъ (миски, тарелки—все оловянное, неимоверно тяжелое, работы еще допотопной). Читалась молитва и моментально поднимался звонъ по всей столовой—бросались ловить въ мискахъ мясо (въ свои тарелки). Иногда не удавалось выловить ни одного кусочка, а вмѣсто мяса попадали только „шкварки“, а шкварокъ мы не ѣли; это куски какого то противнаго сала, которое бросалось въ щи „для навара“. Благоустроенныя „миски“, признававшія за каждымъ равное право на содержимое блюда, вылавливали мясо по командѣ. Каши не подбавлялось. Ее ѣли изъ общей миски и глотали, буквально, не жевавши, а то „обѣдятъ“.

Въ праздники подавалась иногда солонина (конечно, рубленая). А вилокъ не было. И мы ѣли руками.

Въ праздникъ же, къ чаю, вмѣсто вечерней порціи, давались булки изъ пшеничной муки. Онѣ цѣнились у насъ на вѣсъ золота и, бывало, за цѣлый часъ начинали толпиться въ темномъ корридорчикѣ передъ запертыми дверями въ столовую, чтобы вбѣжать, когда пробьетъ звонокъ, поскорѣе и перемѣнить у какого нибудь сосѣда булку: тому поменьше, себѣ побольше. И горе отстающему—у него всегда оказывалась самая миниатюрная булочка. Мѣняла же, пойманный на мѣстѣ, подчинялся необходимости и довольствовался своей булкой, если у него не хватало нахальства сказать: „приходилъ бы раньше, твоя была бы!..“ Лѣтомъ же, когда открывались окна, прыгали въ столовую черезъ окна, чтобы какъ нибудь обмѣнить себѣ булку, и потомъ дежурили у окна, какъ бы кто другой не сдѣлалъ обмѣна, и ругались, когда права собственности попирались на глазахъ собственника. За то всѣ завидовали праздничному дежурному: онъ пользовался булками тѣхъ, кто на праздникъ выбывалъ изъ училища.

Въ столовой стоялъ еще столъ, никогда не накрывавшійся, лишній; это—голодный. Около него всегда стояли нѣсколько человѣкъ, жадно поглядывая на сидѣвшихъ. А для тѣхъ изъ нихъ, у кого поуѣсистой кулаки, мы удѣляли изъ своихъ порцій кашу: ее ссыпали въ картузь и послѣ обѣда кормили голодающаго.

Можетъ быть, на училище отпускалось слишкомъ мало суммъ и поэтому не могли кормить насъ лучше. Но что и

отпускавшееся шло не все по назначенію, это для насъ было ясно. По крайней мѣрѣ про „тухлаго“ мы всѣ знали, что онъ воруетъ. Тухлый (отъ него исходилъ какой то кислый запахъ) это—старикъ, служитель,—что то въ родѣ эконома,—завѣдывавшій провизіей и керосиномъ. Этотъ старикъ вообще былъ доброй души и къ нему можно было ходить по знакомству изрѣдка смазывать свою порцію постнымъ масломъ. Но когда ему не въ мѣру досаждали, напр., тѣмъ же попрошайствомъ, и ученики начинали его дразнить: „тухлый, хранчусь (французъ) тухлый!“.. онъ гонялся за нами съ метлой по училищному корридору и хлесталъ своей грязной керосинной тряпкой... Его безраздѣльное хозяйничанье продолжалось издавна, со времени незапамятныхъ и конецъ ему положилъ тотъ самый надзиратель, который улучшилъ нашъ столъ. Онъ началъ самъ принимать и отпускать провизію, присматривать за кухней; щи стали при немъ вкуснѣе и булки замѣнились пирогами.

Въ этой главкѣ позвольте быть реалистомъ больше, чѣмъ позволяетъ обычная литературная чистоплотность. Этого требуетъ самое существо дѣла.

Сначала зайдемте вмѣстѣ въ училищный ватеръ-клозетъ, по нашему,—сортиръ. Въ старомъ корпусѣ,—спальняхъ и классахъ,—надо сначала пройти черезъ холодный корридорчикъ, а въ новомъ—спуститься по лѣсенкѣ черезъ открытый люкъ въ нижній этажъ, гдѣ стоитъ умывальня; оттуда двѣ двери (рядомъ) ведутъ въ сортиръ. Постороннему человѣку при входѣ лучше заткнуть носъ и, пожалуй, закрыть глаза... Это—маленькая конурка, даже не всегда съ желобками для испражнений. Мочились прямо на полъ. Стѣны смазывались дегтемъ,—но, должно быть, не больше 2—3 разъ въ годъ. Теперь представьте себѣ, какой стоялъ здѣсь удручающій запахъ. Воздухъ былъ до такой степени пропитанъ зловоніемъ, что даже у насъ, учениковъ, садвило въ горлѣ, ѣло глаза, спирало дыханье и никогда не было охоты застаиваться долъ-

ше необходимаго, хотя извѣстно, что для учениковъ всякихъ училищъ любимый сборный пунктъ и своего рода клубъ—это ватеръ-клозетъ. Я иногда имѣлъ храбрость всматриваться въ полъ сортира, и находилъ, что эта слизистая жижа кишмя кишѣла бѣлыми отвратительными червями. Спасибо табакурамъ, они хоть чуть-чуть дезинфецировали эту нестерпимую атмосферу.

Зимой въ сортирахъ было лучше, воздухъ чище. За то на полу намерзало на четверть; тогда приходили служителя и ломомъ сбивали ледъ.

Теперь подумайте, насколько чистъ былъ воздухъ въ нашихъ спальняхъ новаго корпуса, и въ особенности той изъ нихъ, въ которой открытый люкъ велъ въ сортирный этажъ. Моя койка приходилась какъ разъ противъ люка и я цѣлый годъ засыпалъ подъ хлопанье сортирныхъ дверей, а проснувшись ночью, слушалъ, какъ булькали капли воды въ умывальной.

Впрочемъ, блага комфорта въ обоихъ корпусахъ распределялись довольно равномерно. Если въ новомъ клозетѣ портилъ комнатный воздухъ и замѣной этого неудобства являлась сравнительно теплая умывальня, то въ старомъ, при отдаленности клозетовъ отъ спаленъ, была холодная умывальня. Зимой тамъ всегда замерзала вода (ее носили въ резервуаръ ушатами) и мы въ своихъ курточкахъ, съ засученными рукавами, толпились на морозѣ, дожидаясь, пока служитель принесетъ ведро кипятку—оттаивать въ умывальнѣ воду.

Въ учебное время полы никогда не мылись, развѣ только къ прїѣзду архіерея. Къ сожалѣнію, архіерейскіе визиты были слишкомъ рѣдки—не больше раза въ два года. Я помню только одно поломытье, послѣ какой то эпидеміи.

Прибавьте къ этому, что баня для учениковъ была черезъ пятнадцать дней, бѣлье простирывалось какъ нельзя хуже, и вы поймете, что не водиться чесотки въ этихъ условіяхъ было нельзя. Я каждый годъ болѣлъ чесоткой. И всѣ другіе, похудосочнѣй, страдали тѣмъ же. Я живо помню этотъ нестерпимый зудъ въ кожѣ на груди и то наслажденіе, которое давала баня, когда, бывало, мыльной горячей мочалкой

до крови раздираешь чесоточныя болячки. Дней пять послѣ бани чувствуешь ослабленіе зуда, а дальше—зудъ усиливается все больше и больше. На рождествѣ, пасхѣ вылечишься совсѣмъ, а какъ пробылъ въ училищѣ двѣ-три недѣли, опять начиналась чесотка. Мази, понятно, тутъ плохо помогали, хотя нашъ фельдшеръ на нее не скупился.

Но я не знаю, что было противнѣе ощущать,—то ли, что тебя изѣдаетъ чесоточный зудень, или, что тебя ѣдятъ вши. А онѣ изѣдали насъ безошадно дни и ночи. Когда я прїѣзжалъ домой, то едва успѣвалъ обогрѣться, какъ меня заставляли мѣнять бѣлье и отдавалось въ немедленную стирку даже все чистое, но привезенное изъ училища. И это было необходимо, потому что училищная стирка не убивала даже личинокъ.

Обиліе насѣкомыхъ создавало въ училищныхъ стѣнахъ своеобразный идиллическій жанръ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ еще, кромѣ духовнаго училища, можно видѣть такую картинку. Въ большой комнатѣ съ 20—30 койками подъ маленькой коптящей лампочкой собирается кучка мальчугановъ, босикомъ, въ нижнемъ бѣльѣ. Всѣ тянутся ближе къ лампѣ, къ свѣту и начинается работа—избѣненіе насѣкомыхъ. Одинъ копошится въ складкахъ грязнаго ворота, другой атакуетъ врага въ кальсонахъ, третій скинулъ рубашонку и изслѣдуетъ въ ней всѣ шевочки и складочки... Коварный врагъ потрескиваетъ подъ ногтями, а побѣдители весело хохочутъ, изошряются въ остроуміи и считаютъ, у кого больше...

Медленно—тягуче тянулись одинъ за другимъ сѣрые, однообразные училищные дни. Притуплялись чувства, грубѣла душа и только одна свѣтлая звѣздочка горѣла на горизонтѣ, это—день роспуска.

Роспускъ... Милое слово. Какъ пріятно звучало оно для слуха, какія чудныя настроенія пробуждало въ душѣ. Задолго-зadolго начинаешь мечтать и страстно желать этого счастливаго дня, когда, наконецъ, увезутъ тебя изъ постылой

тюрьмы. И все училище охватывает какое-то необычайное оживление. Закоренѣлых кулачниковъ, старичковъ, чуть не заслужившихъ пенсію въ званіи ученика духовнаго училища, — и тѣхъ тянеть домой, вонь изъ этихъ хмурыхъ, холодныхъ стѣнъ.

Каждый день дѣлаются самыя подробныя вычисления, сколько часовъ, минутъ, секундъ осталось до того часа, когда раздадутъ билеты. Наконецъ, — наступаетъ „точка“. Утромъ учениковъ будятъ уже не обычные скучные возгласы: „вставайте, вставайте!“ а оглушительные крики: „точка! точка!..“ А на классныхъ доскахъ всюду съ утра до ночи красуются гигантскія точки, разрисованныя самой искусной рукой. Назавтра разбудить учениковъ уже „ерь точка“ (ъ.) и ь. будетъ красоваться на доскѣ. Такъ до дня распуска будетъ прибывать на доскѣ по буквѣ (съ конца), пока, наконецъ, „оспускъ—ома“, не смѣнится послѣднимъ: „ропускъ—дома!“...

А въ этотъ день мы отдавались прямо какому-то безумію. Съ вечера невозможно было заснуть, — даже и въ томъ случаѣ, если не ждешь темной. Приѣхали къ одному, приѣхали къ другому — это все равно, какъ голодную собаку подразнить костью: она долго не успокоится и будетъ ластиться и тявкать. Такъ и мы, — не могли спать спокойно въ эту ночь. А чуть заснувъ къ полночи, мы всѣ, — и перво-класники и четверокласники, — вскакивали, когда еще не было двухъ часовъ. Это называлось — „заворачивать тюфяки“. Всканивали, наскоро одѣвались и тотчасъ же подъ крики: „ропускъ! ропускъ!..“ заворачивали тюфяки, т.-е. складывали на койкѣ матрацы, подушки, одѣяла или связывали все въ одинъ узелъ (въ одѣяло). Это было священнодѣйствие, которое означало, что наступаетъ ропускъ, торжественный часъ, когда пропадала всякая сонливость, не смотря на глубокую полночь.

Но убить время до молитвы съ двухъ часовъ, — задача, о которой стоило подумать. Однако, объ этомъ не беспокоились и поднимались всѣ, а поднявшись, старались провести такъ эти часы, чтобы получилось, дѣйствительно, что нибудь необычное. И вотъ, начинали всѣ

курить. Даже тотъ, кто ненавидѣлъ табакъ, выпрашивалъ теперь папироску у табакура и просилъ оставить „на разокъ — затянуться“. Но больше всего и охотѣе всего мы, некурильщики, курили чай. Навертывали изъ бумаги цигарки, накладывали чая и курили. Затягивались, кашляли, но курили. Изъ рундуковъ вытаскивали оставшійся сахаръ (а иногда нарочно приберегали его для распуска) и начинали грызть кусокъ за кускомъ. Другіе въ эту ночь пили водку. Потомъ бѣгали, пѣли, вѣрѣе, орали пѣсни, гуляли съ чайными папиросами по морозному воздуху, толпами ходили изъ угла въ уголь, отъ кучки къ кучкѣ, пока, наконецъ, не надоѣдала эта безтолковая сутолка. Тогда покорно ждали молитвы, разсвѣта, иногда прикурнувъ гдѣ нибудь на доскахъ, привалившись къ сложенному матрацу.

Официальный день проходилъ въ томъ же радостномъ возбужденіи, а минуты, когда, наконецъ, получишь билетъ, были минутами невыразимаго счастья (если не омрачались плохими отмѣтками). И все-таки стремишься скорѣе вонь изъ этихъ желтыхъ тюремныхъ стѣнъ, отъ этой шумящей, теперь такъ радостно озабоченной, толпы... Скорѣе домой, въ деревню, въ благословенный, милый родной уголокъ, гдѣ течетъ такая мирная, такая хорошая, свѣтлая жизнь...

Увы, — не всѣмъ въ радостномъ возбужденіи приходилось проводить и этотъ единственный свѣтлый день школьной жизни. День веселья, — онъ былъ и днемъ слезъ. Уже давно начинаютъ грозить силачи тому и другому: „жди распуска!..“ „домни ропускъ!..“ И начинаетъ холодкомъ вѣять отъ этихъ желанныхъ часовъ; ждешь ихъ, а въ сердце забирается томящая жуть: какъ-то пройдетъ этотъ роковой день?! Сводитъ кулачные счета на ропускъ это нашъ исконный обычай и его хранили нерушимо. Если тебѣ грозятъ ропускомъ, если знаешь, что кто нибудь хочетъ съ тобой „расправиться“, ходи съ оглядкой въ эти послѣдніе дни. Тутъ тебѣ сдѣлаютъ темную даже не въ спальнѣ, а накроютъ пальтомъ, когда бѣжишь изъ столовой, и „вздупать“.

Въ спальняхъ же въ канунъ распуска устраивались настоящія избіенія. Жертва безмолвно сидитъ на своей койкѣ или копается въ рундукъ, боясь раздѣваться: въ одежѣ все-

таки не такъ больно. Вдругъ, вѣстникъ злобы — сапогъ... Все затихаетъ. Что-то похожее на жалобу чуть шепчетъ дрожащая жертва. Но моментально невѣдомой рукой гасится лампа и дальше, среди сдавленныхъ воплей, вершится расправа: слышатся глухіе удары, шумъ безсильной борьбы, вскрикиванья и одинокіе возгласы со стороны: „дай отъ меня..!“ „Надбавь еще!..“ Потомъ все затихаетъ и кто билъ — неизвѣстно, (всѣ знаютъ, но всѣ дѣлаютъ видъ, что никто ничего не знаетъ). Раздается въ тишинѣ ругань (для формы) по адресу гасильщика, кто-нибудь чиркаетъ спичку, чтобъ зажечь лампу, а избитый, въ слезахъ, спѣшитъ раздѣться и лечь — подъ косыми и злорадными, и сочувствующими взглядами притворно равнодушныхъ товарищей. Черезъ десять минутъ все шумитъ по обычному, какъ будто ничего не было, а у койки побитаго, нагнувшись; сидитъ какой-нибудь одинокій другъ и шепчетъ безплодныя утѣшенія... Иногда „лупятъ“ двоихъ, троихъ; иногда кто-нибудь одинъ тиранитъ, какъ хочетъ, свою жертву, — при всеобщемъ молчани или одобреніи, издѣвкахъ другихъ.

Но что было лучше, — быть ли избитымъ и потомъ стыдиться глядѣть въ глаза всѣмъ, хотя и чувствовать себя спокойнымъ за свою шкуру, или все время ждать бани, оглядываться и трепетать, — не знаю. Но ждать избіенія даже и тогда, когда уже выдаются билеты (а послѣ выдачи у насъ считалось бить позволительнымъ и безнаказанно), выносить послѣдній узелочекъ изъ корпуса съ трусливой оглядкой, какъ бы изъ-за угла на прощаньи на тебя не набросились съ кулаками — это отвратительное тиранство души и его приходилось испытывать даже самимъ силачамъ, когда и имъ угрожалъ жестокой судь озлобленнаго товарищества. Но за то, какъ отлегнуть отъ сердца, какъ блаженно чувствуешь себя, когда, наконецъ, останется позади этотъ проклятый домъ съ его отравой и ядомъ, когда, наконецъ, выберешься за городъ, гдѣ ужъ не встрѣтишься больше ни съ одной училищной душой, а впереди тебя ждетъ атмосфера любви и тепла, о которой такъ жадно и такъ напрасно мечталось подъ зелеными крышами...

Въ заключеніе расскажу объ одномъ изъ своихъ возвращеній домой послѣ длинной рождественской трети. Это было въ первый годъ моей училищной жизни.

Я былъ такъ радъ и возбужденъ, что не могъ усидѣть на мѣстѣ. Ни чай, ни пирожки не шли въ ротъ. Едва выпивъ чашку, я убѣжалъ въ дѣдушкину спальню, гдѣ была жарко натопленная лежанка. Сестры, маленькая и постарше, увивались вокругъ меня, вѣроятно, еще не совсѣмъ приглядѣвшись къ новому гостю. А я спѣшилъ показать имъ свои училищныя игрушки и блеснуть ими. Я вытащилъ изъ узелочка какую-то бумажную игрушку, кажется, цѣпочку и бумажную гармошку. Дѣдушка пытался со мной заговаривать, но мнѣ было не до него. Я былъ въ какомъ-то упоеніи, дикомъ восторгѣ, что я, наконецъ, дома. Я вскочилъ на лежанку, заигралъ на своей беззвучной гармошкѣ, запрыгалъ и запѣлъ, въ тактъ ударяя ногами, какъ пѣли въ училищѣ наши весельчаки:

Что гармошка не играешь,
Али тон' у тебя нѣтъ,
Что милашка не встрѣчаешь,
Али дома тебя нѣтъ!..

Эхъ ты, милая моя,
Какая тоненькая;
Сдѣлай юбочку на ватѣ —
Будешь ровненькая...

Я былъ въ какомъ-то туманѣ, прыгалъ и пѣлъ въ полномъ самозабвеніи, но вдругъ замѣтилъ, что получилось совсѣмъ не то, что ожидалось. Сестры стояли и не знали, какъ имъ это принять. Онѣ были изумлены и озадачены этой необычайной странностью формы, въ которую вылилась моя радость. И я тотчасъ почувствовалъ, что и куплеты, и ухарская безшабашность, и гармошка это — нелѣпость и умѣстны только въ училищѣ, гдѣ дерутся кулаками и ругаются грязными словами, а не здѣсь, не на дѣдушкиной лежанкѣ, не около сестеръ...

И я почувствовалъ стыдъ, стыдъ, что успѣлъ уже такъ загрязниться, такъ далеко уйти отъ сестеръ въ эти четыре мѣсяца.

И я больше ужъ никогда не вспоминалъ этихъ куплетовъ ..

Училище мы ненавидѣли. Ненавидѣли всѣми силами души. Вѣдь только свинья можетъ полюбить грязь, въ которой она купается. Съ радостью мы оставляли его порогъ и съ отвращеніемъ переступали вновь послѣ каникулъ. Эта ненависть искони жила въ нашихъ сердцахъ и нашла себѣ выраженіе въ поджогахъ. Его поджигали часто, намѣренно, сознательно. Поджигали основательно, хорошо подготовивъ дѣло. Но, конечно, не каждый годъ, потому что не каждый годъ находились такіе герои. Однако, еще въ прошломъ году тамъ совершили поджогъ и заплатились за него нѣсколько учениковъ. Но — наша ненависть была безнадежна, какъ бываетъ безнадежна любовь: послѣ многихъ неудачъ среди насъ сложилось и окрѣпло убѣжденіе, что наше училище не можетъ сгорѣть, не можетъ уничтожиться, какъ его ни поджигай.

И это, должно быть, правда...

Ж. Смирновъ.

Дезорганизованная коллегія.

(изъ наблюдений и замѣтокъ учителя духовнаго училища).

Много было говорено о недостаткахъ духовной школы, но тѣмъ не менѣе они, не смотря на весь вредъ, приносимый ими, обнаруживаютъ удивительную живучесть и только глубже пускаютъ свои корни въ почву. Избитымъ мѣстомъ стало, что педагогическій персоналъ состоитъ изъ лицъ мало подготовленныхъ къ своему дѣлу, и тѣмъ не менѣе не принимается никакихъ мѣръ къ тому, чтобы поднять и улучшить специально педагогическое образованіе преподавателей.

Неоднократно разяснялось, какъ несовершенна учебная и воспитательная система въ нашихъ духовныхъ школахъ, какъ расходятся съ самыми основными требованіями педагоги подборъ и распределеніе учебныхъ предметовъ, и то, что должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ въ порядкѣ изученія, часто стоитъ здѣсь на второмъ. Сколько разъ указывалось на необезпеченное положеніе тружениковъ духовной школы, но потребности растутъ, жизнь съ каждымъ днемъ становится дороже, а педагоги получаютъ за свой тяжелый трудъ столь же мало, какъ и четверть вѣка назадъ. Имъ отказываютъ въ добавочномъ вознагражденіи не только тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ финансахъ, но и тамъ, гдѣ имѣются обильныя средства.

Вотъ уже давно перевалило за двадцать лѣтъ, какъ существуетъ учебный уставъ, которому наши духовныя школы

обязаны своими несовершенствами. Съ каждымъ годомъ число лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ становится въ обществѣ меньше, нужда въ нихъ чувствуется больше и, не смотря на это, съ прежней силой, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, дѣйствуютъ правила, благодаря которымъ въ духовную академію не могутъ поступать многіе юноши изъ числа успѣшно прошедшихъ семинарскій курсъ и даже сдавшихъ пріемные экзамены. Это своего рода избіеніе собственныхъ младенцевъ, прямое гоненіе на образованіе и науку. До какихъ же поръ все это будетъ? И чѣмъ объяснить такое обиліе недостатковъ духовной школы и ихъ необыкновенную живучесть?

Что то, однако, мерцаетъ вдали. Слышатся рѣчи о преобразованіи всего церковнаго строя. Какъ будто уже приступлено къ предварительнымъ работамъ Тамъ и тутъ собираются представители духовенства для обсужденія церковныхъ нуждъ и вопросовъ. Ставятся на ихъ собраніяхъ и вопросы о реформѣ духовной школы. Подъ вліяніемъ новыхъ движеній иныя, одаренныя духомъ инициативы, корпораціи преподавателей печатно заявляютъ о необходимости сѣзда свободно избранныхъ представителей изъ преподавателей духовныхъ училищъ и семинарій Идя навстрѣчу этимъ заявленіямъ, редакция одного академическаго журнала * устали одного изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ приглашаетъ духовныхъ педагоговъ, въ ожиданіи сѣзда, коллективно обсуждать на мѣстѣ, въ предѣлахъ своего заведенія, вопросы о реформѣ духовныхъ школъ, общая дать мѣсто собранному матеріалу на страницахъ своего журнала. Нельзя не принести глубокой благодарности академическому журналу и его дѣятелямъ за это сочувствіе и вниманіе къ преподавателямъ духовныхъ школъ, голосъ и мнѣніе которыхъ такъ мало цѣнятся тѣми, кто стоитъ наверху. Мы увѣрены, что найдутся корпораціи преподавателей училищъ и семинарій, которыя отзовутся на призывъ академическаго журнала къ общей работѣ по улучшенію школьнаго строя. Пожелаемъ этимъ корпораціямъ успѣха въ ихъ трудахъ, сами же позна-

* Богословскій Вѣстникъ.

комимъ читателей, чѣмъ люди живы въ духовной школѣ, что управляетъ ихъ дѣйствіями и какимъ они воздухомъ здѣсь дышать.

Не такъ давно на педагогическія собранія духовныхъ училищъ (и семинарій) были допущены всѣ преподаватели на равныхъ правахъ со всѣми прочими членами. Это симпатичная мѣра. Педагогическое собраніе, заключаая въ себѣ всѣ педагогическія силы заведенія, должно повышать и объединять ихъ энергію и чрезъ то содѣйствовать наилучшему рѣшенію и осуществленію учебно-воспитательныхъ вопросовъ. Казалось бы, что это учрежденіе должно находить полную поддержку со стороны тѣхъ, кто эту поддержку оказать можетъ, и что дѣятельность его будетъ поставлена въ вполнѣ благопріятныя условія. Но на дѣлѣ не то. Именно то собраніе, которое хотѣло бы съ особой энергіей послужить благоустройству школы, встрѣчаетъ на своемъ пути разнаго рода затрудненія. Ему прежде всего не рѣдко приходится расходиться во мнѣніяхъ со своимъ предсѣдателемъ — смотрителемъ (въ семинаріи — ректоромъ) и тутъ то оно узнаетъ, какъ слабъ и мало значителенъ его голосъ. Тоже самое, когда дѣло переходитъ въ слѣдующую инстанцію. Епархіальная власть, на разсмотрѣніе и утвержденіе которой представляются журналы собранія, очень не чужда тенденціи поддерживать одного противъ многихъ и не только тогда, когда на его сторонѣ доводы и факты, но и тогда, когда они говорятъ противъ него. Стремленіе одной власти — большей поддержать другую — меньшую иногда бываетъ слишкомъ замѣтно и не мало вредитъ авторитету той и другой. Бываетъ въ практикѣ педагогическихъ собраній, что одни и тѣже постановленія по однимъ и тѣмъ же вопросамъ съ одинаковыми аргументами, въ одномъ году утверждаются архіереемъ, если на сторонѣ собранія его предсѣдатель, въ другомъ отклоняются, если предсѣдатель оказывается противъ. На совершенно аналогичныхъ по предмету и аргументаціи постановленіяхъ правленій двухъ училищъ по-

лагаются одной и той же архіерейской властью иногда совсѣмъ различныя резолюціи, смотря опять по тому, на чьей сторонѣ голосъ предсѣдателя. Это значитъ, что симпатіи архіерейской власти направляются не въ сторону довода и аргументаціи, а въ сторону личности. И такъ бываетъ не только тогда, когда предсѣдатель собранія соблюдаетъ въ движеніи своего особаго мнѣнія требованія учебнаго устава, но и тогда, когда обходитъ ихъ. Архіереемъ утверждаются и такія мнѣнія предсѣдателя, которыя представляются ему помимо правленія, такъ что послѣднее бываетъ лишено возможности своевременно ознакомиться съ мнѣніемъ предсѣдателя и такъ или иначе отвѣтить на него. Проще говоря, по нѣкоторымъ педагогическимъ дѣламъ и вопросамъ смотритель вовсе не считается съ мнѣніемъ корпораціи и не признаетъ ея существованія, и такой произволь находитъ одобрение и поддержку со стороны архіерейской власти. Послѣдствія этого очень печальны. Члены педагогическаго собранія мало по малу теряютъ вѣру въ разумъ и правду, любовь и расположеніе къ учебно-воспитательнымъ дѣламъ и вопросамъ, опускаютъ руки и теряютъ всякое довѣріе къ своей власти. Тѣ, кто послабѣе, видя, какъ логика и доводъ ничтожны передъ силой, примыкаютъ къ смотрителю и становятся его угодниками и прислужниками. Въ результатъ—въ жизнь учебнаго заведенія чаще и чаще проникаютъ мѣры, обязанныя своимъ происхожденіемъ не уму и знанію, а упрямству и желанію настоять на своемъ.

Понятно, что нормальныя отношенія между педагогическимъ персоналомъ духовнаго учебнаго заведенія и его ближайшимъ начальствомъ, смотрителемъ или ректоромъ, оказываются довольно рѣдкимъ явленіемъ. Обычно они колеблются между плохимъ миромъ и доброй ссорой. Если корпорація преподавателей состоитъ изъ лицъ, цѣнящихъ болѣе всего свой покой и индифферентныхъ къ обще-учебному дѣлу, ея отношенія къ начальству бываютъ равными, хотя рѣдко вполнѣ дружественными. Если же корпорація бываетъ исполнена другого духа, полна энергіи и желанія служить школьному благу, дорожить своими правами, тамъ между ею и начальствомъ скоро создаются несогласія и

отчужденность. Но бываетъ и такъ, что какое бы положеніе ни заняла корпорація, придерживается ли она полного непротивленія или активной политики, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, не бываетъ свободна отъ многихъ неприятностей. Иногда начальство (смотритель) совсѣмъ не допускаетъ, чтобы его сослуживцы могли быть добропорядочными людьми. Оно вѣчно недоволено ими: то находитъ ихъ недостаточно аккуратными въ своемъ дѣлѣ, то слабыми, то строгими въ отношеніи къ ученикамъ, то недостаточно почтительными къ его особѣ, то ему не нравится тонъ ихъ рѣчей, ихъ поведеніе и образъ жизни. У него всегда есть матеріаль и поводъ къ пріятнымъ бесѣдамъ съ учителями.

Иной новый начальникъ не успѣетъ показаться въ заведеніи, какъ уже объявляетъ, что все здѣсь худо и несовершенно. Начинается чистка заведенія. Продѣлывается дверь тамъ, гдѣ была сплошная стѣна, на швейцарѣ появляется сюртукъ со свѣтлыми пуговицами, на лѣстницахъ ковры, въ учительской комнатѣ столъ отъ окна переносится на середину и покрывается сукномъ, въ канцеляріи удваивается число исходящихъ бумагъ, журналы правленія получаютъ новые заголовки сугубо елейнымъ языкомъ. И бѣда тѣмъ, кто усумнится въ пользѣ и значеніи такихъ нововведеній. Ихъ начинаютъ давить и тѣснить и съ помощію свыше выживаютъ вовсе. Природа неистощима въ произведеніи подобнаго типа начальниковъ. Исчезаетъ одинъ, его мѣсто тотчасъ занимаетъ другой, достойный преемникъ перваго. Съ радостью встрѣчаютъ наставники вѣсть о смѣнѣ начальства, надѣясь, что новое сколько нибудь будетъ корректнѣе прежняго, но судьба жестоко казнить ихъ за такія вождѣнія: вмѣсто Соломона имъ дается Ровоамъ. Едвали нужно говорить, что подобныя отношенія между начальствомъ и служащими всего менѣе умѣстны въ школѣ. Тѣ средства, которыми стараются поддержать миръ среди педагогическаго персонала, совершенно неэффективны. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нелады между начальствомъ школы и учащими достигаютъ особенной остроты и дѣлаются извѣстными высшей власти (епископу, учебному комитету), послѣдняя разводитъ враждующихъ. Страдаетъ тотъ, кто послабѣе. Эта филь-

трація педагогического персонала совсѣмъ не достигаетъ своей цѣли. Условія дѣятельности остаются тѣ же и отношенія не могутъ быть иными. Тотъ, кто пострадалъ въ борьбѣ, сохраняетъ недобрыя чувства, куда бы его не послали. Онъ становится лишь мрачнѣе и озлобленнѣе. Необходимо устранять не людей, а то, что ихъ ссорить.

Во всемъ этомъ главнымъ образомъ виноватъ дѣйствующій уставъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Онъ не сдѣлалъ ничего для того, чтобы на важный постъ начальника учебнаго заведенія назначались лица съ хорошими педагогическими способностями и знаніями. Кому открыть доступъ на должность смотрителя или ректора? Сплошь да рядомъ совершеннымъ ничтожествамъ, -- больше всего тѣмъ, кому бабушка ворожить, или тѣмъ, кто облеченъ въ монашескую рясу. Обязанные своимъ назначеніемъ расположенію высокихъ особъ, такіе начальники направляютъ свою энергію не къ тому, чтобы создать и поддерживать добрыя отношенія со своими сослуживцами и дѣлать дѣйствительно полезное дѣло, а къ тому, чтобы сохранить за собой высокое покровительство. Не требуя отъ своихъ избранниковъ на начальническія мѣста особыхъ душевныхъ качествъ, дѣйствующій уставъ взамѣнъ этого облекъ ихъ большой властью. И хотя недавно въ учебный уставъ были введены нѣкоторыя поправки, которыя, повидимому, должны смягчить нѣсколько власть начальниковъ учебныхъ заведеній, тѣмъ не менѣе они продолжаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были и раньше. Смотрителю (или ректору) высшая власть склонна вѣрить уже потому, что онъ смотритель, а въ прочихъ должностныхъ лицахъ она видитъ плебеевъ, съ мнѣніемъ которыхъ не стоитъ и считаться.

Лица, призванныя руководить педагогической корпораціей, жить съ ней подъ одной кровлей, дышать однимъ воздухомъ, ѣсть, можно сказать, изъ одного горшка, должны занимать свой постъ при участіи своихъ сослуживцевъ. Иначе говоря, они должны быть избираемы всей корпораціей наставниковъ, (совмѣстно съ представителями мѣстнаго духовенства). Обязанные своимъ избраніемъ такого рода коллегіи, смотритель и ректоръ будутъ цѣнить преподавателей и видѣть въ нихъ своихъ сотрудниковъ, а не подчиненныхъ только.

Съ своей стороны и преподаватели, избравъ смотрителя или ректора, будутъ смотрѣть на него какъ на близкаго имъ человѣка. На почвѣ этихъ отношеній только и можетъ состояться объединеніе обѣихъ сторонъ, -- правящихъ и управляемыхъ, -- для совмѣстной учебно-воспитательной дѣятельности.

Далѣе, полно аномалій и веденіе такихъ дѣлъ, каково назначеніе, переводъ и другія служебныя движенія преподавателей духовныхъ школъ. Въ дѣлахъ этихъ принимаютъ участіе центральное управленіе по учебной части и епархіальные архіереи. Большинство духовныхъ педагоговъ стоитъ слишкомъ далеко отъ тѣхъ, кто править ими, и навсегда остаются для нихъ неизвѣстной величиной. Когда молодой человѣкъ, только что окончившій духовную академію, пріѣзжаетъ въ учебный комитетъ просить о назначеніи на службу, о немъ знаютъ тамъ, что онъ занимаетъ въ спискахъ кандидатовъ академіи такое то мѣсто, изучалъ такіе то предметы и имѣетъ такую-то отмѣтку по поведенію. Проходя учебную службу, преподаватель не становится болѣе извѣстнымъ учебному управленію. Аккуратно доставляемые списки служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и ихъ формуляры содержатъ одни имена и голыя указанія въ родѣ того, что поступилъ на службу тогда-то, женатъ на той-то. Больше свѣта должны бы проливать на личность и дѣятельность преподавателей отзывы синодскихъ ревизоровъ, посылаемыхъ со специальной миссіей обстоятельно оцѣнить, какъ идетъ учебное дѣло въ училищѣ или семинаріи и каковы качества преподавательскаго персонала. Но если взять во вниманіе, что ревизоры удѣляютъ на знакомство съ каждымъ преподавателемъ 20 -- 30 минутъ, много--часъ, то трудно повѣрить, чтобы ихъ отзывы были обстоятельны и вѣрны. Часто они бываютъ основаны на матеріалѣ, взятомъ изъ вторыхъ рукъ и не совсѣмъ чистыхъ. Сберегая время или по другимъ причинамъ, ревизоръ иногда собираетъ свѣдѣнія о преподавателяхъ отъ того же смотрителя или ректора -- за приятнымъ обѣдомъ. Едва ли много выигрываютъ преподаватели и тогда, если при посредствѣ ревизоровъ пріобрѣтаютъ извѣстность въ административныхъ сферахъ. Въ тѣ пятнадцать--двадцать минутъ,

въ теченіе которыхъ ревизоръ слушаетъ урокъ преподавателя, послѣдній, не привыкшій работать при третьемъ лицѣ, далеко не всегда сумѣетъ проявить должную энергію и находчивость, и вотъ въ отзывѣ о немъ значится: „ведетъ дѣло вяло, сухо, неинтересно“ — аттестация, надолго отнимающая у преподавателя надежду на лучшее будущее. Надо ждать нѣсколько лѣтъ новыхъ двадцати минутъ для свиданія съ ревизоромъ, чтобы поправить допущенную оплошность. А если ревизоръ аттестуетъ преподавателя хорошо, епархіальная власть не придаетъ значенія отзыву, какъ не ею слѣланному. Не лучше бываетъ знакомъ съ учебнымъ заведеніемъ и его персоналомъ и епархіальный архіерей, считающійся начальникомъ всѣхъ заведеній епархіи. Онъ посѣщаетъ семинарію и училища рѣдко и бываетъ здѣсь не долго. Его отношенія къ учебнымъ заведеніямъ — чисто бумажныя, ограничиваются больше чтеніемъ и подписаніемъ протоколовъ. Если онъ найдетъ нужнымъ узнать кого-либо изъ преподавателей поближе, онъ, подобно синодскимъ ревизорамъ, пользуется услугою ближайшаго начальства, которому довѣряетъ вполне. Какъ мутень и сомнителень этотъ первоисточникъ свѣдѣній о преподавателѣ, мы могли уже видѣть. — Къ кому ни обратится искатель назначенія на службу или лучшаго мѣста, онъ всюду оказывается незнакомымъ человѣкомъ и встрѣчаетъ сухой, мало хорошаго общающій пріемъ. Иногда ему предлагать и мѣсто, но изъ такихъ, на которыя не находится охотниковъ. Если же онъ ищетъ чего-либо, болѣе соответствующаго его интересамъ и требованіямъ, его просятъ обычно подождать. Одинъ молодой кандидатъ духовной академіи изъ профессорскихъ стипендіатовъ, южанинъ по происхожденію, былъ назначенъ на дальній сѣверъ. На просьбу его о другомъ, болѣе благопріятномъ назначеніи предсѣдатель учебнаго комитета увѣрялъ его, что онъ положительно потеряетъ, если откажется отъ того, что ему предложено. „Какая это благодатная страна, расхваливалъ онъ сѣверный край: какой тамъ климатъ; зимой въ тридцатиградусный морозъ стоитъ такая тишина, что свѣча свободно горитъ въ воздухѣ“. И отправился бѣдный южанинъ на сѣверъ, на тихій безвѣтренный 30^о-ый морозъ.

Въ послѣдніе годы въ порядкѣ назначенія кандидатовъ академіи на мѣста прямо обнаруживается что то оргическое. Не считаются ни съ чѣмъ, ни съ какими интересами и наклонностями кандидата; стараются заслать каждого куданибудь подальше, въ особенности, если отъ академической инспекціи данъ въ учебный комитетъ не совсѣмъ благопріятный отзывъ. Отказъ идти по назначенію тамъ, наверху, принимаютъ, какъ своего рода бунтъ и потомъ наказываютъ за него тѣмъ, что морятъ безъ мѣста или предлагаютъ гдѣ-нибудь въ самомъ отдаленномъ захолустьи. А если вы вздумаете уйти изъ духовнаго вѣдомства, куда васъ тянетъ: учиться въ университетъ, въ учителя гимназіи, въ министерство, — и захотите получить дипломъ на руки, — вы должны его выкупить, уплативъ въ хозяйственное управленіе при св. Синодѣ нѣсколько сотъ руб. (а иногда до 1500 р.) за содержаніе въ семинаріи и академіи. Закрѣпощеніе, которому, казалось, немѣстно бы существовать въ 20 вѣкѣ.

Распределеніе назначеній на преподавательскія мѣста между нѣсколькими административными органами создаетъ иногда крайне тяжелое положеніе для просителей. Съ ними устраиваютъ иногда прямо какую то игру. Обратится искатель мѣста за содѣйствіемъ къ епархіальной власти, слышитъ отвѣтъ, что эти дѣла ея не касаются: у васъ начальство въ Петербургѣ, туда обращайтесь. Ѣдетъ въ Петербургъ, тамъ увѣряютъ, что и готовы исполнить просьбу, да не могутъ: нужно ходатайство епархіальной власти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе на мѣсто зависитъ отъ епархіальнаго архіерея, преподавателю могло бы помочь доброе слово смотрителя (или ректора). Но чего стоитъ заслужить доброе мнѣніе своего начальства! Какъ разъ тѣ, кто отличается энергіей, самодѣятельностью, и бывають на плохомъ счету у начальства. Надо унижаться, угождать, поддакивать, чтобы прослыть порядочнымъ человѣкомъ и хорошимъ служакой.

Много, повидимому, у преподавателя духовно-учебнаго заведенія путей къ лучшему положенію, но нѣтъ пути праваго. Все зависитъ отъ усмотрѣнія малаго и большого начальства, которое даритъ своимъ вниманіемъ тѣхъ, кто къ ней ближе. А усмотрѣніе до послѣднихъ предѣловъ упрощаетъ

дѣло. Единымъ взмахомъ пера оно уничтожаетъ служебное существованіе одного педагога, замѣняетъ его другимъ и создаетъ третьяго. Насколько въ этой игрѣ соблюдаются интересы лицъ и педагогическаго дѣла—говорить излишне, но нельзя не признать своего рода красоты въ этомъ взмахѣ пера, въ одинъ моментъ опредѣляющемъ судьбу многихъ лицъ. Sic volo, sic jubeo — вотъ принципъ, отъ котораго зависитъ участь духовнаго педагога.

Каковы порядки,—таковы и нравы. Чтобы улучшить свое положеніе или спастись отъ бѣды, воспитатели духовнаго юношества уповаютъ не на свои труды и заслуги, а на нѣчто другое. Какъ въ старину худородный человѣкъ, спасаясь отъ окружавшихъ его невзгодъ, продавался со всѣмъ своимъ животомъ сильному и богатому, такъ и нынѣ люди стараются устроить свое положеніе на милости высокихъ лицъ. Своего рода догматомъ и аксіомой стало, что безъ протекціи нельзя хорошо служить. Жизнь слишкомъ убѣдительно говоритъ объ этомъ. Никакія доблести и заслуги не спасутъ въ критическую минуту того, кто только на нихъ устроилъ свою жизнь. Напротивъ, можно быть ограниченнымъ человѣкомъ, систематически отравлять существованіе всѣмъ, кто стоитъ ниже, допускать всякаго рода нарушенія закона и въ тоже время жить съ комфортомъ, если имѣется то, что выразительно называется сильной рукой. Если такого рода человѣкъ позволитъ себѣ что-нибудь такое, что нетерпимо и въ духовной школѣ, и вызоветъ общія жалобы, его, въ виду его очевидныхъ безобразій, отводятъ, иногда, впрочемъ, на лучшее даже мѣсто, но не прощаютъ все-таки и тѣмъ, кто осмѣлился возбудить дѣло: не въ томъ, такъ въ другомъ находятъ ихъ вину и чинятъ надъ ними судъ и расправу. Этотъ культъ силы внести растлѣніе и мерзость въ учебно-педагогическую среду.

Нѣсколько улучшить порядки, управляющіе судьбой и положеніемъ преподавательскаго персонала духовно-учебныхъ заведеній, могли бы уже слѣдующія мѣры. Если преподавателямъ суждено зависѣть въ своемъ назначеніи и прочихъ служебныхъ движеніяхъ отъ администраціи, то въ ихъ отношенія должны быть внесены ясность и опредѣленность. Разъ навсегда должно покончить съ усмотрѣніемъ. За однимъ лишь

педагогическимъ собраніемъ учебнаго заведенія должно быть оставлено право подавать свой рѣшающій голосъ въ пользу того или иного избраннаго имъ кандидата съ подробнымъ объясненіемъ, почему на немъ остановился выборъ. Педагогическое собраніе заведенія, (въ которомъ должны непременно присутствовать и представители отъ духовенства) долженъ дѣйствовать гласно и открыто. И только въ случаѣ, если правленіе учебнаго заведенія не можетъ найти своего кандидата, дѣло переносится въ центральное управленіе, рѣшенія котораго должны быть мотивированы.

Еще большей осторожности и тщательности требуетъ обсужденіе дѣла о служебныхъ проступкахъ. Самый вопросъ о проступкахъ того или иного лица можетъ ставиться только на основаніи опредѣленныхъ, въ опредѣленномъ порядкѣ представленныхъ, данныхъ, за полной отвѣтственностью касательно ихъ вѣрности того, отъ кого они исходятъ. Никакія заявленія по этому предмету смотрителей, ректоровъ или другихъ лицъ, частнымъ образомъ сдѣланныя, не имѣютъ никакой силы и не могутъ служить основаніемъ какого-либо процесса. Разбирательство дѣла должно производиться лицомъ незаинтересованнымъ въ дѣлѣ и при томъ открыто, въ стѣнахъ того учрежденія, гдѣ служатъ обвиняемый и обвинитель, чтобы всѣ ихъ сослуживцы могли давать свои показанія.

Теперь нѣсколько словъ о помощникѣ смотрителя духовнаго училища и надзирателяхъ. Они не нарушаютъ общаго тона картины. Это—печальныя дѣтища учебнаго устава, поставившаго, повидимому, цѣлью убить все живое въ духовной школѣ. Съ должностью помощника смотрителя соединены весьма неоднородныя функціи. Съ одной стороны, онъ—начальство, раздѣляетъ со смотрителемъ труды по управленію школой, непремѣнный членъ правленія училища и въ качествѣ такового имѣетъ право высказывать свои мнѣнія о благоустройствѣ школы и слѣдить за исполненіемъ закона. Но въ большей степени онъ выглядитъ тѣнью и слугою своего начальства: законъ вмѣняетъ ему въ обязанность во всемъ слѣдовать указаніямъ смотрителя и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отдавать ему отчетъ. Помощникъ призванъ соединить несоединимое: функціи начальствованія и полной подчинен-

ности. Не удивительно, что положеніе его одно изъ неприятныхъ. Задумаетъ онъ сдѣлать что либо по улучшенію школы, онъ рискуетъ вызвать недовольство смотрителя, полагающаго, что инициатива во всемъ, что касается школы, должна исходить отъ него. Исполняя только то, что укажутъ, онъ неминуемо превращается въ своего рода слугу. Какъ бы ни былъ онъ добросовѣстенъ и аккуратенъ, онъ не можетъ быть застрахованъ отъ упрека или косога взгляда своего начальника, ставящаго ему въ вину въ одномъ случаѣ, что онъ дѣйствуетъ помимо его указаній, въ другомъ, что онъ долго ихъ ждетъ. Въ случаѣ ревизіи, какъ бы ни была чиста душа помощника, онъ легко можетъ нарваться на бѣду. Заслуги его могутъ быть приписаны смотрителю, по указаніямъ котораго онъ долженъ дѣйствовать, а опущенія по школѣ могутъ быть отнесены на его счетъ, какъ неумѣлаго исполнителя приказаній начальства. Сдѣлаетъ ли онъ попытку раскрыть укоренившіяся въ школѣ злоупотребленія, его осудятъ, какъ безпокойнаго человѣка, дерзающаго заносить руку на власть; не замѣчаетъ онъ безобразій своего патрона, его могутъ обвинить, какъ соучастника въ нарушеніи закона. На всю почти училищную сферу, повидимому, простирается его дѣятельность и ни въ чемъ онъ не можетъ распорядиться самостоятельно. Чтобы спасти себя отъ неприятностей, помощникъ все же предпочитаетъ больше держаться своего начальства и ему угождать, но въ такомъ случаѣ оказывается вдали отъ преподавательской корпораціи. Человѣкъ энергичный, привыкшій смотрѣть на все своими глазами, въ должности помощника неминуемо разойдется со смотрителемъ, который всегда сумѣетъ одолѣть противника. Вотъ почему на эту должность, хотя съ ней и связаны нѣкоторыя матеріальныя преимущества, идутъ неохотно и главнымъ образомъ тѣ, кто индифферентенъ къ своимъ правамъ и чести. Эта должность неблагодарна и тѣмъ, что не даетъ и того, что сулитъ за мытарства настоящаго въ будущемъ. Хотя помощникъ смотрителя по всѣмъ даннымъ долженъ быть первымъ кандидатомъ на должность послѣдняго, но онъ рѣдко ее получаетъ. Со смотрительскаго мѣста начинаютъ свою карьеру ученые монахи и нерѣдко приходится видѣть посѣ-

дѣвшаго на своей службѣ помощника смотрителя и только что оставившаго школьную скамью монаха смотрителя, полнаго сознанія своихъ правъ и власти и мало понимающаго учебно-воспитательное дѣло. Эти ненормальности въ положеніи помощника смотрителя отзываются какъ на немъ, такъ и на училищѣ. Въ концѣ концовъ, смотритель, въ распоряженіе котораго отданъ его помощникъ, старается свалить на него черновую работу по школѣ, оставляя за собой такъ называемый высшій надзоръ и распоряженія. Помощникъ бываетъ подавленъ работой. Ему надо быть на кухнѣ, въ кладовой и въ погребѣ, слѣдить за правильнымъ расходомъ пищевыхъ матеріаловъ, принимать доставленный товаръ, составлять отчеты и смѣты. Онъ долженъ слѣдить за училищной библіотекой, а чаще всего и быть библіотекаремъ. Сверхъ того, на немъ лежитъ и болѣе серьезная забота—воспитаніе учениковъ и наблюденіе за надзирателями, т. е., ежечасно и ежеминутно ему надо быть съ учениками, постоянно видѣть, знать и направлять слабыя воли довѣренныхъ ему десятковъ и сотенъ дѣтей. Рискованно, говорятъ, ловить разомъ двухъ зайцевъ. Помощникъ смотрителя духовнаго училища вынужденъ гоняться за десятью, и не его вина, если ему часто не удастся поймать и одного.

Еще въ худшемъ положеніи оказываются надзиратели въ духовныхъ училищахъ. Самое имя „надзиратель“ не обѣщаетъ ничего хорошаго. Надзирателямъ мѣсто на шумныхъ улицахъ, гдѣ скапливается народъ и могутъ произойти безпорядки. Въ школѣ приличнѣе быть воспитателямъ. Насколько же надзиратели выполняютъ назначеніе воспитателей? Положеніе ихъ, повидимому, очень удобно для воспитательскихъ функций. На ихъ глазахъ проходитъ почти весь день воспитанниковъ. Съ ними надзиратель спитъ, встаетъ, водитъ ихъ на обѣдъ и ужинъ, не оставляетъ ихъ во время отдыха и вечернихъ занятій. У него, повидимому, всѣ средства сблизиться съ воспитанниками, хорошо изучить ихъ хорошія и дурныя качества и оказывать на ихъ личность доброе вліяніе. Ему постоянно приходится принимать участіе въ событіяхъ ихъ жизни: мирить поссорившихся, утѣшать того, кому часто мерещится родной домъ, отвлекать отъ шалости и неприли-

чія того, кого слишкомъ къ нимъ тянетъ, указать интересныя занятія тому, кого заѣдаетъ скука. Много добра могъ бы сдѣлать надзиратель... Но ужъ такъ устроена духовная школа, что рѣдко кто здѣсь бываетъ въ состояніи исполнить надлежащимъ образомъ свое педагогическое назначеніе.

На должность надзирателей назначаются совсѣмъ молодые люди, только что оставившіе семинарію, почти безъ всякой педагогической подготовки, незнающіе жизни и людей. Они бывають склонны примѣнять къ учащимся тѣ же приемы обращенія, которые когда-то испытали на самихъ себѣ.

Но если бы надзиратель и обладалъ знаніемъ дѣтской души и умѣнемъ оказывать на нее благотворное вліяніе, то онъ не могъ бы использовать своихъ знаній и умѣнья. Онъ почти вовсе лишень самодѣятельности и инициативы. Ему постоянно внушается начальствомъ, чтобы онъ не шель дальше наблюденія за порядкомъ среди учащихся, и о всякихъ, сколько нибудь важныхъ событіяхъ ихъ жизни, такихъ именно, гдѣ онъ самъ бы могъ проявить свой педагогическій тактъ и опытъ, доносилъ начальству для надлежащихъ съ его стороны распоряженій. Онъ долженъ быть своего рода глазами, ушами своего начальства, но и только. За нимъ не признано даже сомнительной цѣны право записывать провинившихся воспитанниковъ въ журналъ. Оказывается, въ этомъ дѣлѣ требуются особенная опытность и тактъ, которыхъ у надзирателя можетъ и не быть, и которыми обладаетъ только болѣе высшее начальство—помощникъ. Дѣло доходитъ до того, что иногда о дѣйствительной шалости и неприличіи воспитанниковъ, если такихъ фактовъ въ журналѣ помѣчено много, надо умалчивать; иногда, напротивъ, во что бы то ни стало надо найти среди учащихся виновника въ какомъ либо проступкѣ, если въ журналѣ графа объ ученическихъ преступленіяхъ выглядит слишкомъ чистой. Все должно имѣть не правдивый, а приличный видъ,—такова точка зрѣнія начальства. Между надзирателями и ихъ начальствомъ, конечно, не ведется бесѣдъ, въ которыхъ бы общими силами освѣщался педагогическій матеріалъ, ежедневно доставляемый школьной жизнью, разрѣшались бы встрѣтившіяся затрудненія и намѣчались бы соотвѣтствующія

мѣропріятія. Начальство предпочитаетъ руководить надзирателями другимъ образомъ: оно составляетъ для нихъ инструкции съ перечнемъ ихъ надзирательскихъ функцій. Средство достаточно негодное. Какъ кандалы для преступника, инструкция только стѣсняетъ его движенія и мысль. Нѣтъ общенія у надзирателей и съ учителями, хотя въ рукахъ тѣхъ и другихъ одни и тѣже дѣти. Входъ въ педагогическія собранія для надзирателя закрытъ, какъ будто онъ не педагогическое лицо. Все сдѣлано для того, чтобы живой чело-вѣкъ превратился въ машину.

Плохо обезпеченный матеріально, не имѣющей возможности оказывать благотворное вліяніе на воспитанниковъ, которые и не цѣнятъ его нисколько, зная его полную безправность, надзиратель при первомъ удобномъ случаѣ бѣжитъ съ постылаго для него мѣста.

Помощникъ смотрителя и надзиратели, какъ лица, призванныя въ сущности исполнять очень важныя педагогическія задачи, должны быть поставлены въ инныя, болѣе благопріятныя условія. Помощникъ смотрителя долженъ быть освобожденъ отъ крѣпостной зависимости отъ смотрителя. У него должно быть свое собственное дѣло, которое онъ могъ бы дѣлать по силѣ своего разумѣнія, не справляясь на каждомъ шагу у другого, то ли и такъ ли онъ дѣлаетъ. Въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ духовныя, гдѣ большая часть воспитанниковъ не покидаетъ школу многіе мѣсяцы, правильная организація воспитательной части не можетъ быть осуществлена безъ участія особой группы педагогическихъ лицъ. Физическое и моральное воспитаніе учащихся и должно быть сферой дѣятельности помощника смотрителя по преимуществу. Отграниченіе его дѣла отъ дѣла смотрителя, нынѣ почти не существующее, сдѣлаетъ невозможнымъ для смотрителя сваливать свои обязанности на чужія плечи, подниметь въ немъ чувство отвѣтственности, а помощника превратить въ живую личность. Онъ перестанетъ на педагогическихъ собраніяхъ только поддакивать, какъ попугай, смотрителю и начнетъ работать самостоятельно.

Надзиратели — эти маленькіе полицейскіе чины въ настоящее время — должны смѣниться лицами съ чисто воспита-

тельскими функціями, съ большей педагогической подготовкой и съ большей самостоятельностью въ веденіи дѣла. Состоя ближайшими сотрудниками помощника смотрителя въ дѣлѣ воспитанія, они должны сообразовать свои дѣйствія со свойствомъ каждаго педологическаго факта, а не съ мнѣніемъ начальства. Они такіе же члены педагогическаго персонала, какъ и другія лица, и должны поддерживать тѣсную связь и обмѣнъ мыслей не только съ помощникомъ смотрителя, но и со всѣми преподавателями, присутствуя на педагогическихъ собраніяхъ на равныхъ правахъ со всѣми другими ихъ членами. А такъ какъ и самая интересная и живая должность не долго удержитъ человѣка, если онъ не будетъ надлежащимъ образомъ защищенъ отъ нужды, то и надзиратели, помимо всего другого, должны быть хорошо обеспечены матеріально.

Бросимъ бѣглый взглядъ на все сказанное нами о духовной школѣ. Это—дурно устроенное зданіе, въ которомъ, за немногими исключеніями, плохо живетъ всѣмъ, кому суждено здѣсь жить. Благодаря крѣпостническому режиму, возвышающему однихъ и обезличивающему другихъ, духовно-педагогическій міръ находится въ состояніи дезорганизации. Въ духовной школѣ можно управлять, подчиняться, заискивать и угождать, пожалуй, устраивать карьеру, но трудно хорошо воспитывать и обучать. И можно ли ожидать, чтобы такая сфера привлекала къ себѣ людей съ сильнымъ умомъ и волей. Талантовъ давно уже нѣтъ въ духовной средѣ. Они убѣгаютъ на сторону, оставляя духовное поприще лицамъ, пріобрѣтающимъ извѣстность только своей борьбой противъ всего, что дорого человѣку, — защитникамъ насилія и гнета.

Кто же выведетъ духовную школу изъ ея печальнаго состоянія? Гдѣ ея друзья и защитники?—Только не въ высшихъ сферахъ. Тамъ существуютъ особыя воззрѣнія на добро и зло, и что внизу считается зломъ, тамъ объявляется добромъ. Онѣ, эти сферы, уже достаточно прилагали энергіи для реформирования духовной школы и пока достигли только одного—привели ее къ полному банкротству.

С. Жлязьминъ.

Воспитаніе въ духовной школѣ.

I.

Всѣ бы пожалы плечами, если кто серьезно сталъ бы доказывать, что культурнаго подъема страны и нравственнаго развитія народа можно достигнуть только однимъ правильнымъ устройствомъ уголовного суда, а между тѣмъ воспитаніе въ современной духовной школѣ всецѣло опирается на своего рода уголовное право въ области педагогики. Вопросы о рѣшающемъ значеніи въ дѣлѣ воспитанія личности воспитателя, его характера и всего нравственнаго облика, о необходимости живого примѣра, нравственнаго воздѣйствія и полного взаимнаго довѣрія между воспитателемъ и питомцемъ, всѣ тѣ выработанныя педагогикой аксіомы, безъ примѣненія которыхъ немислимо никакое правильное воспитаніе, для духовной школы—звукъ пустой и въ лучшемъ случаѣ имѣютъ для нея, такъ сказать, академическое значеніе.

Школьная педагогическая практика, вѣрная завѣтамъ прошлыхъ вѣковъ, до сихъ поръ знаетъ только „надзоръ“, „преступленіе и наказаніе“. „Чаще всего“, пишетъ авторъ одной изъ статей о семинарскомъ воспитаніи*, „практикуется въ нашихъ семинаріяхъ воспитаніе массовое. Оно заключается главнымъ образомъ въ наблюденіи за внѣшнимъ поведеніемъ воспитанниковъ, за исполненіемъ правилъ внѣшней дисциплины, въ устроении и поддержаніи внѣшней благопристой-

* С. „Къ вопросу о постановкѣ дѣла воспитанія въ семинаріяхъ“. Богословскій Вѣстникъ 1905 г. Апрель, стр. 781.

ности и порядка. При этомъ то, что происходитъ внутри воспитанника, въ его душѣ—остается мало извѣстнымъ воспитателю“. Духовная школа создаетъ особый кодексъ правилъ внѣшняго поведенія своихъ питомцевъ, несоблюденіе отдѣльныхъ параграфовъ этой „книги запретовъ“ строго карается и къ надзору и наказанію сводится все воспитаніе. Къ такому воспитанію всего болѣе приложимъ терминъ: „воспитаніе полицейское“, потому что, какъ увидимъ ниже, между общей полиціей и духовно-школьной инспекціей можно не только найти аналогію, но и установить дѣйствительное внутреннее сходство.

Современная духовная школа построена на самомъ строгомъ раздѣленіи труда. Ея преподаватели должны только „преподавать“, каждый свою науку; воспитатели обязаны только „воспитывать“, каждый въ свой дежурный день. Никто не смѣетъ вмѣшаться въ „чужое“ дѣло и всѣ, какъ истые чиновники, должны отбывать свою службу, нарядившись въ мундиры со свѣтлыми пуговицами. Школьная администрація даже въ официальныхъ бумагахъ именуется не „воспитателями“, а семинарскимъ или училищнымъ начальствомъ. Начальство воспитываетъ! Не звучать ли уже эти два слова рѣзкимъ диссонансомъ?

Органами воспитательскаго надзора въ семинаріяхъ являются отчасти ректоръ, инспекторъ, его помощники и надзиратели; въ духовныхъ училищахъ для той же цѣли служатъ: смотритель, помощникъ его и надзиратели. Эта школьная „инспекція“ исчерпываетъ собою весь кругъ духовныхъ воспитателей, хотя извѣстное, правда условное, воспитательное значеніе должны имѣть и учителя, такъ какъ преподаваемые ими науки носятъ въ большинствѣ случаевъ моральный характеръ. Остановимъ сначала вниманіе на органахъ школьнаго надзора, на воспитателяхъ въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Уже самыя названія духовныхъ воспитателей: „инспекторъ“, „надзиратель“, „смотритель“ показываютъ, что лица эти обязаны „надсматривать“, „надзирать“, „смотрѣть“ за своими питомцами. Чтобы ознакомиться ближе со способами и формами „наблюдательной“ дѣятельности духовныхъ педа-

гоговъ, всего лучше прослѣдить отъ утра до вечера „дежурный“ день помощника инспектора семинаріи. Подобнымъ же образомъ проводятъ свои „дежурные дни“ и другіе духовные воспитатели различныхъ наименованій.

Рано утромъ, въ 6 часовъ, звенитъ звонокъ и помощникъ инспектора является въ спальни будить воспитанниковъ. Въ тѣсныхъ, низкихъ спальныхъ комнатахъ стоитъ ужасная, удушающая атмосфера. Быстро проходитъ помощникъ инспектора среди тѣсно составленныхъ коекъ и однообразно выкрикиваетъ: „вставайте, вставайте!“.. Воспитанники лѣнливо поднимаются, умываются и идутъ, по звонку, на молитву. Помощникъ уже тамъ, въ церкви. Онъ слѣдитъ за порядкомъ, наблюдаетъ, чтобы молитва совершалась „благообразно и по чину“, стараясь въ тоже время улучшить минутку и глянуть по классамъ, корридорамъ и укромнымъ мѣстечкамъ съ цѣлью изловить „отгуливающихъ“ молитву. Но изловить ихъ не такъ то легко. Завидѣвъ помощника, они мигомъ разсыпаются во всѣ стороны и забиваются въ такія щели, гдѣ не найдетъ ихъ даже опытный глазъ воспитателя, — „отгуливающіе“ прекрасно знаютъ, что только быстрота рѣзвыхъ, молодыхъ ногъ можетъ спасти ихъ отъ неминуемой „тройки поведенія“. Послѣ молитвы семинаристы шумной, нестройной толпой идутъ пить чай. Помощникъ проходитъ по столовой и затѣмъ отправляется къ себѣ на квартиру. По дорогѣ онъ успѣваетъ сдѣлать внушенія опоздавшимъ на молитву и „пробрать“ кого слѣдуетъ изъ нарушителей семинарскаго порядка. Снова звонокъ,—начинаются уроки. Помощникъ инспектора переходитъ изъ класса въ классъ, „проврѣяетъ“ воспитанниковъ по списку, отмѣчаетъ неявившихся. Пытливымъ взоромъ окидываетъ онъ классныя комнаты и дѣлаетъ дежурнымъ выговоры, если замѣтитъ неисправности. Начинаются „проборки“ за опозданіе въ классъ, за шумъ и громкій разговоръ, за переходъ съ мѣста на мѣсто. Жестоко достается всѣмъ, кто, выражаясь любимыми словами одного педагога, „игнорируетъ конституцію семинарскаго режима“. По классамъ идутъ преподаватели. Помощникъ направляется въ „инспекціонную“ комнату и тамъ заноситъ въ штрафной журналъ фамилии и составъ преступленія замѣченныхъ нарушителей семинарскаго

дисциплины. Помощникъ свободенъ, но свободенъ не на долго. Быстро пробѣгаютъ 45 минутъ урока. Снова переменна, снова „проборки“, болѣе или менѣе продолжительныя и строгія, со внесениемъ въ штрафной журналъ и безъ онаго. Кончились уроки. Воспитанники идутъ обѣдать. Помощникъ въ столовой. Осанисто подходитъ онъ къ „пробному“ столу, съ озабоченнымъ видомъ съѣдаетъ по ложкѣ шей и каши и спѣшитъ наблюдать за порядкомъ. Зорко смотритъ онъ, чтобы въ постный день воспитанникамъ не пронеслась контрабандой каша со „скоромнаго стола“, за которымъ, по предписанію врача, обѣдаютъ слабые воспитанники. Обѣдъ кончается. Съ громомъ и ревомъ, по семинарски—„съ разносомъ“, пропѣта молитва. Помощника обступаютъ воспитанники, желающіе уйти изъ семинаріи. Онъ спрашиваетъ каждого о цѣли отлучки, куда, зачѣмъ, входитъ въ оцѣнку мотивовъ и, если находитъ ихъ недостаточно убѣдительными, безапелляционно налагаетъ свое „veto“. Послѣ обѣда наступаетъ самое глухое время, когда инспекція уходитъ на квартиры и воспитанники предоставлены самимъ себѣ. Но помощникъ инспектора, если онъ только ретивъ и предприимчивъ, не покоенъ. Онъ старается, по возможности, внезапно, войти въ столовую, съ быстротой коршуна налетѣть и „накрыть“ семинаристовъ за картами или въ моментъ истребленія водки. Однако, лишь только замѣтятъ духовные питомцы приближеніе помощника, какъ предупреждающее цыканье перекатывается съ конца на конецъ столовой, всѣ улики моментально исчезаютъ и помощника встрѣчаютъ самыя невинныя физиономіи, которыя однако расплываются въ насмѣшливую улыбку за его спиною. Ушелъ помощникъ... Воспитанники довольны, смѣются, слышатся острия словечки. Наступаютъ вечернія занятія. Снова провѣрка.—„Тише сидите!“.. Не разговаривать!.. Не сходите съ мѣстъ!“.. раздается повсюду голосъ помощника. Онъ важно проходитъ по корридорамъ, милоливо, благосклоннымъ кивкомъ головы, разрѣшаетъ желающимъ „выйти“ изъ класса и мимоходомъ заглядываетъ въ классныя комнаты черезъ стекла дверей. При его приближеніи все затихаетъ, лица каменѣютъ, жизнь останавливается въ своемъ движеніи и снова закипаетъ ключемъ по его уходѣ.

Вторыя вечернія занятія. Утомленные въ продолженіе дня воспитанники не занимаются, разговариваютъ, сходятъ съ мѣстъ, смѣются, шумятъ... Для помощника настаетъ горячая работа,—нужно возстановить нарушенный порядокъ, прочитать цѣлую серію нотацій, записать виновныхъ въ журналъ... Ужинъ... Звонокъ на молитву... Воспитанники идутъ спать. Помощникъ проходитъ по спальнямъ и, утомленный, дѣлаетъ свои послѣдніе выговоры. Семинарія стихаетъ. Помощникъ идетъ по опустѣвшимъ корридорамъ, заглядываетъ во дворъ, въ садъ,—не крадется ли кто изъ семинаріи, но нѣтъ, все тихо и покойно. Помощникъ свободно, облегченно вздыхаетъ. Конченъ тяжелый, трудовой день. За этотъ утомительный день своей „воспитательской“ службы онъ разбитъ физически и нравственно, но что сдѣлалъ онъ, воспитатель, для дѣла воспитанія?—Ничего. Онъ самымъ честнымъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ полицейскія обязанности, но для дѣла воспитанія ввѣренной ему семинаріи не сдѣлалъ ровно ничего... И сдѣлать не могъ. Семинаристы жили своей жизнью, а онъ, какъ мрачная тѣнь, ходилъ среди нихъ, чужой всѣмъ, докучалъ своей тоскливой моралью и однимъ появленіемъ отравлялъ и убивалъ юное веселье, молодую рѣзвость, громкій смѣхъ и разговоръ.

Лучшимъ воспитателемъ, по мнѣнію семинарскихъ воспитанниковъ, является тотъ, кто не исполняетъ своихъ прямыхъ надзирательскихъ обязанностей и сквозь пальцы смотритъ на семинарскіе проступки. Дѣйствительно, такой воспитатель, если и не можетъ считаться воспитателемъ въ собственномъ значеніи этого слова, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ за лучшаго среди воспитателей — полицейскихъ. Но съ другой стороны и „постворство“ воспитанникамъ создаетъ для воспитателя весьма неприятные конфликты съ мѣстными и высшими властями, которыя неуклонно твердятъ одно: „усильте надзоръ“. По этому воспитатели бѣгутъ отъ своей службы. Добрая половина кончающихъ курсъ академіи отказывается отъ назначенія на должности помощника инспектора, не смотря на невыгодныя послѣдствія, связанныя съ подобнымъ отказомъ.

Но за то люди съ полицейскими задатками находятъ въ духовной школѣ благодарную почву для развитія своихъ природныхъ способностей. Здѣсь воспитательская среда часто выдвигаетъ изъ своихъ рядовъ людей, искусившихся въ дѣлѣ сыска и обнаруженія семинарскихъ проступковъ. Устроить облаву на „отгуливающихъ“ молитву, службу, урокъ или бесѣду со старообрядцами, изловить „удирающаго безъ спроса за ворота“, подсмотреть, подслушать разговоръ семинаристовъ, „обнюхать“ заподозрѣннаго въ куреніи табаку или питьѣ водки,—это любимое занятіе довольно многихъ духовныхъ воспитателей. Для нихъ воспитательное дѣло—особый видъ спорта. При исполненіи служебныхъ обязанностей такіе воспитатели переживаютъ всѣ муки и волненія, всѣ благородныя чувства записного охотника, подстерегающаго дикаго звѣря.

Инспекторъ одной многолюдной семинаріи имѣлъ величайшую склонность и прилежаніе къ изловленію воспитанниковъ, возвращавшихся въ семинарію по ночамъ. Съ этой цѣлью онъ иногда надѣвалъ на себя дворницкій тулупъ и въ такомъ нарядѣ садился въ засаду у воротъ семинаріи, на мѣстѣ дворника. Нужно себѣ представить весь ужасъ запоздалаго семинариста, предъ которымъ внезапно выросла фигура „воспитателя!“ Конечно, первый же горькій опытъ побудилъ семинарію лазить черезъ заборъ, такъ какъ теперь воздушный способъ передвиженія являлся и болѣе удобнымъ, и болѣе безопаснымъ. Тогда начальство рѣшило возвысить заборъ чуть ли не до двухъ саженой. Вершину забора украсили гвоздями необыкновенныхъ размѣровъ; ихъ острія, сіяя холоднымъ блескомъ, возносились къ небу. Но воспитательскія надежды видѣть злонравныхъ питомцевъ висящими на гвоздяхъ не оправдались. Семинаристы отогнули гвозди и продолжали совершать свои воздушныя экскурсіи. Инспекторъ замыслилъ тогда нанести неуловимому врагу рѣшительный ударъ въ самое уязвимое мѣсто. Въ семинаріи, ввѣренной его попеченію, спальни воспитанниковъ находятся въ третьемъ этажѣ, куда ведутъ всего двѣ двери. Одну изъ этихъ дверей инспекторъ повелѣлъ запереть наглухо и навсегда, предварительно обивъ ее желѣзомъ для большей

крѣпости. Другую дверь стали запираютъ на ночь изнутри; ключъ отъ нея ввѣрялся особому служителю, ночевавшему у порога. Такимъ образомъ 300—400 воспитанниковъ были заперты кругомъ. Ужасно подумать, что могло бы произойти въ случаѣ пожара въ семинаріи. Растеряйся служитель, вырони ключъ въ общей суматохѣ, вскочивъ со сна, безумный отъ страха, и 400 человѣкъ сгорѣли бы заживо. Но за то начальство было покойно. Ему ввѣрилось, что запоздалые гуляки, посѣтители театровъ и вечеровъ, пожиная злонравія достойные плоды, не найдутъ себѣ ночлега въ стѣнахъ семинаріи. Увы, людямъ свойственно ошибаться, а человѣческой умъ изобрѣтателенъ. Семинаристы стали, во первыхъ, ночевать въ классахъ, постеливъ себѣ пальто и положивъ голову на книги, что, конечно, и прилично людямъ, занятымъ наукой, а во вторыхъ, хранитель ключа, благосклонный отъ природы, началъ отпирать дверь всѣмъ и каждому за самое скромное вознагражденіе, допуская даже и кредитъ. Между тѣмъ воспитательская ревность неудержимо влекла инспектора на новые подвиги. Предъ нимъ, могучая и властная, стала высокая проблема разгадать загадку сфинкса, узнать, о чемъ непринужденно бесѣдуютъ запертые въ спальняхъ духовные питомцы. Г—нъ инспекторъ сталъ часто прогуливаться ночью подъ открытыми окнами семинарскихъ спаленъ. Его воспитательское ухо съ напряженной чуткостью ловило отзвуки семинарскихъ рѣчей и пѣсенъ, чтобы по голосамъ узнать тѣхъ, кто наиболѣе радикально мыслить и выражаетъ свои мысли съ особой экспрессіей. Къ сожалѣнію, ведро воды, „случайно“ вылитое изъ окна на голову этого педагога, побудило его избрать другое мѣсто для ночныхъ прогулокъ. Тотъ же инспекторъ, какъ человѣкъ любознательный, нерѣдко вскрывалъ письма, адресованныя семинаристамъ, и выдавалъ ихъ адресатамъ въ распечатанномъ видѣ, не испытывая, повидимому, и тѣни смущенія. Вскрытіе писемъ онъ считалъ своимъ „правомъ“ на основаніи какого то циркуляра, кажется, мифическаго происхожденія, хотя... возможенъ и такой циркуляръ. Любопытенъ еще одинъ маневръ, къ которому прибѣгалъ этотъ достойный педагогъ съ цѣлью уличить ѣвшихъ постомъ скоромную пищу. Послѣ обѣда инспек-

кторъ демонстративно уходилъ изъ столовой и, когда воспитанники съ разныхъ сторонъ слетались къ „скоромному“ столу доѣдать скоромную кашу, инспекторъ внезапно возвращался и накрывалъ всю стаю славныхъ... Тутъ же, на мѣстѣ преступления, творился судъ и расправа. Судъ былъ правъ и, если не милостивъ, то скоръ.

Можно приводить такіе факты безъ конпа. Каждый воспитанникъ любой семинаріи расскажетъ ихъ цѣлую серію, но и приведенные факты наглядно показываютъ, какъ изобрѣтательны бываютъ духовные воспитатели, которымъ лавры Лекоковъ и другихъ знаменитыхъ сыщиковъ не даютъ покойно спать.

Отношенія начальства къ воспитанникамъ формальны, сухи и официальны. „Пойти къ начальнику и открыть ему то, что смущаетъ въ данную минуту душу, это нѣчто невѣроятное, невысказанное. Еслибы это случилось съ кѣмъ либо, то всѣ товарищи сочли бы такого воспитанника чуть ли не за юродиваго, ненормального“. * Мало того, подобный субъектъ могъ бы своимъ поступкомъ нарушить даже семинарскую дисциплину. Вотъ что говорятъ печатныя „правила поведения для воспитанниковъ Московской Духовной Семинаріи“: „Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній по поводу того или другого требованія или распоряженія наставника, воспитанники *могутъ* обращаться за разъясненіемъ къ наставнику, но не иначе, какъ черезъ надзирателя или черезъ дежурнаго ученика и при томъ по окончаніи урока“. (§ 23).

„Неудовольствія на неисправность по столу воспитанники заявляютъ Инспектору или его помощнику черезъ перваго по алфавиту ученика, сидящаго на извѣстномъ обѣденномъ столѣ“ (§ 36, примѣчаніе I). Слѣдовательно, еще не всякій воспитанникъ имѣетъ право поговорить съ начальствомъ.

Учебный комитетъ при св. Синодѣ сообщаетъ циркулярно слѣдующій, весьма характерный случай. На имя семинарскаго правленія былъ присланъ денежный пакетъ для ученика семинаріи. Правленіе обсудило этотъ рѣдкій казусъ и постано-

* В. Мышцынъ. „О духовныхъ семинаріяхъ. Богословскій Вѣстникъ. 1905 г. Іюль, стр. 658.

вило: „пакетъ возвратитъ отправителю, давъ ему знать, что правленіе не должно быть обременяемо *частными* (?) порученіями, въ родѣ передачи денежныхъ пакетовъ“. *

Невольно вспоминается одна забавная сценка. Послѣ каникуль помощникъ инспектора принудительно сбиралъ добровольныя пожертвованія на ученическую бібліотеку. Онъ снизошелъ даже до шутки и сказалъ одному воспитаннику: „Что же это вы, Вознесенскій, такъ мало даете?.. вы, вѣдь, на „халтурѣ“ пѣли“...

Семинаристы составляли на праздникахъ небольшіе хоры и пѣли въ городскихъ церквяхъ за плату. Такой „ангажментъ“ назывался „халтурой“.

Но что за дивная метаморфоза случилась съ „педагогомъ“, когда черезъ минуту другой воспитанникъ на вопросъ о деньгахъ, вмѣсто стереотипно почтительной фразы, отвѣчалъ ему: „я, В. И., на халтурѣ не пѣлъ.. Денегъ у меня нѣтъ...“

— „Какъ вы смѣете?! Кто вамъ позволилъ?! Дерзости!..“ гремялъ воспитатель, засыпая питомца градомъ краснорѣчія. Семинаристы переглядывались и кусали губы. Такъ неожиданно кончаются рѣдкія попытки сойти съ почвы официальныхъ отношеній, существующихъ между воспитателемъ и питомцами.

Благодаря такой системѣ воспитанія, духовные педагоги оказываютъ свое воздѣйствіе только на одни проступки, на внѣшнее поведение воспитанника, но они положительно безсильны проникнуть вглубь, распространить свое вліяніе на его душу. Подъ инквизиторскимъ взглядомъ воспитателя, ищущаго только „нарушеній“ съ единственной цѣлью наказать за нихъ, питомецъ духовной школы боязливо сжимается и, внѣшнимъ, показнымъ образомъ выполняя требованія начальства, наглухо замыкается отъ него въ своей душевной жизни. Онъ ревниво охраняетъ свой духовный міръ отъ всякихъ посягательствъ со стороны воспитателя. Воспитателямъ не вѣрятъ, ибо воспитанникъ привыкъ всегда ожидать отъ нихъ или выговора, или наказанія и ничего больше. Нака-

* Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1890 годъ № 7, стр. 33—34.

заніе, какъ единственное средство воспитанія! Теперь даже собакъ находятъ возможнымъ дрессировать безъ помощи хлыста, а людей все еще воспитываютъ палкой и только одной палкой. Между тѣмъ учебный комитетъ твердитъ одно: „въ особенности достойна порицанія замѣченная во многихъ мѣстахъ *слабость надзора* (курсивъ подлинника) за поведеніемъ учениковъ семинарій и училищ“. * Для устраненія зла рекомендуется увеличить число воспитателей на „мѣстныхъ средствахъ“. Но напряженность надзора и безъ того достигла зенита, дальше некуда идти и наиболѣе ретивые педагоги входятъ въ область явно недозволенного даже и убогой духовной педагогикой. Въмѣсто энергичной борьбы съ такъ называемымъ „шпіонствомъ“ подобные воспитатели поощряютъ и развиваютъ среди воспитанниковъ этотъ отвратительный видъ доносовъ на своихъ товарищей, глубоко, до костей мозга, развращающій несчастныхъ дѣтей и юношей-доносчиковъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ректоръ одной центральной семинаріи учредилъ при себѣ должность великаго визиря. Онъ проникся глубокимъ довѣріемъ къ семинаристу, только что кончившему курсъ, приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ „надзирателемъ“ и уполномочилъ быть своими „очами и ушами“. Надзиратель сталъ ежедневно докладывать патрону о всѣхъ текущихъ событіяхъ семинарской жизни. Его сообщенія вызывали, безъ всякаго суда и слѣдствія, немедленныя, строгія и рѣшительныя мѣры. Жестокія кары, какъ раскаты грома среди безоблачнаго дня, внезапно гремѣли надъ головами духовныхъ питомцевъ. Всѣ попытки оправдаться и даже узнать, въ чемъ дѣло, были напрасны. „До Бога высоко, до ректора далеко“. Тѣмъ болѣе, что оправданія семинариста еще больше уличаютъ его, ибо, оправдываясь, онъ явно „запирается“, обнаруживаетъ нераскаянность и злую волю. Надзиратель все болѣе и болѣе входилъ въ довѣріе своего господина. Онъ организовалъ дружину семинарскихъ шпіоновъ и сталъ ея шефомъ. Специально для него, за великія заслуги, открыта была новая должность

* Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1903 г. № 22 стр. 72.

„помощника эконома“ съ достойнымъ вознагражденіемъ. Власть великаго визиря была безпредѣльна. Своей высокой, тонкой фигурой онъ, какъ и полагается въ деспотіи, заслонилъ личность о. ректора отъ недовольства подданныхъ. Горе было врагамъ визиря. Стоило только не поклониться ему во время и онъ, огорченный, создавалъ преступленіе, которое непочтительный питомецъ могъ и долженъ былъ совершить. Слѣдовалъ докладъ о желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы о настоящемъ, и дерзкій казнился. Много народа лишилось тогда казеннаго содержанія, многіе томились въ карцерѣ, нѣкоторые были уволены. О мелкихъ наказаніяхъ не стоитъ говорить. Даже преподаватели не безъ опасенія косились на всеильнаго временщика. Чаша терпѣнія, наконецъ, переполнилась, семинаристы заволновались, зашумѣли и, когда бунтъ семинаріи казался уже неминуемымъ, великій визирь палъ, получивъ хорошій приходъ по рекомендаціи ректора. Семинарія стихла.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Составъ семинарской администраціи обновился совершенно, но старыя традиціи не умерли. Въ 1905 году среди семинаристовъ зародилась мысль подать „петицію“. Объ этомъ прознало начальство и, какъ водится, наказало зачинщиковъ. Но семинаристамъ удалось установить тотъ несомнѣнный фактъ, что начальству о петиціи донесъ одинъ изъ ихъ товарищей и они потребовали его увольнения. Время было смутное и ректоръ, опасаясь бунта, счелъ за лучшее вступить въ мирныя переговоры. Не находя возможнымъ прямо удовлетворить просьбу семинаристовъ, онъ, какъ истый дипломатъ, выразилъ надежду, что, быть можетъ, виновникъ инцидента самъ пожелаетъ уйти изъ семинаріи. Тотъ однако не пожелалъ и былъ оставленъ въ семинаріи; но ректоръ счелъ своимъ долгомъ предупредить его, что, оставаясь среди возмущенныхъ товарищей, онъ долженъ рассчитывать уже только на самого себя. Теперь представьте себѣ положеніе этого глубоко несчастнаго юноши—доносчика, молодого, неокрѣпшаго духовно чловѣка. Семинаристы сумѣютъ отомстить ему, это внѣ всякаго сомнѣнія, но кто виноватъ и какова роль воспитателя во всемъ этомъ дѣлѣ? Въмѣсто того, чтобы указать воспитан-

нику на безнравственность какихъ бы то ни было доносовъ, воспитатели воспользовались его услугами и тѣмъ самымъ, такъ сказать, санкціонировали въ глазахъ его нравственную допустимость подобныхъ поступковъ, а затѣмъ, когда обстоятельства круто измѣнились, они выдали его съ головой возмущеннымъ товарищамъ, пилатски умывъ руки.

Въ концѣ 1904 года въ газетѣ „Наши Дни“ былъ оглашенъ удивительный, но не для духовной школы, случай, когда мѣстный архіерей открыто призналъ, что онъ имѣетъ въ семинаріи и пользуется услугами „шпіоновъ“.

— Но вы не беспокойтесь, — утѣшалъ онъ семинаристовъ. — Мы справедливы... Не всѣмъ вѣримъ... скажетъ одинъ, мы спросимъ другого, провѣримъ; а если налжетъ — накажемъ... Да, да... Не беспокойтесь.

Можно ли еще грубѣе исказить, изуродовать, извратить въ самомъ существѣ принципы великаго, отвѣтственнаго дѣла воспитанія!

Нѣкоторые духовные воспитатели, случается, добровольно, съ педагогическими цѣлями, принимаютъ на себя обязанности жандармской полиціи. Такъ лѣтописи многихъ семинарій и училищъ знаютъ не единичные случаи обысковъ. Особенно тщательно ищутъ воспитатели „запрещенныя“ книги, принимая за нихъ всякую книгу не изъ семинарской библиотеки. Для обнаруженія этихъ вредоносныхъ книгъ обыскивается порой рѣшительно вся семинарія и всѣ воспитанники.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что въ духовныхъ училищахъ въ дѣлѣ педагогическаго надзора весьма не мало важную роль играютъ „служителя“, простые чернорабочіе, жалобы и доносы которыхъ принимаются начальствомъ съ особо глубокимъ вниманіемъ. Показаніе одного служителя противъ воспитанниковъ, сколько бы ихъ не было, всегда имѣетъ для училищныхъ властей рѣшающее значеніе.

Даже люди посторонніе привлекаются духовнымъ начальствомъ къ надзору за питомцами духовной школы. Каждый воспитанникъ, возвращаясь съ каникулъ, долженъ представить свидѣтельство о своемъ поведеніи и посѣщеніи храма — отъ мѣстнаго священника или благочиннаго.

Вся эта сложная система надсматриваній и надзираній въ конечномъ результатѣ сводится къ тому, чтобы, выражаясь словами великаго поэта, „изловить и повѣсить“, — изобличить нарушителя школьныхъ запретовъ и наказать его въ возмездіе за содѣянное, ему на пользу, товарищамъ на устрашеніе. Вопросъ о школьныхъ наказаніяхъ, кажется, одинъ наиболѣе хорошо разработанъ въ педагогической практикѣ „господствующей“ школы и разнообразіе наказаній, несомнѣнно, дѣлаетъ честь изобрѣтательности нашихъ патентованныхъ педагоговъ*.

Наказаніе голодомъ хотя и примѣняется въ духовныхъ семинаріяхъ, но сравнительно рѣдко, при нѣкоторыхъ ректорахъ оно и совсѣмъ упраздняется. Однако, духовное училище все еще упорно держится за старую истину: „satis venter non studet libenter“ — сытый желудокъ плохо учится, а потому: „останься безъ чаю, безъ бѣлаго хлѣба, безъ каши, безъ обѣда, безъ ужина!“ ежедневно градомъ расточаются направо и налево и недоѣданіе воспитанниковъ донныи признается за сильно дѣйствующее средство, имѣющее глубоко воспитательное значеніе. Нѣкоторые духовные педагоги, чуждаясь общепринятыхъ формъ наказанія, протряютъ свои самобытные пути и назначаютъ наказанія въ такихъ, напримѣръ, комбинаціяхъ: „останься на три дня безъ булки, на четыре — безъ сахара, на недѣлю безъ гулянья!“..

Въ одномъ духовномъ училищѣ воспитанникамъ на завтракъ полагалась порція чернаго хлѣба съ квасомъ и только въ среду и пятницу они получали маленькіе бѣлые хлѣбцы. Помощникъ смотрителя, самъ по себѣ не злой человекъ, но своеобразно понимавшій дѣло воспитанія, съ цѣлю заставить учениковъ заниматься своимъ предметомъ — катихизисомъ, а слѣдовательно, изъ лучшихъ побужденій, оставлялъ „безъ бѣлаго хлѣба“ неуспѣвающихъ, какими почти всегда являлись одни и тѣже лица. Этотъ злосчастный урокъ катихи-

* Насколько изобрѣтательны въ этомъ отношеніи наши педагоги, достаточно указать хотя бы на такой фактъ: въ одномъ многолюдномъ женскомъ учебномъ заведеніи, состоящемъ при монастырѣ, провинившихся воспитанницъ ставятъ „на поклоны“. Молитва, какъ средство наказанія! Дальше, кажется, некуда идти въ духовно-учебномъ заведеніи.

партахъ кто-то завозился. Воспитатель бросаетъ молниеносный взглядъ на виновника шума.

— Па-адай сюда твои уши, негодяй!..

— Я... это не я...

— Па-ади, па-ди сюда... Уши твои, балбесъ!

— Ступай!..

Въ классѣ водворяется тишина.

II.

Религіозное воспитаніе—предметъ особыхъ попеченій духовно-школьнаго начальства. Оно требуетъ отъ воспитанниковъ неуклоннаго посѣщенія церковныхъ службъ, соблюденія постовъ, церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и стремится привить имъ „благочестивые навыки“. Но все это обставлено такимъ гнетущимъ надзоромъ, такимъ внѣшнимъ принужденіемъ, что они въ корнѣ убиваютъ всякое религіозное чувство.

Посѣщеніе богослуженій обязательно для духовнаго питомца. „Уклоняющійся отъ богослуженія, а равно и неблагоговѣнно присутствующій при ономъ“ подвергается „строгимъ взысканіямъ“. Проступокъ этотъ признается „грубымъ, нетерпимымъ въ духовной школѣ“. И вотъ начальство загоняетъ питомцевъ въ церковь. Чтобы приучить ихъ къ молитвѣ и возбудить религіозныя настроенія, ректора—монахи совершаютъ необыкновенно долгія службы, иногда по четыре и болѣе часовъ. Циркуляры по духовно-учебному вѣдомству запрещаютъ сокращеніе службъ, „рекомендуютъ“ завести „канонарховъ“* и ректора усердствуютъ...

Воспитанники выстраиваются правильными рядами. Всѣ наличныя силы воспитательскаго надзора мобилизуются и съ разныхъ сторонъ семинарскаго храма въ плотную массу воспитанниковъ вперяются очи воспитателей. Они смотрятъ и

* Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1889 г. № 5, стр. 5, 11.

сбоку, и сзади, и даже сверху—съ церковныхъ хоръ. Не дреманое око подъ разными углами пронизываетъ насквозь духовнаго питомца, а онъ, утомленный, съ затекшими, онѣмѣвшими членами, съ тупой болью въ поясницѣ, стоитъ, переступая съ ноги на ногу, не смѣя шевельнуться, обернуться назадъ. Онъ чувствуетъ на своей спинѣ пристальный взглядъ воспитателя, который, скользя по рядамъ, ищетъ „неблагоговѣнно“ стоящихъ и недостаточно усердно кладущихъ поклоны. Этотъ гипнотизирующий взглядъ, кажется, прожигаетъ всю спину и дѣлаетъ положеніе невыносимымъ, ужаснымъ. Очень нерѣдко за долгими семинарскими службами слабыя воспитанники не выдерживаютъ и падаютъ въ обморокъ. Ихъ выносить, а служба продолжается съ прежней торжественностью. Между тѣмъ, за густыми семинарскими рядами идетъ своя жизнь. Заслоненные спинами товарищей отъ взоровъ начальства, семинаристы шепчутся, бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ, съ нетерпѣніемъ ждутъ конца службы. Отъ нечего дѣлать они изучаютъ постороннюю публику. Всякая видная фигура замѣчена. Семинаристы знаютъ всю родословную наиболѣе частыхъ посѣтителей семинарскаго храма; нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣваютъ даже надѣлать и прозвищемъ. О молитвѣ при данныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя молиться по приказу, изъ подъ палки, въ продолженіе четырехъ часовъ. Нельзя свободное духовное общеніе челоуѣка съ Богомъ обращать въ обязательную натуральную повинность. Воспитанникъ стоитъ и проклинаетъ все. Я никогда нигдѣ не слыхалъ болѣе страшныхъ, ужасныхъ проклятій, чѣмъ за семинарской службой. Неудивительно, если семинаристы, со страшнымъ рискомъ „попасться“, съ неминуемой „тройкой поведенія“ въ перспективѣ, все-таки бѣгутъ отъ семинарской службы. „Каждый изъ насъ хорошо помнитъ“, пишетъ въ открытомъ письмѣ ректору семинаріи одинъ священникъ*, „а вамъ, о. ректоръ, въ практикѣ, вѣроятно, встрѣчались такіе факты, что семинаристъ битыхъ два часа отсиживаетъ въ пыльномъ и душномъ шкафу, или даже въ отхожемъ мѣстѣ, лишь бы избавиться отъ обязанности идти

* Омскія епархіальныя вѣдомости 1904 г. № 22.

ко всеночной. Вотъ какъ дѣйствуетъ религіозность, вбиваемая палкой, а не прививаемая свободнымъ развитіемъ духа“!

За послѣдніе десять лѣтъ начальство настоятельно требуетъ, чтобы духовные воспитанники говѣли не дома, а въ школѣ. А между тѣмъ вотъ что пишетъ по этому поводу человѣкъ опытный, смотритель духовнаго училища. „Вѣдь только на бумагѣ хорошо выходитъ, когда заставляютъ учащихся скопомъ проводить время говѣнія... Лично по опыту знаю, — ничего мы не получили и не получаемъ (отъ массоваго говѣнія учениковъ) кромѣ вреда. Стараюсь, болѣю душой, но замѣнить дѣтямъ отца и мать въ это святое время не имѣю никакой возможности“*.

„А вотъ характерная сцена. Первая недѣля великаго поста. Занятій нѣтъ, такъ какъ воспитанники говѣютъ. Кучка семинаристовъ въ столовой играетъ въ карты, — въ три листика. — „Эхъ, не везетъ, братцы, говорить одинъ, вздыхая; сходить исповѣдаться, авось, сыграюсь“... Уходитъ. Минуть черезъ двадцать является снова и съ облегченной совѣстью ставитъ темную“**.

Въ духовной школѣ особо важное религіозно-воспитательное значеніе придается тому, чтобы питомцы участвовали въ пѣніи и чтеніи, прислуживали при богослуженіи. Это важнѣйшее и необходимое воспитательное средство.

За послѣдніе десять лѣтъ духовное начальство особенно увлекается общимъ пѣніемъ всѣхъ воспитанниковъ. Благодаря ему нѣсколько ректоровъ успѣли уже выдвинуться. Каждаго сановнаго посѣтителя спѣшатъ „угостить“ этой новинкой. Но для семинарскихъ пѣвцовъ вся прелесть такого пѣнія заключается только въ „разносѣ“. „Разнести“ — это значитъ совокупить во единомъ кликѣ львиное рыканіе басовъ и тенориную силу многую и возопить гласомъ велимъ такъ, что невольно возникаютъ опасенія за цѣлость семинарскаго зданія. Начальство и гость, слушая, умиляются. Но какое, однако,

* Смотритель духовнаго училища. Недоразумѣніе. Церковный вѣстникъ 1905 г. № 11, стр. 336—337.

** П. Любимовъ. О нашей духовной школѣ. Русское Дѣло“ 1905 года № 10—11, стр. 12.

религіозно-воспитательное значеніе имѣть этотъ оглушительный ревъ шестисотъ голосовъ?

Механическое, дьячковское, церковное чтеніе вошло уже въ пословицу. Точно такъ же читаютъ и семинаристы. Выразительное чтеніе недопустимо въ духовной семинаріи. Циркуляры запрещаютъ читать „невнятно“, а также и „придавать читаемому форму разговорной рѣчи, совершенно несоотвѣтствующую важности предмета“*.

Для прислуживанія при богослуженіи ректорá—монахи набираютъ изъ семинаристовъ цѣлый штатъ пономарей, канонарховъ, регентовъ и другихъ должностныхъ лицъ. Ихъ назначеніе, — содѣйствовать пышности ректорской службы. Сюда требуются наиболѣе ловкіе и миловидные семинаристы; они составляютъ почетную свиту ректора, являются его приближенными и до извѣстной степени довѣренными лицами. При нѣкоторыхъ ректорахъ создается нѣчто, очень смахивающее на дворъ какого-нибудь восточнаго князька. Близость къ „власти“, полулакейская должность ужасно портятъ характеръ этихъ юныхъ служекъ; при льстивости и раболѣзствѣ къ высшимъ, у нихъ появляется какой то надменный тонъ и высокомеріе даже въ отношеніи къ товарищамъ.

Все религіозно-воспитательное воздѣйствіе носитъ удивительно показной, декоративный характеръ. Невольно вспоминается торжественное шествіе въ церковь однаго ректора, большого любителя помпы и красивыхъ процессій. Семинаристы собраны въ храмъ. Въ воздухѣ виситъ глухой гулъ голосовъ. Всѣ въ ожиданіи. Вдругъ раздается звонъ колоколовъ—это значитъ, что ректоръ вышелъ изъ квартиры. Масса воспитанниковъ приходитъ въ движеніе. Слышится усиленный кашель, цыканье, наконецъ, все умолкаетъ. Въ дверяхъ стоитъ на стражѣ „пономарь“. Лишь только ректоръ приближается къ дверямъ, пономарь дѣлаетъ знакъ и храмъ наполняется громоподобными звуками, — вся семинарія поетъ „достойно—входное“. Ректоръ медленно, величаво входитъ, постукивая посохомъ. Подъ громоуханіе семинарскихъ басовъ, онъ идетъ къ амвону, подымается на ступени... Въ это время

* Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1889 г. № 5, стр. 9—10.

въ алтарѣ, стоя задомъ къ престолу, дьяконъ и пономарь выглядываютъ сквозь рѣзбу царскихъ вратъ и держатся каждый за половинку двери. Едва ректоръ приближается къ дверямъ, онѣ, какъ бы сами собою, отворяются и ректоръ входитъ въ алтарь...

Семинарскіе „благочестивые навыки“ выражаются въ различныхъ символическихъ дѣйствіяхъ и знакахъ, которые должны свидѣтельствовать о благочестивой настроенности духовнаго питомца. Сюда относятся всевозможныя цѣлованія рукъ, низкіе поклоны и тому подобное. Одинъ ректоръ семинаріи настоятельно требовалъ, чтобы воспитанники на первой страницѣ своихъ сочиненій, выше заголовка, непременно ставили крестъ. Онъ же, въ силу невѣдомыхъ никому соображеній нравственнаго характера, дѣлалъ строгія внушенія семинаристамъ, тащившимъ на экзаменахъ билетъ не правой, а лѣвой рукой. Эти внѣшнія выраженія благочестивой настроенности духовнаго питомца прививаются исключительно путемъ механическаго принужденія. За ихъ соблюденіемъ строго смотритъ воспитатель. Не поцѣловать руку благословляющую, значить — обнаружить вредное, нетерпимое въ духовной школѣ настроеніе и нажать себѣ массу неприятностей. Начальство требуетъ соблюденія формы и думаетъ, что съ формой само собою придетъ и ея содержаніе. Крестись, клади поклоны и явится молитвенное настроеніе.

Яркій образецъ религіознаго формализма даетъ „гомилетика“, семинарская наука о проповѣди. Хотя наука эта имѣетъ свою спеціальную задачу научить семинариста искусству проповѣдника, но ея приемы и методы характеризуютъ всю систему религіознаго воспитанія духовной школы. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ принятаго въ семинаріяхъ учебника гомилетики прот. Ѳаворова.*

„Проповѣдь бываетъ видимо скудна духомъ спасительности, когда проповѣдникъ не освящаетъ слова достопоклоняемымъ именемъ Господа Иисуса“, т. е. рѣдко упоминаетъ это имя въ своей проповѣди.

* Прот. Н. Ѳаворовъ. Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика. 1897 г. изд. 9, стр. 108.

Имена Иисуса Христа и святыхъ должны произноситься въ одной неизмѣнной формулѣ: „Господь Иисусъ Христосъ, Пресвятая Дѣва Марія, св. Апостоль Павелъ и проч.“. Это послѣднее требованіе должно соблюдаться и въ семинарскихъ сочиненіяхъ.

„Слогъ проповѣдническій долженъ быть повсюду проникнуть слововыраженіями церковно-библейскими, чтобы получить характеръ священный“.

Если рѣчь проповѣдника приближается по внѣшности „къ слову свѣтскому“, „не свято такое слово проповѣдническое. Хотябы въ немъ и ничего не было противнаго смыслу ученія христіанскаго, но ложно такое направленіе духа проповѣдническаго, и проповѣдь подобнаго рода можетъ быть иногда дѣйствительно занимательною и снискать проповѣднику похвалу образованнаго или ученаго человѣка, но никогда не можетъ располагать душу къ христіанскому богомыслію“.

Теперь становится понятнымъ то недовольство, съ которымъ духовное вѣдомство встрѣтило проповѣдь свящ. Петрова. Вѣдь, онъ сбросилъ съ проповѣдническаго слова схоластическую чешую и заговорилъ живымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ, а „проповѣдь подобнаго рода.. никогда не можетъ располагать душу къ христіанскому богомыслію“!

Еще любопытнѣе требованія гомилетики о положеніи проповѣдника на кафедрѣ:

„Неприлично слишкомъ наклоняться къ тому мѣсту, гдѣ положена рукопись проповѣдника, если онъ говоритъ съ помощію рукописи, ни отклоняться назадъ“. „Голову приличнѣе всего держать прямо и, при обращеніи къ той или другой сторонѣ слушателей, обращать ее вмѣстѣ съ цѣлымъ корпусомъ. Неприлично поднимать голову высоко, ни опускать ее низко; еще неприличнѣе трясти ею или дѣлать какія нибудь киванія и пр. Во всѣхъ чертахъ должна выражаться скромность, соединенная съ священною важностію и степенностію“. Какія бы чувства не выражалъ проповѣдникъ, „на лицѣ его не должны отражаться ни суровость, ни особая нѣжность, ни улыбка, ни плачевное расположеніе“, словомъ — полное безстрастіе. „Взоры проповѣдника должны быть постоянно обращены къ слушателямъ... При молитвенномъ обра-

щеніи они естественно подъемятся горѣ, или обращаются къ иконамъ. Можно впрочемъ произносить молитвы, не переѣмая обыкновеннаго положенія головы и всего корпуса: въ такомъ случаѣ взоръ никуда не обращается, но, вмѣстѣ съ мыслию и чувствомъ проповѣдника, какъ бы сосредоточивается въ немъ самомъ“.

Какъ видите, гомилетика довольно основательно пеленаетъ мысль и тѣло проповѣдника, прежде чѣмъ выпустить его на кафедру. Но какимъ уродцемъ долженъ быть человѣкъ, добросовѣстно усвоившій и соблюдающій всѣ эти проповѣдническія приличія!

Семинаристъ живетъ въ мѣрѣ формъ и схемъ, которымъ придается религіозное значеніе. Его окружаютъ декорации; среди нихъ и самъ онъ играетъ роль статиста. Начальство считаетъ себя удовлетвореннымъ, когда питомецъ обнаруживаетъ „благочестивые навыки“, но оно забываетъ, что разъ извѣстныя дѣйствія становятся привычными, они все больше и больше перестаютъ быть сознательными, а сознательность въ религіи все. Семинаристъ привыкаетъ. Онъ привыкаетъ съ тоскливымъ чувствомъ являться въ церковь, гдѣ ежедневно приходится проводить самое неприятное и скучное время, такъ какъ здѣсь воспитательскій надзоръ достигаетъ высшаго напряженія. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, нужно остерегаться, чтобы не „влетѣть“, не „попасться“ начальству. И бывшее дѣтское благоговѣніе къ храму исчезаетъ.

Семинаристъ привыкаетъ къ „тексту“ и текстъ постоянно у него на языкѣ. Текстомъ онъ подтвердитъ и докажетъ, что угодно. Даже крѣпкое словцо иногда причудливо сплетается съ текстомъ. Въ одной семинаріи велась шутливая, но горячая полемика между „живущими“ и „приходящими“ воспитанниками. Живущіе жили въ общежитіи, приходящіе— въ городѣ. Доказывая свое превосходство надъ приходящими, живущіе сылались на текстъ св. Писанія: „мы же, живущіе, воскреснемъ первѣе, потомъ же и вси“, т. е., комментировали они, мы, живущіе, при кончинѣ міра воскреснемъ раньше васъ, приходящихъ.

Даже въ мифахъ и сагахъ о легендарныхъ семинарскихъ подвигахъ сплошь и рядомъ фигурируетъ текстъ. Вотъ одна

героическая повѣсть. Семинаристъ, перелѣзая черезъ заборъ, усѣлся на немъ верхомъ и вдругъ почувствовалъ, что кто-то держитъ его за ногу. Въ ужасѣ слышитъ онъ голосъ педагога: „да не преткнеша о камень ногу твою“. Семинаристъ натужился, однимъ взмахомъ выдернулъ ногу изъ рукъ педагога и, скатившись съ забора, отвѣтилъ: „ять бысть, но не удержанъ“. Сказалъ и потонулъ во мракѣ ночи... На стѣнѣ семинарскаго карцера рука скучающаго узника чертитъ церковный стихъ: „изведи изъ темницы душу мою“.

Словомъ, въ духовной семинаріи „текстъ“—такая же ходовая вещь, какъ мелкая разѣнная монета.

Принудительная молитва и поднадзорное благочестіе часто вытравляютъ въ духовномъ питомцѣ и то религіозное чувство, которое приноситъ онъ въ школу изъ родной семьи. „Никто такъ легко и порой такъ кощунственно не относится къ религіи и религіознымъ предметамъ, какъ семинаристъ. Онъ молится въ храмѣ и въ томъ-же храмѣ онъ способенъ произносить даже циничныя слова. Онъ изучаетъ библію—эта книга является основой всѣхъ ея наукъ, но каково отношеніе къ этой книгѣ? Зачастую она просто лежитъ на полу подъ партой, тамъ, гдѣ помѣщаются ноги ученика. Нѣкоторые-же изъ раздраженныхъ юношей даютъ ей и еще болѣе недостойное употребленіе“*.

„Покойный Владиміръ Соловьевъ, этотъ пламенно вѣрующій первый нашъ философъ, давно уже написалъ, что въ Россіи самыя ожесточенныя атеисты выходятъ изъ духовной школы. И это, къ сожалѣнію, горькая правда. Я знаю случаи, когда семинаристы, окончившіе курсъ, съ ненавистью разрывали на клочки библію и, какъ дикіе, топтали ногами святые страницы. Всѣ близко знакомые съ внутренней жизнью семинаріи могутъ привести сотни такихъ кощунствъ, отъ которыхъ у свѣжаго человѣка волосы станутъ дыбомъ“**.

Исходя изъ монашескихъ, узко аскетическихъ взглядовъ, многіе духовные педагоги враждебно относятся къ радостямъ

* П. Любимовъ. О нашей духовной школѣ. Русское Дѣло 1905 г. № 10—11. стр. 12.

** Св. Петровъ. Семинарщина. Русское Слово 1905 г. № 244.

міра, къ свѣтскимъ увеселеніямъ и развлеченіямъ. Даже семинарскій ученическій оркестръ, заведенный однимъ ректоромъ, упраздняется другимъ и, какъ фениксъ изъ пепла, возрождается при третьемъ.

Театръ находится на особомъ подозрѣніи въ духовной школѣ. Многіе семинарскіе наставники считаютъ посѣщеніе театра несогласнымъ съ христіанской этикой. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, вся артиллерія московскаго журнала „Вѣра и Церковь“ разстрѣливала шимозами прот. Свѣтлова, дерзнувшаго выступить на защиту театра съ христіанской точки зрѣнія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ духовныя власти въ Перми отказались служить молебень при открытіи новаго театра. Неудивительно поэтому, если многіе ректора воспрещаютъ семинаристамъ посѣщеніе театра. Въ одной семинаріи въ царскіе дни воспитанникамъ присылали бесплатные билеты на спектакли для учащихся, на которыхъ обыкновенно ставились пьесы классическаго репертуара. Ректоръ возвращалъ обратно эти билеты. Онъ стоялъ на стражѣ и охранялъ семинарію отъ зрѣлищъ, губительныхъ для нравственнаго чувства. Ректоръ, конечно, не зналъ, что въ тотъ же вечеръ его питомцы сидѣли на галеркѣ и съ живымъ интересомъ слушали оперетку, а на утро опереточные мотивы неслись по всей семинаріи.

Правда, въ духовную школу попадаютъ иногда „либералы“, болѣе терпимые люди; они допускаютъ въ стѣнахъ семинаріи музыкально-вокальные и литературные вечера, сквозь пальцы смотрятъ на посѣщеніе семинаристами театра. Но стоитъ во главѣ семинаріи появиться новому ректору и весь наносный либерализмъ упраздняется. Грѣховнымъ развлеченіямъ объявляется война. Отрицаніе міра и мірскаго выражается даже въ мелочахъ. Нѣкоторые ректора не отпускаютъ семинаристовъ, если тѣ просятъ на свадьбу къ своимъ роднымъ. Въ такихъ случаяхъ духовные питомцы говорятъ, не краснѣя, что у нихъ „бабушка умерла“, или „дядя внезапно заболѣлъ“, или еще что нибудь, но истинная причина отлучки тщательно скрывается. О, если-бы всѣ бабушки и тетки, перехороненныя семинаристами вдругъ вос-

кресли, онѣ заполнили бы всю землю! Одинъ инспекторъ семинаріи тщательно слѣдилъ, чтобы семинаристы не танцевали.

III.

Семинарія закрытое учебное заведеніе. Поэтому принимаются всѣ мѣры, „чтобы ни одна душа не перешла за эту грань .. чтобы заяцъ не прибѣжалъ .. чтобы воронъ не прилеталъ“... въ это темное царство. Духовное начальство ставитъ своей задачей совершенно изолировать духовныхъ питомцевъ отъ внѣшней жизни. Его заботы начинаются издалека. Оно не только „пресѣкаетъ“ тлетворныя вліянія, но и стремится „предупредить“ возможность занесенія въ школу „порочныхъ наклонностей и грубыхъ нравовъ“, * какими по мнѣнію духовныхъ властей, отличаются „иносословные“ ученики. Цѣлая туча циркуляровъ пытается загородить дорогу въ духовную школу лицамъ недуховнаго сословія, хотя одинъ изъ подобныхъ циркуляровъ не можетъ не сознаться, „что принятіе чрезвычайныхъ мѣръ къ ограниченію доступа инносословнымъ было бы не согласно ни съ требованіями справедливости, такъ какъ духовно-учебныя заведенія содержатся на церковныя средства, составляющіяся изъ приношеній прихожанъ, ни съ требованіями Высочайше утвержденныхъ уставовъ сихъ заведеній“.** Тѣмъ не менѣе, мѣры не столь „чрезвычайныя“ принимаются и успѣшно устраняютъ почти всякую фактическую возможность инносословнымъ поступать въ духовную школу.

Въ 1900 году вышелъ знаменитый циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству, предписавшій принимать въ духовныя училища по экзамену сначала дѣтей духовенства, а затѣмъ, *если останутся свободныя вакансии*, также по экзамену принимать инносословныхъ, „не свыше однако 10% всего количества поступающихъ въ училище“ ***.

* Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1893 г. № 13, стр. 7.

** Тоже, стр. 8.

*** Циркуляръ по духовно-учеб. вѣд. 1900 г. № 20 стр. 9—10.

Послѣ этого инословному, разумѣется, нужно обладать большой дозой оптимизма, чтобы въ нашъ вѣкъ ученическихъ конкурсовъ рассчитывать на свободныя вакансіи въ духовномъ училищѣ.

Но могутъ быть и свободныя вакансіи, инословный можетъ блистательно, на всѣ пятерки, выдержать вступительный экзамень, тѣмъ не менѣе это не обезпечиваетъ его поступленія въ духовную школу. Здѣсь „особое предпочтеніе“ дается „тѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ, которые получили подготовку въ церковно-приходской школѣ и представили къ тому же одобрительные отзывы отъ завѣдующаго школой священника и учителя“. Мало того, родители инословнаго должны быть готовы къ стремительному натиску духовно-учебнаго начальства, которое обязано „разъяснить имъ цѣль и назначеніе духовно-учебныхъ заведеній,—приготовлять дѣтей къ служенію православной церкви“*. Послѣдній циркуляръ о разъясненіи того, что ясно само по себѣ, очевидно, имѣетъ глубокое духовное сродство съ знаменитымъ циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“, такъ какъ учебный комитетъ авторитетно разъясняетъ, что всѣ ограничительныя мѣры относительно приема инословныхъ въ духовныя школы имѣютъ въ виду „оградить означенныя заведенія отъ наплыва въ оныя неблаговоспитанныхъ и нерасположенныхъ къ духовному образованію дѣтей преимущественно изъ низшихъ классовъ“**. Училищное начальство, принимая инословныхъ, обязано „соблюдать осторожность“. Ему рекомендуется „для сего собирать свѣдѣнія о семейномъ положеніи учениковъ, ищущихъ поступленія въ училище, т. е., каковы нравственныя качества и направленіе семействъ, изъ которыхъ происходятъ ученики“***.

Но вотъ инословный въ школѣ. Однако, жизненный путь его не осыпанъ розами, онъ всюду натывается только на тернія и острия колючки. Начальству вмѣнено въ „особую обязанность“ тщательно наблюдать за инословными учени-

* Тоже 1900 г., № 20, стр. 9—10.

** Тоже 1903 г., № 22, стр. 16.

*** Тоже 1893 г., № 13, стр. 8.

ками и „обличенныхъ въ неблагоповеденіи подвергать мѣрамъ педагогическаго исправленія“, а „замѣченныхъ во вредномъ вліяніи на товарищей немедленно увольнять изъ училища“*. „Особая осторожность“ соблюдается и „при удостоеніи инословныхъ учениковъ перевода въ духовную семинарію“**. Училищныя правленія сообщаютъ семинарскому начальству свои „заключенія о религіозно-нравственномъ направленіи“ каждаго изъ этихъ поднадзорныхъ учениковъ. Смотрителю училища „вмѣнено въ обязанность“ „разъяснить“ имъ при окончаніи курса, „что поступать въ семинарію долженъ только тотъ изъ нихъ, кто имѣетъ призваніе и желаетъ готовиться къ служенію православной церкви“. О своемъ желаніи и призваніи инословные подаютъ особое письменное заявленіе въ правленіе семинаріи***.

Наконецъ, еще одинъ циркуляръ. Онъ требуетъ; „чтобы семинарскія правленія предоставленнымъ имъ, по Высочайше утвержденному 26 іюня 1891 года опредѣленію св. Синода, правомъ освобождать отъ установленной платы за обученіе бѣднѣйшихъ изъ инословныхъ воспитанниковъ пользовались только въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія каждаго разъ епархіальнаго преосвященнаго“****. Предъ нами, такимъ образомъ, старая, но вѣчно новая коллизія между закономъ и циркуляромъ. Циркуляръ выходитъ изъ нея торжествующимъ побѣдителемъ, а законъ скромно отходитъ къ сторонѣ, смиренно ожидая, когда предоставленное имъ право осуществится въ жизни въ видѣ рѣдкаго исключенія по особому на каждый разъ соизволенію администраціи.

Духовное начальство объясняетъ всѣ эти не столь „чрезвычайныя“ мѣры тѣмъ, что „большая часть инословныхъ выбываетъ изъ семинаріи прежде окончанія семинарскаго курса (!), а окончившіе курсъ рѣдко стремятся къ поступленію въ духовное званіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ „инословные ученики нерѣдко приносятъ въ духовно-учебныя заведенія

* Тамъ же стр. 8—9.

** Тоже 1900 г., № 20, стр. 10.

*** Тоже 1893 г., № 13, стр. 8—9 и 1900 г., № 20, стр. 10.

**** Циркуляръ по дух.-учеб. вѣд. 1900 г., № 20, стр. 9.

грубые нравы и недоброе религиозно-нравственное направление“*.

Такимъ образомъ, цѣлая система проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ препятствуетъ лицамъ недуховнаго сословія поступать въ духовную школу. Еще болѣе сложныя фортификаціонныя сооруженія, — рвы и каменные стѣны съ желѣзными воротами, ограждаютъ духовнаго питомца отъ внѣшней жизни.

Духовному воспитаннику запрещается чтеніе газетъ, журналовъ и неодобренныхъ семинарскимъ начальствомъ книгъ. Изъ числа разрѣшенныхъ всѣми цензурами, одобренныхъ всѣми комитетами, внесенныхъ во всѣ „благонадежныя“ каталоги, семинарскіе наставники, по строгому выбору, имѣя въ виду взгляды наличныхъ властей, составляютъ списокъ предполагаемыхъ къ выпискѣ книгъ. Этотъ стерилизованный списокъ, замѣтно сокращенный благодаря просвѣщенному вниманію отца ректора, восходитъ на утвержденіе мѣстнаго архіерея, который, утверждая его, опять и опять сокращаетъ. Послѣ тройной дезинфекціи книга, наконецъ, приобрѣтена, но она во всякій моментъ можетъ быть изъята изъ обращенія. „По какой то странной традиціи, до начала которой трудно добраться“, пишетъ ректоръ семинаріи, „запрещенными числятся всѣ наши беллетристы — классики, не говоря уже о позднѣйшихъ художественныхъ писателяхъ. Въ одной семинаріи они были запрещены на основаніи такого замѣчанія въ отчетѣ ревизора: въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ ученической бібліотекѣ есть какія книги, какъ, напр., „Записки

* „Кромѣ того“, продолжаетъ циркуляръ, „умноженіе учениковъ, во всякомъ случаѣ увеличивающее воспитательныя заботы по ученію и надзору, становится нѣрѣдко несоотвѣтственнымъ со штатными средствами заведеній и побуждаетъ епархіальныя начальства къ ходатайствамъ о расширеніи и перестройкѣ самыхъ зданій на средства св. Синода и мѣстнаго духовенства, а отъ платы же за обученіе иннословныхъ учениковъ въ семинаріяхъ выручается сравнительно ничтожная сумма“. Циркуляръ по духов. учеб. вѣдом. 1900 г. № 20 стр. 8. Нужно замѣтить, что „иннословные“ платятъ за свое обученіе значительно больше, чѣмъ ихъ „духовные“ товарищи.

изъ мертваго дома“. На этомъ основаніи только и былъ изъятъ весь Достоевскій, а съ нимъ и остальные классики“*.

„Я знаю одного товарища, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ исключили за чтеніе Достоевскаго“, утверждаетъ „семинаристъ VI класса“***.

По словамъ свящ. М. Протопопова, „его товарища за чтеніе Бѣлинскаго исключили изъ семинаріи. Другого за чтеніе романа Сенкевича „Два брата“ гноили цѣлую недѣлю въ карцерѣ; первое отдѣленіе 2-го класса чуть не подвергли децимаціи (исключенію одного изъ десяти) за то, что въ складчину выписали газету („Московскія Вѣдомости“) и т. д. Все это происходило менѣе десяти лѣтъ назадъ“****.

„Меня лично“, сообщаетъ студентъ духовной семинаріи, „въ 1895 году по одному подозрѣнію въ чтеніи „Плодовъ просвѣщенія“ (книги этой у меня ни инспекторъ, ни его помощники не видѣли и при обыскѣ не обрѣли) подвергли слѣдующему наказанію: 29-ти часовое пребываніе на хлѣбѣ и водѣ въ такъ называемомъ темномъ карцерѣ“****.

А. Лебедевъ, бывший питомецъ Владимірской духовной семинаріи, сообщаетъ цѣлый мартирологъ. Ученикъ пятаго класса былъ уволенъ за чтеніе „Русской Мысли“. Другой, III класса, долженъ былъ уйти изъ семинаріи за то, что даль товарищу почитать Добролюбова. Третій, IV класса, принужденъ былъ бѣжать изъ семинаріи, такъ какъ „попался“ въ чтеніи книги Ланге „Рабочій вопросъ“. „Мнѣ, наконецъ“, пишетъ г. Лебедевъ, „ректоръ, замѣтивъ, что я читалъ „Новъ“ Тургенева на нѣмецкомъ языкѣ, сказалъ: „Ахъ, г. Лебедевъ, если вамъ суждено сбиться, такъ вы еще успѣете сбиться“****.

„Шесть лѣтъ назадъ“, вспоминаетъ студентъ духовной семинаріи, „инспекторъ отобралъ, какъ недозволенное, „Слово о полку Игоревѣ“. На заявленіе потерпѣвшаго, что этотъ литературный памятникъ изучается нами по исторіи русской литературы въ настоящее время (дѣло было передъ урокомъ

* „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1905 года, 14 марта.

** „Наша Жизнь“ 1905 года № 133.

*** „С.-Петербургскія Вѣдомости“.

**** „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1901 г. Май.

***** То же 1901 года, 22 мая, № 137.

литературы), со стороны инспектора послѣдовалъ краткій отвѣтъ: „останься безъ объѣда“!

Сценка съ натуры. Маленькій діалогъ въ семинарской бібліотекѣ.

— В. И., позвольте мнѣ сочиненія Некрасова. .

— Нѣтъ и не имѣемъ права имѣть.

— Почему же, В. И. ?

— Прошу со мной не разговаривать, не ваше дѣло разсуждать!

„Въ семинаріи, близкой къ Петербургу“, по словамъ педагога духовной школы, „среди учениковъ зародилась идея имѣть свою маленькую читальню, гдѣ можно было бы просматривать нѣкоторые, по выбору семинарскаго начальства, современные газеты и журналы. Почти вся корпорація семинарскихъ учителей отнеслась сочувственно къ затѣѣ учениковъ; но нашлись „человѣки въ футлярѣ“, которые представили мѣстному архіерею, какъ главному начальнику духовно-учебныхъ заведеній въ губерніи „особое мнѣніе“ со ссылками на архаическіе циркуляры, запрещающіе ученикамъ чтеніе періодическихъ изданій, и архіерей не разрѣшилъ устройство читальни“***.

Слѣдовательно, по буквѣ закона, семинаристъ не можетъ читать даже богословскіе журналы, ибо это—періодическія изданія. Отсюда понятно, почему на приемныхъ экзаменахъ въ духовной академіи нѣкоторые студенты семинаріи затруднялись отвѣтить на коварный вопросъ ректора: „а какого цвѣта обертка у „Богословскаго Вѣстника“?“

Нужно ли говорить, что за жалкое убожество представляетъ изъ себя семинарская ученическая бібліотека? Однако, не всѣ еще книги ея можетъ читать духовный питомецъ. „Ученикамъ каждаго класса рекомендуется по преимуществу заниматься чтеніемъ книгъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ учебнымъ предметамъ этого именно класса“****.

* „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1901 г. Май.

** „Сынъ Отечества“ 1905 г. № 59.

*** Правила поведения для воспитанниковъ Московской духовной семинаріи. М. 1896 г. § 28 прим. 2.

Въ семинаріяхъ, кромѣ ученической, имѣются довольно солидныя фундаментальныя бібліотеки, но для семинаристовъ онѣ совершенно недоступны.

Духовныхъ питомцевъ изолируютъ отъ жизни. Принимаются всѣ мѣры, чтобы для нихъ не существовало ничего, кромѣ семинарской архаической науки и показной семинарской морали, чтобы и слабые отзвуки жизни, клопочущей за школьными стѣнами, не доносились до ушей духовныхъ воспитанниковъ, какъ будто они живутъ между небомъ и землей, за тридевять земель отъ родной страны. Учебное начальство не довѣряетъ даже родной семьѣ духовнаго питомца. Оно глубоко убѣждено, что школьное воспитаніе во много разъ лучше и дѣйствительнѣе воспитанія семейнаго. Одинъ синодскій циркуляръ воспрещаетъ практику духовнаго училища, гдѣ въ качествѣ мѣры наказанія примѣнялось временное удаленіе воспитанниковъ изъ школы. Этотъ видъ наказанія признанъ „несогласнымъ со здравымъ воспитаніемъ“ по слѣдующимъ основаніямъ. „Если ученикъ оказывается въ училищѣ плохимъ при бдительномъ надзорѣ, то въ домѣ родителей и родственниковъ, гдѣ часто некому и слѣдить за ученикомъ, онъ, кромѣ того, что отстанетъ отъ товарищей въ учебномъ отношеніи, можетъ совсѣмъ утратить навыкъ и способность къ учебнымъ занятіямъ. * Остается пожалѣть несчастныхъ дѣтей, живущихъ у родителей, ихъ ожидаетъ горькая участь—полная утрата умственныхъ способностей! Если и родная семья не внушаетъ довѣрія, то кому же можно еще вѣрить? И школа не вѣритъ никому. Она ревниво укрываетъ питомцевъ отъ всего міра. Духовные воспитатели съ пафосомъ и увлеченіемъ говорятъ ученикамъ о великой общественной роли православнаго духовенства. Чтобы выпустить своихъ питомцевъ во всеоружіи богословскихъ знаний, идеальными пастырями, пламенными проповѣдниками, духовными руководителями народа, они считаютъ нужнымъ познакомить ихъ со всѣмъ, до военной маршировки включительно, со всѣмъ, кромѣ жизни, куда шлютъ ихъ съ такой высокой миссіей.

* Циркуляръ по духов.-учеб. вѣд. 1889 г. № 5 стр. 19.

Но жизнь берет свое. Гони природу въ дверь, — она влетитъ въ окно. Духовные питомцы, вопреки всѣмъ запретамъ, проносятъ тайкомъ и читаютъ за спиною у начальства газеты, заводятъ свои библиотеки „нелегальныхъ“, то есть, не одобренныхъ семинарской цензурою книгъ. Семинаристы издають рукописные журналы, обсуждаютъ свои общія и общественныя дѣла, подають докладныя записки и петици, иногда бастуютъ и бунтуютъ, словомъ, — всячески реагируютъ на общественную жизнь и отношенія. А начальство — тушить пожаръ, огнемъ и мечемъ искореняетъ крамолу, изгоняетъ десятки и сотни тѣхъ, кто, готовясь къ жизни, интересуется ею и не можетъ оставаться спокойнымъ, холоднымъ и безстрастнымъ зрителемъ того, что происходитъ вокругъ.

Завѣтной мечтой духовнаго начальства является устройство общежитій во всѣхъ семинаріяхъ, но, къ счастью, на это не имѣется достаточныхъ средствъ. Жизнь въ общежитіи строится по примѣру арестантской. Каждый шагъ, каждое движеніе воспитанника предусмотрѣны; онъ ѣсть, пьетъ, учится, гуляетъ и даже молится по звонку. Насчитываютъ до 22 звонковъ, которые раздаются за день въ стѣнахъ семинаріи. Кругомъ надзоръ и караульщики. Жизнь томительна. Дни, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. „Всѣ долгіе часы своей однообразной жизни ученикъ пригвожденъ къ одному мѣсту. Тутъ онъ сидитъ утромъ при наставникѣ, здѣсь же готовить и вечеромъ свои уроки. У него передъ глазами постоянно одни и тѣ же парты, доски, стѣны, шкафы. И все это громоздкое, неуклюжее, некрасивое... Убийственное однообразіе окружающей обстановки и общая однообразно монотонная жизнь доводитъ до отчаянія. Ученикъ готовъ жертвовать чѣмъ угодно, только бы уйти отъ этихъ мертвыхъ, казенныхъ стѣнъ. Онъ спѣшитъ гулять, идти куданибудь къ знакомымъ, наконецъ, бѣжитъ въ разныя неподозрительныя мѣста, въ трактиры, пивныя, чтобы хотя на минуту забыть свою казарменную жизнь... Для меня становится психологически понятна эта страсть учениковъ погулять, пошататься внѣ семинарскихъ и училищныхъ стѣнъ, и при этомъ непременно опоздать, прогулять дольше, чѣмъ

слѣдуетъ. Я готовъ оправдать многихъ семинаристовъ даже въ пьянствѣ и кутежахъ“... Поэтому „счастливы тѣ немногія училища, гдѣ общежитій пока не заведено, гдѣ ученики живутъ на квартирахъ въ частныхъ домахъ“ *.

Одинъ изъ новѣйшихъ циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству отмѣчаетъ и „другое печальное явленіе, наблюдающееся почти повсемѣстно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ — *отсутствіе заботы объ опрятности и чистоплотномъ содержаніи* учащихъ дѣтей не только въ мужскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но и въ женскихъ... Воспитанникамъ семинарій и училищъ совсѣмъ не даютъ салфетокъ за столомъ, носовые платки выдаютъ каждому по два въ годъ, равно и носильнаго бѣлья дается не больше двухъ перемѣнъ въ годъ. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ учебныя комнаты, столовыя и особенно спальни и ватеръ-клозеты содержатся недостаточно опрятно. И не удивительно, если дѣти заболѣваютъ такими болѣзнями, какъ чесотка или трахома. Сюда же присоединяется еще и скудость питанія учащихся, объясняемая по бывшимъ разслѣдованіямъ неудовлетворительнымъ веденіемъ экономіи и вызывавшая въ нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ нежелательныя волненія среди воспитанниковъ. Въ виду повсемѣстнаго распространенія указанныхъ нежелательныхъ явленій, слѣдуетъ обратить на нихъ особенное вниманіе духовно-учебныхъ начальствъ“**. „Скудость питанія“ побуждаетъ иногда учащихся апеллировать къ общественному мнѣнію и, конечно, въ специфически семинарскихъ формахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ сибирскихъ семинарій воспитанники выбѣгали на улицу и кричали проходящей публикѣ: „мы голодны, мы ѣсть хотимъ!“ Въ другой семинаріи воспитанники, также страдавшіе отъ „неудовлетворительнаго веденія экономіи“, въ одну темную ночь развѣсили по городу объявленія приблизительно слѣдующаго содержанія: „даю уроки экономіи! Получаю 35 рублей въ мѣсяцъ, а проживаю 100! Спросить семинарскаго эконома, такого-то“...

* Г. Жизнь въ общежитіяхъ. Церковный Вѣстникъ 1905 г. № 36, стр. 1132.

** Циркуляръ по духов.-учебн. вѣд. 1903 г. № 22 срт. 73—74.

Духовное училище не умѣетъ апеллировать къ общественному мнѣнію и тамъ дѣти голодаютъ безъ всякаго протеста. Случается, заѣзжаетъ сюда и высшее начальство, но оно имѣетъ возможность только полюбоваться на красивыя декорации, разставленныя мѣстными властями къ его прїѣзду. Недавно одно духовное училище готовилось къ достойной встрѣчѣ архіерея. Училище мели, мыли, чистили... Въ столовой появилось росписаніе, изъ котораго ученики съ приятнымъ изумленіемъ узнали, что имъ теперь полагаются въ день два бѣлыхъ хлѣба, три кушанья за обѣдомъ и ужиномъ вмѣсто обычныхъ шей и каши. У образа ярко затеплилась лампада. Прїѣхалъ архіерей. Все видѣлъ, высмотрѣлъ, читалъ росписаніе обѣденныхъ удовольствій, всѣмъ остался доволенъ, за все благодарилъ и, удовлетворенный, уѣхалъ. Въ тотъ же день росписаніе сняли, лампаду потушили, училище скоро покрылось толстымъ слоемъ первобытной грязи и все пошло постарому.

Учебный комитетъ „вмѣняетъ въ обязанность“ школьнымъ властямъ „не только позволять, но, *въ случаѣ нужды*, и поощрять въ семинаріи и училищахъ физическія игры на чистомъ воздухѣ“*. Но „случаи нужды“ въ физическихъ упражненіяхъ учениковъ очень рѣдки въ духовной школѣ. Во многихъ семинаріяхъ ассигнованныя на „гимнастику“ деньги употребляются на усиленіе надзирательскаго жалованья.

Лѣтъ десять тому назадъ въ одной семинаріи существовала „гимнастика“. Семинаристы одинъ разъ въ недѣлю строились въ ряды, въ теченіе часа махали руками и ногами во всѣ стороны, прыгали, присѣдали по всѣмъ правиламъ гимнастической науки. Было много смѣха и шума. Въ углу, въ старомъ ящикѣ, лежали гири, которыми нельзя было пользоваться по причинѣ ихъ разбитія. Хрупкій металлъ чугуна... Но врагъ силенъ, а прелести грѣховнаго міра соблазнительны. Мирнымъ занятіямъ рѣшили придать воинственный характеръ. Начальство пригласило офицера и штатскую гимнастку смѣнила военная. Съ тѣхъ поръ семинаристы въ тѣсной комнатѣ, въ густыхъ клубкахъ пыли, ходятъ, бѣгаютъ,

топчутся на одномъ мѣстѣ и изучаютъ строевую службу. Гремить военная команда,—маршируетъ духовная семинарія. Только военная „словесность“ почему то не проходитъ. Однако семинаристы, по крайней враждѣ къ просвѣщенію, съ большимъ недоброжелательствомъ смотрятъ на эту, кажется, двадцать шестую семинарскую науку и предпочитаютъ при первой возможности „удрать“ съ гимнастики. Начальство ловитъ бѣглыхъ гимнастовъ и военныхъ дезертировъ, но, во первыхъ, рискъ благородное дѣло, а во вторыхъ, гдѣ наше не пропадало,—побѣги продолжаются. А съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтило эту новую науку семинарское начальство! Тогда были даже попытки ходить съ барабаннымъ боемъ по семинарскимъ корридорамъ. При видѣ своихъ питомцевъ, „строино“ марширующихъ, ректоръ семинаріи, отецъ архимандритъ, пришелъ въ такой неистовый восторгъ, что самъ скомандовалъ: „лѣвую ногу впередъ, правой заступись!“

При семинаріи имѣется врачъ, но его существованіе носитъ призрачный характеръ. Голосъ его не имѣетъ никакого значенія. Во внутренней строй и распорядокъ школьной жизни врачъ не можетъ вмѣшиваться. Семинарское питаніе, санитарія, гигиена его не касаются. Мало того, духовные педагоги не прочь иногда и самому врачу преподавать руководящія начала для согласованія его дѣятельности съ видами и предположеніями духовнаго начальства. Въ семинаріи, гдѣ процвѣтала военная гимнастика, слабымъ, худосочнымъ и малокровнымъ воспитанникамъ, по предписанію врача, разрѣшался скоромный столъ на время постовъ, кромѣ, впрочемъ, великаго. Однако, ректоръ, любитель военныхъ упражненій, распорядился, чтобы скоромной пищей пользовались отнюдь не болѣе десяти человѣкъ изъ семинаріи. Такимъ образомъ, былъ установленъ особый штатъ больныхъ воспитанниковъ. Изъ 400 человѣкъ могли болѣть только десять. Но эта семинарія находилась еще подъ счастливой планетой. Въ сосѣдней семинаріи какъ ни бился врачъ, но завести „скоромнаго стола“ не могъ. Стягъ благочестія здѣсь держался крѣпко и высоко. Мало того, врачу было отказано даже въ бутылкѣ винограднаго вина для больного воспитанника:—употребленіе спиртныхъ напитковъ воспрещено

семинаристамъ. На другой день послѣ отказа воспитанникъ умеръ. Инцидентъ былъ исчерпанъ.

IV.

При полицейскомъ режимѣ воспитанія въ духовныхъ школахъ внутренняя жизнь воспитанниковъ течетъ сама собою. Они сами себя воспитываютъ, сами воздѣйствуютъ другъ на друга, самостоятельно растутъ и измѣняются духовно. Поэтому, глубоко поучительная, интереснѣйшая, поэтическая картина постепеннаго пробужденія, развитія личности, процессъ постепеннаго выростанія и превращенія отрока въ юношу, въ молодого человѣка, этотъ особенно бурный періодъ въ жизни человѣка, когда такъ необходимъ опытный руководитель, эта „пора надеждъ и грусти нѣжной“ проходятъ безслѣдно, незамѣченными, подлѣ, но мимо воспитателей духовной школы. Въ духовной школѣ, одинъ возлѣ другого, создаются два различные и даже враждебные міра: учебное начальство и ученики, воспитатели и воспитанники. О воспитателяхъ мы говорили, а духовные питомцы, въ силу самой природы вещей, образуютъ тѣсно сплоченный, оборонительный и отчасти даже наступательный союзъ для борьбы съ начальствомъ. Связующимъ звеномъ, той страшной Аннибаловой клятвой, ненарушимость которой скрѣпляетъ и заключаетъ въ себѣ всю силу и мощь организациі воспитанниковъ, является девизъ: „какъ можно дальше отъ начальства!“ Начальства боятся, его сторонятся, ему недоувѣряютъ... Воспитанники почтительно разступаются предъ носителемъ семинарской власти; начальнику кланяются, оказываютъ всѣ знаки внѣшняго уваженія, но внутрь, въ въ духовный свой міръ не пускаютъ. Тщетно иные ретивые педагоги, прикидываясь друзьями учениковъ, пытаются проникнуть въ ихъ запретную святыню; это плохо удается, развѣ лишь въ формѣ и на почвѣ „шпіонства“. Воспитанники духовной семинаріи, особенно въ старшихъ классахъ, образуютъ изъ себя довольно организованную массу. Каждый классъ или отдѣленіе представляетъ маленькую республику

въ 30—50 человѣкъ, связанную живымъ и здоровымъ духомъ товарищества. Всѣ важные вопросы разрѣшаются сообща. У класса—свои интересы, свое коллективное самолюбіе, своя тактика и политика въ отношеніи къ начальству. Эта школьная республика, въ зависимости отъ состава класса, иногда болѣе демократична, иногда приближается къ олигархії. Члены ея связаны молчаливымъ договоромъ: „своего не выдавать!“ Выдать товарища, значить совершить тяжкое преступленіе. Какъ отдѣльные классы, такъ и цѣлая семинарія стараются дѣлать все „скопомъ и заговоромъ“, хорошо понимая, что всѣхъ не накажутъ, а если накажутъ, то не очень строго! Съ другой стороны, сплоченная масса—сила; только она одна и способна производить на начальство должное впечатлѣніе.

Въ одной семинаріи было объявлено, что всѣ воспитанники, имѣвшіе неудовлетворительные баллы за четверть года, должны день или два, по числу полученныхъ двоекъ, стоять „столбомъ“ за уроками. Эта педагогическая мѣра распространялась на всѣ безъ исключенія классы, хотя воспитанниками 6-го класса являются молодые люди въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Наступилъ день казни. Вся семинарія, отъ мала до велика, стояла на урокахъ и никто не соглашался сѣсть иначе, какъ вмѣстѣ съ наказанными. Напрасно педагоги напрягали всѣ силы своего краснорѣчія, доказывая необходимость и пользу „повиновенія“. Семинарія стояла. Семинаристы одержали побѣду, „отстояли“ свое право „не стоять“. „Мѣра“ была отмѣнена для старшихъ классовъ, а въ младшихъ скоро вымерла естественной смертью.

Типичнымъ выраженіемъ семинарскихъ массовыхъ протестовъ являются, такъ называемые, „кашныя бунты“. Семинарскіе экономы подчасъ начинаютъ слишкомъ строго исполнять свою обязанность—экономить. Это не вполне благоприятно отзывается на желудкахъ семинаристовъ. Семинаристы протестуютъ. Въ огромной семинарской столовой, гдѣ обѣдаетъ 300—400 человѣкъ, вдругъ начинаютъ раздаваться крики: „каша!“ „каша!“ или слышится зловѣщее шипѣніе: „щ-щ-щ...“, — послѣднее въ случаѣ, если замѣчены

дефекты во щахъ. При приближеніи начальства крики смолкаютъ, но съ большею силой раздаются въ другихъ углахъ столовой, такъ что по силѣ и направленію крика и шипѣнія можно легко опредѣлить, въ какой части столовой въ данный моментъ находится начальство. Начальство съ тревожнымъ видомъ суетится по столовой, пытливымъ окомъ высматриваетъ демонстрантовъ, но куда не глянетъ оно, всюду видитъ покойныя лица и потупленные взоры. Крики между тѣмъ не умолкаютъ. Наконецъ, начальство торжественно отправляется въ кухню и дѣлаетъ выговоръ повару, не сумѣвшему изъ отпущенной экономомъ провизіи приготовить вкусныхъ щей или каши. Сознвая свое полное безсиліе оказать воздѣйствіе на толпу, духовные педагоги всегда стараются выхватить изъ нея отдѣльныхъ лицъ для сужденія за мятежъ по всей строгости закона. Но сдѣлать это очень не легко. На глазахъ воспитателя стоятъ тихіе, кроткіе агнцы, а шумятъ гдѣ-то вдали необузданныя козлица. Если воспитатель пройдетъ къ козлицамъ, — они обращаются въ агнцевъ, а недавніе агнцы становятся самыми дикими козлами. Поэтому начальство объявляетъ въ своихъ правилахъ: „общій шумъ и подобныя вообще нарушенія тишины строго воспрещаются и будутъ наказываемы взысканіями или съ цѣлаго класса или съ болѣе подозрѣваемыхъ учениковъ въ нарушеніи порядка“*. Такимъ образомъ, школьная юстиція необыкновенно проста. Подозрѣвать можно кого угодно. Слѣдовательно, начальство имѣетъ право, на законномъ основаніи, въ силу § 23 правилъ поведения, наказать любого воспитанника. Въ практикѣ подозрѣніе падаетъ обыкновенно на тѣхъ, кто уже имѣетъ пониженный балтъ по поведенію. Создается любопытная презумпція. Если воспитанникъ получилъ „четверку“ поведенія, то, значить, онъ виновенъ во всѣхъ послѣдующихъ ученическихъ безпорядкахъ.

Учебное начальство знаетъ и другое „педагогическое“ средство. Оно возлагаетъ всю отвѣтственность на дежур-

ныхъ воспитанниковъ. Дежурный обязанъ указать, кѣмъ изъ его товарищей совершенъ тотъ или иной проступокъ, иначе самъ дежурный, какъ укrywатель, будетъ наказанъ. Начальство прекрасно понимаетъ, что дежурные, за самыми рѣдкими исключениями, не выдаютъ виновныхъ, но оно разсчитываетъ, что сами виновные, не желая подвести товарища, придутъ и сознаются. Эти расчеты часто оправдываются. Такъ беззащитно эксплуатируетъ начальство само по себѣ прекрасное, здоровое товарищеское чувство. Оно не подозреваетъ даже, что семинарскіе „преступники“, достойные наказанія люди, освобождая своимъ признаніемъ невиннаго отъ кары, обнаруживаютъ несравненно болѣе тонко развитое чувство справедливости, чѣмъ ихъ воспитатели.

Такое нравственное вымогательство сознанія мало содѣйствуетъ поднятію авторитета учебнаго начальства въ глазахъ его питомцевъ и онъ, этотъ авторитетъ, очень не высокъ, чтобы не сказать больше. Стоитъ обратить вниманіе хотя бы на тѣ прозвища, какими семинарія надѣляетъ своихъ педагоговъ. Тутъ и „борзой“, и „дубъ“, „балда“, „захлестъ“, „чушка“, „осетрина“, „кротъ“, „топорикъ“, „Фря доганая“, „Вася-котъ“, „благодать“, „эита“... Есть прозвища прямо непечатныя. Эти перлы семинарскаго остроумія не блещутъ изяществомъ и едва ли особенно лестны для семинарскаго начальства.

Въ семинарії своя этика. Въ отношеніи къ начальству она признаетъ допустимыми, законными и похвальными всякія средства, даже такія, какія во взаимныхъ отношеніяхъ воспитанниковъ безусловно и строго осуждаются. Самая непринужденная ложь, беззащитный и наглый обманъ, всевозможныя хитрости и лицемеріе пускаются въ ходъ противъ школьнаго начальства. Сводя свою „внѣшнюю“ политику къ оборонѣ, къ тому, чтобы не попасться семинарскимъ властямъ, духовный питомецъ не прочь при случаѣ перейти и въ нападеніе, учинить исподтишка какую нибудь „каверзу“ своему вѣчному гонителю. Этимъ онъ заслужитъ себѣ неувядаемую славу и одобреніе среди товарищей. Героическія сказанія о наиболѣе знаменитыхъ подвигахъ въ этой неравной борьбѣ передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію и, при

* Правила поведения для воспитанниковъ Московской Духовной Семинаріи, § 23.

долгой изустной передачь, вырастають до грандіозныхъ размѣровъ. Едва ли не въ каждой семинаріи вамъ расскажутъ, что такого-то, нынѣ здравствующаго педагога ученики побили, напримѣръ, или даже выдрали крапивою на Корбухинскомъ, Тмацкомъ или другомъ какомъ мосту. Имена героевъ исчезли безслѣдно, а сказанія живутъ, поднимають духъ семинариста и питають его воображеніе. Однако, отношенія воспитанниковъ къ педагогамъ не всегда принимаютъ такой мирный, „добродушный“ характеръ. За послѣдніе годы газеты съ разныхъ концовъ Россіи приносили самыя неутѣшительныя вѣсти о положеніи дѣлъ въ семинаріяхъ, хотя, въ силу общихъ условий, только очень небольшое изъ замкнутой семинарской жизни попадало въ печать. Своей гнетущей системой воспитанія духовные педагоги порой доводятъ питомцевъ до явныхъ преступленій. Въ квартирахъ ненавистныхъ воспитателей случаются поджоги, со звономъ и трескомъ вылетаютъ разбитыя стекла; изъ-за угла въ этихъ воспитателей летятъ полѣнья и кирпичи, надъ ними учиняются физическія насилія. Въ ходъ пускаются кинжалы, револьверы и даже взрывчатыя вещества. Извѣстны неоднократные случаи покушеній на жизнь духовныхъ педагоговъ. За послѣдніе пять лѣтъ два подобныхъ случая знаетъ только одна Кіевская семинарія*. Семинарскіе бунты широкой волной разливаются отъ края до края Россіи, принимаютъ формы эпидеміи и становятся явленіемъ хроническимъ.

Три года тому назадъ въ первое учебное полугодіе было закрыто болѣе 23 семинарій. Въ началѣ 1905 году повторилось тоже самое. Волненія ураганомъ пронесли по всей Руси и охватили на своемъ пути громадную сѣть семинарій отъ центральныхъ, до самыхъ отдаленныхъ, окраинныхъ. Теперь закрыто 44 семинаріи, всѣ духовныя академіи и даже нѣкоторыя женскія епархіальныя училища. Извѣстны случаи, когда семинарское начальство только бѣгствомъ спасалось отъ своихъ питомцевъ. Иныя семинаріи усмирялись военной силой. „Многіе воспитанники уволены навсегда, нѣкоторые на одинъ, два года, остальные всѣ будутъ приниматься по

* „Сынъ Отечества“ 1905 г. № 75.

усмотрѣнію начальства“*. Такимъ образомъ, осенью 1905 г. послѣдовалъ полный крахъ духовной школы.

V.

Мы нарочно выдѣлили въ особую главу вопросъ о балловой оцѣнкѣ „поведенія“ учениковъ и ихъ увольненіи, потому что здѣсь семинарская юстиція выходитъ далеко за предѣлы школьной жизни и вторгается въ совершенно чуждую ей область, присвоивъ себѣ право пожизненно лишать и ограничивать духовныхъ питомцевъ въ служебныхъ правахъ.

Балловая система оцѣнки ученическихъ успѣховъ и поведения уже давно обнаружила свои отрицательныя стороны и, осужденная многими авторитетными педагогами, уничтожена, не безъ пользы для дѣла, въ болѣе прогрессивныхъ русскихъ школахъ. Но духовно-учебное начальство и понынѣ оцѣниваетъ нравственную личность каждаго воспитанника съ помощію условнаго, цифирнаго языка. При посредствѣ трехъ цифръ: 5, 4, 3, —2 почти не примѣняется, —оно пытается опредѣлить такое сложное цѣлое, какъ человѣческая личность, во всемъ разнообразіи ея проявленій. Подъ одной изъ трехъ всеобъемлющихъ цифръ исчезаетъ все неуловимое разнообразіе темпераментовъ и нервной организаци, вся совокупность внѣшнихъ и внутреннихъ условий, въ которыхъ слагается и течетъ жизнь духовнаго воспитанника. Ясно, что классифицировать подобнымъ образомъ всѣхъ людей значитъ дѣлать и явно безнадежное, и явно безцѣльное дѣло. Школа стремится объять необъятное.

Но этого мало. Мы уже видѣли, что дѣятельность духовныхъ педагоговъ ограничивается только полицейскимъ надзоромъ, изобличеніемъ и наказаніемъ учениковъ за нарушенія правилъ школьной дисциплины. Но поведение—не одни проступки, это выраженіе во внѣ всего человѣка, который является преступникомъ, нарушителемъ заповѣдей только въ видѣ исключенія;

* „Сынъ Отечества“ 1905 г. № 75.

въ духовной же школѣ по этимъ исключеніямъ, по этимъ случайно замѣченнымъ нарушеніямъ судятъ о всемъ человѣкѣ, опредѣляютъ всю его нравственную личность однимъ балломъ. При балловой оцѣнкѣ поведенія ученика выдвигается чисто формальный принципъ,—если воспитанникъ въ чемъ нибудь „замѣченъ“, ему уменьшаются баллы по поведенію. Семинаристъ самымъ беззащитнымъ образомъ можетъ игнорировать безчисленныя правила школьной дисциплины, но если онъ умѣетъ, когда нужно, исчезать изъ поля зрѣнія начальническаго ока, то онъ всегда будетъ имѣть и высшій баллъ по поведенію, и избѣжитъ наказанія тамъ, гдѣ пострадаютъ менѣе виновные, но не настолько ловкіе товарищи. Не пойманъ—не воръ. Такая формальная оцѣнка поведенія даетъ самое превратное понятіе объ ученикѣ, о всей его личности. Хорошо аттестуются не самые лучшіе, а самые извортливые и ловкіе. При всей ненормальности подобной оцѣнки воспитанники дорожатъ такимъ формальнымъ порядкомъ и глубоко возмущаются, когда его нарушаетъ начальство, потому что иначе оцѣнка поведенія переходитъ уже въ явный произволъ. Нѣкоторые инспектора уменьшаютъ „поведеніе“ „по продолженію“. Это значитъ, что воспитанникъ, имѣющій дурную отмѣтку по поведенію въ одной четверти года, получаетъ ее и въ другой, хотя бы ни въ чемъ дурномъ и не былъ замѣченъ. Предполагается, что духовный питомецъ продолжаетъ быть „дурнымъ“ по инерціи.

Но это само по себѣ еще не имѣло бы важнаго значенія, если бы съ пониженнымъ балломъ поведенія для воспитанника не соединялись самыя невыгодныя послѣдствія. Когда духовно учебное начальство не знаетъ, съ кого взыскать, оно прежде всего обрушивается на тѣхъ, кто раньше былъ въ чемъ нибудь замѣченъ. Особенно часто примѣняется такой порядокъ взысканія во время семинарскихъ бунтовъ. Начальство исключаетъ всѣхъ съ тройками и четверками поведенія, остальнымъ выводитъ вмѣсто пятерокъ—четыре и считаетъ дѣло возмездія исполненнымъ. Нѣкоторые педагоги путемъ остроумной комбинаціи этого средства предотвращаютъ семинарскія волненія. Лишь только среди воспитанниковъ начинается броженіе, начальство внушительно заявляетъ, что,

если произойдетъ безпорядокъ, то такіе то и такіе то ученики будутъ уволены, и семинарія стихаетъ.

Одинъ изъ синодскихъ циркуляровъ предписываетъ семинарскимъ правленіямъ выпускать во 2-мъ разрядѣ тѣхъ кончающихъ курсъ семинаристовъ, которые по своимъ успѣхамъ могли бы быть въ 1-мъ разрядѣ, но благодаря своему „неблагоповеденію“ имѣютъ „3“ или даже „4“ поведенія*. Но между первымъ и вторымъ разрядомъ существуетъ громадная разница. Не говоря уже о неодинаковыхъ правахъ по службѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, предъ семинаристомъ 2-го разряда наглухо закрыты всѣ и безъ того не широко отворенныя двери въ высшія учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія.

Дурная отмѣтка изъ „поведенія“ не оставляетъ духовнаго воспитанника и за воротами школы. Она даетъ себя чувствовать во всю послѣдующую жизнь и ничто, ни исправленіе, ни раскаяніе, ни долгая честная служба подчасъ не въ состояніи загладить это темное пятно, наложенное школой. Какъ тѣнь, какъ вѣчное проклятіе, „замаранное поведеніе“ неотступно преслѣдуетъ человѣка въ жизни, всюду преграждаетъ ему дорогу, всюду аттестуетъ его, какъ человѣка подозрительнаго, неблагонадежнаго, съ темнымъ прошлымъ, что-то когда-то сдѣлавшаго. Выставляя зловѣщія цифры „3“ или „4“, духовная школа предусмотрительно не говоритъ, за что, за какое ужасное преступленіе такъ дурно аттестованъ человѣкъ, и духовный питомецъ на всю жизнь лишается возможности оправдываться, доказывая свое исправленіе. Между тѣмъ епархіальныя власти придаютъ чрезвычайно важное значеніе всевозможнымъ балламъ по поведенію. Всѣмъ духовнымъ лицамъ, даже и семидесятилѣтнимъ старцамъ священникамъ и теперь мѣстные благочинные выставляютъ баллы по поведенію.

Одинъ семинаристъ въ нетрезвомъ видѣ оскорбилъ инспектора на словахъ, былъ за это, конечно, немедленно уволенъ и духовная школа напутствовала его „двойкой“ поведенія. Съ величайшимъ трудомъ, послѣ долгихъ, усиленныхъ просьбъ, получилъ онъ мѣсто учителя земской школы и цѣлыхъ 30 лѣтъ

* Циркуляръ по духов.-учеб. вѣд. 1899 г., № 19, стр. 3.

проработалъ на пользу народнаго просвѣщенія. Когда же послѣ такого долгаго искуса жизни онъ обратился къ духовному начальству съ просьбой дать ему скромное мѣсто сельскаго діакона и въ доказательство своего „исправленія“ представилъ одобрительныя свидѣтельства отъ предсѣдателя земской управы, отъ уѣзднаго предводителя дворянства, отъ трехъ окрестныхъ благочинныхъ и, наконецъ, прошеніе прихожанъ той церкви, къ которой онъ желалъ поступить, — ему было отказано въ виду „дурнаго поведенія“! Духовное начальство не знало, не могло, да и не желало знать, что этотъ человѣкъ, совершившій серьезный съ точки зрѣнія школьной дисциплины проступокъ только потому, что былъ въ нетрезвомъ состояніи, уже десятки лѣтъ не беретъ въ ротъ и капли вина. Такъ жестоко мститъ и проклинаетъ школа! А между тѣмъ школьныя „преступленія“ далеко не такъ страшны, какъ они кажутся школьному начальству и съ общественной, не школьной точки зрѣнія часто не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго.

Вотъ, на примѣръ, что значитъ въ печатныхъ „правилахъ поведенія для воспитанниковъ Московской Духовной Семинаріи“ (М. 1896 г.). „Запрещается воспитанникамъ носить разнообразныя—разноцвѣтныя сорочки и галстуки“ (§ 13 пр. 1), „шляпы, палки, перстни“ (§ 13 пр. 2), „носить длинные волосы, бороду, бакенбарды и усы“ (§ 13 пр. 3). „Являться въ церковь воспитанники обязаны непременно въ суконныхъ сюртукахъ, а не въ курткахъ и пиджакахъ“ (§ 5). Держать въ церкви руки въ карманахъ возбраняется (§ 6). „Выходъ изъ классовъ (а равно изъ церкви) по параднымъ лѣстницамъ воспрещается“ (§ 26 прим.); „входъ въ кухню и выходъ на улицу черезъ кухню воспитанникамъ особенно воспрещается“ (§ 36 пр. 2). На пути въ столовую или при выходѣ изъ нея воспитанники не должны, перегонять идущихъ впереди ихъ инспектора, помощника его и надзирателей“ (§ 33 пр.). „Утрата или потеря казенной вещи, кромѣ пріобрѣтенія новой на мѣсто утраченной, подвергаетъ утратившаго или потерявшаго дисциплинарному взысканію“ (§ 69). Кромѣ писанныхъ правилъ, каждая семинарія знаетъ множество неписанныхъ, кругъ которыхъ то расширяется, то суживается въ

зависимости отъ взглядовъ и усмотрѣнія наличныхъ представителей власти. Во время вечернихъ занятій, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ запрещается играть въ шахматы, шашки, сходить съ мѣстъ, разговаривать, оборачиваться назадъ, писать ноты, читать газеты и т. д. Все это, конечно, относительно маловажные проступки, но учебное начальство удѣляетъ имъ самое главное вниманіе и несоблюденіе ихъ въ концѣ концовъ весьма чувствительно отзывается на баллѣ по поведенію, даже и при выпускѣ изъ учебнаго заведенія.

„Въ кондуитномъ списокѣ одной семинаріи“, циркулярно сообщаетъ учебный комитетъ, „встрѣчаются инспекторскія записи, которыя указываютъ на излишнія формальности и мелочность инспектора въ его требованіяхъ и характеризуютъ самую систему воспитанія въ семинаріи, чуждую живого вліянія на волю учащихся. На примѣръ: тихо читалъ молитву; стоялъ въ шапкѣ въ швейцарской комнатѣ; прислонился къ стѣнѣ во время молебна; опоздалъ на спѣвку; ѣлъ сѣмячки отъ подсолнечника на улицѣ и т. п. За послѣдній проступокъ ученикъ былъ лишень отпуску въ городъ до усмотрѣнія“*.

„Одинъ изъ послѣднихъ синодскихъ циркуляровъ грозитъ увольненіемъ изъ семинаріи за ношеніе и храненіе оружія“**.

Подавляющее большинство дурныхъ отмѣтокъ по поведенію выставляется духовной школой за употребленіе спиртныхъ напитковъ. Замѣченные въ этомъ проступкѣ немедленно увольняются или, если остаются въ школѣ, по особому снисхожденію начальства, то выпускаются изъ нея съ пониженнымъ балломъ по поведенію. Однако, съ точки зрѣнія закона и общественной нравственности, само по себѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ не считается еще предосудительнымъ, осуждается только опьяненіе. Конечно, школа не можетъ терпѣть ни того, ни другого и должна энергично бороться съ этимъ зломъ, но она не имѣетъ никакихъ нравственныхъ и законныхъ основаній выносить эту борьбу за свои ворота и наказывать человѣка на всю жизнь часто за одну выпитую рюмку вина. Возьмемъ одинъ изъ десятковъ и сотенъ одно-

* Циркуляръ по духов.-учеб. вѣд. 1892 г., № 11 стр., 51—52.

** „Сынъ Отечества“ 1905 г., № 75.

родных фактовъ, обычныхъ въ семинаріи. Два воспитанника 6-го класса С. и К. вздумали выпить передъ ужиномъ по рюмкѣ водки и въ моментъ совершения преступления были застигнуты съ поличнымъ, одинъ съ бутылкой, другой съ рюмкой, еще не выпитой. За покушеніе на выпитіе рюмки оба получили при выпускѣ 4 поведенія. Здѣсь съ полной очевидностью выступаетъ явное, рѣзкое, вопіющее несоответствіе между преступленіемъ и наказаніемъ. Невыпитая рюмка вина и пожизненное ограниченіе въ служебныхъ правахъ, ничѣмъ неизгладимое, ничѣмъ непоправимое.

Насколько серьезнымъ проступкомъ въ духовныхъ семинаріяхъ является употребленіе спиртныхъ напитковъ, настолько же важное значеніе въ духовныхъ училищахъ придается куренію табаку. Духовные воспитатели смѣло, недогнувшей рукой выставляютъ за этотъ проступокъ тройки и четверки поведенія, а иногда, при повтореніи, и совсѣмъ увольняютъ изъ школы, хотя многіе „воспитатели“ сами свободно курятъ на глазахъ учениковъ.

Въ каждомъ духовномъ училищѣ ежегодно по нѣскольку человѣкъ, а иногда и цѣлыя десятки учениковъ перваго, второго и даже приготовительнаго классовъ исключаются за „дурное поведеніе“, т.-е., мальчики 11—12 лѣтъ признаются настолько порочными, что школа не только считаетъ нужнымъ ихъ уволить, но и снабжаетъ ихъ „волчьимъ билетомъ“ на всю дальнѣйшую жизнь. Ясно, что какъ бы серьезны ни казались дѣтскіе проступки въ глазахъ учебнаго начальства, но они во всякомъ случаѣ не что иное, какъ шалости, ребячество, недомысліе безпризорныхъ дѣтей и пожизненно карать ихъ за это не только безчеловѣчно жестоко, но и противорѣчить всякому здравому смыслу.

Вынося жестокіе приговоры своимъ питомцамъ, духовные педагоги постановляютъ ихъ въ глухихъ тайникахъ школьныхъ совѣтовъ. Даже обвиняемые туда не допускаются. Они лишены возможности оправдаться, давать объясненія. Приговоры окончательны. Осужденный не можетъ обжаловать, апеллировать, просить о помилованіи. Предъ этой школьной юстиціей блѣднѣетъ даже правосудіе застѣнка и святой инквизиціи, по крайней мѣрѣ съ процессуальной стороны.

Ясно поэтому, что у школы должно быть отнято ея жестокое право, такъ какъ, по дѣйствующимъ, у насъ законамъ никто, при нормальныхъ, разумѣется, условіяхъ, не можетъ быть лишень или ограниченъ въ своихъ правахъ иначе, какъ по суду и при томъ по суду съ присяжными засѣдателями.

Духовной школѣ не чужды и соображенія высшей политики. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ „четверка поведенія“ ставится лучшимъ семинаристамъ только за то, что, вопреки предложенію начальства держать экзаменъ въ духовную академію, они предпочитаютъ поступать въ университетъ или другія свѣтскія высшія учебныя заведенія. Такое естественное стремленіе къ свѣту иные педагоги относятъ къ дурному поведенію.

— „По моему, это святотатство“, — говорилъ одинъ ректоръ, нынѣ епископъ, семинаристамъ по поводу ухода въ университетъ ихъ нѣсколькихъ товарищей. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, посвященный въ стихарь, выходитъ изъ духовнаго званія. Несомнѣнно, онъ крадетъ изъ „церкви“ и уноситъ въ „міръ“ полученную благодать. Это ли не дурное поведеніе? Ослѣпленные фанатической ревностью объ укрѣпленіи мощи и величія церкви, нѣкоторые духовные педагоги хотятъ силой удержать будущихъ ея служителей и караютъ „измѣнниковъ“ съ холодной, бездушной жестокостью „ad maiorem Dei gloriam!“ Положимъ, если обратиться къ исторіи, то трудно будетъ указать такое злодѣяніе, которое не совершалось бы „во имя Божіе“...

За послѣдніе годы все чаще и чаще повторялись массовыя увольненія учениковъ, которыя становились все грандіознѣе и шире. Одно намѣреніе Тифлисскихъ семинаристовъ подать петицію въ началѣ 1905 года вызвало увольненіе свыше ста человѣкъ*.

Въ 1904 году жесточайшему, безпощадному разгрому подверглась Тверская семинарія, изъ которой уволено до 200 учениковъ. Двѣсти изъ шестисотъ! Это—цѣлая гека-томба, принесенная невѣдомому, но кровожадному молоху и этотъ молохъ—„неблагонадежность“. Юноши 15—17 лѣтъ,

* „Сынъ Отечества“ 1905 г. № 79. Письмо Волынскихъ семинаристовъ.

почти дѣти, признаются „политически неблагонадежными“ и сурово караются за свой преступный образъ мыслей. Это ли не абсурдъ?

Тверская семинарія пострадала не одна. Отживающій строй съ какой-то судорожной злобой выбрасывалъ повсюду изъ школы десятки и сотни лучшихъ, наиболѣе экспансивныхъ и впечатлительныхъ питомцевъ, готовый затопить все слезами дѣтей, матерей и отцовъ, чтобы путемъ террора удержать отъ паденія гнилые устои. Но тщетно. Осень 1905 года ознаменовалась всеобщимъ закрытіемъ духовныхъ школъ. Старый строй рухнулъ и надъ его развалинами взвился высокій столпъ пыли...

Кромѣ общей политики, нѣкоторыя многолюдныя семинаріи знаютъ еще и политику специальную, вызываемую чисто мѣстными условіями, ничего общаго съ педагогикой не имѣющими. Одинъ архіерей, при посѣщеніи семинарії, былъ пораженъ ея многолюдствомъ и тутъ же, при всѣхъ, заявилъ: „ого, сколько ихъ... Куда я ихъ дѣну... Разрѣдить... разрѣдить... разрѣдить...“ Смыслъ этихъ отрывистыхъ, короткихъ, но внушительныхъ фразъ заключается въ томъ, что въ данной епархіи очень много кандидатовъ священства, такъ что для всѣхъ не хватаетъ мѣста, а потому— „разрѣдить!“... Начальство разрѣжаетъ. Особенно тяжело приходится воспитанникамъ при переходѣ изъ классовъ съ двумя или тремя параллельными отдѣленіями въ слѣдующіе классы, имѣющіе только одно или два отдѣленія, т.-е. когда предъ семинарскимъ правленіемъ стоитъ задача изъ 150 человѣкъ перевести въ высшій классъ только 100, или изъ 100—50. Задача блестяще разрѣшается, лишніе выходятъ. Сильные переживаютъ, слабые вымираютъ.

Въ заключеніе—одна выдержка изъ газетной корреспонденціи. Она очень характерна. „Инспекторъ духовной семинарії, пишутъ изъ г. Вологды, „все воспитаніе семинаристовъ построилъ на системѣ сыска. На -дняхъ заставили уйти изъ семинарії ученика 3-го класса Алексѣя Русинова только за то, что онъ о. инспектору показался „отрицателемъ“. Исключили его съ тройкой по поведенію и какъ ?Русиновъ не старался узнать, за какое преступленіе ему поставили

три изъ поведенія, такъ ничего опредѣленнаго и не узналъ. Съ отмѣтками за поведеніе постоянно выдѣлываются необыкновенные фокусы, напримѣръ, въ чистый кондуитъ ставятъ четверку или еще лучше—„формально“ поведеніе пять, за „настроение“—три, общій—четыре“*.

VI.

Мы говорили о воспитательной „практикѣ“, но духовная педагогика имѣетъ свою „теорію“ и „философію“. Воспитатели-полицейскіе, конечно, плохіе идеологи, но имъ на помощь приходятъ добровольные союзники въ лицѣ духовно-школьной науки и нѣкоторыхъ преподавателей. Духовная педагогика покоится на одномъ могучемъ китѣ, имя которому— „слѣпое повиновеніе“. Слѣпое повиновеніе это—центръ, святое святыхъ, основа всего духовнаго воспитанія. Его съ болѣзненной настойчивостію требуетъ воспитатель, необходимость его неустанно доказываетъ семинарская наука. И нужно отдать справедливость духовной школѣ, она, какъ тенетами, со всѣхъ сторонъ стремится опутать воспитанника своей идеологіей слѣпого, рабскаго повиновенія, пытается захватить его волю, чувство и разумъ. Кромѣ внѣшняго принужденія, для этой же цѣли выдвигаются и соображенія политическаго характера, и религіозныя основанія, и нравственныя начала, и житейская мораль благонамѣреннаго російскаго обывателя. Здѣсь все идетъ на службу. Учебникъ, преподаватель, воспитатель и, кажется, сами семинарскія стѣны, не умолкая, твердятъ духовному воспитаннику: „повинуйся, повинуйся, повинуйся“... Но рабское повиновеніе имѣетъ одного смертельнаго врага—это—сознательность, и духовная школа напрягаетъ всѣ свои силы, во что бы то ни стало убить такого опаснаго врага, подавить критицизмъ и всякія проблески свободной мысли. „Ваше дѣло не разсуждать, а повиноваться!“ Вотъ слова, которыя слышатся постоянно на всѣхъ углахъ и перекресткахъ духовной семи-

* „Русскія Вѣдомости“ 1905 г. № 96.

нари; они огненными буквами написаны на знамени, развѣвающимся надъ современной духовной школой, въ нихъ — квинтъ-эссенція, самая краткая и распространенная формула духовно-педагогическаго идеала — воспитать слѣпо, рефлективно повинующуюся массу. Прекрасной иллюстраціей къ тому, насколько нетерпима духовная школа ко всякимъ проявленіямъ сознанія въ ученикѣ, служить хотябы такой фактъ.

Въ одной семинаріи преподаватель „нравственнаго“ богословія въ цѣломъ рядѣ лѣтъ рѣшительно, по принципиальнымъ основаніямъ, отказывался выслушивать благодарственныя рѣчи, которыя пытались говорить ему кончающіе курсъ семинаристы, молодые люди въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ.

— Нѣтъ, вы не имѣете права говорить мнѣ рѣчи, вы ученики и не можете разсуждать о своихъ учителяхъ.

— Но мы черезъ мѣсяць кончаемъ курсъ и тогда ..

— Да, тогда вы можете говорить, что вамъ угодно, а теперь — нѣтъ, вы ученики...

А, вѣдь, этотъ преподаватель считался еще либераломъ; „шестой классъ“ разражался дружнымъ взрывомъ рукоплесканій послѣ знаменитаго урока, на которомъ онъ развивалъ смѣлую мысль о допустимости вообще театра съ христіанской точки зрѣнія.

Идеологія рабства не имѣетъ цѣльной, стройной системы. Духовная школа создаетъ лишь рядъ отдѣльных, не имѣющихъ взаимной связи посылокъ, которыя всѣ приходятъ къ одному: „нужно непрекословно повиноваться!“

Одинъ ректоръ убѣжденно доказывалъ семинаристамъ, что ихъ проступки противъ школьной дисциплины — не что иное, какъ государственное преступленіе. Вы нарушаете законъ, — говорилъ онъ, — а законъ установленъ государственной властію, слѣдовательно, нарушитель семинарскихъ правилъ — государственный преступникъ, а потому... нужно непрекословно повиноваться.

Чаще всего въ стѣнахъ семинаріи слышатся такія разсужденія. Начальство — „власть“. Самый маленькій начальникъ есть воплощеніе „власти“. Какъ бы ни казался несправедливъ и неразуменъ начальническій приказъ, его необходимо

исполнить, ибо въ противномъ случаѣ нарушитель приказа подрываетъ самодовлѣющее начало власти, какъ таковой, разрушаетъ въ корнѣ самый принципъ ея. „Распоряженіе начальника нелѣпо, но онъ — „власть“, власти слѣдуетъ повиноваться непрекословно, слѣдовательно, нелѣпое требованіе начальства должно быть исполнено безъ всякихъ разсужденій“. Вотъ силлогизмъ, съ которымъ постоянно приходится считаться питомцу духовной школы.

Смѣшивая два понятія — чело́вѣка-начальника и отвлеченной идеи власти, духовная школа затушевываетъ эту логическую ошибку ссылкой на Бога и св. писаніе. „Нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть“.

Слѣдовательно, не повинующійся власти посягаетъ на Богомъ установленный порядокъ. Такъ какъ всякое критическое и сознательное отношеніе къ распоряженіямъ семинарскаго начальства понимается въ смыслѣ „противленія власти“, то оно и трактуется, какъ вызовъ Божеству, какъ грѣхъ и религиозное нарушеніе, какъ проступокъ, подлежащій не только воспитательно-уголовной реакціи, но и нравственно неодобрительный. Создается странное, досадное смѣшеніе понятій. Евангеліе, съ его примиряющимъ ученіемъ о подчиненіи власти вообще, приводится въ защиту слѣпой и тупой покорности всякому произволу и насилию, лишь бы творцомъ ихъ являлась свободная отъ критики и всякой отвѣтственности за свои ошибки власть.

Допустимъ, говорятъ иные педагоги, начальство неправо, оно ошибается, но это отнюдь не освобождаетъ духовнаго питомца отъ обязанности подчиниться, смиренно потерпѣть и, самое главное, не осуждать. Даже въ мысляхъ не слѣдуетъ относиться съ неодобреніемъ къ распоряженіямъ власти. Она отъ Бога, Самъ Иисусъ Христосъ все претерпѣлъ, перенесъ, пострадалъ, подчинился земному начальству... Но они, эти педагоги, забываютъ, что Спаситель не терпѣлъ зла, произвола и насилія. Для ихъ уничтоженія Онъ пришелъ на землю и принесъ Себя въ жертву. Если Онъ и подчинился земной власти, то только тѣломъ, а не духомъ, школа же требуетъ духовнаго порабощенія. Подчиняйся

насилію, сноси произволь, смирайся предъ зломъ, учить она и своимъ ученіемъ стремится умертвить нравственную личность духовнаго питомца. Безразличное отношеніе къ тому, что дурно само по себѣ, убиваетъ нравственную чуткость, при нормальныхъ условіяхъ инстинктивно реагирующую на всякое зло. Духовный питомецъ приучается апатично относиться къ несправедливости, злоупотребленіямъ и произволу властей, теряетъ чувство законности и гражданскаго мужества. Здѣсь-то, въ этой школьной идеологіи тупой покорности и заключается корень добровольнаго приниженія, инертности и безгласности подавляющей массы нашего духовенства.

Школьная рабская философія не блещетъ своей глубиной и силою логики, но этотъ недостатокъ восполняется механическимъ принужденіемъ и общимъ гнетомъ всего воспитательнаго строя, при помощи которыхъ рабская философія проводится въ жизнь. Семинарская система упраздняетъ личность воспитанника, личность третируется, давится, всецѣло приносится въ жертву внѣшнему порядку и дисциплинѣ.

Воспитанники одной семинаріи рассказывали случай, похожій на анекдотъ. Въ этой семинаріи было заведено общее церковное пѣніе. Имъ интересовались въ Петербургѣ и заѣзжіе высшіе духовные сановники, случалось, посѣщали семинарскій храмъ. Семинарія всегда готовилась къ достойной встрѣчѣ высокихъ посѣтителей. Обычно передъ самой службой ходилъ помощникъ инспектора и выбиралъ воспитанниковъ съ хорошими голосами, чтобы поставить ихъ вокругъ почетнаго гостя. Производилась своеобразная фальсификація пѣвцовъ, — явленіе довольно рѣдкое и въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ фальсификацій. Но дѣло, разумѣется, не въ этомъ. Представьте себѣ весь ужасъ семинарскаго начальства, когда одинъ воспитанникъ съ хорошимъ голосомъ, но со слабымъ здоровьемъ, утомленный безконечной службой, упалъ безъ чувствъ къ ногамъ высокаго гостя. Виночника переполоха вынесли, онъ скоро пришелъ въ себя и его воспитатель ничего не нашелся сказать, кромѣ пары поистинѣ крылатыхъ словъ. „Какъ вамъ не стыдно, не могли вы-

стоять службы!“ Не правда ли, возгласъ этотъ близко походить на возгласъ горьковскаго босяка со „дна“, услышавшаго о трагической смерти актера: „Эхъ, дуракъ, испортилъ пѣсню!“ Личность, человекъ тутъ—ничто, самое главное—порядокъ, нарушенное красивое представленіе, прерванная пѣсня!

Стоитъ только зайти въ семинарскій храмъ передъ праздничной службой и тамъ можно видѣть любопытную картину. Воспитатель выстраиваетъ своихъ питомцевъ въ ряды. Воспитанники одинъ за другимъ подходятъ къ нему, онъ беретъ каждаго за плечи, придвигаетъ къ ряду, разставляетъ ихъ, какъ пѣшки на шахматной доскѣ, и двигаетъ ими, какъ автоматами. Картину эту слѣдуетъ занести на полотно, какъ символическое изображеніе духовно-педагогическаго идеала, какъ выраженіе того, что хотѣлось бы духовнымъ педагогамъ сдѣлать со всей личностью своего питомца. Не даромъ инспекторъ Вологодской семинаріи торжественно заявляетъ: „семинаристъ—машина: какъ я заведу ее, такъ она и должна идти“*. И въ дѣлѣ превращенія семинаристовъ въ машины онъ далеко не одинокъ.

„Воля“, пишетъ Рибо, „подобно уму, имѣетъ своихъ идиотовъ и своихъ геніевъ со всѣми возможными, какъ въ той, такъ и въ другой крайности, отгѣнками“**. Духовная педагогика, къ сожалѣнію, не безуспѣшно, стремится воспитать только идиотовъ воли.

Нѣчто подобное производится и въ области мысли. Еще Радищевъ въ своемъ знаменитомъ „путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву“ въ 1790 году писалъ: „Аристотель и схоластика донинѣ царствуютъ въ семинаріи“. Онъ „почиталъ училище сіе принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ“. Прошелъ еще вѣкъ, а слова этого великаго гуманиста, яркой кометой блеснувшего на зарѣ русской общественности, такъ же свѣжи и новы, такъ же современны и близки нашей дѣйствительности, какъ и написанныя вчера. Схоластика, формальное мышленіе, заключенное въ узкія, тѣсныя рамки, до-

* „Русскія Вѣдомости“ 1905 г. № 96.

** Цит. по Сигеле—Преступная толпа ст. 98.

нынѣ гнетуть семинариста; его мысль въ тискахъ, которые никогда не разжимаются. Въ подавленіи всякаго критицизма и природной, естественной пытливости молодого ума духовная школа видитъ единственное вѣрное средство сохранить религіозное единомысліе, чистоту и неповрежденность вѣры; ей кажется, что гдѣ критика и относительная свобода мысли, тамъ и заблужденіе, превратныя ученія, расколы и ереси. Старья, заплѣсневѣлыя, высохшія отъ времени истины единственная пища для питанія семинарскаго мозга. Эти духовные суррогаты должны быть усвоены, по возможности, словами учебника — „лучше книги не скажешь“, открыто заявляютъ иные наставники. Здѣсь всѣ вопросы рѣшены, на все даны готовыя формулы, вѣками выработанныя трафареты. Все свободное, все новое, учебникомъ не предусмотрѣнное, — враждебно „истинному христіанству“. Идеалы — позади, въ отдаленной глубинѣ вѣковъ.

Обезпечивъ слѣпую покорность духовныхъ питомцевъ, многіе воспитатели „не стѣсняются“ съ ними. Они словно хотятъ испытать, дѣйствительно ли глубоко забито въ воспитанникѣ его самосознаніе, и проявляютъ самое дикое самодурство и произволь.

Лѣтъ семь-восемь тому назадъ ректоръ одной семинаріи имѣлъ обыкновеніе сводить на экзаменахъ дополнительные счеты съ воспитанниками, замѣченными въ „дурномъ“ поведеніи и, само собою разумѣется, за это достойно наказанными. Особенно поучительныя сцены происходили, когда ректоръ куда нибудь слѣшилъ и не могъ оставаться во время всего экзамена. Тогда обычный порядокъ прерывался и внѣ всякой очереди, — воспитанники отвѣчали обыкновенно въ порядкѣ алфавита, — вызывались „друзья“ о. ректора, ученики, пользовавшіеся его расположеніемъ. Едва „другъ Кесаря“ начиналъ отвѣчать свой билетъ, едва произносилъ онъ нѣсколько фразъ, какъ уже слышались слова: „ну, довольно съ него, онъ знаетъ... ставьте ему пять“... Всѣ ставили по пятеркѣ и отпускали съ миромъ. За „друзьями“, опять внѣ очереди, вызывались „недрузья“. Смущенный, предчувствуя недоброе, недругъ великаго Кесаря сбивчиво начиналъ лепетать свой билетъ. Но рѣшительный возгласъ прерывалъ его:

„О, это баловникъ... онъ ничего не знаетъ... ставьте ему единицу, а я два поставлю“... Преподаватели, молча, ставили единицы. Судь совершался, ректоръ уходилъ, а экзаменъ продолжался въ обычномъ порядкѣ.

Подобные случаи не единичны. Нѣкоторые преподаватели безъ всякаго смущенія, открыто, при всѣхъ, заявляютъ досадившему питомцу: „я вамъ припомню это на экзаменъ“. И припоминаютъ.

Мы не хотимъ обобщать этихъ фактовъ и выдавать ихъ за обычное явленіе семинарской жизни, но они были, — были и предъ такимъ дикимъ, безграничнымъ произволомъ *естъ молчали!* Молчали воспитанники, молчали преподаватели, выставившіе по приказу единицы. Почему, зачѣмъ они молчали?! — „Нѣсть власть еще не отъ Бога“ и еще: „плетью обуха не перешибешь“. Они молчали, но мало того, они учили своихъ питомцевъ молчанію, настойчиво внушали имъ, что нужно терпѣливо сносить всѣ, выражаясь мягко, неровности характера начальства во имя „христіанскаго“ (!) смиренія.

— „Что-жъ, господа“, говорилъ одинъ семинарскій наставникъ въ минуты особаго возбужденія учениковъ начальническимъ произволомъ, „нужно терпѣть... и мы терпимъ... и пищишь, да лѣзешь“.

— „Терпи“, говорятъ другіе, „Христоръ не то терпѣлъ“, и какъ доказательство отъ практики жизни тутъ же добавляютъ: „а не стерпишь, потерпишь еще больше“. И дѣйствительно, когда семинаристъ недавно не стерпѣлъ и на возгласъ педагога: „дуракъ-съ“, отвѣчалъ: „ты самъ дуракъ“, онъ немедленно вылетѣлъ изъ семинаріи и тогда только понялъ, что примѣру воспитателя воспитанникъ слѣдовать не долженъ.

Такимъ образомъ, духовно-учебное начальство создаетъ особую теорію непротивленія злу, но не въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ понимаетъ это Левъ Толстой, о которомъ, кстати замѣтить, духовные педагоги не говорятъ иначе, какъ съ пѣною у рта, а лишь въ отношеніи къ начальству.

VII.

Что же получается? Какихъ результатовъ достигаетъ духовная школа со своей воспитательной системой? А результаты получаются разные, но всѣ одинаково плачевные. Все зависитъ, конечно, отъ индивидуальности питомца.

Въ однихъ система мертвой петли вызываетъ бурный, шумный, все отрицающій, все уничтожающій протестъ. Это—большею частию люди, богато одаренные отъ природы, съ крѣпкой волей и сильной головой. Семинарія, какъ мы видѣли, стремится убить волю семинариста, душисть пытливую мысль, заполняетъ мозгъ его сухими, чуждыми жизни истинами, объявляя все остальное измышлениями боговраждебнаго міра. Но молодая мысль и воля, трепещущая избыткомъ юныхъ силъ, не мирятся со своимъ погребеніемъ заживо. Могучій инстинктъ жизни неудержимо толкаетъ семинариста на борьбу за цѣлость своей личности. Онъ яростно отстаиваетъ свое проснувшееся самосознаніе отъ бессмысленной школьной нивеллировки. Происходитъ страшная, неравная борьба молодого неокрѣпшаго человѣка съ бездушной системой-машиной. Мертвые, сильные рычаги и колеса, не зная жалости и сожалѣнія, давятъ, рѣжутъ, разрываютъ на части все живое, что имѣетъ мужество противустать этой страшной машинѣ. Многіе гибнутъ. Другіе побѣждаютъ, но эти побѣды—побѣды Пирра. Человѣкъ выходитъ изъ борьбы не обновленнымъ, а изувѣченнымъ, истекая кровью, со страшными ранами, слѣды которыхъ едва ли когда изгладятся. Семинарское сплетеніе вѣры и произвола, насиліе надъ личностью съ именемъ Бога на устахъ вызываютъ въ духовномъ питомцѣ, въ видѣ реакціи противъ гнета, отрицаніе всего, что хотя косвенно связано съ семинаріей и ея наукой. Съ проклятіями оставляетъ семинаристъ ворота воспитавшей его школы и съ легкимъ сердцемъ выбрасываетъ весь свой семинарскій багажъ, до вѣры включительно. Но жить нужно. Нужно строиться на новомъ, создать міросозерцаніе и семинаристъ, все отрицающая, клеймитъ „метафизику“ и вѣритъ въ „фактъ“. Онъ съ

услажденіемъ зачитывается Писаревымъ и другими отрицателями авторитетовъ, такъ отвѣчающими его настроенію. Семинаристъ—позитивистъ по преимуществу. Такимъ сдѣлала его школа. Подавляющее большинство студентствъ изъ семинаристовъ отличается позитивнымъ складомъ мышленія.

Однако, въ стѣнахъ семинаріи духовный питомецъ долженъ тщательно скрывать свой дѣйствительный образъ мысли, иначе его изгнаніе неминуемо. Поэтому, воспитанникъ аккуратно посѣщаетъ семинарскій храмъ, истово выполняетъ церковныя правила, съ „благоговѣніемъ“ принимаетъ благословеніе о. ректора и прочихъ духовныхъ властей, но въ душѣ—негодуетъ, озлобляется. Чтобы получить аттестатъ I-го разряда, открывающій дорогу въ высшія учебныя заведенія, такой питомецъ прилежнѣе другихъ изучаетъ богословскія науки, ненавидя ихъ до глубины души. Наставники не слышатъ неуловимой нотки ироніи и злого сарказма надъ наукой, преподавателемъ, и даже самимъ собою, которая слышится въ рѣчи семинариста, бойко отвѣчающаго „урокъ“ по богословію. Преподаватель не услышитъ ихъ никогда, потому что сама же школа приучила питомца къ самому утонченному лицемерію и обману. Все это нравственно калѣчитъ юныя души, но закаляетъ, правда, энергію, терпѣніе и упорство. Не даромъ эти добродѣтели признаются иногда за специфически семинарскія.

Другіе, болѣе податливые воспитанники не имѣютъ мужества и силъ на борьбу въ семинарской системой. И она дѣлаетъ свое дѣло. Семинаристъ привыкаетъ наткаться всюду на завѣтныя табу, къ которымъ школа не дозволяетъ прикасаться. Онъ привыкаетъ обходить все, надъ чѣмъ вѣнчаны ярлыки: „не трогать руками“ и „входъ воспрещенъ“... Его мысль все больше и больше становится трусливой и робкой, она боится смѣло рѣшать вопросы, пускаться въ запретныя области. Школа сдавливая его умственный горизонтъ. Семинарскія истины, мертвыя, далекія отъ жизни, безсилны удовлетворить самому неприхотливому вкусу, другого матеріала нѣтъ и мозгъ все больше и больше усыпляется, умственные запросы замираютъ. Изученіе семинарскихъ наукъ обращается въ скучную повинность, которую

такъ или иначе необходимо отбивать. Духовный питомецъ зубрить, когда ожидаетъ спроса, нужное количество страниц семинарскаго учебника такъ же, какъ дровоколъ колеть дрова или чиновникъ переписываетъ однѣ и тѣ же бумаги, т. е., глубоко безучастный къ привычной работѣ. Онъ съ равнымъ прилежаніемъ и успѣхомъ будетъ изучать догматическое богословіе Макарія и физику Краевича и, если заставятъ, латинскій лексиконъ. Придавленные школой, такіе семинаристы не переживаютъ въ своей юности той бурной, прекрасной весны, когда человѣкъ пытается перерѣшить всѣ міровые вопросы, когда революція духа даетъ могучій толчекъ къ формированію его взглядовъ и убѣжденій. Эти питомцы кончаютъ курсъ, не читавши большинства классиковъ, даже Тургенева. Ихъ интересы заполняются выпивкой, картами, рискованными похождениями. Еще на ученической скамьѣ они обсуждаютъ вопросы о мѣстахъ и придахъ. На этой почвѣ слагаются типы матеріалистовъ, такъ нерѣдко встрѣчающіеся среди нашего духовенства. Способные приноровляться ко всякому режиму, безобразію и произволу, они разбредаются по далекимъ весямъ родной страны и живутъ — благоденствуютъ, удовлетворяя свои умственные запросы только чтеніемъ официальнаго отдѣла епархіальныхъ вѣдомостей.

Конечно, изъ семинаріи выходятъ иногда лица, усвоившія семинарскую науку не только за страхъ, но и за совѣсть, дѣйствительные ревнители семинарскаго благочестія и мудрости. Однако, и надъ этими людьми школа шутитъ свою злую шутку. Воспитанные въ духѣ идей, цѣлымъ вѣкомъ отставшихъ отъ жизни, они попадаютъ въ положеніе москвитовъ 17-го столѣтія, очутившихся вдругъ на улицахъ шумнаго западнаго города. Жизнь ушла далеко впередъ и оказалась совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ изображала ее школа. Семинариста готовили къ пастырской дѣятельности, къ духовному руководству народа. Въ сознаніи своего нравственнаго долга онъ выходитъ на кафедру и оттуда раздается проповѣдь, сухая, схоластичная, на языкѣ 18 вѣка, уснащенная текстами, не выходящая изъ сферы отвлеченныхъ понятій, далекихъ и чуждыхъ жизни. Общество не понимаетъ проповѣд-

ника, а онъ не понимаетъ дѣйствительныхъ запросовъ народа. Получается трагическій разладъ, взаимное непониманіе. Потому то и пишутъ, что „семинарское духовенство утратило значеніе и отдалилось отъ всѣхъ слоевъ прихода, обособилось въ касту, никому не симпатичную, даже себя“*. Эта группа семинарскихъ питомцевъ, случается, выдѣляется изъ себя людей энергичныхъ, но безусловно сбитыхъ съ толку семинарской премудростью. Именно она то и даетъ ожесточенныхъ фанатиковъ церковно-приходской школы, обличителей врачей и учителей, духовныхъ вождей и вдохновителей черносотенныхъ дружинъ. Эти глубоко антиобщественные элементы, не вѣдая, что творятъ, насаждаютъ мракобѣсіе и, соединяясь со всѣми темными и невѣжественными силами, губятъ дѣло церкви, и роняютъ ея нравственный авторитетъ.

Наконецъ, единицы выбиваются. Они успѣваютъ создать, по выходѣ изъ семинаріи, гармоничное, истинно христіанское, широкое и гуманное, міросозерцаніе. Но этимъ обязаны они не школѣ, а счастливымъ условіямъ своей личной жизни или незаурядной глубинѣ своей созерцательной натуры. Такія исключенія только ярче отбѣняютъ ненормальность общаго порядка.

Таковы итоги. Не слѣдуетъ однако забывать, что добрая половина духовныхъ питомцевъ выброшена изъ школы, какъ непригодный матеріалъ, и по ихъ трупамъ прошли болѣе счастливые товарищи. Духовная школа признала ихъ негодными даже для того, чтобы ихъ искалѣчить. Для этихъ неудачниковъ сразу погасли слабо мерцавшія надежды на лучшее будущее, на дальнѣешее умственное и нравственное развитіе. Но если школа всегда выбрасываетъ за бортъ половину своихъ питомцевъ, то выводъ здѣсь одинъ: или дѣти духовенства никуда не годятся, или никуда не годится сама школа.

* Инспекторъ семинаріи. Русское Слово 1905 г. № 162.

VIII.

Для правильного пониманія всей ненормальности воспитательнаго строя духовной школы необходимо вскрыть дѣйствительныя причины, подъ воздѣйствіемъ которыхъ этотъ строй слагается.

Русское общество хорошо знаетъ, что такое бюрократическій режимъ. Многие десятки лѣтъ онъ стремился забить въ кандалы всякій свободный починъ, всякую частную инициативу. Онъ гналъ и давилъ все живое, свѣтлое, независимое, благородное. Его тяжесть стала, наконецъ, невыносимой и привела насъ на край гибели, къ потокамъ крови и ужасамъ революціи.

Но, какъ это ни странно, у насъ еще имѣются люди, которымъ приходится завидовать „идеальной“ свободѣ, выпадающей на долю безправнаго русскаго „свѣтскаго“ чело-вѣка. Люди эти—православное духовенство, всѣ состоящіе въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, въ частности, духовная школа. Если все русское общество изнемогало подъ давленіемъ одного бюрократическаго пресса, то на духовное вѣдомство налегали два такихъ пресса,—общій и свой спеціальный, духовный. Православная соборная церковь, свободная и независимая въ идеѣ, превратилась въ приказное, бюрократическое вѣдомство православнаго исповѣданія, ставшее одной шестерней общей бюрократической машины. Явилась бюрократія духовная, которую по силѣ „усмотрѣнія“ справедливо можно назвать бюрократіей въ квадратѣ.

Если свѣтскій бюрократъ, могучимъ взмахомъ парящій надъ закономъ и правомъ въ безпредѣльной выси усмотрѣнія, время отъ времени долженъ былъ, хотя для виду, справляться въ законѣ, чтобы истолковать его вопреки прямому смыслу, то бюрократъ духовный и не думалъ прикасаться къ закону; онъ возбуждалъ только вопросъ: откуда, какъ и почему явился протестъ. „Протестъ“ и даже просто не во время обращенная просьба разсматривались, какъ религиозное преступленіе. Просящій, протестующій, во 1-хъ, не до-

воленъ своимъ положеніемъ, а всякое недовольство носить въ себѣ признаки вольномыслія и непокорства властямъ; во 2-хъ, онъ оказываетъ себя и дурнымъ христіаниномъ, неуловившимъ заповѣдь Христову о „терпѣннн;“ дурные же христіане не терпимы на службѣ по духовному вѣдомству.

Такимъ образомъ, кромѣ простой физической силы, на которую опиралась свѣтская бюрократія, духовная сестра имѣла у себя на службѣ и „христіанскую“ идеологію, убивавшую въ корнѣ не только проявленіе, но и самое зарожденіе недовольства. Какъ извѣстно, мощь и сила усмотрѣнія растутъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, а потому духовная бюрократія неминуемо должна была возрасти въ могучее, вѣтвистое дерево съ яркими, пышными, одуряющего запаха цвѣтами и ядовитыми плодами.

На ряду съ нею въ православномъ вѣдомствѣ не переставала дѣйствовать и свѣтская бюрократія, такъ что здѣсь со-здалась своего рода помѣсь двухъ бюрократій, а извѣстно, что метисы часто наследуютъ отъ своихъ родителей ихъ особенности, необыкновенно ярко выраженные. Въ духовномъ вѣдомствѣ устоялась затхлая, удушливая атмосфера широчайшаго, безпредѣльнаго усмотрѣнія, проникающаго во всѣ поры и уголки жизни. Усмотрѣніе, какъ страшный кошмаръ, нависло надъ духовнымъ вѣдомствомъ, окутало его ядовитымъ туманомъ, обезправило, обезличило духовенство, убило его инициативу, уничтожило энергію и привило рабскіе инстинкты. Здѣсь утвердились два всеобъемлющіе принципа жизни,—по отношенію къ высшимъ: „какъ бы чего не вышло“ и „какъ взглянуть на это такой то“, а въ отношеніи къ низшимъ: „миръ, тишина, спокойствіе... молчи и не пиши“.

Школа обыкновенно является мѣстомъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, особенно ярко и отчетливо отражаются идеи, господствующія въ правящихъ кругахъ общества. Тоже самое происходитъ и въ духовной школѣ; въ ней съ особой рельефностью, во всемъ уродствѣ и безобразіи, выступаетъ приказный строй духовнаго вѣдомства.

Яркую иллюстрацію къ этому даетъ дѣйствующій уставъ духовныхъ семинарій 1884 г., явившійся на смѣну устава 1867 г. Этотъ новый законъ узаконилъ беззаконіе. Уничтоживъ отно-

сительную свободу семинарских правлений, уставъ 1884 г. непомѣрно возвысилъ власть епархіального архіерея и все ему подчинилъ. Всѣ постановленія правленія утверждаются, измѣняются и отмѣняются архіереемъ. Каждый семинарскій преподаватель можетъ быть по усмотрѣнію архіерея перемѣщенъ съ мѣста на мѣсто, съ одного предмета преподаванія на другой и даже совсѣмъ уволенъ отъ службы. Въ этомъ отношеніи архіерей не знаетъ законныхъ ограниченій. Жаловаться на него тоже нельзя. Такимъ образомъ, духовная школа сразу очутилась въ крѣпостной зависимости преосвященнаго владыки. Соответствующимъ образомъ возрасли полномочія „назначеннаго“ ректора семинаріи, избиравшагося до 1884 года корпораціей наставниковъ. Ректоръ наблюдаетъ за общимъ ходомъ семинарской жизни, въ частности, за дѣятельностію каждаго преподавателя и воспитателя. Эта опека простирается до мелочей. Учебный комитетъ въ своихъ циркулярахъ не разъ напоминаетъ ректорамъ, чтобы они неуклонно слѣдили за своевременнымъ приходомъ преподавателей въ классы*. Опираясь на архіерея, ректора, эти бурмистры въ помѣстьи владыки, часто мудрятъ не въ свою голову надъ безотвѣтной школой. Одинъ ректоръ потребовалъ, на примѣръ, чтобы преподаватели предъ началомъ учебнаго года представили ему „учебные конспекты по преподаваемымъ ими наукамъ, съ соображеніями о возможности и своевременномъ выполненіи таковыхъ конспектовъ и съ подробнымъ обозначеніемъ, какъ числа всѣхъ по извѣстному предмету годовыхъ уроковъ, такъ и количества учебнаго матеріала, падающаго на каждый данный урокъ“, ибо подобные конспекты, полезные для самихъ наставниковъ, „весьма удобны для начальства семинаріи при наблюденіи за современностію и правильностію выполненія учебныхъ программъ“**. Преподаватель за цѣлый годъ впередъ долженъ опредѣлить: сколько и какія именно страницы учебника задастъ онъ воспитанникамъ на каждый день. И этотъ педаго-

* Циркуляръ по духов.-учеб. вѣд. 1903 г. № 22, стр. 67—68.

** Циркуляръ по духов.-учеб. вѣд. 1895 г. № 15, стр. 57—58.

гической абсурдъ сообщается учебнымъ комитетомъ циркулярно и объявляется... „заслуживающимъ подражанія!“

Понятно, тамъ, гдѣ выходятъ такіе циркуляры, не можетъ быть и рѣчи о какой нибудь инициативѣ, попыткахъ видоизмѣнить окаменѣвшій учебно-воспитательный строй. Тамъ все забито и молчитъ. Духовная школа—идеальное заведеніе для культивировки чувства страха. Манія начальническаго преслѣдованія здѣсь самая распространенная болѣзнь. На этой влажной почвѣ пышно распускаются всѣ тѣ добродѣтели, которыя, какъ муť и тина въ грязномъ прудѣ, самопроизвольно зарождаются въ мірѣ рабства и безправія. Но рабство деморализуетъ рабовъ и господъ. Рабы самые худшіе господа. „Ничего цѣтъ вреднѣ“, пишетъ Радищевъ, „какъ всегдашнее на предметы рабства взираніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой робость. Тутъ не можетъ быть никакой связи, кромѣ насилія. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, ключимые сами въ узахъ, бывають наияростнѣйшіе оной проповѣдники. Кажется, что духъ свободы такъ въ рабахъ истребляется, что не только не желаютъ они прекратить своего страданія, но еще тягостно имъ зрѣть другихъ свободными... Примѣры властвованія заразительны“*. Поэтому, всѣ болѣе независимые люди, несвязанные разными житейскими узами, бѣгутъ изъ духовной школы, куда глаза глядятъ,—въ акцизъ, въ казенную палату, лишь бы сбросить съ себя пудовые кандалы, лишь бы спасти душу отъ этого засасывающаго болота безпросвѣтнаго рабства, лишь бы каждый шагъ и вся судьба не зависѣла отъ хорошаго или дурнаго настроенія духа высшаго начальства.

Во сколько же разъ тяжелѣе приходится лишеннымъ возможности бѣжать, духовнымъ питомцамъ, на спины которыхъ давить вся эта страшная пирамида начальствъ, этотъ неизмѣримой тяжести прессъ, ибо весь произволъ, вся горечь безправія, вся сумма начальническихъ усмотрѣній въ концѣ концовъ обрушивается на одни и тѣже плечи духовнаго питомца?

* А. Радищевъ. Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. Лейпцигъ 1876 г. стр. 139.

Въ какихъ формахъ выражается это высокое давленіе воспитательскихъ силъ на духовныхъ воспитанниковъ, мы уже видѣли.

IX.

Руководящая роль въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія принадлежитъ въ наше время монашествующимъ. Наибольше видныя духовно-учебныя должности ректора и инспектора въ большинствѣ семинарій замѣщаются монахами. Эта тенденція особенно ярко выражается за послѣднее десятилѣтіе, хотя, казалось бы, трудно найти людей, болѣе неподходящихъ для учебно воспитательныхъ цѣлей, чѣмъ монахи.

„Миръ во злѣ лежитъ“, — вотъ исходный пунктъ міровоззрѣнія монаха. Чуждаясь зла, онъ бѣжитъ отъ міра и людей въ пустыни и лѣса, чтобы, не развлекаясь житейской суетой, въ суровыхъ подвигахъ аскетизма, въ непрестанной молитвѣ, постѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ, восходить все выше и выше по ступенямъ нравственнаго совершенства. Такой высокій тяжкій подвигъ, по идеѣ монашества, должны принимать на себя только люди исключительной воли и духовныхъ дарованій, перекипѣвшіе, перегорѣвшіе въ жизни, „могущіе вмѣстить“, ибо оттуда нѣтъ возврата. Кромѣ трехъ обѣтовъ: дѣвства, нестяжательности и послушанія, монахъ принимаетъ на себя обязанность безотлучно оставаться въ монастырѣ или въ мѣстѣ постриженія „до послѣдняго издыханія“ (107 пр. номоканона), пребывая въ смиреніи, молитвѣ, нищетѣ, отрекшись отъ міра и его удовольствій. Номоканонъ съ особой строгостью осуждаетъ оставленіе монастыря. „Монахъ еще сидитъ на міру съ мірскими, соблудилъ есть“ (92 пр. номоканона). Монаха, который посидитъ въ дому своемъ, „яко мірянина вмѣняетъ Богъ“ (93 пр. номоканона). „Горе ему“, говоритъ Василій Великій о монахѣ, покинувшемъ мѣсто постриженія, „кому его уподоблю? Токмо Іудѣ предателю, разлучившемуся отъ Христа и учениковъ его“. Монаху воспрещено общеніе съ отцемъ, матерью и близкими друзьями. И вотъ съ такими то страшными обѣтами, съ та-

кими то взглядами на боговраждебный міръ, во злѣ лежащій, монахъ идетъ въ самую гущу жизни, выступаетъ въ роли воспитателя, администратора, управителя обширнаго хозяйства, съ неизбежнымъ общеніемъ съ питомцами, ихъ родными, со всѣмъ боговраждебнымъ міромъ. Люди, навсегда бѣжавшіе отъ міра, снова приходятъ въ него изъ за монастырскихъ стѣнъ. Они работаютъ въ мірѣ, который осудили, дѣлаютъ мірское дѣло, отъ котораго отреклись съ клятвою, подпадая сами подъ клятвы номоканона. Предъ лицомъ такого противорѣчія совѣсть монаха чиста, какъ кристалль. Ему приказало начальство и онъ, въ силу обѣта, повинуется. „Глаголетъ Василій Великій: аще кій монахъ въ коемъ либо словеси, ко спасенію его изглаголанномъ, сопротивится игумену своему или старцу или духовному своему отцу, яко соперникъ Божій обрѣтается. Лучше бо есть къ Богу согрѣшити, нежели къ единому отъ сихъ“ (113 пр. номоканона). Тоже подтверждаетъ Іоаннъ Лѣствичникъ: „лучше согрѣшити противъ Бога, нежели противъ отца нашего“, т. е., духовнаго наставника. И эти люди, отрекшіеся отъ воли настолько, что послушаніе начальству для нихъ—выше послушанія Богу (!), призваны воспитывать дѣтей и юношей, готовить ихъ къ активной общественной дѣятельности! Можно ли найти болѣе непригоднаго воспитателя, чѣмъ рабъ? Воспитатели-чиновники, руководясь усмотрѣніемъ, деморализовали русскую школу, обратили ее въ острогъ, въ дисциплинарный батальонъ, во что угодно, только не въ воспитательное учрежденіе. Воспитатели—рабы погубили Римъ. Въ духовную же школу призываются рабы духа, рабы по убѣжденію, то есть, болѣе худшіе рабы, чѣмъ римскіе, знавшіе только физическую несвободу, но смѣвшіе и умѣвшіе иногда свободно и широко мыслить. Въ духовной школѣ происходитъ рѣдкая по своему драматизму коллизія двухъ міровоззрѣній, какъ два полюса далекихъ и чуждыхъ другъ другу. Съ одной стороны монахъ, смотрящій на міръ чрезъ темную призму аскетизма, съ другой—жизнерадостные юноши, которымъ все кажется въ розовомъ свѣтѣ. Одинъ осудилъ и покинулъ міръ, другіе идутъ въ него, жаждутъ жизни и готовятся къ ней. Для одного радость и веселіе жизни—суета, тлѣнъ и грѣхъ, для другихъ—ничѣмъ неукро-

тимая, естественная потребность молодого организма, жизне-радостного, еще не разъяденного рефлексам и самоанализомъ. И вотъ входитъ черный человекъ и нагоняетъ зимній холодъ на ликованіе весны. Онъ безжалостно обрѣзаетъ живые побѣги молодой, пытливой мысли, изсушаетъ морозомъ суровой морали радостное весеннее щебетаніе, — юношескую рѣзвость и оживленіе. Онъ озлобленно обдираетъ, топчетъ и мѣшаетъ съ землею нѣжную, юную зелень, — невинныя забавы и радости жизни. Онъ подъ корень вырубаетъ все, что не поддается его нивеллировкѣ, перерастаетъ или не вкладывается въ тѣсныя рамки, созданныя по одному образцу и размѣру для всѣхъ питомцевъ отъ 14 до 25 лѣтъ. И стоитъ семинарскій вертоградъ съ искривленными стволами, обрубленными сучьями, ободранной листвою, а монахъ ходитъ и творитъ свое разрушительное дѣло съ именемъ Бога на устахъ. Не зная, что такое семья, дѣти и тѣ муки, которыми страдаютъ и болѣютъ родители о каждомъ миллиметрѣ роста своего ребенка, монахъ приходитъ изъ дикой пустыни и принимается воспитывать дѣтей на началахъ исключительной, не для міра существующей морали, какъ будто міръ весь долженъ нести съ монахомъ его исключительный подвигъ.

Но не всѣ монахи близки къ идеалу, далеко не всѣ они — аскеты по убѣжденію. Въ монашеской средѣ выдѣляется другая группа, неудачниковъ, всю жизнь свою проклинаящихъ роковой, необдуманной шагъ. Мальчики, едва достигшіе 20-ти лѣтняго возраста, поступая въ академию, встрѣчаются здѣсь съ монахами, весьма часто готовыми сманить юнаго студента богословскихъ наукъ къ подвигамъ монашеской жизни. Неопытные, имѣя одно книжное представленіе о жизни, воспламененные словами искусителя, юноши, случается, съ энтузіазмомъ налагаютъ на себя вериги тяжелыхъ обѣтовъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ и наступаетъ неизбежная реакція, со всей горечью разочарованія, съ безсильными проклятіями на загубленную жизнь. Подавленная природа бурно протестуетъ; созрѣвшая, перебродившая мысль острымъ скальпелемъ вскрываетъ и разбиваетъ схваченные на лету, чуждые, узко аскетическіе идеалы. Происходитъ глубокой внутренней разладъ. Подъ черной мантией совершается тяжелая душевная драма.

Всѣ пути назадъ отрѣзаны, впереди же разверзается бездна, которая многихъ поглощаетъ. Даже такой апологетъ монашества, какъ еп. Никаноръ, удостовѣряетъ, что изъ ученыхъ монаховъ, по отзывамъ знающихъ людей, сбивалось съ пути $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$. Эти сбившіеся съ пути, нравственно искалѣченные люди призываются руководить всѣмъ дѣломъ воспитанія, всѣмъ строемъ духовно-школьной жизни. 25-лѣтніе монахи — мальчики прямо съ академической скамьи, безъ всякаго учебнаго опыта, становятся руководителями старшихъ, на службѣ посѣдѣвшихъ духовныхъ педагоговъ. Предполагается, что въ черномъ клубкѣ заключается многолѣтній педагогическій опытъ, залогъ и гарантія нормальнаго веденія учебнаго дѣла. Столько же смѣлы, сколько и невѣжественные въ педагогикѣ, юные монахи получаютъ широкую возможность производить въ духовной школѣ всевозможные педагогическіе эксперименты и они обыкновенно пользуются своимъ „правомъ“.

Но это не все. Тлетворный духъ карьеризма широкой волной проникъ и въ монашескую среду. Монашество сдѣлалось торнымъ путемъ для быстрой и видной карьеры. „Въ монахи часто и весьма часто идутъ тѣ изъ студентовъ академіи, которые мечтаютъ объ епископствѣ, которые хотятъ изъ монашества создать средство къ достиженію высокихъ почестей. Замѣчено далѣе, что студенты, идущіе въ монахи, въ 99 случаяхъ изъ 100 представляютъ собою худшія по успѣхамъ и серьезности характера элементъ студенчества“*. Не имѣя данныхъ выдвинуться впередъ путемъ благороднаго соревнованія на поприщѣ науки и общественной дѣятельности, иные студенты академіи добиваются этой цѣли чрезъ отреченіе отъ воли, путемъ продажи своей личности. По разряднымъ студенческимъ спискамъ монашествующіе обыкновенно плетутся въ самомъ хвостѣ, но за то съ окончаніемъ курса картина быстро мѣняется. Первые становятся послѣдними, а послѣдніе первыми. Все талантливое, умственно крупное и сильное въ духовномъ вѣдомствѣ попадаетъ въ кабалу къ смиреннымъ инокамъ. Иноки властвуютъ. Занятіе высшихъ

* „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1900 г., № 309.

должностей по духовно-учебному ведомству служить для них общим путем для достижения епископской кафедры. Пробывъ годъ или два въ одной семинаріи, „ученый“ монахъ переводится въ другую, третью и такъ далѣе, пока не достигнетъ своей завѣтной цѣли. Авторъ статьи „къ вопросу о постановкѣ дѣла воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ“* приводитъ любопытную статистику, составленную по официальнымъ даннымъ. Въ 58 семинаріяхъ смѣнилось:

Въ 1899 году	ректоровъ	14	инспекторовъ	15	всего	29
„ 1900 „	„	7	„	11	„	18
„ 1901 „	„	10	„	15	„	25
„ 1902 „	„	13	„	26(1)	„	39
„ 1903 „	„	13	„	13	„	26
„ 1904 „	„	11	„	17	„	28

Въ 1899 году составъ начальствующихъ лицъ (инспекторовъ и ректоровъ) остался безъ измѣненія только въ 6 семинаріяхъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ за послѣдніе 5—6 лѣтъ смѣнилось по 8 и 9 учебныхъ администраторовъ. Поэтому, даже одушевленные самыми прекрасными намѣреніями, монахи не имѣютъ физической возможности установить сколько нибудь прочной связи съ данной семинаріей, которая чуть ли не каждый годъ должна приноравливаться и къ новому курсу, и къ новымъ формамъ усмотрѣнія.

Такимъ образомъ, на духовную школу, помимо ея прямой, непосредственной задачи, выпадаетъ и другая, чуждая и неблагодарная задача—служить мѣстомъ для приготовления духовныхъ администраторовъ и бюрократовъ. Здѣсь монахи, движимые честолюбивымъ духомъ карьеризма, впервые расправляютъ свои крылья, дѣлаютъ свои пробные полеты и проявляютъ предъ кѣмъ слѣдуетъ свою административную рѣзвость и таланты. Подбадриваемые свыше циркулярами объ усиленіи надзора и строгости, кандидаты на высшія духовно-административныя должности стараются проявить свою желѣзную твердость и энергію, и „педагогическія“ мѣры чернаго начальства сыпятся изъ рога изобилія на ду-

* „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 г. Апрель стр. 784—785.

ховную школу, вызывая бунты и волненія, сопровождаемая родовымъ избіеніемъ десятковъ и сотенъ лучшихъ духовныхъ питомцевъ. Монахи это—проклетіе современной духовной школы.

Столь же неудовлетворительно разрѣшается въ семинаріи и „надзирательскій“ вопросъ. Надзиратели—это низшіе агенты воспитательскаго надзора, подчиненные инспектору и его помощнику. Должности эти обыкновенно замѣщаются только что кончившими курсъ студентами семинаріи (кончившими по 1-му разряду). Трудно представить себѣ болѣе неустойчивое и скользкое положеніе, чѣмъ положеніе надзирателя духовной семинаріи. Съ одной стороны—вчерашніе товарищи—семинаристы, затронуть которыхъ опаснѣе, чѣмъ осинное гнѣздо, съ другой—начальство, съ невиннымъ видомъ предлагающее вопросъ:

— Ну, что, у васъ все благополучно?

— Все благополучно...

— Какъ благополучно?! а у койки Вознесенскаго я окурочъ видѣлъ!..

И громы земные поражаютъ надзирателя.

Въ тяжеломъ раздумьи стоитъ этотъ новый витязь на распутьи предъ зловѣщей надписью: „пойдешь направо,—голову сорвутъ, свернешь налево,—живьемъ съдѣять“ Постоить—постоить надзиратель и, безсильный разрѣшить роковую дилемму, махнетъ рукой на 16 руб. 66²/₃ коп. мѣсячнаго жалованья,—звѣриное число 1666, какъ утверждаютъ семинаристы,—и бѣжить изъ духовной школы. Только страхъ передъ „солдатчиной“ загоняетъ многихъ на поприще педагогической дѣятельности.

Повальное бѣгство надзирателей замѣчается и въ духовномъ училищѣ, гдѣ надзиратели чувствуютъ себя болѣе независимо, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ питомцамъ. По словамъ „надзирателя“, изъ 20—30 бывшихъ и настоящихъ надзирателей, съ какими ему пришлось встрѣтиться въ теченіе 10 послѣднихъ лѣтъ, только одинъ пробылъ въ одномъ училищѣ пять лѣтъ; другіе служили максимумъ 2—3 года; многіе—всего полгода и даже 2—3 мѣсяца... Причина этого кроется въ неприглядной жизни надзирателя, его безправно

сти и зависимости отъ произвола зрителя и помощника послѣдняго; наконецъ, — въ матеріальной необезпеченности и въ многочисленныхъ занятіяхъ, связанныхъ съ этой должностью *. Матеріальное положеніе надзирателя дѣйствительно незавидно. Въ этомъ отношеніи духовная школа руководится мудрымъ принципомъ: „и числомъ поменьше, и цѣною подешевле“. Она платитъ надзирателю отъ 15 до 22 рублей въ мѣсяцъ и считаетъ это вполне достаточнымъ, справедливо полагая, что если Ермолай никогда не кормилъ свою Валетку, такъ какъ „песь — животное умное“, то тѣмъ менѣе, конечно, слѣдуетъ заботиться о надзирателѣ, который, какъ никакъ, все таки — человѣкъ, существо разумное.

Такимъ образомъ, если не считать сыщиковъ по призванію, то странствующие монахи, загнанные непогодой жизни помощники инспектора, спасающіеся отъ „солдатчины“ надзиратели, вся бродячая духовная Русь, готовая покинуть свое занятіе при первой возможности, — вотъ наличный составъ воспитательскихъ силъ духовной школы.

Эти подневольные „педагоги“ берутся за свое воспитательское дѣло положительно безъ всякихъ о немъ представлений. Самый первый воспитательскій чинъ — надзиратель никогда не слышалъ, что такое „педагогика“, наука о воспитаніи. Эта наука уставомъ 1884 года изгнана изъ семинарскаго курса и замѣнена „дидактикой“, которую всего справедливѣе слѣдовало бы именовать „ученіемъ о церковно-приходской школѣ“, такъ какъ ничѣмъ другимъ она не занимается. Воспитатели — академики, правда, слышали краемъ уха и самую „педагогику“, но сѣмена ея настолько слабы и непригодны къ каменистой семинарской почвѣ, что они немедленно гибнутъ отъ одного прикосновенія къ духовно-воспитательной „системѣ“. Безъ знанія дѣла, не имѣя и малѣйшихъ представлений о воспитаніи, его методахъ и средствахъ, духовные педагоги воспитываютъ другихъ точно такъ же, какъ воспитывали ихъ самихъ, какъ воспитывались ихъ отцы, и воспитательная система, этотъ рѣдкій пережитокъ добраго

* С. П. Школа и Жизнь. „Христіанское Чтеніе“ 1899 г. январь стр. 177—178.

старого времени, стоять, окостенѣвъ, десятки лѣтъ безъ всякихъ измѣненій. „Въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ“, пишетъ инспекторъ семинаріи, „перемѣну костюма педагоговъ должно признать самую крупною реформою за послѣдніе 20 лѣтъ“ *. Жизнь, волнуясь и спѣша, неудержимо стремится впередъ, уходитъ все дальше и дальше, а прогнившая „система“ бережно хранится, какъ заветная святыня, и поддержкой кастоваго строя духовной школы воздвигается надъ нею желѣзный колпакъ, не пропускающій свѣта и воздуха. Тамъ, въ этой школѣ — застѣнкѣ, вдали отъ человѣческихъ взоровъ, съ медвѣжьей силой и ловкостью гнуть дуги изъ духовныхъ питомцевъ; одна половина ихъ, наиболѣе хрупкихъ и слабыхъ, ломается и бросается вонъ, а другая калѣчится и выпускается на пользу церкви и отечеству. Всякій, кто побываетъ въ этихъ медвѣжьихъ лапахъ, не скоро оправится, если только оправится.

Сергѣй Любимовъ.

* Два слова о духовныхъ семинаріяхъ. Церковный Вѣстникъ 1905 г. № 18 стр. 552.

Атеизмъ.

(Изъ пережитаго).

Синявинъ второкласникъ; онъ оставленъ на второй годъ по независимымъ отъ него обстоятельствамъ. Имъ, какъ бывшимъ товарищемъ, конечно, всѣ очень интересовались въ нашемъ третьемъ классѣ и объ его атеизмѣ мы всѣ узнали очень скоро. Синявинъ вообще ведетъ себя въ классѣ не такъ, какъ бы слѣдовало. Положимъ, товарищеская среда очень располагаетъ къ свободѣ, въ особенности въ обращеніи съ товарищами. Сталъ Синявинъ часто разсуждать о Богѣ. Часто онъ отрицалъ Его существованіе. Можетъ быть, онъ и вправду атеистъ убѣжденный? И ничего, если бы онъ говорилъ только о Богѣ. Какое всетаки кому дѣло до его мыслей; онъ ихъ никому не навязываетъ, никого не насилуетъ. Но какъ первое слѣдствіе такого отношенія къ религіи, явилось въ Синявинѣ неуваженіе къ вѣрованіямъ другихъ, кощунство, и, главное, брань по адресу духовенства; онъ и раньше называлъ духовенство „последнимъ сословіемъ“, „трутнями“, „обдиралами;“ „вы (т. е., духовные), говорили онъ, съ живого и мертваго взятки берете“...

* Подъ такимъ заголовкомъ у меня сохранилась тетрадь, написанная на рождествѣ, когда я былъ въ 3-мъ классѣ семинаріи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что разыгравшейся исторіи. Ниже и предлагаю этотъ самый разсказъ третьекласника, только сбѣлавъ въ немъ необходимыя сокращенія и нѣкоторыя стилистическія поправки. Фамиліи вымышленныя.

Надо замѣтить, что Синявинъ весьма неуживчивый субъектъ. Можетъ быть, какъ слѣдствіе его „убѣжденности въ ложности христіанства“ являлись его своеобразныя нравственныя понятія. Онъ жаждетъ приносить пользу, трудиться для народа, это—въ будущемъ. Теперь же онъ занимается саморазвитіемъ: ума, воли; теперь онъ живетъ въ себя, не признавая нравственныхъ правилъ. Слѣдуя мудрому изреченію нашего философа-пятиклассника, сумашедшаго Р., что „тѣ наиболѣе совершенны, кто наиболѣе способенъ насмѣхаться“, онъ постоянно надъ всѣми насмѣхается. Съ легкомысліемъ юноши онъ часто оскорбляетъ товарищей, а желаніе развитъ волю заставляетъ его пускаться на нехорошія продѣлки надъ товарищами...

Однако, все ему спускалось, пока дѣло не доходило до духовенства. Изругавъ Синявинъ духовное сословіе и „камчаточки“ * горячо возстали на защиту своихъ родителей. „Какъ можно, чтобы нашихъ родителей такъ ругали... Этого мы не снесемъ“... Вообще, у Синявина постепенно накопилось много враговъ и среди новыхъ товарищей.

Случилось, что Синявинъ цѣлые полчаса ходилъ съ Гуляевымъ, ученикомъ третьяго класса. Синявинъ вдругъ и заявляетъ Гуляеву, что онъ въ Бога не вѣруетъ и мало того, что самъ не вѣруетъ, но и другихъ старается совратить съ пути истиннаго.

„Я вотъ уже шесть человѣкъ въ первомъ классѣ совратилъ“, заявилъ онъ. „Я убѣжденъ, что Богъ, религія, вѣра—ложь. Жить надо по совѣсти; что говоритъ совѣсть, то и надо дѣлать. Совѣсть требуетъ честности. Я нашелъ истинный, правый путь. Я буду эгоистомъ, если не сообщу своихъ взглядовъ другимъ. Какъ честный человѣкъ, я пропагандирую свои идеи, обращаю на путь истины. И вотъ, я нашелъ себѣ послѣдователей,—цѣлую полдюжину. А на первоклассниковъ я дѣйствую потому, что это самая лучшая, самая мягкая почва, на которой могутъ взойти плоды моихъ трудовъ“...

* Въ классахъ въ нашей семинаріи воспитанниковъ сажали въ разрядномъ порядкѣ: впереди—первый разрядъ, въ послѣднемъ ряду—второгодники; этотъ рядъ партъ и звался камчаткой.

Входит Гуляевъ въ нашъ третій классъ и объявляетъ публично: „Господа товарищи! Извѣстный вамъ Синявинъ, воспитанникъ 2-го класса,—атеистъ!“ Слово „атеистъ“ онъ подчеркнулъ. „Въ первомъ классѣ онъ совратилъ въ атеизмъ шесть человѣкъ“.

Все это говоритъ онъ съ комической мимикой, громкими удареніями на отдѣльныхъ словахъ и на весь классъ. Всѣ обратили на него вниманіе, а онъ это очень любитъ и еще разъ выкрикнулъ то же самое.

Эта Синявинская пропаганда и положила начало дѣлу.

— „Нѣтъ, господа, неужели Синявинъ атеистъ?“—такого рода вопросъ задавалъ Слѣдовъ товарищамъ послѣ молитвы въ спальнѣ нашего класса.

— „Вѣдь бываютъ же атеисты; можетъ быть, и Синявинъ атеистъ?!..“

— „Какъ не атеистъ! Вѣдь это такой чортъ! Онъ и душу то чорту продалъ“,—слышался голосъ Богословскаго. Вслѣдъ за такимъ восклицаніемъ слѣдовала самая неприличная ругань, которой заочно награждали Синявина. Но другіе не такъ скоро могли помириться съ подобнымъ предположеніемъ.

— „Ну, гдѣ же атеистъ! Не можетъ быть! Вѣдь это что же?“—въ примирительномъ духѣ и умирительно—жалостнымъ голосомъ говорилъ Гусевъ—„нѣ-ѣтъ, онъ не атеистъ“...

— „Атеистъ“, съ апломбомъ возразилъ Гуляевъ, и еще разъ, украсивши и перевравши, передалъ свой разговоръ съ Синявинымъ.

Начались пересуды. Тутъ вспомнилось все: и то, какъ Синявинъ гонялъ всѣхъ отъ своей парты, и то, какъ онъ тогда-то и тогда-то еще въ училищѣ подрался съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, что онъ пьетъ водку, и то, что онъ любитъ насмѣхаться, а подчасъ издѣваться.

— „Господа, да онъ никогда и въ церкви-то не крестится,—вотъ чортъ-то!“ замѣтилъ кто-то.

— „Это еще что—въ церкви не крестится, а какъ онъ Бога-то ругаетъ! Второкласники, небось, рассказываютъ!..“

А ужъ поповъ каститъ: дармоѣды, говорить; мало жрать стало, навдумали „панафидь“ всякихъ...

— „Ну, враки, не можетъ онъ такъ духовенство ругать. Чай, понимаетъ, что въ духовной школѣ воспитывается“, возразилъ Слѣдовъ. (Слѣдовъ второгодникъ и совсѣмъ ничего не знаетъ о Синявинѣ).

— „Конечно, понимаетъ! вонъ у него башка-то какая, а только, что мнѣ врать-то! Не вѣришь, такъ поди второкласниковъ разспроси. То же самое скажутъ“.

— „Да еще украсятъ!.. Ха, ха, ха! Еще какъ украсятъ то!“

— „Нѣтъ, все врутъ чай! Тутъ нужно вѣрить то съ оглядкой. Въ семинаріи—врунь на врунь“.

— „А что-же!—не правда скажешь, что онъ въ училищѣ у насъ изъ церкви деньги воровалъ?..“

— „Какъ воровалъ?“

— „Да онъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Михаловымъ старостой то былъ. Бывало, каждый праздникъ сколько нибудь стянеть. Вино церковное пилъ, ризы надѣвалъ, да по алтарю бѣгалъ“.

— „Ну-да!“ удивленно воскликнулъ Слѣдовъ. — „А онъ чей сынъ-то?“—этимъ Слѣдовъ думалъ разрѣшить свои недоумѣнія.

— „Чей?—поди узнай у него, чей онъ сынъ-то! чиновника что-ли какого-то!“

— „Чиновника?! Свѣтскій значитъ!“ тутъ уже разрѣшалась часть его недоумѣній. Если свѣтскій, то, конечно, онъ способенъ на всякія глупости, кошунства и святотатства.— „Какъ же онъ въ семинарію-то попалъ?“

— „Да они нищіе, вотъ и отдали его въ семинарію. Отца нѣтъ у него“...

— „Умеръ?“

— „А чортъ его знаетъ! У него не поймешь. То говорить—умеръ, то еще что нибудь. Въ училищѣ говорилъ, что умеръ, а въ прошломъ году,—что ждетъ отъ отца письма. Говорятъ, онъ государственный преступникъ—это уже сообщалось полушопотомъ,—противъ царя шель. Его выслали изъ столицы. Да вѣдь у него и все семейство такое! Братъ вотъ теперъ на Кавказѣ, въ Москву не пуска-

ють. Про него онъ намъ въ училищѣ много рассказывалъ. Онъ, говорить, къ намъ часто ходитъ. Одѣнется нищимъ, проберется въ Москву и придетъ. Тутъ переговорятъ, онъ имъ денегъ дастъ, — онъ на хорошемъ мѣстѣ служилъ, — а потомъ, съ котомкой на плечахъ, назадъ. Такъ часто ходилъ... Сестра тоже, кажется, пропащая: неладно дома у нихъ что-то. Съ матерью онъ не въ ладахъ, ругается. Видишь, какое семейство! Вотъ и сыночекъ-то въ отца, да въ брата вышелъ!..

— „Во-отъ какъ! я не ожидалъ, чтобы у насъ въ семинаріи такіе перцы водились!“

Между тѣмъ въ другомъ концѣ спальни въ это время шли разговоры совсѣмъ другого рода. Серьезный тонъ надобѣлъ. Начали острить, смѣяться, подпускать другъ надъ другомъ насмѣшки. Только „толстый“, — такое названіе носить этотъ воспитанникъ за свою толстоту, — все что-то ворчалъ, ругалъ этого атеиста, „желающаго новую религію въ семинаріи сдѣлать“.

— „Господа, а у насъ кто атеисты?“ спросилъ, немного спустя, внезапно и вполне серьезно Слѣдовъ. — Въ отвѣтъ посыпались остроты и шутки.

— „Нѣтъ, господа, кромѣ шутокъ, серьезно!“

— „Румыновъ Виталій“, неожиданно выкрикнулъ Гуляевъ. Въ его голосѣ слышалась шутка и всякій бы принялъ это за шутку, если бы сказано было по адресу кого другого, только не Румынова. Нѣсколько словъ о Румыновѣ.

Еще въ прошломъ году Румыновъ поддался сильному влиянію шестикласника В... В.—это очень умный и развитой парень, говорить краснорѣчиво и увлекательно. Познакомившись съ Румыновымъ, онъ началъ читать ему цѣлыя лекціи: о пошлости семинарской жизни, о пустотѣ, поверхностности, ненужности семинарскихъ наукъ, о неразвитости семинаристовъ, о необходимости развитія, о громаднѣйшей пользѣ чтенія книгъ, о развитіи воли, о нравственномъ достоинствѣ человѣка, наконецъ, объ общественномъ устройствѣ и состояніи Россіи и о Богѣ. Въ результатѣ — крайнее увлеченіе Румынова этими новыми для него идеями. Онъ заполнили его голову; онъ опѣшилъ, не успѣвъ разобраться въ

томъ, что нужно взять и что выбросить. Онъ „забросилъ“ учебники изъ желанія стать „выше этихъ мелочей“; сталъ презирать трудолюбцевъ — товарищей, насмѣхаться надъ ними въ глаза, такъ какъ это „ничтожныя существа“, ничего не знающія, кромѣ учебниковъ; онъ началъ гордиться двойками, какъ слѣдствіемъ своего разумнаго отношенія къ семинарскому образованію; сталъ ругаться со всѣми — съ цѣлью развить въ себѣ остроуміе и краснорѣчіе. Наконецъ, онъ сталъ относиться свободнѣй къ религіи и духовенству. Однимъ словомъ, Румыновъ сдѣлался атеистомъ. Однако, двойки смирили его; а за лѣто и все броженіе значительно улеглось, но въ немъ все-таки осталось еще нѣчто „атеистическое“. Теперь Румыновъ третекласникъ. А въ третьемъ классѣ воспитанники поневолѣ знакомятся со словами: „атеистъ“, „либераль“, „революціонеръ“ (въ гражданской исторіи, литературѣ, церковной исторіи). Иные преподаватели долгомъ своимъ считаютъ, въ цѣляхъ, конечно, воспитательныхъ, внушить намъ отвращеніе не только къ людямъ, а даже къ самымъ словамъ этимъ. Поэтому, со словомъ атеистъ, въ особенности, либераль, революціонеръ въ сознаніи воспитанниковъ соединилось понятіе объ ужасныхъ злодѣяхъ, жаждущихъ только крови и разрушающихъ все священное. Румыновъ натура горячая, не прочь и порисоваться; онъ возмущался подобными рѣчами преподавателей и начиналъ предъ товарищами горячо защищать „атеистовъ“. На него огрызаются... Его осмѣиваютъ. — „Да ты и самъ-то ужъ не атеистъ-ли? — Да, я атеистъ, а что же вамъ-то до того за дѣло?“ При этомъ онъ свысока обводитъ глазами товарищей.

— „А-а, вотъ какъ?! ты атеистъ! А знаешь ли ты, что значить-то это слово?“

— „А если-бъ не зналъ, такъ и не говорилъ бы!“

— „Господа, Румыновъ — атеистъ!..“

Разговоры продолжались... „Что же, ты и въ Бога не вѣруешь?“

— „Какой тебѣ еще Богъ, когда я атеистъ!“

— „А какъ же міръ-то, откуда же міръ-то явился?“

— „Вѣроятно, самъ. Я, право, не знаю“. — Румыновъ, видимо, острилъ.

— „Такъ значить ты Бога не признаешь, ты — атеистъ!“

— „Да, я вашего Бога не признаю. Вѣдь что такое Богъ? Думали ли вы когда нибудь объ этомъ? Вѣдь Богъ это — слѣдствие эгоизма и фантазій!..“

Иногда Румыновъ съ кичливой жадой порисоваться подходилъ то ко мнѣ, то къ сосѣду и говорилъ что нибудь въ такомъ родѣ: „ты знаешь ли, N. N., кто я? Я—атеистъ! Каково? Я въ Бога не вѣрую“.

— „Конечно, это острота?“

— „Ну вотъ, а ты думалъ и правда! Нѣтъ, ты посмотри какъ тѣ-то злятся! Вѣдь это смѣхъ просто!“

Мы уговаривали иногда Румынова—не дразнить „толпы“. „Я понимаю“, говорилъ я, „для чего ты такъ дѣлаешь, зачѣмъ такъ говоришь. Но, повѣрь, все безъ толку; ты только возбуждаешь ихъ противъ себя“. Онъ морщится, перебиваетъ меня:—„ну вотъ, N. N! Что, дуракъ что ли я! Ничего не будетъ! А злятся — такъ плевать! Мнѣ отъ нихъ ни тепло, ни холодно! Ты впередъ мнѣ этого не говори!“

А товарищи уже злились.

И вотъ, когда Гуляевъ на вопросъ Слѣдова: а кто у насъ еще атеистъ?—выкликнулъ фамилію Румынова, — въ спальнѣ вдругъ сдѣлалось тихо. Гуляевъ сдѣлалъ открытіе, сказалъ правду — для многихъ пріятную, для многихъ, пожалуй, страшную.

— „Румыновъ, ты атеистъ?!“ обратился среди всеобщаго молчанья къ Румынову Пѣтра (обычная кличка Слѣдова).

— „Что вы? Изъ чего вы это взяли?“

— „Да вѣдь ты самъ говорилъ, что ты атеистъ!“

— Ну, атеистъ и убирайтесь къ чертямъ, только спать не мѣшайте! Я съ вами, дураками, и разговаривать не желаю. Что это, ей Богу!“.

Румыновъ больше не говорилъ ни слова. На его счетъ начали „проѣзжаться“—стали надъ нимъ насмѣхаться. Укоряли и за то, что съ „перваками“ ходитъ, забывъ своего брата „камчаточниковъ“. Начались остроты. Богословскій началъ тормозить своего сосѣда Василья. „Василій, слышь, Румыновъ-то—атеистъ! Кто съ тобой спитъ-то! Василій! Сосѣдъ-то твой—атеистъ“. Наконецъ, Василій былъ выведенъ изъ оцѣ-

пеній. Ему особенно понравились разоблаченія, сдѣланныя въ такія минуты относительно сосѣда Румынова.

Василій—это нашъ поэтъ, моралистъ-философъ и столпъ вѣры. Его идеаль — „высшая премудрость“. Онъ сильно не дружилъ съ Румыновымъ и разразился теперь глубокопрочувствованной нравоучительной тирадой. Тутъ онъ говорилъ и о малодушіи атеистовъ и людей вообще—онъ не употреблялъ имя ни Румынова, ни Синявина, онъ говорилъ объ атеистахъ вообще, — говорилъ о непомерной гордости атеистовъ; говорилъ о ихъ будущности — санъ священнослужителя, о ихъ воспитаніи на счетъ церкви, которую они отрицаютъ, и о томъ, что всѣ святые были умнѣйшіе люди, и, наконецъ, заключилъ остроумнымъ предположеніемъ, что эти атеисты всѣ съ жиру бѣсятся, чему въ доказательство привелъ то, что атеисты — только богачи, обеспеченные, а голодныхъ атеистовъ нѣтъ и быть не можетъ...

Въ отвѣтъ, конечно, послѣдовалъ всеобщій хохотъ. Долго еще велись разговоры въ нашей спальнѣ, но не долго собесѣдники поддерживали высокій вопросъ объ атеизмѣ; скоро сошли на обыденныя мелочи и ими закончили день.

А это былъ роковой день...

Во 2-мъ классѣ вдругъ оказалось, что атеистовъ тамъ не одинъ человекъ, а нѣсколько. Стали считать и насчитали чуть ли не больше пяти человекъ.

— „Ну, какъ у васъ дѣла?“ спрашиваю я одного второ-классника.

— „Ничего, дѣла идутъ впередъ“.

— „А какъ насчетъ атеизма?“

— „О, насчетъ атеизма, братъ, у насъ что-то не ладно. Очень скверно, что Синявинъ такъ неумно себя велъ“.

— „Ну, и что же?“

— „Да что, поплатится онъ за свои убѣжденія! Вѣдь у насъ теперь атеистовъ цѣлая партія образовалась“.

— „Какъ такъ?“

— „Да очень просто! Вотъ Горева причислили къ атеистамъ, Федотова, Черняева...“

- „Неужели?! Ну, а еще кого же?“
- „Не знаю, кажется, никого; впрочем, вот на Букашина что-то тоже нападают“.
- „Вот как! За что же Горева къ атеистамъ причислили? Это, чортъ возьми, любопытно!“
- „Да причислили такъ, ни за что. Вѣдь у насъ какой народъ! Ходитъ съ Синявинымъ, Вороповымъ*, — вотъ и атеистъ; очень просто. Отъ класса удаляется— тоже“.
- „Отъ пошляковъ и надо удаляться. Явленіе естественное и очень обыкновенное... Такъ неужели только за хожденіе съ Вороповымъ его и причислили къ атеистамъ?“
- „Только“.
- „Ну, ну!!! Люди! Нѣтъ, тутъ что нибудь еще кроется... А Ѳедотова за что?“
- „Да говорятъ еще, что на иконы плевать... А Ѳедотова— тоже за это: ходитъ съ атеистами. Въ церкви газету читалъ“.
- „Ну, чортъ возьми, ну, варварство! Да что у васъ, къмъ классъ-то набить?.. А кто у васъ противъ-то атеистовъ агитируетъ?“
- „Кто? Вотъ Шехотинъ!..“
- „Извѣстная скотина! Я его знаю. Еще?“
- „Коврозь. Этотъ все въ споры пускается— самого ужасающаго характера. Еще Воздвиженскій. Да мало ли ихъ, не перечтешь!“
- „Ну, что же у васъ, спорять съ ними атеисты то? Защищаютъ себя, доказываютъ небытіе Бога?“
- „Какое! У насъ, братъ, не такъ! У насъ прямо начинаютъ объявлять на весь классъ: такой-то атеистъ— съ атеистами ходитъ. Ну, хохотъ, остроты, безобразія разныя“.
- „А Глаголевъ что же? неужели онъ не говоритъ, что незаконно насмѣхаться и вообще преслѣдовать за убѣждения, хотя бы и за атеистическія?“
- „Нѣтъ, Глаголевъ что! Глаголевъ— тряпка. Онъ ничего и не знаетъ, кромѣ учебниковъ. Книгъ не читаетъ Держитъ

* Воспит. 5-го класса, одинъ изъ завѣдывавшихъ тайной бібліотекой.

всегда сторону силачей. Самъ шесть иконъ въ партѣ держать.— Святоша!“

— „А другіе-то, другіе-то! Тоже молчатъ!? Фу, чортъ возьми, вѣдь это возмутительно! Лебединскій, Гриша — эти что?“

— „Гриша насмѣхается; да онъ дуракъ, совсѣмъ дуракъ, про него и говорить нечего. Лебединскій — поругался съ Горовымъ...“

Тутъ пробилъ звонокъ и мы разстались. Дѣло во 2-мъ классѣ слагалось такъ.

У насъ въ семинаріи существуетъ смазничество. Гоголевское „смазливый“ у насъ превратилось въ „смазь“. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые обладаютъ „счастливой“ наружностью, поступаютъ въ ряды смазей. Помню, въ 1-мъ классѣ составлялись даже разрядные списки смазей. Семинарскимъ смазямъ достается довольно. Ихъ величаютъ „смазиями“; нерѣдко назначаютъ специальное женское имя. Иногда какой нибудь товарищъ начинаетъ позорить публично (въ классѣ) смазь, сочиняя про него разныя пошлости. Находятся интриганы, которые наблюдаютъ, съ кѣмъ ходятъ смази, и вотъ объявляютъ на мѣстахъ, когда всѣ въ сборѣ: „такой-то за такимъ-то прихлестываетъ“.

Считался смазью и Горовъ, и Ѳедотовъ. Но Горовъ своей наружностью нажилъ себѣ только враговъ. Онъ жестоко нарѣзалъ, всячески ругалъ тѣхъ, кто къ нему „приставалъ“, и за оскорбленія прерывалъ всякія сношенія. Были имъ недовольны и по другимъ причинамъ. Онъ — лучший ученикъ въ классѣ и не имѣлъ обыкновенія поощрять лѣнь и праздность своихъ товарищей, а также былъ врагомъ всякой эксплуатаціи однимъ другого. Камчатка у насъ жаждетъ властвованія. Появляются тамъ нерѣдко такіе экземпляры, которые желали бы имѣть перваго ученика у себя на побѣгушкахъ. Горовъ желалъ быть независимымъ. И онъ достигъ этого, но вооружилъ противъ себя весь классъ. Понятно, онъ не имѣлъ ничего общаго съ воспитанниками своего класса. Только 5—6 человекъ наиболѣе развитыхъ были его друзьями, и во главѣ ихъ стоялъ Синявинъ. Этотъ заступался за Горева, когда тому приходилось особенно

солону. Въ свою очередь и Горевъ не покинулъ своего друга, заклеянного атеистомъ. Напротивъ, онъ сталъ еще ближе къ нему, онъ сталъ какъ бы выплывать за его покровительство къ нему и, когда никто въ классѣ не сталъ давать Синявину книгъ, Горевъ шелъ въ разрѣзъ со всѣми и снабжалъ Синявина необходимымъ. Такое выдѣленіе Горева изъ общаго уровня окончательно возбудило противъ него всѣхъ.

Стали копаться въ прошломъ, искать улики. Рассказывали, что онъ бросалъ икону подъ парту, что онъ руку у духовника не цѣлуетъ и „другимъ не велитъ“, огарки изъ церкви таскаетъ—по вечерамъ въ спальнѣ книги читать. Наконецъ, съ атеистами дружить и—на актъ денегъ не даетъ... * Какъ же онъ послѣ этого не атеистъ?

Судьба Ѳедотова еще плачевнѣе. Наружность его еще привлекательнѣй, а сидитъ онъ въ 3-емъ ряду. Въ немъ никто изъ товарищей не нуждается, а всякій „острить“. Еще въ 1-мъ классѣ онъ познакомился съ передовыми людьми семинаріи и подпалъ подъ ихъ вліяніе. Ему стали давать для чтенія книги, стали съ нимъ говорить. Но у него ужасно слаба воля и онъ крайне неустойчивъ въ убѣжденіяхъ. Онъ то и дѣло мѣнялъ окраску, смотря по тому, съ кѣмъ ходилъ по корридору послѣдніе дни**. То онъ являлся крайнимъ либераломъ, то умѣреннымъ, но его симпатіи всегда лежали къ либераламъ, развитымъ, читающимъ людямъ.

Ѳедотову, конечно, страшно не нравилось, что его считали смазью и, вотъ, чтобъ отдѣлаться отъ всѣхъ прозвищъ, онъ рѣшилъ оставить тѣ привычки, которыя болѣе свойственны женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ. Изъ приличнаго мальчика онъ вдругъ превратился въ противнаго шалопаю. Онъ сталъ курить, ругаться отборными словами и пить водку. Это ужъ совершенно по мальчишески. Не знаю, какъ далеко онъ за-

* Съ воспитанника, получающаго на актъ награду, у насъ „сдирали“ на водку—рубль, два, три,—смотря по щедрости и состоятельности ученика. Такъ набирается 4—6 рублей.

** Здѣсь воспитанники вѣчно фланировали и въ одиночку и группами до 4 человекъ; здѣсь заводились знакомства, сходились изъ разныхъ классовъ, велись безконечные споры; здѣсь же „хлестали за смазьями“.

ходилъ, но подъ вліяніемъ обличеній одного изъ своихъ знакомыхъ, онъ снова оставилъ эти грубыя замашки.

Ѳедотовъ немного тщеславенъ и любитъ шегольнуть кое чѣмъ изъ своихъ передовыхъ взглядовъ. Человѣкъ онъ увлекающийся. Отъ него можно было бы ожидать, что онъ на Рождествѣ влюбится въ кондакъ праздника и будетъ распѣвать его всѣмъ на ухо, говоря, что это единственная церковная стихира, въ которой воспѣвается „истинный Богъ“, — „Разумъ“, что она особенно близка его духу, потому что таковы и его убѣжденія, и что давно еще, даже монахи, сочинители стихиръ церковныхъ, понимали и знали одного Бога—Верховный Разумъ.

За Ѳедотовымъ, кромѣ чтенія газетъ въ церкви, числился еще одинъ крупный проступокъ: онъ не далъ классу 10 рублей, когда его приняли на казну*. Онъ прогулялъ ихъ, угостивъ чаемъ съ конфетами и водкой только Горева съ Синявинымъ, да кое кого изъ другихъ классовъ („теистовъ“).—Все это вмѣстѣ отдѣлило его отъ класса, присоединило къ Синявину, а въ результатѣ—обвиненіе въ атеизмѣ.

Совершенно ни за что попалъ въ атеисты Букашинъ. Это—болгаринъ, очень умный мальчикъ. Едва онъ выучился говорить по-русски. Скоро онъ приобрѣлъ хорошія знакомства въ старшихъ классахъ. Пошлость семинарской жизни его возмущала и онъ подчасъ говорилъ: „а семинаристы ужасно не любятъ, когда ихъ упрекаютъ въ невѣжество и дикости“. И вотъ ни съ того, ни съ сего, только за то, что выказалъ себя мало-мальски честнымъ человѣкомъ, Букашинъ былъ окрещенъ атеистомъ и причисленъ къ партіи Синявина.

Весь классъ раздѣлился на двѣ партіи: меньшинство—атеисты и большинство—защитники вѣры. Теисты начали слѣдить за атеистами, все подмѣчать за ними. Особенное подозрѣніе возбуждали книги, которыя атеисты брали въ старшихъ классахъ. Между ними были и рукописныя. Это окончательно убѣдило классъ, что атеисты по имени и по

* Ѳедотовъ человѣкъ денежный, и по случаю принятія на казенное содержаніе ждали отъ него хорошей подачки. Таковъ обычай.

убѣжденіямъ атеисты и поучаются атеистическимъ идеямъ изъ рукописныхъ тетрадокъ, взятыхъ изъ старшихъ классовъ отъ „учителей“,—старшихъ атеистовъ. Любопытство ихъ разбирало. Часто они пытались узнать, что это за книги, но атеисты, конечно, не давали ихъ; „понятно почему—онѣ атеистическія“.

Атеисты сплотились и рѣшили дѣйствовать, какъ прика- зываетъ разумъ: ни на что не сдаваться, не обращать вни- манія на нападки и презирать противниковъ. Между тѣмъ, настроеніе класса становилось напряженнѣе. Ненависть къ атеистамъ росла. Рѣшено было гнать атеистовъ, досажда- ть всячески имъ, и гоненіе началось.

Входитъ атеистъ въ свой классъ—ради прихода ему устраи- ваютъ истинный и самый пышный триумфъ: свистятъ, кри- чать, стучать ногами, хлопаютъ крышками партъ, кидаютъ бумагой. Въ свободное время оставаться атеистамъ въ классѣ было невыносимо. Отовсюду сыпались насмѣшки, вездѣ шелъ разговоръ объ атеизмѣ, о „революціонныхъ замыслахъ“ ате- истовъ, предлагались мѣры къ искорененію „этого зла“, по- давались всевозможные практическіе проекты въ родѣ устрой- ства особыхъ атеистическихъ семинарій или посерьезнѣе— донести ректору и потребовать увольненія этихъ „жалкихъ людей“. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ второкласники пришли къ рѣшенію: для искорененія атеизма поколотить атеистовъ. Такимъ образомъ, обществен- ное мнѣніе второго класса избрѣло новый способъ доказа- тельства бытія Божія.

Въ нашемъ третьемъ классѣ тоже началось движеніе. Стали интересоваться религіозными вопросами. Вездѣ стали собираться кучки. Вездѣ слышались слова: атеистъ, Богъ, нѣтъ Бога. Вездѣ начали спорить. Я было обрадовался. Вѣдь, это очень отраднo—пробудилось желаніе спорить, думать и интересъ къ религіознымъ вопросамъ... И вотъ, въ библио- теку посыпались записки. У насъ выдавали книги по запи- сочкамъ. Одинъ пишетъ: прошу книгу „Богъ въ природѣ“, „Богъ и природа“, „Человѣкъ и Богъ“. Другой чтонибудь

въ томъ же родѣ. Въ одно время записки съ подобными затребованіями подали сразу человѣкъ десять. Обращались даже въ старшіе классы*, брали тамъ учебники, вродѣ Обличительнаго богословія; Впрочемъ, какъ кажется, тамъ они мало понимали. Брали даже философію. Но въ концѣ концовъ все вращалось и вертѣлось около одного вопроса: Румыновъ атеистъ. Одни—большинство—старались всячески доказать, что онъ дѣйствительно атеистъ. А Румыновъ, ко- нечно, не видя ничего особеннаго въ этихъ бездоказатель- ныхъ утвержденіяхъ, не разубѣждалъ. Напротивъ, съ азар- томъ онъ требовалъ отъ нихъ, чтобы тѣ убѣдили его, дока- зали ему бытіе Бога. „Не признаю“... эта фраза очень смущала противную сторону.

Особенно ревностные вѣрующіе стали искать еще ате- истовъ и что же?—Ихъ нашлось очень много. Прежде всего обратили вниманіе на Турусова. Припомнили, что онъ не цѣлуетъ у духовника руку, обвинили его въ томъ, что онъ „Лебедева совратилъ“ (второкласника) и въ томъ еще, что онъ царя ругаетъ. Воронова тоже причислили къ атеистамъ и къ самымъ отчаяннымъ,—потому что у него „братъ атеистъ“**, и потому, что онъ за обѣдней „мало крестится“. Моего со- сѣда зачислили въ „маленькіе атеисты“ и называли его: „ате- истикъ:“ „еще только недавно атеистомъ сдѣлался—вотъ, когда съ Давыдовымъ познакомился“. Про меня говорили: „онъ атеистъ—все съ атеистами ходить, да за нихъ засту- пается“.

Въ общемъ, споры намъ не нравились. Они были поста- влены на личную почву, касались внутреннихъ убѣжденій. Конечно, очень намъ хотѣлось чтонибудь сдѣлать, хотѣлось доказать товарищамъ, что не ихъ дѣло вмѣшиваться въ тайны духа, а больше всего хотѣлось, чтобы разговоры сошли съ почвы личной и религіозной на общественную, гдѣ больше простора для спорящихъ и меньше поводовъ задѣвать ли- чности. Это отчасти и удалось.

* Партія теистовъ такъ же имѣла для себя вдохновителей въ кон- сервативной части старшихъ классовъ, какъ атеисты—въ части либе- ральной.

** Братъ—воспитанникъ 5 класса.

Вороновъ и Турусовъ каждое утро вели дебаты въ спальняхъ. Начиналось все съ атеизма. Но мало-по-малу спорщики сходили на общественную почву. Это были интересные споры, когда одни старались доказать, что нигдѣ никому такъ хорошо не живетъ, какъ русскому въ Россіи, восхваляли, возводили въ идеаль современныя порядки, вродѣ дѣленія на замкнутыя сословія, отрицая всякую мысль о возможности у насъ непорядковъ, и объясняли „ходынку“ грубостью „мужика“. Они въ общемъ отстаивали деспотизмъ и доказывали бессмысленность, отсутствие человѣческихъ чувствъ у простолюдиновъ.

— „Нѣтъ, ты что ни говори, замѣчалъ какой нибудь спорщикъ атеисту въ разгарѣ спора, а надо бы этихъ „пердаковъ“ * года на три еще крѣпостными сдѣлать. А то—чортъ знаетъ что!“

— „Что—чортъ знаетъ?“

— „Да что, — возгордились! Наше сословіе уважать не стали, шапки не снимаютъ!“

Со стороны атеистовъ слѣдовала, конечно, либеральная защита низшихъ сословій; они говорили въ пользу „мужика“—о расширеніи его правъ, объ образованіи, говорили о ненормальностяхъ современнаго государственнаго управленія и доказывали преимущество конституціоннаго образа правленія. И я говорилъ объ этомъ. И на меня за это особенно косились.

Наконецъ, второкласники приступили къ дѣйствию.

Первымъ рѣшено было поколотить Ѳедотова. Почему выборъ палъ на него,—не знаю. Онъ тотчасъ послѣ молитвы легъ спать, одѣлся съ головой и, вѣроятно, дрожалъ, потому что, дѣйствительно, было жутко. Настроеніе было необычайное. Не слышалось шутокъ и того вечерняго гула, которымъ бывають полны наши спальни послѣ молитвы. Носились зловѣщіе крики. Люди съ болѣе человѣческимъ серд-

* Такъ назывался на жаргонѣ семинаристовъ — теистовъ мужикъ. Атеисты воздерживались употреблять это слово.

цемъ, для которыхъ тяжело было переносить сцены дикой расправы, быстро раздѣлись и легли. Но вотъ собралась толпа. Со свистомъ, руганюю, безобразными выходками, крикляньями челоуѣкъ десять подошли къ койкѣ Ѳедотова. Кто то сдернулъ одѣяло. Съ нѣкоторыхъ коекъ слышались одобренія. Съ издѣвательствомъ толпа набросилась на лежащаго товарища. Ѳедотовъ не защищался. Онъ только прошепталъ что то жалобное въ тотъ мигъ, когда съ него стаскивали одѣяло, а онъ пытался его удержать. Съ полминуты ничего не было слышно, кромѣ кулачныхъ ударовъ, да шлепанья ремней... Даже на койкахъ все замерло. Бійцы не скрывали себя. Натѣшившись, они быстро оставили Ѳедотова и бросились къ койкѣ Синявина. „Кровь разгорѣлась!“ кричали нѣкоторые.

— „Ну, ты, атеистъ, чортъ, вставай!“ кто-то грубо закричалъ на Синявина, который тоже улегся тотчасъ послѣ молитвы въ ожиданіи бани.

— „Если я вамъ нуженъ, то, пожалуй, встану“,—спокойно отвѣчалъ Синявинъ и всталъ.

— „Ты атеистъ? говори: ты атеистъ?“

— „А объ этомъ, если хотите, мы поговоримъ съ вами завтра“, отвѣчалъ Синявинъ съ тѣмъ же спокойствіемъ и твердостью.

— „Такъ бить его, ребята, чего съ нимъ,—съ атеистомъ разговаривать“!..

— „Если не стыдно, бейте. Защищаться не стану. Только на ноги не наступайте, а то я лучше обуюсь“.

Но тутъ на него набросились.

— „Ой, по головѣ не бейте!“—это былъ уже крикъ.

Стоическая твердость помогла Синявину—его избивли не такъ, какъ хотѣли и могли,—постыдились.

— „Теперь, ребята, иностранца душишь!“

— „Нѣтъ, спать давайте!“ Но челоуѣкъ пять отдѣлились и пошли въ верхній этажъ. Остальные легли съ сознаниемъ исполненнаго долга. Въ комнатѣ весь вечеръ стояла какая то гнетущая тишина. Лежавшіе—одни притворились, что уже заснули; другіе старались говорить о постороннемъ, вынужденно смѣялись, но и они скоро замолкли.

Между тѣмъ, Букашинъ уже ждалъ посѣтителей. Онъ сидѣлъ, весь дрожа въ нервной лихорадкѣ, въ нашемъ номерѣ на койкѣ Турусова. Бійцы вбѣжали къ намъ, вытолкнули его за дверь и уже на лѣстницѣ расправились съ нимъ, какъ хотѣли.

О, сколько было радости у нашихъ защитниковъ православія, когда „душили чертей — атеистовъ“. Многіе бѣгали смотрѣть и съ какимъ-то злорадствомъ рассказывали потомъ, какъ тамъ колотили, какъ слышались только удары, или какъ закричалъ Синявинъ. Другіе въ это время лежали на койкахъ, судорожно сжимая кулаки, да потирали руки, мечтая о своей банѣ и дѣлясь своимъ настроеніемъ: „кровь горитъ! О-о! Вотъ бы рѣзануль-то!“

Въ одной кучкѣ оживленно рассказывали, какъ ташили Букашина; отъ другихъ слышались одобренія по адресу бійцы: „задѣло! такъ ихъ и надо“!.. И вотъ раздался предательскій голосъ: „ребята, а когда-жъ мы своихъ-то! Вездѣ атеистовъ бьютъ, а мы-то что-жъ?! Вѣдь и у насъ говорятъ, что Богъ есть слѣдствіе эгоизма и фантазіи“!..

— „Въ самомъ дѣлѣ, господа, когда-же мы-то своихъ?“ поддержаль кто-то. Толпа зашевелилась, взбудоражилась и ужъ баня, можно сказать, готовилась. Но избіеніе все-таки не состоялось по самымъ серьезнымъ соображеніямъ: „послѣ спектакля; теперь не стоитъ“. Весьма и весьма многіе пожалѣли о томъ, что у насъ на 7-е декабря спектакль назначенъ, но что же дѣлать, пришлось уступить необходимости. Иначе спектакль могъ разстроиться, а этого никому не хотѣлось. А какъ дрожали, волновались наши атеисты въ этотъ вечеръ, и возмущаясь происшедшимъ, и дрожа за собственную шкуру.

На утро Синявинъ показывалъ рога и говорилъ, что спину ужасно больно. Ѳедотову вновь разбередили уже совсѣмъ вылѣченную руку и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Москву. Черезъ день второкласники всколотили и остальныхъ атеистовъ. Не забыли и битыхъ. А въ нашемъ классѣ теперь началось настоящее гоненіе...

Но вотъ прошло и 7-е декабря съ нашимъ спектаклемъ. Во второмъ классѣ еще разъ поколотили; черезъ день рѣшили выдрать, „если атеисты не исправятся“ и не перестанутъ ходить съ атеистами. Наши тоже не прочь были расправить кулаки на атеистическихъ спинахъ... Атеисты не знали, что дѣлать, и, наконецъ, обратились за помощью къ старшимъ классамъ. Шестикласникамъ предстояла дилемма: или отправить представителей 6-го класса во 2-й и дать кулачникамъ выговоръ съ запрещеніемъ бить, или Тураеву (первый ученикъ) сходить и доложить обо всемъ ректору, чтобы начальство приняло свои мѣры. Съ донесеніемъ рѣшили обождать, потому что оно грозило неприятностями. Отрядили депутацію — увѣщать. Депутаты пришли въ спальные номера второго класса, убѣждали и взяли слово „больше не бить“. Но это сдержало только на одну ночь. На другой день готовилась настоящая баня. Тогда въ 6-мъ классѣ составилъ совѣтъ. Пригласили пятикласниковъ. Совѣтъ постановилъ: собрать всю семинарію на сходку для обсуждения вопроса „бить, или не бить атеистовъ“.

Была суббота. Послѣ ужина началось собраніе. Классъ былъ полонъ. Но изъ настоящихъ бійцы не явился никто. Собраніе продолжалось съ часъ. Я вынесъ изъ него самое тяжелое, самое безотрадное впечатлѣніе. Полнѣйшее невѣжество, самая грубая неразвитость выказались во всей силѣ. Какое-то раскольничье упорство, непониманіе самыхъ простѣйшихъ вещей. Правда, мы уже привыкли къ этому въ бесѣдахъ въ своемъ классѣ. Но все-таки думали, что авторитетъ шестикласниковъ заставитъ „ревнителей православія“ быть повдумчивѣй и разсудительнѣй. Въ концѣ концовъ, послѣ длинной рѣчи Тураева, долгихъ споровъ, шума и криковъ громадная толпа челоѣкъ въ семьдесятъ вывалила сразу всей массой изъ комнаты съ шумомъ и крикомъ:

— „Пойдемъ, ребята, онъ (Тураевъ) и самъ видно атеистъ—ихъ руку держать“...

Это собраніе только всѣхъ ожесточило. Теперь уже рѣшили — душить атеистовъ, какъ слѣдуетъ. На первый разъ въ нашемъ классѣ остановились на Турусовѣ и побили его въ эту-же ночь, какъ хотѣлось. Становилось невыносимо.

Тогда мы всѣ, атеисты битые и небитые, отправились къ инспектору искать заступничества.

Мы искали защиты и какое жестокое разочарованіе постигло насъ. Насъ долго допрашивали объ обстоятельствахъ дѣла. Мы говорили, не скрывая, обо всемъ, что относилось къ дѣлу; разумѣется, кромѣ библиотеки. Она была непричастна и за нее мы боялись. Потомъ насъ отпустили и начался допросъ съ другой стороны. Вотъ тутъ мы и увидѣли, на чьей сторонѣ начальство. Бійцы вызывали, допрашивали. Они ходили возбужденные, радостные. Они цѣлыми днями сидѣли и писали доносы и потомъ носили ихъ по начальству. Эти клеюзы читались въ собраніи, обсуждались, и ни разу ни одного атеиста не вызывали дать свои показанія на обвиненія теистовъ. Мы сразу же поняли, что наше дѣло проиграно и въ своемъ начальствѣ найдемъ, что угодно, только не защиту... Но вотъ, наконецъ, „потащили“ и насъ. Увы,—разговоры больше не заходили объ атеизмъ и кулакахъ, а только о библиотекѣ. Тогда начали таскать атеистовъ настоящему и уже не тѣхъ, кто искалъ защиты, а изъ старшихъ классовъ—друзей Синявина и всей компаніи.

Въ концѣ концовъ по совѣту одного преподавателя библиотеку выдали. Кое что сожгли, кое что припрятали. Въ день роспуска произвели обыскъ. Отобрали пустяки. У меня двѣ тетрадки—запись впечатлѣній о прочитанныхъ книгахъ — и книгу: „вселенскіе соборы“ Лебедева. А на рождество я повезъ сверхъ того четверку поведенія.

Здѣсь кончаются мои рождественскія записки. Но дѣло еще не кончилось. Послѣдніе итоги подведены были только къ новому учебному году и итоги—грустные для атеистовъ. Уже послѣ Рождества компанія не досчиталась шести членовъ: уволили сразу Синявина, Ѳедотова, Турусова и троихъ изъ старшихъ классовъ. Нѣкоторые, наказанные менѣе жестоко, сочли за лучшее добровольно оставить родную семинарію. Я помню, какъ мы чувствовали себя кровно обиженными и морально придавленными, когда изгнали по-

битыхъ, а тѣмъ, кто билъ, за дикую расправу даже не помарали поведенія. Въ этомъ мы видѣли даже для нихъ какъ бы поощреніе. Правда, часть бійцевъ не возвратилась послѣ лѣтнихъ каникулъ и мы могли бы находить въ этомъ нѣкоторое удовлетвореніе нашему обиженному чувству справедливости, но — уволили ихъ за малоуспѣшность, потому что это въ большинствѣ были второгодники и самые безнадѣжные лѣнтяи.

А изгнанные атеисты разбрелись, кто куда, иные окончивъ школьное образованіе тѣмъ классомъ, на которомъ засталъ ихъ жестокой судъ семинарскихъ кулачниковъ и ареопага.

Н. Смирновъ.

Принципы богословского образования.

Христианство первых вѣковъ и христианство нашей духовной школы, — вотъ сопоставленіе, которое производитъ на человѣка, не чуждаго религіознаго интереса, мрачное впечатлѣніе. Въ основѣ тотъ же Христосъ, то же Евангеліе, но результаты крайне противоположны. Тамъ—за имя Христово шли на смерть и никакія пытки палачей не могли затушить огненной вѣры; здѣсь же изученіе религіозныхъ истинъ убиваетъ въ человѣкѣ Христа, и юную душу превращаетъ изъ вѣтки, одѣтой душистыми цвѣтами, въ голый пруть. Такой отзывъ о духовной школѣ не нуждается въ оправданіи передъ тѣми, кто вышелъ изъ этой школы и самъ перестрадалъ ея удушливый гнетъ, лица же постороннія изъ всего, что до сихъ поръ писалось и говорилось о духовной школѣ, не могутъ вынести о ней иного представленія, кромѣ какъ о заведеніи, которое скорѣе существуетъ для уродованія юношей, и совершенно безсильно создать красивую, вѣтвистую, полную сока и силы душу.

Наша задача—прослѣдить тѣ внутренніе принципы богословской мысли, которые, руководствуя религіознымъ образованіемъ духовной школы, обусловливаютъ ея печальный педагогическій результатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посылить установить нѣкоторыя начала, которыя, при надлежащемъ ихъ проведеніи въ курсѣ духовной школы, могли бы вывести ее на иной путь.

Если внимательно пересмотрите принятыя въ духовныхъ семинаріяхъ руководства по богословскимъ предметамъ, то въ каждомъ изъ нихъ прочтете одну и ту же мысль: „внѣ церкви нѣтъ истины“. Вотъ *Основное богословіе*— оно осуждаетъ всѣ религіозныя системы и утверждаетъ: „истина только въ церкви“; *Обличительное богословіе* — разрушаетъ католичество, протестанство и прочія вѣроисповѣданія во имя того же принципа; *Догматическое богословіе*—единственное истинное пониманіе догматовъ вѣры содержитъ только православная церковь; *Обличеніе раскола*,—его девизъ: „внѣ церкви нѣтъ спасенія“. Вотъ курсъ *философiи*. Онъ со смѣлостью ламанчскаго рыцаря вступаетъ въ бой со всѣми философскими системами, когда-либо возникавшими въ человѣческихъ черепахъ, и ни одной изъ нихъ онъ не находитъ выдерживающей критики; всѣ онѣ гибнутъ подъ неумолимымъ мечемъ его логики. Побѣдившій восклицаетъ: „нигдѣ нѣтъ истины внѣ церкви!“ Такимъ образомъ, камнемъ, зиждущимъ богословскую науку духовной школы, является церковь*. Отсюда, чтобы выяснить характеръ богословскихъ идей духовной школы, должно исходить изъ понятія о церкви, но не отвлеченно-догматическаго, а изъ того, въ которое укладывалась бы дѣйствительная жизнь современной русской церкви. Вѣдь духовная школа воспитываетъ людей для слу-

* Въ данномъ случаѣ, какъ и вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся постановки педагогическаго и образовательнаго дѣла духовной школы, семинарія, какъ самое типичное духовное учебное заведеніе, воплотившее въ себѣ господствующія тенденціи богословской мысли, является самымъ характернымъ фактомъ. Семинарія занимаетъ среднее положеніе между низшей духовной школой — духовнымъ училищемъ и высшей—духовной академіей, изъ которыхъ первая является копіей семинаріи, только болѣе грубой, нежели оригиналь, академія же, хотя и стоитъ значительно выше семинаріи, но и ея корень, питающій ее, врытъ въ ту же почву, что и корень семинарскаго богословія. Поэтому, семинарія вполнѣ можетъ служить отправнымъ пунктомъ при изображеніи богословскихъ идей всей духовной школы.

женія церкви. Поэтому, бытовое или реальное положеніе русской церкви, съ возникающими изъ него церковными стремленіями, должно отразиться опредѣляющимъ образомъ на идейной сторонѣ духовной школы. Въ этомъ отношеніи жизнь русской церкви можетъ быть сведена къ слѣдующимъ фактамъ: 1, отношеніе церкви къ государству; 2, къ міру внѣшнему, нецерковному, и 3, церковь въ себѣ, въ кругу своихъ идей.

Русская церковь плѣнена государствомъ. Эта мысль является основнымъ мотивомъ, настраивающимъ умъ современника, сколько нибудь заинтересованнаго вопросомъ о судьбахъ русской церкви. Ее мы читали еще у Достоевскаго, теперь у Мережковскаго, Розанова, Булгакова и др. На нее наталкиваетъ все, что касается вопроса о современныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Русская церковь съ самаго появленія на Руси христіанства стала государственной силой. Но въ первую половину своего историческаго существованія, т.-е., до Петра Великаго, она занимала положеніе равное со свѣтской властью. Церковь была не слугой только, а помощницей государства. Эти взаимныя отношенія, обеспечивавшія за церковью право значительной самостоятельности какъ во внѣшней такъ и внутренне-идейной жизни, кореннымъ образомъ были изменены реформами Петра Великаго, когда религія, наряду съ прочими народными силами, была закрѣпощена за государствомъ. Церковь утратила прежнюю свою самоцѣльность и стала усчитываться, какъ одна изъ силъ полицейскаго государства. Въ основаніе новаго порядка церковной жизни легли два принципа: подчиненіе церкви свѣтской власти, выразившееся въ учрежденіи синода, и построеніе внутренняго церковнаго управленія на началахъ чиновнической зависимости одной инстанціи отъ другой (синодъ, митрополитъ, епископъ, викарій, благочинный, священникъ, клиръ). Оба эти обстоятельства на церковной жизни отразились самымъ печальнымъ образомъ. Съ одной стороны, епископское представительство въ синодѣ, при наличности полномочій и вліянія на церковное управленіе свѣтскихъ чиновниковъ, получило слишкомъ малую силу, чтобы сохранить за собой право смѣлой само-

стоятельности, и на долю ихъ пало „единое на потребу“, какъ и для всѣхъ на Руси — послушаніе, покорность и смиреніе. Съ другой — бюрократическій характеръ внутренняго церковнаго управленія, отрицающей даже возможность соборности, внесъ въ церковную среду косность и омертвѣніе. Эти внѣшнія условія церковной жизни въ связи съ общимъ строемъ русской государственной жизни, лишаящимъ человѣческую личность естественныхъ правъ гражданина и превратившимъ ее въ обывателя, отданнаго подъ надзоръ полиціи, съ большой силой отразились и на характерѣ внутреннихъ теченій церковно-богословской мысли. Ихъ дѣйственность ближайшимъ образомъ сказалась въ томъ духовномъ рабствѣ, которое впитала въ себя церковная богословская мысль и на защиту котораго выступило русское духовенство. Послѣднее всей своей массой, за исключеніемъ немногихъ единичныхъ личностей, стало въ ряды политической консервативной партіи, возглавленной принципомъ крѣпостничества во всѣхъ его проявленіяхъ.

Въ наши дни, когда пульсъ политической жизни русскаго народа бьется особенно сильно, духовная среда выдѣлила изъ себя особый типъ политиканствующихъ пастырей. Съ церковныхъ кафедръ, въ листкахъ, раздаваемыхъ разбѣзжающимъ по епархіи святителемъ, въ проповѣдяхъ, произносимыхъ по приказанію митрополита, въ народъ сѣется сѣмя вражды и раздора, и даже не пренебрегаются сообщенія явно лживыя. И все это въ цѣляхъ угодничества передъ консервативной политической партіей. Грустно и страшно становится за судьбы русскаго православія, когда вспомнишь рѣчь митрополита Филиппа, съ которой онъ обратился къ царственному Іоанну: „Царь, мы здѣсь приносимъ жертву безкровную, а за стѣнами храма льется опричниками твоими кровь неповинная“. Современный же святитель, какъ бы сожалѣя, съ завистью вспоминаетъ про опричнину временъ Іоанна и къ своей паствѣ обращается съ призывомъ слѣдовать ея завѣтамъ. Классическимъ образчикомъ этого алканія опричнины является воззваніе „къ соотечественникамъ“, раздававшееся, при посѣщеніи Русскаго уѣзда епископомъ Никономъ, лицомъ, сопровождавшимъ преосвященнаго. Вотъ нѣсколько строкъ

изъ этого воззванія: „соотечественники, цѣлый потокъ неслыханныхъ бѣдствій обрушился на нашу многострадальную родину. Но—увы! вмѣсто единенія противъ общей опасности... вмѣсто поддержки правительства... значительная часть русскаго общества, воспользовавшись минутной слабостью лица (Святополка-Мирскаго), поставленнаго такъ неудачно во главѣ внутренняго управления страной... подняла невообразимый вой и гамъ дерзкихъ требованій, среди которыхъ, къ стыду и позору нашему, всего рѣзче выдавались голоса нашихъ передовыхъ дѣятелей земствъ, думъ, профессоровъ, многихъ дворянскихъ собраній, адвокатовъ, докторовъ, поощряемыхъ бездѣйствіемъ власти. Вы, недостойные воспитатели нашего несчастнаго юношества, вы, такъ называемые ученые профессора, сгубившіе вашимъ преступнымъ подстрекательствомъ не одну тысячу юныхъ жизней и будущностей, вы, на развалинахъ нашего образования, разрушеннаго вашими безчестными руками, спокойно питающіеся соками народа, вами губимаго,—вашъ мѣдный либеральный лобъ, вашу толстую носорожью кожу, подъ которой нѣтъ ни сердца, ни совѣсти, не пробьетъ никакое слово увѣщанія, моральныя воздѣйствія противъ васъ безсильны, а правительство, по какимъ-то непонятнымъ для нормальнаго ума причинамъ продолжаетъ кормить ваши измѣнническія утробы, вмѣсто того, чтобы съ позоромъ прогнать васъ...; вы застрахованы“.

Это „грубое“ воззваніе, которое „служитель алтаря, епископъ православной церкви взялъ подъ свое архипастырское покровительство“ (Письмо предсѣдателя Русской земской управы въ „Русс. Вѣдомости“—„Русь“ 1905 г. № 164), является чѣмъ инымъ, какъ не обращеніемъ къ опричинѣ нашихъ дней, къ ея черносотенной дубинѣ, которая, выражаясь въ стилѣ воззванія, призывается распаять „мѣдные лбы“ и содрать „носорожью кожу“ „передовымъ дѣятелямъ земствъ, думъ, профессорамъ, адвокатамъ, докторамъ“... Иныхъ средствъ не остается у партіи и епископа, такъ какъ „моральныя воздѣйствія безсильны“, а власть „по какимъ-то непонятнымъ для нормальнаго ума причинамъ“ своимъ „бездѣйствіемъ“ поощряетъ эти „измѣнническія утробы“.

Этотъ энергическій призывъ къ искорененію направленъ только противъ интеллигенціи, о которой современная проповѣдь не можетъ говорить иначе какъ „гордые интеллигенты“ (Церк. Вѣд. изд. при св. Синод. 905 г. № 14, 598.), „безвѣрные интеллигенты“ (905 г. № 10 420), „русскіе интеллигенты ненавидятъ Россію“ (№ 12, 503. Изъ проповѣдей І. Сергіева). И это та самая интеллигенція, которая всегда такъ алкала правды. Только она будила засыпавшую Русь; ея усиліями, часто бывавшими роковыми для отдѣльных лицъ и цѣлыхъ обществъ, рушилось крѣпостное право; ея же огонь воспламенилъ сердце русскаго народа на борьбу за политическую свободу. Несомнѣнно, новый періодъ русской исторіи, начавшійся съ 17 октября, принесетъ свободу и русской церкви, возродитъ ее къ новой свѣтлой жизни, но церковная проповѣдь не перестаетъ призывать на голову интеллигенціи только проклятія, не зная мѣры въ своей услужливости передъ властью. Если взглянуть попристальнѣе на это враждебное отношеніе предстоятелей современной церкви къ интеллигенціи, то въ немъ можно открыть боязнь передъ силой, грозящей разрушить ту тишину, нравственный сонъ, которые призвана охранять современная проповѣдь. Въ то время, какъ надъ родной землей проносились ураганы—внутренняя война, война внѣшняя—церковная проповѣдь испуганно заметалась и проповѣдникъ раскрылъ свои уста... Но не лучъ грозной молніи, прорѣзающей нависшія черныя тучи, зовущій къ пробужденію, къ страстной могучей работѣ, свѣтилъ въ этомъ словѣ,—проповѣдникъ звалъ къ покаянію, смиренію, къ покорности передъ старыми омертвѣлыми формами жизни. „Мы забыли законъ Отца нашего... Крѣпкія историческія условія бытія нашего мы расшатали... довѣрились вожакамъ лъстивымъ... Если не покаетесь, всѣ погибнете“. (Слово передъ молебномъ къ рабочимъ путиловскаго завода Петерб. митр. Антонія. Тамже № 5, 186 стр.). „Если желаемъ добра себѣ и Россіи... покаемся... будемъ молиться“ (тамже № 14, 596—7 прот. Сергіевъ). „За смиреніе... покаяніе (Христось) могъ бы давно прогнать всѣхъ враговъ нашихъ“. (Прот. Сергіевъ, тамже № 7, 246 ст.). „Врагъ человекъ посѣялъ крамолу и посѣялъ только на пользу врагамъ Рос-

сіи... Братіе!.. будьте *покорны... всякому* челоуѣческому начальству... Ибо такова есть воля Божія" (слово прот. Кл. Ооменко, тамже № 7, 208). Только покаяніе, только смиреніе! И это въ годину страшныхъ бѣдъ и испытаній, когда такъ нужны люди съ могучей волей и непреклонной энергіей. Какого-же смиренія, какой покорности алчеть пастырь? Вотъ отвѣтъ: „Духъ смиреннаго самоосужденія, печалится проповѣдникъ, давно вытравленъ изъ нашего общества языческимъ бытомъ (культурой) еретическаго запада“... Отсутствие этого смиреннаго духа сказалось во всѣхъ постановленіяхъ „мятежниковъ“ „о томъ, что-бы (представителямъ общества) раздѣлять власть съ законнымъ правительствомъ, да о безпрепятственномъ распространеніи мятежныхъ идей чрезъ печать и другія средства, такъ чтобы никто не имѣлъ права ограничивать такихъ преступниковъ иначе, какъ посредствомъ судебной волокиты. Вотъ что, восклицаетъ пастырь, легко уразумѣть подъ криками... объ отмѣнѣ административной высылки и административныхъ арестовъ... Теперь почти всѣ слои общества, какъ голодные волки, требуютъ себѣ всякихъ правъ и льготъ... Воистину это общественное помраченіе, это нравственная эпидемія! (Слово о страшномъ Судѣ и соврем. событіяхъ—Антонія еп. Вольнскаго. Тамже № II, 452 с.). Проповѣдникъ, именемъ Христовымъ ратующій за „административныя высылки и административныя аресты“, обзываетъ „волкомъ“ челоуѣка, измученнаго безправіемъ и требующаго себѣ челоуѣческихъ правъ;—поборникъ безправія, онъ печется не о христіанскомъ смиреніи, а о добродѣтели овцы, которая существуетъ для того только, чтобы съ нея стригли шерсть. Эта покорность—добродѣтель рабовъ, жалкихъ, пресмыкающихся передъ силою, людей, а не духъ христіанина, не терпящій „помраченія“ и „нравственной эпидеміи“.

То же служеніе русскаго духовенства силъ порабошающей подчеркивается и въ тѣхъ упрекахъ, которые свѣтская печать бросаетъ духовенству. „Духовенства у насъ нѣтъ, пишетъ одна газета („Наша Жизнь“ 1905 г. № 160. „Литературный сецессіонъ“), а есть чиновники духовнаго вѣдомства, всегда готовые, по требованію начальства, принять на

себя отвратительную и низкую роль доносчиковъ и сыщиковъ“. „Господствующая церковь, давно уже надѣвшая чиновническій мундиръ полицейскаго государства, потеряла силу нравственнаго авторитета“ (Русск. Вѣд. 1905 г. № 188. ст. Мельгунова). „Мы—*полицейскіе* Бога вышняго“, говоритъ въ разсказѣ „Страна отцовъ“ Гусева-Оренбургскаго о Рудометовѣ, опредѣляя дѣятельность духовенства. Въ томъ же разсказѣ священникъ, рѣшившійся снять съ себя санъ, обращается къ своимъ товарищамъ священникамъ:

— Развѣ вы не видите, что такъ жить нельзя больше... Позорно! Жизнь уходитъ отъ насъ... а мы стоимъ... окаменѣлые, черною стѣною... Накинули на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, оправдываемъ произволь тѣхъ, кто уродуетъ жизнь, проповѣдуемъ терпѣнье тѣмъ, кто безъ того достаточно терпѣль. Всѣ вокругъ насъ ищутъ правды, справедливости. . А мы?.. живемъ мыслями навязанными, мыслями рабовъ... Я хочу быть свободнымъ челоуѣкомъ, служить свободному Богу“... и потому онъ снимаетъ съ себя санъ.

„Русское духовенство—одинъ изъ лучшихъ элементовъ русскаго народа. Оно самая чистая русская раса, здоровая физически и духовно. Подсчитайте, сколько оно дало превосходныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ русской жизни... *кромя* *духовнаго*. Какая масса врачей, учителей, адвокатовъ, профессоровъ, ученыхъ, писателей, государственныхъ дѣятелей вышла изъ духовной среды“... („Міръ Божій“ июль 1905 г. стр. 12). Такое оскуденіе „духовнаго“ поприща крупными дѣятелями создано роковой необходимостію для „духовнаго“ лица соединять служеніе Богу со служеніемъ рабству. И лучшіе люди бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки, бѣгутъ при первой возможности...

Страшно подумать, какъ люди могли сдѣлать изъ христіанства, религіи свободы, духовной красоты и могущества—проповѣдь рабства и насилія. Характерно,—политическимъ преступникамъ, сидящимъ въ одиночномъ заключеніи, дозволяется читать одну только книгу,—евангеліе и это потому, что книга эта учитъ смиренію, покорности. Но думающіе такъ не овладѣли истиной. Не смиреніемъ только, но и гнѣвомъ дышетъ эта святая книга.

Какъ слѣдствіе закрѣпощенія церкви государствомъ и превращенія ея въ особую полицейскую силу, духовная школа—дѣтище церкви, естественно должна была стать проводникомъ тѣхъ же началъ, которыя такъ ярко отразила современная церковная проповѣдь. Такой эта школа и является въ настоящее время. Тотъ духъ, который царитъ въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ—духъ рабскаго смиренія—страхъ передъ властію, въ жертву которому приносится все—и научная истина, и религіозная правда, юношеская пытливость и даже вѣра. Все отпустить режимъ духовной школы юному преступнику, не отпустится лишь хула на невыносимую тѣсноту, убивающую могучую волю и превращающую свободную душу человѣческую въ какую то забитую собаку, которая, сколько ее ни бьютъ, только виновато мигаетъ глазами и, поджавши хвостъ, покорно лижетъ руки своему жестокому господину. И это „ad majorem Dei gloriam“.

Богословскимъ основаніемъ такого настроенія духовной школы является идея христіанскаго смиренія. Ученіе Христово о смиреніи любимая истина, которую школа старается внушить своимъ питомцамъ. Однако, смиреніе добродѣтель въ томъ случаѣ, если оно не переходитъ въ рабство. Духовная же школа не удержала на надлежащей высотѣ эту добродѣтель воли. Духъ времени закрылъ отъ взоровъ школы другую истину, вслѣдствіе чего христіанское смиреніе духовной школы стало религіозно-нравственной опорой духовнаго рабства.

Евангелистъ Лука рассказываетъ: „И спросилъ Его (Иисуса) одинъ человѣкъ: учитель благій! что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизньъ вѣчную? Иисусъ сказалъ ему: что ты называешь меня благимъ? никто не благъ, какъ только Одинъ Богъ“ (Ев. Лук. 18 гл. 18—19 ст.; ср. Ев. Мѳ. 19 гл. 17 ст.). Если какой-либо богословъ на основаніи отвѣта Иисуса Христа, въ которомъ Онъ какъ бы отказывается отъ Своего Божественнаго достоинства („что называешь меня благимъ? никто не благъ, какъ только Одинъ Богъ“), заключить, что Христосъ только простой человѣкъ, то онъ повторилъ бы нашихъ школьныхъ богослововъ, останавливаю-

щихъ свое вниманіе на проповѣди Господа о смиреніи и пренебрегающихъ ученіемъ Его о гнѣвѣ

Евангелистъ рассказываетъ: „Приближалась Пасха іудейская, и Иисусъ пришелъ въ Іерусалимъ и нашель, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣновщики денегъ. И сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ, и деньги у мѣновщиковъ разсыпаль, а столы ихъ опрокинулъ“. Другой евангелистъ рассказываетъ о томъ же событіи: „и вошедъ въ храмъ, началъ выгонять продающихъ въ немъ и покупающихъ, говоря имъ: написано: домъ Мой есть домъ молитвы, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“ (Іоан. 2 гл. 13—15 ст. Лук. 19 гл. 45—46 ст.). Замѣтьте, не въ смиренномъ молчаніи проходитъ Христосъ мимо людей, надругавшихся надъ храмомъ Божіимъ, и не со словомъ упрека обратился Онъ къ нимъ, а во гнѣвѣ изгоняетъ всѣхъ изъ храма.

Въ бесѣдѣ съ самарянкой, спросившей Иисуса Христа, гдѣ должно поклоняться Богу: въ храмѣ ли Іерусалимскомъ или на горѣ Гаризинѣ, Господь сказалъ ей: „повѣрь мнѣ, наступаетъ время, когда и не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу... когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. 4 гл. 21, 23),—близокъ часъ, когда не только въ стѣнахъ храма, а во всемъ мірѣ (ибо міръ весь есть храмъ Божій) будутъ истинные поклонники кланяться Отцу своему. Время это пришло. Но если теперь храмъ, Божій міръ, люди станутъ превращать въ „разбойническую пещеру“, если нѣкоторые начнутъ гасить Божій огонь въ Его домѣ, то какъ отнестись должны къ этимъ гасителямъ „истинные поклонники?“ Не смиреніе и не слово упрека, а бичъ великаго гнѣва—оружіе ихъ.

Великому гнѣву учить Христосъ послѣдователей своихъ рѣчью обращенной къ книжникамъ и фарисеямъ (Ев. Мѳ. гл. 23). Бурей гнѣва дышетъ слово Христово. Каждый звукъ, каждая мысль полны грознаго негодованія могущественной души, оскорбленной человѣческой неправдой.—„Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, верблюда же поглощающіе!.. Горе вамъ“..., уподобляющимся „окрашеннымъ гробамъ, которые

снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты... Зміи, порождения ехидны! какъ убѣжите вы осужденія въ геенну?.. Да придетъ на васъ вся кровь праведная пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ. Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!.. Прочтите всю рѣчь. Прочтите нѣсколько разъ и углубитесь въ созерцаніе внѣшняго образа Христа, перечувствуйте выраженіе Его лица, жесты и передъ вами предстанетъ живой Христосъ, но не Тотъ, какимъ мы привыкли Его видѣть въ изображеніяхъ церковныхъ. Замѣтите, даже кисть свободнаго художника не заинтересовалась видомъ гнѣвающагося Господа. Такъ глубоко внѣдрилась мысль о христіанствѣ, какъ о религіи, проповѣдующей только смиреніе.

„Смириться это значитъ усвоить себѣ настроеніе кающагося мытаря. Смириться это значитъ совершенно отвергнуть себя, приносить себя ежедневно въ жертву другимъ, называя съ апостоломъ себя „рабомъ“ всякаго человѣка (2 Коринѣ. IV, 5) „всѣмъ попраиємъ доселѣ“, „отребиємъ міру“ (1 Кор. IV, 13)“. Это настроеніе кающагося мытаря, которое въ духовной школѣ воплотило въ себя всѣ добродѣтели христіанской воли, затмило добродѣтель святаго гнѣва. Однако должно помнить, что рядомъ съ евангельскимъ мытаремъ стоитъ и другой, пренебреженный современной богословскою мыслию, библейскій образъ праведнаго Іова.

„Нѣтъ человѣка на землѣ столь праведнаго какъ Іовъ“— говоритъ о немъ Самъ Богъ. И вотъ этого праведника постигли страшныя бѣды. Онъ лишается семьи, крова и тѣла его покрывается гнойными струпцями проказы. Съ глубокимъ смиреніемъ встрѣтилъ праведникъ эту волю Божию.—„Нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагимъ и возвращусь. . Да будетъ благословенно имя Іеговы“. Къ нему приходитъ жена его и въ отчаяніи говоритъ: „Отрекись отъ Бога и умри“.— „Ты говоришь какъ безумная“, вразумляетъ малодушную Іовъ. „Не отъ Бога ли получили мы добро, почему не при-

* „Странникъ“ И. Николинъ. О смиреніи,—рефератъ, читанный преподавателемъ воспитанникамъ семинаріи.

нять намъ и зло“. Кажется, далѣе въ подвигъ смиренія итти некуда: Когда то могущественный человѣкъ,—слава его жила вездѣ въ его народѣ, правда его засвидѣтельствована Богомъ,— а теперь заживо сгнивающій трупъ, и ни одного слова упрека. Но вотъ приходятъ къ Іову друзья его, и они говорятъ праведнику: „Ты согрѣшилъ, покайся. Когда кто смиряется, Богъ повелѣваетъ возвыситься“. У человѣка, лишеннаго внѣшняго благорасположенія Божія, теперь отнимали внутреннюю правду, ибо то, что жило въ немъ, что свѣтило въ его дѣлахъ, названо ложью.—„Вѣрно злоба твоя велика, и беззаконіямъ твоимъ нѣтъ конца. Вѣрно ты бралъ залоги отъ братьевъ твоихъ ни за что и съ полунагихъ снималъ одежду; утомленному жаждою не подавалъ воды напиться и голодному отказывалъ въ хлѣбъ“—такъ жестоко говорить праведнику одинъ изъ друзей его. Если ранѣе Іовъ съ покорностію переносилъ всѣ постигавшія его несчастія, то теперь не было мѣста покорности. Слѣдуетъ помнить, противъ Іова шелъ сатана и потому друзья Іова являются приспѣшниками духа тмы. Отсюда и самый призывъ къ смиренію, въ устахъ друзей Іова, таилъ въ себѣ скрытый умыселъ жаждущаго гибели Іова діавола. Могъ ли на самомъ дѣлѣ такой могучій праведникъ, какимъ былъ Іовъ, отнестись спокойно къ той клеветѣ, которую на него возводили слуги діавола; и не только на него, но и на живущаго въ сердцѣ Іовлевомъ Бога. Вотъ въ этомъ то послѣднемъ и заключается нравственная основа того буйства, которое смиренный Іовъ проявилъ передъ правдой Божіей. Оскорбленный праведникъ, какъ неистовствующій вихрь, зоветъ Бога на судъ, чтобы Онъ засвидѣтельствовалъ его правду, но не его только правду, а и правду Свою.— „Уста мои не скажутъ неправды, говоритъ Іовъ. Отнюдь не признаю васъ правыми, пока не умру. Не дамъ отнять у меня невинности моей. Крѣпко держу я правду“*. И что же, Богъ

* „Ясное дѣло, замѣчаетъ на эти слова А. М. Бухаревъ (арх. Феодоръ), что отречься отъ своей любви къ Богу, отъ правды—Іову было то же, что отречься отъ... Истины, слѣдатель неправды передъ Богомъ... Это сказалъ Іовъ прямо въ духъ Спасителя, говорившаго Іудеямъ: „аще реку не вѣмъ Его (Отца), буду подобенъ вамъ—ложь, но знаю Его и угодная Ему творю“ (Іоан. VIII, 55). „Св. Іовъ многострадальный“, 65 стр.

благословилъ буйство Іова и осудилъ друзей его, убѣждавшихъ Іова смириться. Явившись въ бурѣ и вихрѣ, Іегова сказалъ, обратившись къ друзьямъ его: „горитъ гнѣвъ мой на васъ за то, что вы говорили о мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ мой Іовъ“.

Исторія Іова съ очевидностію устанавливаетъ тотъ фактъ— нѣтъ мѣста смиренію тамъ, гдѣ сила зла угрожаетъ добру, гдѣ ложь поноситъ правду, тьма издѣвается надъ свѣтомъ. Вѣдь и Христосъ, когда зло касалось его лично, когда ему приходилось страдать, переносилъ со смиреніемъ, но когда видѣлъ поруганіе правды, то исполнялся гнѣвомъ. „И воззрѣлъ на нихъ съ гнѣвомъ, скорбя объ ожесточеніи сердець ихъ“ (Мрк. 3, 5). „За все, чего бы не лишилъ тебя братъ твой, напрасно сердиться... Но когда онъ удаляетъ тебя отъ Бога, тогда сердись“ — говоритъ преп. Пименъ. Человѣкъ, какъ личность, есть „образъ Божій“ и потому онъ не долженъ ронять своего личнаго достоинства передъ оскорбителемъ, ибо, пренебрегая этимъ достоинствомъ, человѣкъ пренебрегаетъ Господомъ, живущимъ въ человѣкѣ. Вотъ почему гнѣвъ проповѣдниковъ нашихъ дней падетъ на ихъ голову. Они встаютъ противъ святаго гнѣва, обороняющаго въ человѣкѣ „образъ Божій“. Они ревнуютъ о растлѣннн лика Христова въ человѣкѣ, забывая, что Христосъ, когда Его ударилъ по лицу слуга первосвященнической, не перенесъ этого удара и спросилъ оскорбителя: „за что ты бьешь Меня?“ „Гнѣвъ внѣдренъ въ насъ не съ тѣмъ, чтобы мы грѣшили, но, чтобы останавливали и другихъ согрѣшающихъ. Онъ полезенъ для того, чтобы пробуждать насъ отъ сонливости, чтобы сообщать бодрость душѣ, чтобы производить въ насъ сильнѣйшее негодование за обижаемыхъ, чтобы дѣлать насъ взыскательными къ обижающимъ“. Это говоритъ Іоаннъ Златоустъ (Твор. Изд. Спб. Ак. Т. V, стр. 24—25).

Живое и дѣятельное смиреніе не враждебно святому гнѣву. Весьма характерны съ этой стороны русскіе юродивые. Эти подвижники, избравшіе для себя тернистый путь смиренія къ рисовавшемуся предъ ихъ взорами нравственному идеалу, съ поразительной кротостію переносили оскорбленіе, издѣвки и всякое униженіе. Но великіе въ смиреніи они ве-

лики были и въ гнѣвѣ. Когда подвижникъ видѣлъ, какъ неправда тяжелымъ бременемъ ложилась на народъ, какъ сильный издѣвался надъ слабѣйшимъ, онъ забывалъ о смиреніи, превращаясь въ грозное воплощеніе нещаднаго гнѣва, устремляющаго свои удары на насильника. Такимъ подвижникомъ является, напр., Псковскій Никола Салость. Имя этого юродиваго потому и сохранилось въ народной памяти, что ему пришлось проявить себя въ присутствіи Грознаго и проявить доблестно, насколько доблестно можетъ быть гражданское самопожертвованіе у человѣка. Изгоняя крамолу изъ своего мятежнаго царства, Грозный направился въ Псковъ, достаточно пустивъ крови у Новгородцевъ. Во Псковѣ парила паника. Всѣ ожидали кровавыхъ ужасовъ и не знали, что дѣлать. Одни молились Богу, другіе бѣжали, нѣкоторые готовы были на насиліе отвѣтить насиліемъ. Но безсиліе Псковитянь, общественный разбродъ были очевидны. И городу ничего не оставалось, какъ ждть спокойно своей участи. Когда наутро, послѣ долгой безсонной, проведенной въ молитвѣ, ночи, Псковъ отворилъ ворота для встрѣчи царя, его улицы представляли любопытное зрѣлище: передъ каждымъ домомъ стоялъ столъ съ хлѣбомъ—солью; около—хозяева въ праздничныхъ нарядахъ. Всѣ съ трепещущими сердцами ждали гнѣвнаго гостя, и только одинъ Никола былъ спокоенъ: онъ внезапно выступилъ на сцену и, перебѣгая беззаботно и смѣло отъ стола къ столу, ободрялъ народъ. Первые шаги царя общали грозу. Онъ грубо оттолкнулъ блюдо, поднесенное намѣстникомъ, и соль разсыпалась по снѣгу. Шествіе продолжалось. Всѣ падали ницъ у своихъ воротъ. Вдругъ на палочкѣ верхомъ подѣзжаетъ къ суровому самодержцу босой Никола съ приговариваніемъ: „Иванушка, Иванушка, покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови!“ Грозный приказываетъ схватить юродиваго, но тотъ прячется въ народной толпѣ. Царь слѣдуетъ въ соборъ, слушаетъ молебень. При выходѣ его вновь встрѣчаетъ юродивый и неотступно умоляетъ зайти къ нему въ келью, подъ соборную колокольню. Тамъ, на бѣлой скатерти лежалъ огромный кусокъ сырого мяса. „Покушай, Иванушка, покушай“, угощаетъ вопедшаго царя гостепріимный хозяинъ. „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса

въ постъ“, сурово отвѣчаетъ царь. „Ты дѣлаешь хуже, возражаетъ юродивый: питаешься кровью и плотью человѣческой, забывая не только постъ, но и Бога“. Царь не могъ вынести такихъ рѣчей и тотчасъ приказалъ грабить ризницу и снимать колокола. Но юродивый рѣшительно и гнѣвно говоритъ царю: „не трогай насъ, прохожій человѣкъ, ступай скорѣе отъ насъ. Если еще помедлишь, то не на чѣмъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда“. Царь не отмѣнилъ приказанія. Но вотъ сообщаютъ ему, что палъ внезапно лучшей его конь, и царь быстро собирается и покидаетъ Псковъ, не проливъ въ немъ ни капли крови.

Довольно сказаннаго, чтобы видѣть недостаточность одного мытарева смиренія, дабы охристіанить человѣческую волю. Христіанину необходимо усвоить и другую сестру этой добродѣтели—гнѣвъ передъ насиліемъ и неправдой. А между тѣмъ духовная школа замалчиваетъ ее въ своей богословской наукѣ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ—насколько намѣренно она дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, мы только напомнимъ отмѣченное выше согласіе между общимъ настроеніемъ религіозно-нравственныхъ теченій церковной жизни, возникшихъ подъ вліяніемъ подчиненія церкви интересамъ государственнымъ, и ученіемъ о мытаревомъ смиреніи духовной школы. Смирненіе безъ гнѣва—это рабство духа. Тяжелая плита этого рабства придавила нравственную личность питомца духовной школы. Послѣднему слишкомъ трудно выйти на путь пониманія Христова ученія, какъ призывъ къ свободѣ. Предъ его взорами духовная школа рисуетъ Христа только рабомъ. А между тѣмъ о Господѣ говоритъ пророкъ: „зракъ раба приимъ“—только „видъ“, только внѣшній образъ раба, а духъ Его—духъ Бога, духъ человѣка—аристократа. Этотъ аристократизмъ христіанства опять-таки для питомца духовной школы—чужое, страшное. А между тѣмъ, Достоевскій въ величественной поэмѣ „Великій инквизиторъ“, посвященной углубленію въ смыслъ искушеній Христа дьяволомъ, съ поразительнымъ согласіемъ съ духомъ слова Божія изъясняетъ отверженіе Христомъ искушающихъ совѣтовъ дьявола жаждой Бога видѣть человѣка свободнымъ. Во имя свободы Богъ

не превратилъ камни въ хлѣбы, во имя свободы Богъ отказался поработить волю человѣка чудомъ, во имя свободы Богъ отказался отъ деспотіи власти. Христосъ училъ свободѣ, а духовная школа—рабству. Можно ли послѣ этого удивляться ея печальнымъ педагогическимъ результатамъ.

II.

Изъ богословскаго принципа духовной школы, отмѣченнаго нами въ началѣ статьи—„внѣ церкви нѣтъ истины“, само собою ясно, каково должно быть отношеніе школы къ міру внѣшнему, нецерковному. Духовная школа, слѣдуя господствующимъ тенденціямъ русской церкви, стремится создать изъ принятыхъ ею истинъ оазисъ среди пустыни міра. „Міръ во злѣ лежитъ и потому не любите міра ни того, что въ мірѣ“. Этотъ принципъ проводится богословской наукой съ жестокой прямолинейностью, и, кажется, методикой этой науки все сдѣлано, чтобы изъ новозавѣтной истины, дышавшей всепримиряющей любовью Христовой, создать ветхозавѣтную правду—подзаконную.

Въ древности Богъ заповѣдывалъ народу еврейскому: если будете вступать въ общеніе съ язычниками, то я разрушу завѣтъ Мой съ вами. Сынъ же Божій, живя на землѣ, изумлялъ еврейскихъ учителей своимъ отношеніемъ къ этой ветхозавѣтной заповѣди. „Смотрите“, не разъ указывали они народу, желая уронить въ его глазахъ Христа, „Онъ съ язычниками ѣсть и пить, входитъ въ дома мытарей и блудницъ“. Подобно этимъ учителямъ еврейскимъ и учителя нашей духовной школы непрестанно твердятъ своимъ питомцамъ—„не входите въ дома неправославныхъ мыслителей и не трапезуйте съ ними“.

Когда орды турокъ, передвигаясь изъ Азіи въ Европу, полонили Византію и взяли Константинополь, то они поступили съ этимъ музеемъ древнихъ искусствъ и хранилищемъ памятниковъ многовѣковой человѣческой мудрости, какъ истинные вандалы. Все было предано разрушенію и огню. Нѣчто похожее на этотъ варварскій приѣмъ дикаго народа

усвоила себѣ и методика богословскихъ наукъ нашей духовной школы. Но только въ томъ разниці: турки разрушили культуру одного греческаго народа, школьный же мечъ направленъ противъ общечеловѣческаго труда. Онъ съ равнымъ ожесточеніемъ разбиваетъ мраморъ греческихъ ваятелей, усѣкаетъ Гераклита, Сократа, Платона; прибавляетъ къ позорному столбу религіи Египта, Греціи, Рима и Востока; ведетъ на казнь Спинозу, Канта, Гегеля, Дарвина... Какъ иначе назвать этотъ методическій приѣмъ богословской науки, если не инквизиціей? Правда, инквизиція духовная, — но все же ученики школы должны чувствовать себя на урокахъ, гдѣ осуждается весь трудъ человѣческаго генія внѣ стѣнъ церковныхъ, какъ бы стоящими передъ эшафотомъ.

И все это для того, чтобы убѣдить ученика — міръ во злѣ лежитъ, и истина только въ церкви.

Кажется, нельзя болѣе унижить человѣческой духъ передъ юнымъ духомъ ученика, деморализуя тѣмъ самымъ и этотъ послѣдній. Вѣдь страдала же, мучилась во имя чего-нибудь человѣческая мысль. Вѣдь тысячи племенъ и народовъ, идя своими путями, на которые ихъ обрекла исторія, стремились къ тому же Отцу Свѣтовъ, Котораго исповѣдуемъ мы, христіане. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ“.

Всякая мысль мірская, нецерковная, какъ бы она грандіозна ни была, предлагается ученику духовной школы только за тѣмъ, чтобы онъ видѣлъ въ ней отрицательную сторону. И это каждый день, и это на страницахъ каждой книги! Такъ привыкаетъ питомецъ школы устремлять взоръ на страшное лицо діавола, какъ бы предпочитая его раздражающее лицезрѣніе успокаивающему созерцанію сіянія Свѣта, Который и во тьмѣ свѣтится. И не этимъ ли лицезрѣніемъ объясняется то душевное осатанѣніе, которое нерѣдко приходится наблюдать въ нѣкоторыхъ людяхъ, воспитавшихся въ нашей духовной школѣ. Развѣ не его духа — тотъ страшный фанатизмъ, гнѣвливое топанье, которое проявляютъ нѣкоторые проповѣдники въ своемъ отношеніи, на примѣръ, къ освободительному движенію нашихъ дней?

На началахъ вражды между церковной богословской мыслию и міромъ воспитываются питомцы духовной школы.

Такой разладъ тяжелымъ образомъ отражается на духѣ ученика. Съ одной стороны — онъ жертва, полураздавленная двумя сталкивающимися силами. Школа, при всей своей старательности, не въ силахъ убить въ душѣ юноши недомѣнный вопросъ: неужели человѣчество, его тысячелѣтніи поиски истины только „суета суетъъ“? Предубѣжденный противъ міра, онъ, выйдя изъ школы, испуганно смотритъ на его страстную борьбу за жизнь, за хлѣбъ, за права, за идеалы. И среди этого шума жизни юноша теряется, онъ чужой міру, школа не дала ему ни одной жерди, которую можно было бы перебросить черезъ пропасть, вырытую „духовной“ наукой между церковью и міромъ. Но если этого недоросля міръ поманитъ къ себѣ привѣтливимъ кивкомъ и кинетъ ему черезъ пропасть въ видѣ мостика позитивную мысль, то прощай все, въ чемъ такъ старалась убѣдить своего питомца духовная школа. Съ другой стороны, внушая юношѣ подходить къ человѣческой мысли, сложившейся внѣ церкви, только за тѣмъ, чтобы пустить въ нее камень рукою, водимую злобой, — духовная школа поступаетъ вопреки завѣтамъ Христа.

Покойный А. М. Бухаревъ, приступая къ богословскому разбору романа Чернышевскаго „Что дѣлать“, предваряетъ читателя о задачахъ своей работы: „я буду говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ слѣдуя правилу слова Божія *отдѣлать честное отъ недостойнаго* (Іер. XV, 19), лучшее отъ худшаго... Я пользуюсь романомъ Чернышевскаго къ разъясненію того, что въ самомъ дѣлѣ намъ надо дѣлать при нынѣшнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи нашего общества и отечества“ *.

Если вы потрудитесь вникнуть въ статью этого страдальца русской мысли, то увидите, сколько строго православныхъ мыслей можно найти въ крайне напряженномъ позитивистическомъ направленіи и если не въ положительномъ ихъ выраженіи, то въ видѣ условій, наталкивающихъ умъ на

* „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни особенно русской“ — Разборъ двухъ романовъ „Что дѣлать“ г. Чернышевскаго и „Отцы и дѣти“ г. Тургенева. 455 стр.

таковыя истины. Процессъ этого исканія построенъ отнюдь не на законахъ контраста механической ассоціаціи; ибо касаніе истины осязаютъ и люди живущіе внѣ сѣни церковной. Вѣдь сказалъ же апостоль: „языцы естествомъ законная творятъ“. Сказано и евангелистомъ: „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъся“. „Къ его свѣтенію относятся законы и требованія разума человѣческаго“ и законы всего міра, ибо „Имъ же („Свѣтомъ“ — Христомъ) *вся быша*“. Законы міра, эти пути жизни, суть мысли Божіи, которыя Онъ положилъ въ основаніе земли при ея созданіи. А „потому, насколько въ мыслительности выдерживаются эти законы и удовлетворяются эти требованія разума и даже сколько есть у того и другого мыслителя чистаго и добросовѣстнаго стремленія выдержать первыя и удовлетворить послѣднія, настолько у этого мыслителя, въ его мыслительности открывается мѣсто и свѣтенію Христову. Самая тьма заблужденій не въ состояніи объять или омрачить этого свѣта. А потому, любящему Христовъ свѣтъ свойственно съ любовію же слѣдить и уважать Христово же свѣтеніе и въ философской мыслительности, (хотя бы и погруженной даже во мракъ язычества). Тьмѣ болѣе славы Христу Богу нашему, что онъ сіяетъ, какъ солнце на *праведныя* и *неправедныя*. Безнаказанно пренебрегать Христовымъ невозможно, гдѣ бы оно ни скрывалось. Нельзя неразумной ревности опираться на то, что истинныхъ мыслей у иного мыслителя кажется не болѣе какъ два или три зерна въ цѣломъ полѣ пустоколосицы. И одна черта или юта истины, которая существенно принадлежитъ Христу („Азъ есмь Истина“), не можетъ прейти; скорѣе небо и земля прейдутъ“...”.

Въ приведенномъ извлеченіи, вѣдушемъ духомъ истины, читаемъ достойное осужденіе вражды духовной школы въ ея отношеніи къ міру, затмевающей ей зрѣніе Христа, свѣтеніе Котораго не угасаетъ и во тьмѣ. Вѣдь до боли ясна мысль,—если бы міръ не вдыхалъ хотя бы на одно мгновеніе Истины, онъ погибъ бы. И неужели Богъ, безъ воли Котораго не упадетъ волосъ съ головы, что не отрицаетъ и

* Тамже стр. 415—416.

духовная школа, Богъ, пекущійся о птицахъ, оставить миллионы людей безъ свѣта, безъ правды? Думающій такъ хулить Духа Святого. Но если дыханіе истины вѣетъ надъ всѣмъ міромъ, „*просвѣщаетъ всякаго человека, являющаго въ міръ*“ (Ев. Иоанна 1, 9), то міръ и внѣ стѣнъ церковныхъ осязаетъ Христа.

Отсюда для духовной школы является болѣе благодарная задача отказать отъ якоря „міръ во злѣ лежитъ“ и устремлять взоръ питомцевъ не на поиски лика діавола въ мірѣ, а на созерцаніе свѣта Христова, черезъ что не обуживать истину Христову стѣнами церковными, а расширять ее за предѣлы этихъ стѣнъ, связуя нитями Христовой истины всякаго человѣка и все человѣчество съ Источникомъ Истины*.

Воспитывая „мыслительность“ своихъ питомцевъ въ этомъ направленіи, духовная школа пробудитъ въ душѣ ихъ жажду обнять весь міръ въ единой для всѣхъ Истинѣ, Которой всѣ служатъ и къ Которой стремятся всѣ въ своихъ искреннихъ молитвахъ и подвигахъ жизни.

И если бы юноша могъ ощутить во всей полнотѣ ту мысль, что благо всѣхъ едино, что питатель всѣхъ Христосъ,

* Каждому мыслителю должно для себя и „для другихъ“ глубже выяснить, какъ именно можно съ вѣрностію и безопасноію выслѣживать свѣтящійся и во тьмѣ свѣтъ Христовой истины. Христосъ былъ и есть свѣтъ, свѣтящійся и во тьмѣ, существенно потому, что Онъ и тьму нашихъ грѣховъ и заблужденій вмѣнилъ, въ отношеніи ея виновности, Себѣ Самому. Надо входить вашему мыслящему духу, по мѣрѣ вѣры вашей, въ это самое настроеніе Христовой любви,—и тогда самую малую долю или, такъ сказать, росиночку истины презрительно опустить въ чемъ бы то ни было изъ вида будетъ значить для вашего сознанія и чувства впадать въ грѣхъ. Равно и допустить въ дѣлѣ истины незначительную примѣсь лжи или чего-либо фальшиваго для васъ, знающихъ и чувствующихъ, какъ Господь выдержалъ Свою правду и истину въ мракахъ нашей и всемірной лживости, значило бы прибавлять къ Его язвамъ новыя. Въ такомъ настроеніи духа вашего вы будете ощущать въ себѣ самихъ страдальческую боль отъ этихъ новыхъ духовныхъ уязвленій и презрительныхъ поруганій, наносимыхъ нами челоуѣколюбивому до смерти Господу чрезъ допущеніе лжи или пренебреженіе и невниманіе къ истинѣ. Такъ, а не иначе, по моему убѣжденію, можно съ вѣрностію и безопасноію выслѣживать не только сіяніе или сильный блескъ, но и мерцаніе Христова свѣта, свѣтящагося въ самой тьмѣ челоуѣческихъ ошибокъ и заблужденій“. (А. М. Бухаревъ, тамже 378 стр.).

то духъ его исполнился бы глубокою радостію, приводяшею всѣ силы души въ восторгъ, въ стремленіе, освѣщенное сознаниемъ, что церковь—едина вселенская церковь и что всѣ люди, все человѣчество суть ея члены. Ибо то *созидательн*е дѣло, надъ которымъ трудится каждый человѣкъ, къ какому бы онъ убѣжденію ни принадлежалъ, есть дѣло устроения Царства Божія, церкви Христовой*. Но не всѣмъ дано въ равной силѣ служить этому премірному дѣлу. Здѣсь тоже, что свѣтящіяся точки лучей солнечныхъ: чѣмъ капля свѣта далѣе отъ своего источника—солнца, тѣмъ она менѣе содержитъ въ себѣ животворящаго тепла, и чѣмъ ближе, тѣмъ она ярче и тѣлѣе ея полнѣй насыщено солнечной силой. Христіане православные, это—ближайшіе къ Источнику Свѣта дѣти; живущіе же внѣ стѣнъ церковныхъ—разсыпавшіяся по всему необъятному простору вселенной свѣтящіяся точки.

III.

Началомъ, опредѣляющимъ характеръ жизни церкви въ себѣ, въ кругу своихъ идей, является взаимоотношеніе двухъ принциповъ—закона и благодати. Выясненіе того, къ какому изъ этихъ двухъ началъ склоняется господствующее теченіе русской богословской мысли, дастъ возможность установить характеръ отношеній церкви къ принципамъ, ею принятымъ и освященнымъ. Самый опасный врагъ христіанскаго богословія это—право. Христосъ опредѣленно говорилъ: „Я не пришелъ судить міръ, но спасти міръ“. И вообще въ Его ученіи отчетливо сказывается отрицательное отношеніе къ праву—„если тебя ударятъ по щекѣ, подставь другую“. Но смыслъ этого ученія не растоптаніе юридической нормы, а замѣна ея началомъ инымъ, высшимъ. Христосъ далъ своимъ

* „Свѣтъ Христовъ, свѣтящійся во тьмѣ внѣцерковной“, есть собственность „полноты Христовой святой церкви, какъ свѣтъ православія, простирающійся на всевозможныя среды, по крайней мѣрѣ, чрезъ преобладающую и привлекающую къ православію благодать“. А. М. Бухаревъ. „Моя апологія“ стр. 12.

ученикамъ внутренній критерій для распознаванія истины вмѣсто прежняго—внѣшнихъ признаковъ формы. Этотъ духъ Христова ученія прекрасно выразилъ апостолъ: „праведнику законъ не лежитъ“, ибо онъ обвѣянъ благодатію Христовой и потому обладаетъ особымъ внутреннимъ чутьемъ находить „добро“ и „истину“, завитыя въ различныя, ипогда взаимно исключаютія другъ друга, формы жизни. Такъ какъ „добро“ и „истина“ суть проявленія „жизни“, то и благодать, изливаемая на человѣка изъ источника „жизни“, есть преимуществу сила оживляющая духъ человѣка. Противоположное ей—властвующая надъ жизнію форма, мертвящая буква. Между этими двумя началами и вращается богословская мысль.

Церковь, если глядѣть на нее снаружи, есть юридическое общество, нуждающееся въ правовомъ порядкѣ. Отсюда—церковное право. Если же разсматривать ее изнутри, то она „тѣло Христово“, благодатный союзъ „праведниковъ“, которымъ „законъ не лежитъ“. Въдъ христіанинъ, поскольку онъ является достойнымъ этого имени, долженъ усвоить начало благодатной жизни „праведника“, въ противномъ случаѣ онъ не христіанинъ. Значитъ, въ церкви сталкиваются два начала—правовое и благодатное, человѣческое и Христово. Если слѣдовать духу Христова ученія, то благодать должна господствовать надъ закономъ и своими лучами изнутри растаивать его формы. А между тѣмъ, въ жизни церковной законъ побораетъ благодать. Идя извнѣ, онъ все болѣе и болѣе своими цѣпкими шупальцами проникаетъ вглубь религиозной жизни, стискиваетъ ими одну за другою живыя истины, образуя изъ текучихъ капель воды живой крѣпкіе кристаллы.

Недавно въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1905 г. № 31) профессоръ прот. Аквилонъ помѣстилъ статью „панихиды надъ иновѣрцами“*. Авторъ статьи доказываетъ, что за умер-

* Предлагаемый разборъ этой статьи является не полемикой только съ частнымъ мнѣніемъ профессора, а принципиальнымъ возраженіемъ противъ господствующихъ теченій церковной мысли, такъ какъ Аквилонъ въ первой половинѣ статьи излагаетъ конфиденціальное письмо митроп. Филарета по данному вопросу, представленное имъ въ св. Синодъ, съ которымъ послѣдній и согласился; во второй же половинѣ ст. авторъ

шихъ иновѣрцевъ православной церкви молиться не должно, въ противномъ случаѣ будетъ нарушенъ юридическій принципъ. „Церковь, говоритъ проф., не можетъ обойтись безъ точно опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, рискуя въ противномъ случаѣ обратиться въ такое неопредѣленное сборище, которое окажется не въ состояніи само осмыслить существенный *raison d'être* своего бытія“. Во имя боязни обратиться въ неопредѣленное (юридически) сборище, православный священникъ убѣждаетъ собратій по вѣрѣ не молиться за католиковъ, протестантовъ и др. Однако, представимъ такой случай. У меня есть скотина. ну, хотя бы корова, и есть задушевный другъ, человѣкъ высокой нравственности и вообще безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, но только иновѣрецъ. И вотъ онъ умираетъ. По ученію проф. Аквилонна я за друга молиться не долженъ, ибо онъ не имѣетъ „умъ Христовъ“. Но за корову я могу молиться? Отвѣтить отрицательно профессоръ не въ правѣ, такъ какъ въ требникѣ имѣется даже особая молитва о животныхъ, „молитва во еже благословити стадо“, въ которой читаемъ: „Благослови скотовъ. раба твоего (имя рекъ)... и избави е отъ насилія діавола“ * Значитъ, корова, а не другъ мой ближній. Если бы профессоръ былъ правъ, то милосердный самарянинъ долженъ былъ бы озаботиться прежде объ ослѣ ограбленнаго и израненнаго разбойниками еврея, а ужъ потомъ о хозяинѣ осла. (Говорю на тотъ случай, если бы у еврея былъ оселъ). Да и долженъ ли еще онъ былъ во имя „логики вѣры“, каковую защищаетъ профессоръ, вообще помогать иновѣрцу. Вѣдь, если не слѣдуетъ молиться о душѣ иновѣрца, то ужъ тѣмъ болѣе не должно служить и тѣлу, ибо „сколь душа цѣннѣе тѣла“. Неужели духъ автора „панихиды надъ иновѣрцами“ не смутила мысль о томъ, что и неправославные могутъ стяжать крупицу истины Христовой. Но авторъ не благословилъ этой крупичи, ибо онъ боялся,

только примиряетъ суровое рѣшеніе митрополита и Синода съ духомъ любви Христовой.

* Б. Требникъ стр. 222. См. также „чинъ благословенія пчель“ Мал. Требн. 240 стр.

какъ бы „политикой открытыхъ дверей“ не нарушить формы. Буква побѣдила жизнь *.

Въ связи съ вопросомъ о молитвѣ за умершихъ иновѣрцевъ стоитъ также и другой церковный вопросъ о приемлестности иновѣрцевъ въ православіе. По ученію православной церкви католикъ, напр., какъ находящійся внѣ истинной церкви, не спасется и по смерти за него даже нельзя и молиться. Но если католическій священникъ изъявитъ свое согласіе принять православіе, тогда при вступленіи его въ православную церковь за нимъ остаются въ силѣ, какъ дѣйствительныя, таинства крещенія и священство, т. е. католическій ксендзъ не перекрещивается и въ православной церкви безъ совершенія надъ нимъ таинства священства остается въ

* На почвѣ этого церковнаго ученія о немоленіи за иновѣрцевъ возникать въ церковной жизни явленія крайне характерныя. Въ воспоминаніяхъ Тверского архіеп. Саввы разсказывается такой случай. Въ 1880 г. въ Уфѣ проживалъ въ отставкѣ профессоръ Казанской Духовн. Академіи Беневоленскій. Когда онъ былъ при смерти, то навѣстившій его другъ, священникъ Соловьевъ, предложилъ ему причаститься. На это больной отвѣтилъ отрицательно и замѣтилъ, что „причащаться надо духомъ“. Всѣ убѣжденія С. оказались безрезультатны и „больной всталъ, перекрестилъ православнымъ крестомъ свой одръ, осѣнилъ истово себя крестнымъ знаменіемъ, легъ“ и попросилъ С. уйти. На другой день Б. умеръ. „Люди пошли на панихиду, а я (разсказываетъ о себѣ священникъ С. въ письмѣ къ Саввѣ) долго думалъ, что мнѣ дѣлать и, нашедъ его убѣжденія хуже Аріанскихъ, не могъ рѣшиться отправить о немъ поминовеніе по христіанскому обряду и, къ удивленію гражданъ, уклонился отъ панихиды и отпѣванія“. Секретнымъ образомъ объ отказѣ Б. причаститься было доложено мѣстному епископу. Владыка принялъ по этому случаю о. С. и сказалъ: „Вы поступили вѣрно. Я хотѣлъ самъ похоронить Беневоленскаго, но, услышавъ, что передъ смертію онъ не причастился, приказалъ не ждать меня къ обѣднѣ и убрать изъ церкви кафедру“. Спрошенный письменно о. С.—вымъ, авторъ воспоминаній (Савва),—правильно ли онъ поступилъ по отношенію къ Б., въ письмѣ къ о. С. отвѣтилъ: „Если совѣсть ваша это возбраняетъ (т. е. молиться за Б.), то надлежитъ слѣдовать ея внушеніямъ особенно при совершеніи божественной литургіи. Иное еще дѣло молитва частная, домашняя, но и та и другая могутъ ли принести пользу душѣ, отошедшей въ вѣчность безъ живой и дѣятельной вѣры въ спасительную силу Христовыхъ таинствъ?“ (Автобиографич. Записк. Саввы архіеп. Тверского“ Богослов. Вѣстник. май 1905 г. 550—

санъ священника. Значить, и въ католической церкви есть благодать Христова?

По этимъ немногимъ приведеннымъ примѣрамъ, какъ по нѣсколькимъ геометрическимъ точкамъ, опредѣляющимъ положеніе плоскости, можно судить, насколько благодатное христіанство, эта могучая сила жизни, не совпадаетъ съ тѣми узенькими желобками, въ какіе его пытается заключить церковное право. И можетъ быть правото и губить главнымъ образомъ жизнь религіозную.

Мы далеки однако отъ мысли, чтобы мечтать о превращеніи христіанства въ безформенную массу, и только указываемъ православному школьному богослову на то—основной посылкой при разрѣшеніи церковныхъ вопросовъ должно быть не представление о церкви, какъ о юридическомъ обще-

557 с.) Въ воспоминаніяхъ того же преосвященнаго записанъ и еще любопытный фактъ. Покойный митрополитъ Московскій Іоанникій въ 78 г., проездомъ на Кавказъ, куда онъ былъ назначенъ Экзархомъ, забхалъ въ Харьковъ къ преосв. Саввѣ, гдѣ послѣдній былъ въ то время епископомъ. После обѣда, къ которому былъ приглашенъ мѣстный викарій, преосвященный Веніаминъ, между нами, рассказываетъ Савва, зашла рѣчь о разныхъ ученыхъ предметахъ, между прочимъ, о томъ, возможно ли внѣ православной церкви спасеніе человѣка? Ученый Экзархъ утверждалъ, даже съ настойчивостію, что спасеніе человѣка возможно не только внѣ православія, но и внѣ христіанства; это, замѣчаетъ преосв. Савва, не мало удивило меня и моего викарія (Богосл. Вѣстн. 1903 г. октябрь, 657). А вотъ и другой случай изъ еще свѣжей газеты: „Въ воскресномъ номерѣ „Руси“ (1905 г. 2 октября) помѣщена въ видѣ письма въ редакцію замѣтка „Монашество безъ Евангелія“. Въ статьѣ сообщается нѣчто невѣроятное, скажу болѣе,—нѣчто страшное. Рассказывается, будто ректоръ Петербургской духовной академіи, преосвященный Сергій Старгородскій, на просьбу студентовъ духовной академіи отслужить панихиду по скончавшемуся ректорѣ московскаго университета, князь С. Н. Трубецкомъ, отвѣтилъ:

— Мои убѣжденія не позволяютъ мнѣ служить панихиду по князь Трубецкомъ. Онъ—человѣкъ противнаго намъ лагеря...

А между тѣмъ, другъ и ученикъ покойнаго философа—христіанина В. Соловьева, С. Трубецкой и самъ былъ глубоко вѣрующимъ убѣжденнымъ христіаниномъ. Онъ свое основное сочиненіе посвятилъ выясненію сущности христіанства. Оно такъ и называется: „Ученіе о Логосѣ“, т. е. ученіе о Богѣ—Словѣ, или, иначе, объ Іисусѣ Христѣ, воплотившемся Сынѣ Божіемъ“. Свящ. Петровъ. „Русск. Слово“ 1905 г. № 260.

ствѣ, отрицательно относящемся ко всему, что не согласуется съ нимъ *всепло*, а—образъ церкви „тѣла Христова“.

Углубленіе богословской мысли въ сферу юридическую на дальнѣйшихъ ступеняхъ низводитъ живую христіанскую истину до іудейства (іудейскій номизмъ). И нужно замѣтить, іудейство—духъ буквы, духъ мелочного формализма въ отношеніи къ живой истинѣ, этотъ темпераментъ религіознаго мыслителя наиболѣе сроденъ русскому національному характеру. Характернымъ воплощеніемъ іудейства на почвѣ русской является расколъ-старообрядчество. И русской церкви надо особенно бояться этого русскаго іудейства *. Вмѣстѣ

* До какихъ уродливыхъ выводовъ въ состояніи дойти религіозная мысль, поработанная духомъ іудейства, это можно видѣть, напр., изъ отзывовъ учебнаго Комитета при св. Синодѣ на нѣкоторыя книги народныхъ изданій. Вотъ что говорить, напр., это официальное церковное учрежденіе по поводу разсказа Лѣскова „Христось въ гостяхъ у мужика:“ „заглавіе... вульгарно и не соотвѣтствуетъ предмету. *Въ гости* (курсивъ вездѣ подлинника) ходить за тѣмъ, чтобы поѣсть, попить, поболтать, повеселиться. Господь не *въ гостяхъ* былъ у фарисея, а *посѣтилъ* фарисея,—это не одно и тоже... То, что мы знаемъ о Тимоѣѣ (главное лицо въ разсказѣ), вызываетъ сомнѣніе; мы знаемъ, что онъ „книжки читалъ самыя божественныя“, жилъ хорошо; но не видимъ, чтобы онъ былъ сынъ церкви православной. Онъ обуреваемъ сомнѣніями, толкуетъ о вѣрѣ, но не видимъ, чтобы онъ обращался къ отцу своему духовному... Гордости много у этого праведника, который и приборъ ставилъ Господу и кресло большое, а, собираясь принять Господа, созвалъ и *полюковъ*, и людей *чулоновской вѣры*... Православный христіанинъ Господа приеѣмлетъ и тайственно соединяется съ Нимъ въ святомъ причащеніи, о Тимоѣѣ же авторъ не обмолвился, чтобы онъ приступилъ къ сему таинству... Что народъ вынесетъ изъ этого разсказа? Вотъ праведникъ, къ которому Христось въ „гости“ *пожаловалъ* (?) (курсивъ нашъ), хотя онъ ни въ церковь не ходитъ, ни таинъ не приобщается, ни къ священнику не обращается, не кается“... (Циркуляры по духовному учебному вѣдомству № 1, стр. 14). А вотъ еще полюбившій отзывъ о разсказѣ „Свѣтъ жизни“.—„Разсказъ благовиднъ. Одобряется чтеніе евангелія. Столяръ (главное лицо разсказа) изображается праведнымъ человѣкомъ... Однако странно—этотъ праведный человѣкъ живетъ и спасается *внѣ церкви*. Мы не видимъ, чтобы онъ посѣщалъ храмъ Божій, исполнялъ религіозныя обязанности, приступалъ къ таинствамъ покаянія и причащенія“ (тамъ же стр. 11). Если проникнуться духомъ подобныхъ отзывовъ, то придется въ однозвучномъ согласіи съ учебнымъ Комитетомъ св. Синода произнести слѣдующее: что народъ вынесетъ изъ всей русской литературы,

съ тѣмъ слѣдуетъ съ большей серьезностію отнестись къ русскому сектанству, особенно усиливающемуся за послѣднее время. Несомнѣнно, оно въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ является религіознымъ протестомъ противъ отвердѣвшихъ формъ религіозной жизни, тяготящей къ старообрядческому буквообрядовѣрію, и попыткой, хотя подчасъ и крайне уродливой, итти впередъ въ развитіи религіознаго самосознанія.

Но русская церковно-богословская мысль, чувствуя за собой полицейскую силу въ борьбѣ съ этими противоцерковными теченіями, не шла далѣе спора и обличеній. Съ другой стороны, и здѣсь сказалось господство юридическаго христіанства надъ благодатнымъ. Церковный богословъ нашихъ дней въ православіи, выраженномъ во внѣшней формѣ правовыхъ опредѣленій, видитъ законченный міръ идей. Онъ уже осязаетъ надъ всѣмъ этимъ непроницаемую ткань неба. Дальше итти некуда. Все дано. Все ясно. Четвертому Риму не быть. И если ангель благовѣститъ „иное“, да будетъ анафема. Сытый своею праведностію, онъ, какъ фарисей, молящійся

гдѣ ни у Пушкина, ни у Гоголя, Тургенева, Достоевскаго нѣтъ ни одного художественнаго лица, которое удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ іудейской критики? А вотъ и еще характерный отзывъ (Циркуляр. № 6, стр. 23), въ которомъ не одобряется брошюра „Прекрасная Аза“. „Легенда изображаетъ, какъ одна молодая, богатая и красивая египтянка пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ для спасенія жизни одного несчастнаго отца грека и чести его дочери, какъ сама стала нищею и потомъ публичною блудницею, какъ въ отчаяніи хотѣла лишиться себя жизни, но чудесно спасена была однимъ иностранцемъ христіаниномъ, какъ затѣмъ обращена была къ вѣрѣ во Христа и желала креститься, но не получила крещенія изъ за длинной церковной процедуры... Не смотря на то, она *при смерти чудесно облечена была ангелами въ бѣлую крестильную одежду и возшла на небо*“ (Курсивъ не нашъ). Кажется, что другое можетъ вызвать эта легенда даже въ тенденціозной передачѣ рецензента, въ сознаніи христіанина, кромѣ яснаго и правильнаго представленія о природѣ божественной благодати, возвышающейся надъ формами жизни. Но оффиціальныи рецензентъ не могъ примириться съ мыслию, какъ египтянка могла спастись не крещеная, не миропомазанная, безъ покаянія и причащенія. Послѣ этого остается только удивляться, какъ еще до сихъ поръ народу не воспрещено чтеніе житій тѣхъ святыхъ мучениковъ, которые стяжали вѣнецъ Христовъ, не принявъ ни одного таинства, — дабы подобныя повѣствованія не подрывали вѣру народа въ важность таинствъ.

въ храмъ съ голоднымъ мытаремъ, благодарить Бога за то, что онъ не таковъ, какъ этотъ „алчущій“ мытарь. Довольный нажитымъ, онъ не желаетъ большаго и каждую минуту готовъ сказать: „Солнце, остановись!“ Это сытое настроеніе богословской мысли, самообольщенно считающей себя уже достигнувшей законченной полноты въ разумнѣи истины, осуждается апостоломъ, заповѣдующимъ любить истину *въ живой ея силѣ* и стремиться къ ней „забывая заднее и простираясь впередъ“ (Филип. III, 13 ст.). Оно-то, настроеніе это, и есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ, способствующихъ распространенію среди русскаго народа противоцерковныхъ ересей*.

Духъ юридическаго христіанства, іудейскаго обрядовѣрія и фарисейской сытости свиль себѣ глубокое и уютное гнѣздо въ духовной школѣ. Онъ вселился въ режимъ ея, имъ пропитана вся школьная наука, сплошь построенная на схоластицизмѣ, онъ вторгся и въ храмъ школы, гдѣ въ жертву внѣшнему порядку приносится духъ животворящій. Форма, буква, обрядъ — вотъ символъ религіознаго образованія духовной школы! И если хотите, то вѣдь вопросъ о религіозномъ образованіи въ сущности трагическій. По крайней мѣрѣ русская духовная школа до сихъ поръ еще ни разу не разрѣшала его, хотя бы до нѣкоторой степени сносно. Она никогда не выходила изъ границъ той области религіозной жизни, гдѣ христіанство благодатное поглощается христіан-

* Спокойствіе русской церкви не было нарушено и предложеніемъ вселенскихъ патріарховъ въ 1903 г. о созывѣ вселенскаго собора, главнымъ образомъ для соединенія церквей; — мы молимся, отвѣтили представители русской церкви, а большее сопряжено съ неудобствами и осложненіями... Характерно то, что неудобства, на которыя сослались русскіе іерархи, никогда не исчезнутъ. Развѣ въ томъ только случаѣ, если государства всего міра будутъ подчинены одному правителю. „Въ настоящее время, читаемъ въ отвѣтномъ посланіи св. правит. Синода ко Вселенскимъ патріархамъ, когда св. церкви помѣстныя раздѣлены между собою границами государствъ и когда всякое междуцерковное отношеніе по необходимости затрогиваетъ и отношенія междугосударственныя, едва-ли осуществимо такое собраніе епископовъ и такое всенародное и вселенское обсужденіе ими церковныхъ вопросовъ. О немъ пока можно молиться и его желать“ („Вѣра и Церковь“ 1903 г. 6 кн. 108 стр.).

ствомъ юридическимъ. Въдѣ школа идетъ отъ формы къ міру внутреннихъ идей. Отъ закона къ благодати. Добрый порядокъ долженъ порождать вѣрующую душу. Но одно дѣло навѣкъ, другое—жизнь живая. Это забыли руководители богословскаго образованія. Они пошли по пути католическихъ коллегіумовъ, гдѣ полное властвованіе внѣшней дисциплины надъ внутреннимъ міромъ ученика. Но результатъ этого порядка—превращеніе духа въ таблицу умноженія, по которой, если два убійства даютъ блага на три жизни, то да будутъ благословенны эти убійства, ибо цѣль оправдываетъ средства. Не окончательная-ли это нравственная гибель и не полное-ли торжество права надъ живой благодатью?

Въ русской художественной литературѣ имѣется иное рѣшеніе вопроса о религіозномъ образованіи. Вспомните старца Зосиму и его отношенія къ Алешѣ Карамазову. Здѣсь предносится дыханіе иного—благодатнаго начала. Человѣкъ идетъ изнутри къ внѣшней формѣ. Достоевскій, врагъ до крайности католичества и вообще господства права надъ душой праведника во всѣхъ проявленіяхъ жизни, особенно настаивалъ въ своихъ произведеніяхъ на благодатномъ началѣ, ибо онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кому дано вѣдать душевные законы религіозной жизни.

Нужно, наконецъ, понять, что жизнь религіозная жизнь особенная, живая по преимуществу и въдѣ не одно и то же—учить сапожника, плотника, слесаря и готовить юношу на служеніе пастыря живыхъ душъ.

Духовная школа воспитываетъ своихъ питомцевъ въ настроеніи нравственнаго рабства, внушаетъ имъ враждебно относиться къ тому, что внѣ стѣнъ церковныхъ и школы и проповѣдуетъ христіанство юридическое, а не благодатное.

Развѣ за эти принципы духовной жизни страдали мученики первыхъ вѣковъ христіанства?

Павель Любимовъ.

Къ вопросу о преподаваніи литературы*.

Въ старой допетровской Руси руководительная роль идейной жизнью народа принадлежала духовенству. Съ Петра начинается эта власть надъ умами переходить къ свѣтской литературѣ и окончательно ее захватываетъ русская художественная литература съ появленіемъ Пушкина, Гоголя и др. классиковъ русскаго слова. Русская художественная литература въ своихъ наиболѣе характерныхъ проявленіяхъ никогда не была партійна. Оставаясь въ тоже время современной, она всегда служила общечеловѣческимъ интересамъ и главный, которому ею удѣляется особенное вниманіе, это проблема религіозная. Самое понятіе о художникѣ, выработанное русскимъ художественнымъ творчествомъ, отлилось въ образъ пророка, пробуждаемаго „отъ заботъ суетнаго свѣта“ прикосновеніемъ „божественнаго глагола“. Правда религіозная предводительствуетъ идейными течениями русской художественной литературы, освѣщая отблескомъ своихъ лучей пути социальныя, философскіе, экономическіе... Правдѣ этой съ благоговѣніемъ внимаетъ русская интеллигенція изъ устъ Достоевскаго, Толстого и др. „пророковъ“ русскаго слова. И это та самая интеллигенція, которая не читаетъ ни одного религіознаго журнала, которая всегда оставляетъ церковь, лишь только на кафедру восходитъ проповѣдникъ. Почему проповѣдники церковные, видящіе въ интеллигентѣ только врага религіи, не задумаются надъ тѣмъ интересомъ,

* Настоящая статья внутренне связана съ предыдущей и является ея продолженіемъ.

съ какимъ образованное русское общество встрѣчаетъ каждое новое художественное произведение, затрогивающее религиозно-нравственные вопросы?

Причина того, почему образованное русское общество жадно прислушивается къ религиозно-нравственнымъ мотивамъ художественной литературы и холодно относится къ церковной проповѣди, заключается въ томъ, что русская литература поставила себя въ отношеніи къ русскимъ социальнымъ условіямъ жизни, къ міру и человѣчеству и къ внутреннимъ принципамъ жизни (законъ или благодать) на иную почву по сравненію съ той, на которой до сихъ поръ стоитъ церковь и церковная проповѣдь.

Въ то время какъ послѣдняя проповѣдуетъ рабскую покорность, русская литература дышетъ гнѣвомъ и зоветъ русское общество къ борьбѣ за свободу. Правда, призывъ этотъ иногда окутывается въ непротивленіе злу, какъ у Толстого; но это непротивленіе самый ужасный бичъ для защитниковъ рабства. Оно дѣлаетъ внутренняго человѣка нравственно могущественнымъ и освобожденнымъ отъ поработающихъ волю социальныхъ условій жизни.

Въ поэмѣ „Великій Инквизиторъ“ охристіаненная мысль художника страдаетъ при видѣ рабскихъ цѣпей, сковывающихъ живыя души. Рабство это сатана, съ которымъ все время борется Достоевскій. Его онъ побораетъ въ „Преступленіи и Наказаніи“, гдѣ главный герой Раскольниковъ гибнетъ, поработенный наполеоновскою теоріей, оправдывающей логичность убійства „вши“—процентщицы во имя блага многихъ людей. Убійцу спасаетъ только возставшая его совѣсть, которая разбила рабскія цѣпи теоріи во имя свободного благодатнаго начала. Тотъ же Достоевскій въ лицѣ „Идіота“ побораетъ социальные условия, поработающія волю человѣка тысячами внѣшнихъ правилъ, облегающихъ такъ плотно внутренняго человѣка, что этотъ послѣдній становится совершенно невидимымъ другими людьми, и эти, другіе люди, также только внѣшностію своею понимаются посторонними. Но идіотъ силою источаемыхъ его прекрасною личностію лучей растаивалъ эти внѣшнія формы и теплотой души своей касался душъ сталкивающихся съ

нимъ людей. „Идіотъ“, какъ истинный праведникъ, жилъ благодатию — совершенно свободный — внѣ законовъ. Еще ярче жажда видѣть человѣка свободнымъ выразилась у Короленко. Все его творчество — полетъ могучей птицы, которая каждымъ взмахомъ могучихъ крыльевъ, каждымъ крикомъ зоветъ человѣка стряхнуть съ себя рабскія цѣпи. Для художника „мгновеніе“ свободной жизни цѣннѣе безконечно многихъ лѣтъ рабскаго прозябанія. Тѣже мотивы вдохновляли Чехова, Горькаго и остальное большинство русскихъ художниковъ.

Еще принципиальнѣе литературная проповѣдь расходится съ церковной въ отношеніи къ міру и человѣчеству. Въ то время какъ церковь враждебна всему, что чуждо церковности, что по ту сторону православно-церковной ограды, художественное творчество смотритъ на каждого человѣка, безразлично, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ, какъ на образъ Божій. Для художника всякій человѣкъ, не только православный, но и протестантъ, и іудей, даже язычникъ есть братъ Христу, поскольку онъ принялъ въ себя Его благодатный образъ. И самое существо художественнаго творчества заключается въ томъ, чтобы находить въ человѣкѣ „человѣка“. Идя по этому пути, литературы всѣхъ народовъ созидаютъ великое дѣло объединенія человѣчества въ служеніи единой для всѣхъ Истинѣ.

Освобождая Добро отъ житейской пошлости, отъ всего того, что унижаетъ человѣка, какъ носителя Добра, художественная литература является выразительнымъ фактомъ, обосновывающимъ объективность Добра. Добро, какъ и Жизнь и Красота, неопредѣлимы математически, ихъ можно чувствовать. Чувства Добра, Красоты и Жизни перелиты художникомъ въ созданные имъ образы. Въ этихъ образахъ заята общая всѣмъ людямъ струя истинной жизни, которая есть высшая реальность. Эта то реальность и радуется вашъ духъ, когда вы читаете Илиаду, Шекспира, Достоевскаго, Шиллера. Забудьте, минули вѣка, но реальность все та же. Служа этой реальности, художники служатъ дѣлу Христову, — обращая вниманіе созерцающаго ихъ образы на Христа, живущаго въ человѣкѣ (ибо Онъ есть „Истина“, „Жизнь“ и

„Красота“), они сплываютъ все человѣчество въ единое стадо Единого Пастыря.

Наконецъ, богословская церковная мысль тяготеетъ не къ благодатному, а къ церковно-правовому началу; художественное же творчество по своей природѣ чуждо всему, что живую жизнь стискиваетъ въ мертвящія формы. Художники это—живые люди. И тотъ, кто не обладаетъ способностью ощущать жизнь, никогда не будетъ признанъ художникомъ, и произведения его не будутъ властвовать надъ людьми*.

Творчество есть жизнеощущеніе. И потому истинный художникъ можетъ быть провозвѣстникомъ только живого, благодатнаго начала. Онъ, согласно принципу христіанскому— „праведнику законъ не лежитъ“, опредѣляетъ истину не по внѣшнимъ признакамъ, а по ея внутреннему достоинству. Самый характеръ творчества вводитъ художника въ духъ благодатной жизни и предохраняетъ его отъ служенія іудейскому формализму. Яркое выраженіе той внутренней связи, которая существуетъ между психологіей и идейной стороной художественнаго творчества, въ русской литературѣ представляютъ Толстой и Достоевскій. Оба художника внутренній смыслъ и оправданіе внѣшнихъ событій видятъ въ скрытыхъ подъ корою послѣднихъ внутреннихъ теченіяхъ жизни. Для героевъ Толстого дѣйствительность прозрачна въ силу особаго аппарата, которымъ они обладаютъ. Кутузовъ (въ „Войнѣ и Мирѣ“) типичный образъ этого рода. Въ то время, какъ нѣмецкіе военачальники пишутъ диспозиціи, сочиняютъ грандіозные планы, Кутузовъ углубляется въ самую стихію жизни и въ ней находитъ разгадку ожидаемыхъ событій. Онъ разгадалъ психологію народной жизни. Кутузовъ Толстого—это не просто полководецъ, а философъ, который побѣждаетъ (или, правильнѣе, не препятствуетъ побѣдѣ) не силою знаній, а способностію жизнеощущенія. Этотъ кутузовскій духъ живетъ и въ Каратаевѣ и въ Левинѣ и во всѣхъ положитель-

* Это то вотъ признаніе художника, зависящее отъ народной совѣсти, (своего рода—соборное) и держитъ художественную богословскую мысль на достойной ея высотѣ, тогда какъ признаніе церковной богословской мысли, находясь въ вѣдѣніи бюрократическихъ официальныхъ учреждений, не всегда можетъ быть столь справедливымъ, каковымъ является первое.

ныхъ типахъ художника. Достоевскій вводитъ созерцающаго его образы въ глубь жизни, но не эпически спокойной, текущей, какъ густой расплавленный металл,—какъ это у Толстого, а жизни напряженной, рвущейся, кипящей.

Если бы церковная богословская мысль отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ принципамъ художественнаго творчества, то она могла бы извлечь изъ нихъ для себя большую пользу—они помогли бы ей на многія стороны религіозной жизни взглянуть совершенно иначе, по сравненіи съ тѣмъ, какъ она смотрѣла до сихъ поръ. Но значеніе художественной литературы для богословской мысли не исчерпывается только разработкой вопросовъ о свободѣ, о любви къ міру, о благодати;—художественная литература и особенно русская должна быть поставлена въ отношеніи къ теоретической богословской наукѣ, какъ богословіе практическое. Если богословскіе принципы, разрабатываемые теоретически наукой, существуютъ для жизни, то художественное творчество, какъ изображающее жизнь, должно отображать тѣ же богословскія идеи, но только не какъ отвлеченный законъ, а какъ уже законъ, воплощенный въ дѣйствительность.

„Въ твореніяхъ“ истиннаго художника, пишетъ А. М. Бухаревъ, „ясно виднѣлась мнѣ не копія только съ дѣйствительнаго міра, но такое воспроизведеніе дѣйствительной жизни, которое даетъ примѣтить и ощутить, что мы здѣсь въ жизни не заброшены, не забыты всеблагостнымъ нашимъ Отцомъ, что и въ нашихъ бореніяхъ слѣдитъ за нами всетворческая Его любовь, приводя насъ, по крайней мѣрѣ, сграданіями въ Свое соучастіе или только предошущеніе“*. Эта мысль для православнаго богослова должна быть руководящею въ дѣлѣ религіозной критики художественныхъ произведеній.

Любовь Отчая излилась на человѣка чрезъ воплощеніе. Богъ такъ возлюбилъ міръ и человѣка, что и Единороднаго Сына Своего послалъ въ міръ, дабы Онъ принялъ въ Себя все человѣческое, кромѣ грѣха—(замѣтите, весь міръ человѣческихъ стремленій, желаній, какъ раскидавшіеся по всему простору вселенной лучи, сошлись въ одномъ фокусѣ, во

* О современныхъ духовныхъ потребностяхъ, 500 стр.

Христѣ, — и Христось сошелъ, чтобы пережить ихъ); — Онъ перестрадалъ это человѣческое, освѣжилъ, переродилъ его. Къ усвоенію этого перерожденнаго человѣка и ведутъ чело- вѣчество литературы всѣхъ народовъ.

Христось явилъ Себя воплощеннымъ въ жизнь добромъ, — добромъ живымъ, страждущимъ, сорадующимся, печал- ящимся, любящимъ...

Художникъ служитъ воплощенію Добра въ жизнь.

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“.

То, что сказалъ поэтъ о себѣ, онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о всякомъ художникѣ. Съ художникомъ, предающимся въ будни „заботамъ суетнаго свѣта“, но вла- дѣющимъ истиннымъ творческимъ талантомъ въ минуты художественнаго вдохновенія, повторяется исторія пророка Валаама. Сребролюбивый пророкъ, прельщенный богатыми подарками Моавитскаго царя Валаака, который просилъ про- клясть угрожавшій моавитянамъ народъ еврейскій, вѣря, что проклятіе пророка падеть на голову этого народа, — готовъ былъ исполнить просьбу царя. Но вотъ, когда пророка осѣнило вдохновеніе и духъ его коснулся вѣчной правды, онъ прозрѣлъ истину и вмѣсто проклятія изрекъ благосло- веніе.

Художественное творчество значительную свою частію находится внѣ зависимости отъ личнаго характера самого художника. Поэтому-то насъ такъ и поражаетъ глубокое различіе между біографическими и литературными характе- рами нѣкоторыхъ художниковъ. Знакомясь съ ихъ біографіей и художественными произведеніями, кажется даже непонят- нымъ, какъ эти, подчасъ обладающіе столь некрасивыми характерами, художники способны входить въ духъ самыхъ интимнѣйшихъ сторонъ добра. Если практическое служеніе добру требуетъ отъ самого человѣка особой энергіи воли, которая должна быть на постоянной сторожѣ, то правду художественнаго творчества охраняетъ особая сила, бодр- ствующая за художника. И съ этой стороны, художникъ является невольнымъ служителемъ добра. Онъ можетъ ска- зать о себѣ: „куда уйду отъ лица Твоего, Господи! Если

скроюсь на самый конецъ моря, и тамъ лучъ свѣта Твоего освѣтитъ меня“.

Художникъ можетъ созерцать добро только воплощен- ное. Высшей формой, символомъ этого воплощенія является человѣкъ. Христіанскій идеалъ человѣка — воплощенное Слово — Христось. Христось есть высочайшій символъ худо- жественнаго творчества. Истинное художественное творче- ство есть стремленіе къ этому первообразу, — путь ко Христу.

Оскорбительно для истины то, что свѣтлый образъ Хри- ста, благоухающей благородствомъ человѣка, исполненнаго правдой, мысли котораго, чувства, слово — правда, и самъ Онъ правда — образъ этотъ захватанъ грязными руками. И блѣснѣжный фонарь, внутри котораго теплится свѣча, для многихъ потускнѣлъ и почти загасъ. И потому для нихъ Христось, правда Котораго тлѣетъ внутри каждаго художественнаго образа, какъ въ обыкновенномъ фонарѣ свѣча, — мысль скучная. Но мысль эта достойна того, чтобы на ней сосредоточиться испытующему свою вѣру.

Когда вы читаете Гамлета, то несомнѣнно чувствуете, что этотъ безвольный мученикъ благородства похожъ на мутный фонарь, сквозь стѣнки котораго просвѣчиваетъ тлѣ- ющійся уголь. И вы грѣтесъ тепломъ этого угля, обоняете его тепло. — Уголь этотъ — Хри

Когда вы слышите тихую старческую рѣчь Зосимы, ви- дите его простой, но глубокой взглядъ, видите эту дряхлую, но полную могущественнаго духа, фигуру, то въ движеніи, въ словѣ, въ блескѣ глазъ умирающаго старца, вы осязаете теплоту тлѣющаго угля Христова.

А развѣ въ „Разбойникахъ“ Шиллера, съ ихъ напыщен- ными для нашего времени фразами, въ сердцахъ людей-ге- роевъ, которые говорили ими, не мерцаетъ свѣтъ угля Христова?

А Тургеневская Лиза, зашибленный птенецъ, едва успѣвшая выгнаться изъ гнѣзда на свѣтъ Божій, показавшая себя такой нѣжной, милой, словно сѣверная березка по осени съ серебристымъ матовымъ стволомъ и золотой по- червленной листвою, — развѣ ея еще полудѣтское сердце не таитъ въ себѣ пылающій уголь Христовъ?

„Я вижу ясно, писалъ Гаршину художникъ Крамской по поводу своей картины: „Христось въ пустынь“, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, мало-мальски созданнаго по образу и по подобію Божію, когда на него находить раздумье—пойти ли направо или налѣво?.. Мы всѣ знаемъ, чѣмъ обыкновенно кончается подобное колебаніе. Расширяя дальше мысль, охватывая человѣчество вообще, я, по собственному опыту... могу догадываться о той страшной драмѣ, которая разыгрывалась во времена историческихъ кризисовъ. И вотъ у меня является страшная потребность рассказать другимъ то, что я думаю. Но какъ рассказать?.. По свойству природы, языкъ іероглифа для меня доступнѣе всего. Однажды, когда (я) особенно былъ этимъ занятъ..., (я) вдругъ увидаль фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея и во все время моего наблюденія, очень долгаго, она не пошевелилась, меня не замѣчала. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставлялъ его всегда въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный; сначала онъ проводилъ глазами солнце, затѣмъ не замѣтилъ ночи, и на зарѣ уже, когда солнце должно подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно... Онъ, подъ вліяніемъ наступившаго утренняго холода, инстинктивно прижалъ локти ближе къ тѣлу, и только впрочемъ; губы его какъ бы засохли, слиплись отъ долгаго молчанія, и только глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видѣли, да брови изрѣдка ходили—то подыметъ одна, то другая. Мнѣ стало ясно, что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ не чувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ, но все же я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантомъ покорить себѣ весь міръ, рѣшается не сдѣлать того, куда влекутъ его животныя склонности. И я былъ увѣренъ, потому что я его видѣлъ, что, чтобы онъ ни рѣшилъ, онъ не можетъ упасть“...

Художникъ не зналъ, „кто это былъ“ человѣкъ, который, сидя на камнѣ среди пустыни, переживалъ трагедію борьбы

мучительныхъ сомнѣній, выбирая путь жизни. Но онъ далъ этому образу высшее названіе, „Христось“.

Трагедію эту переживаетъ „каждый человѣкъ, мало-мальски созданный по образу и по подобію Божію“. Но идеально ее пережилъ Христось—ибо въ Немъ сосредоточилась трагедія всего міра. Въ Немъ ожило все сомнѣвающееся человѣчество—вѣдь Онъ съ тѣмъ и пришелъ, чтобы очистить атмосферу мыслей и чувствъ, чтобы поднять загрязненный міръ человѣческихъ идей на высоту Бого-человѣчества.

А развѣ Иванъ Карамазовъ, Раскольниковъ боролись не съ тѣмъ же духомъ сомнѣній—сатаной, „чортомъ“—который искушалъ Христа? Развѣ въ этихъ созерцаемыхъ художникомъ образахъ—съ другой стороны, не былъ такой же, стоящій на распутьи, человѣкъ, какъ и Христось въ пустынь. Человѣкъ, не утратившій образъ Божій, приобщается въ этихъ образахъ художника Христу, поборающему внутреннія противорѣчія, заслоняющія „человѣку“ чувствовать правый путь.

Если Христось подвигъ своей земной жизни началъ съ пустыни и искушеній, то закончилъ его на крестѣ страданіями. Эти два момента въ жизни человѣка: борьба съ сомнѣніями и страданіе за правду, въ которую человѣкъ повѣрилъ, являются главными мотивами художественнаго творчества.

Офелія. — „Вотъ вамъ... рута, горькая трава. Вы носите ее только по праздникамъ—*горе праздникъ человеку*“. Страданіе это сила нравственная, оно размягчаетъ даже каменная сердца. Могушество страданій, „горя“ человѣческаго объясняется ихъ религіозной природою: „посмотрите, пишетъ А. М. Бухаревъ, на воздѣлывательную и живительную для умовъ и сердець силу страданій, которыя сами по себѣ только бы подавляли или даже ожесточали бы людей, но которыя, хоть бы въ самомъ затаенномъ и безсознательномъ соучастіи съ высшими страданіями закланной за грѣхи всего міра Жертвы, поднимають и оживляютъ человѣческой духъ“ *. Вотъ это-то „затаенное“, хотя бы даже „безсознательное“,

* Тамъ же. О романѣ Тургенева „Отцы и дѣти“ 543 стр.

соучастіе страданіямъ Христа и дѣлаетъ человѣческое „горе“ праздникомъ человѣку. Но уже соучастіе Христу является не „бессознательнымъ“, когда человѣкъ, борясь за убѣжденіе свое, гибнетъ за правое дѣло. Страданія такого человѣка, подобно каплѣ воды, отражающей все солнце, повторяютъ въ маломъ Голгоетскую жертву.

Мы провели только нѣсколько слабыхъ штриховъ въ изображеніи того могучаго образа Христова, который воплощается въ художественныхъ образахъ искусствъ. Созерцаая этотъ образъ въ произведенияхъ художниковъ, православный богословъ можетъ судить, насколько глубоко жизнь дѣйствительная воплотила въ себя Христа. И съ этой стороны богословъ долженъ видѣть въ произведенияхъ художественныхъ не иллюстраціи только къ теоретическому богословію, а богословіе органическое, дѣятельное, которое во многомъ по существу природы своей является даже болѣе могущественнымъ въ постиженіи религіозной мысли, нежели изслѣдованіе теоретическое.

Духовная школа не только совершенно игнорируетъ литературу, какъ особый методъ религіознаго знанія, но пренебрегаетъ и вообще надлежащимъ ея изученіемъ. Не говоря уже о литературѣ нерусской, которая въ семинаріяхъ, напр., не изучается совершенно, если не считать жалкіе отрывки изъ Иліады, классическихъ одъ и комедій, а также и нѣкоторыхъ обрывковъ европейскихъ художниковъ, приводимыхъ въ семинарскихъ учебникахъ случайно, какъ примѣры, иллюстрирующіе правила теории словесности, — и родная литература на урокахъ духовной семинаріи представлена главнымъ образомъ въ лицѣ двухъ періодовъ: церковнаго — допетровскаго и періода ложно-классическаго — послѣпетровскаго, на протяженіи которыхъ русскій народъ еще только учился грамотно и согласно правиламъ теории словесности излагать свои мысли; третій же періодъ — Пушкинскій, когда литературный гений народа достигъ уже полной зрѣлости въ своемъ развитіи и пошелъ самостоятельно, оригинальнымъ путемъ, не пользуется сочувствіемъ школы. Она снисходитъ только къ Пушкину, Лермонтову и Гоголю, вся же остальная плеяда художниковъ — Достоевскій, Тол-

стой, Гончаровъ, Тургеневъ, Гаршинъ (не говоря о новѣйшихъ), произведения которыхъ должны быть особенно цѣнными духовной школой, какъ первокласный религіозно-педагогическій матеріалъ, оказывается похищенной у питомцевъ этой школы ихъ же воспитательницей. И только по собственному почину и притомъ, зачастую потихоньку отъ похитительницы, путемъ „подпольнымъ“ обокраденный юноша можетъ познакомиться съ идейнымъ богатствомъ родныхъ художниковъ.

Впрочемъ, какъ знать, пожалуй, нужно еще быть благодарнымъ духовной школѣ за то, что она не слишкомъ далеко простерла свою мертвящую десницу въ область живыхъ образовъ, созданныхъ гениемъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, оставивъ не замутненными нѣкоторые источники воды живой, изъ которыхъ питомцы школы могутъ черпать и пить эту воду, отмывая ею коросты, нарощенные духовной школой на ихъ нравственныхъ чувствахъ.

Но мы не можемъ не вѣрить, что наступитъ, наконецъ, то время, когда русское общество создастъ новую духовную школу, которая сама будетъ источникомъ воды живой и художественной литературѣ, не только русской, но и всемірной, дастъ надлежащую богословскую оцѣнку.

При этомъ, изъ вниманія не слѣдуетъ упускать два соображенія: во-первыхъ, богословское изученіе художественной литературы требуетъ отъ руководителя этимъ изученіемъ особенно чуткой души — музыки чувствъ, ибо Христа въ художественныхъ образахъ можно осязать только нѣкоторымъ, подобно тому, какъ не всѣ насѣкомыя а только пчелы собираютъ нектаръ съ цвѣтовъ; второе, — религіозное освѣщеніе литературы никоимъ образомъ не должно отрицать и исключать изслѣдованія художественныхъ произведеній съ точекъ зрѣнія: философской, социальной, экономической, бытовой и другихъ.

Павель Любимовъ.

Философія въ духовной семинаріи.

Тема для меня близкая и дорогая. Восемь лѣтъ тому назадъ, — подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, что церковною властью затѣвается какая-то реформа духовной школы въ духъ узкаго профессионализма, съ сокращеніемъ или даже совершеннымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ предметовъ преподаванія, съ усиленіемъ такъ называемаго церковно-практическаго элемента въ семинарскомъ обученіи и воспитаніи, — я написалъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (№ 3 за 1898 годъ) апологію общеобразовательныхъ предметовъ вообще и философіи, какъ важнѣйшаго и цѣннѣйшаго среди нихъ, въ частности. Я надѣялся сдѣлать яснымъ какъ для образованнаго общества, такъ и для власть имущихъ, что и собственные интересы церкви побуждаютъ вести нашу духовную школу не въ сторону профессиональнаго начетчества и отрѣшенности отъ общекультурной жизни человечества, а къ возможно полному и серьезному пониманію умственныхъ приобрѣтеній, интересовъ и практическихъ задачъ современности. Задумывавшаяся реформа не осуществилась, — не потому, конечно, что мой слабый голосъ былъ къ-мѣ-либо услышанъ и принятъ во вниманіе*, а просто по свойственной нашей бюрократической машинѣ малоподвиж-

* Правительство того времени не баловало нашего брата такимъ вниманіемъ. Я послалъ оттиски своей статьи съ соответственными письмами высшимъ духовнымъ особамъ, участвовавшимъ въ подготовкѣ реформы, — и ни одна изъ нихъ не удостоила меня даже простого увѣдомленія о полученіи посланнаго.

ности и феноменальной способности дотягивать всякую работу до такого времени, когда она становится уже устарѣлой и ненужной. Въ данномъ случаѣ это, несомнѣнно, къ лучшему: теперь уже не такъ-то легко надъ духовной школой произвести ту убійственную операцію, которая, пожалуй, могла бы еще удалась восемь лѣтъ назадъ. Но и теперь не исчезла нужда въ настойчивомъ напоминаніи объ истинныхъ интересахъ и значеніи философскаго элемента въ семинарскомъ образованіи. Правда, въ опубликованныхъ центральнымъ управленіемъ духовно-учебнаго вѣдомства и представленныхъ на разсмотрѣніе св. Синода предположеніяхъ объ измѣненіи учебной части въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ къ философіи отнеслись милостиво: не только не урѣзали ея программы, но даже увеличили число уроковъ по отдѣльнымъ ея дисциплинамъ (всего 10 вмѣсто назначенныхъ по уставу 1884 года 7);* но вѣдь еще неизвѣстно, какъ отнесется къ этимъ предположеніямъ св. Синодъ; — насколько мнѣ извѣстно, въ нашихъ церковныхъ верхахъ отнюдь не покинута мысль объ узко-профессиональной церковной школѣ, и общеобразовательный элементъ, не исключая и философскаго, трактуется лишь какъ неизбѣжное зло или, въ лучшемъ случаѣ, роскошь, почему пожертвовать имъ могутъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Надѣяться надо на вліяніе свѣтской власти и силу общественнаго мнѣнія, которыя не допустятъ сдѣлать это;** но вѣдь въ наше револю-

* „Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, издаваемымъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ“, № 46, стр. 1944—1954. Благоприятный оборотъ судьбы по отношенію къ философіи въ этихъ предположеніяхъ, какъ мнѣ извѣстно, является въ значительной мѣрѣ дѣломъ случайности. Философіи въ данномъ случаѣ оказала услугу приглашенный къ разработкѣ ея программы профессоръ С. Петербургской Духовной Академіи В. С. Серебрянниковъ.

** Говоря это, не могу не сдѣлать одной оговорки. Меня и нѣкоторыхъ моихъ коллегъ нѣкоторыя лица изъ высшей іерархіи упрекали въ томъ, что вооружаясь принципиально противъ подчиненія церкви свѣтской власти, мы по вопросу о преобразованіи духовной школы готовы искать поддержки у представителей государственной власти противъ святѣйшаго Синода. Признаю справедливость упрека, но не колеблясь заявляю, что интересы дѣла для насъ дороже формальнаго вопроса о

ціонное время нынѣшня благожелательная и просвѣщенная власть завтра же можетъ смѣниться совершенно иною, а общественнымъ мнѣніемъ нигдѣ не привыкли такъ пренебрегать, какъ именно въ духовномъ вѣдомствѣ. Во всякомъ случаѣ, всѣ, кто могутъ, нравственно обязаны самымъ рѣшительнымъ образомъ требовать, чтобы предполагаемая реформа духовной школы не осуществлялась канцелярскимъ и бюрократическимъ путемъ, а предварительно была подвергнута самому тщательному обсужденію заинтересованныхъ въ ней мѣстныхъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія (преподавателей семинарій, духовныхъ училищъ и академій), а также преподавательскихъ съѣздовъ, съѣздовъ духовенства и т. п.; — результаты этихъ обсужденій, конечно, всѣ должны оглашаться въ печати. Къ суду именно этихъ силъ и обращаетъ свой голосъ настоящій сборникъ статей о духовной школѣ. На этотъ же судъ желалъ бы и я поставить свои соображенія о значеніи философскихъ наукъ въ системѣ семинарскаго образованія *.

Въ Россіи философія составляла исконную принадлежность духовной школы. Насажденная въ Кіевской академіи еще въ концѣ XVI столѣтія, она за 300 лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, настолько срослась съ нашей духовной школой, что послѣдняя безъ нея какъ-то даже и немислима. Всѣмъ еще памятно дѣленіе семинарскаго курса на рето-

междувѣдомственныхъ приличіяхъ: что же дѣлать, если теперешній обер-прокуроръ св. Синода лучше понимаетъ интересы и нужды духовнаго просвѣщенія, нежели официальные руководители церковной жизни?

* Мои мысли по названному предмету и теперь, черезъ 8 лѣтъ, почти не измѣнились. Поэтому, получивъ отъ уважаемыхъ издателей предложеніе высказаться на страницахъ сборника по этому вопросу, я заявилъ имъ, что могу лишь повторить, что говорилъ прежде Большая часть предлагаемой ниже замѣтки представляетъ собою сокращенную перепечатку изъ упомянутой выше статьи моей въ „Вогосл. Вѣстн.“ за 1898 годъ. Послѣднюю едва ли многіе, теперь помнятъ. А если высказанная въ ней мысли не утратили своего интереса (по крайней мѣрѣ, по преслѣдуемой ими дѣли) и доселѣ, то почему бы ихъ не повторить?

рику, философію и богословіе. Поговорите вы съ любымъ священникомъ, — онъ не безъ гордости отмѣтитъ, какъ отличіе пройденной имъ школы отъ свѣтской, изученіе философіи въ семинаріи; и только зачастую пожалѣетъ при этомъ, что учили то плохо... Когда въ 1850 году философія въ университетахъ была уничтожена, посягнуть на нее въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ никто даже и не подумалъ. Не мало дала духовная среда солидныхъ философскихъ писателей. Въ Россіи религиозное и свѣтское образованіе некогда серьезно не враждовали другъ съ другомъ, и надо желать, чтобы въ такомъ положеніи дѣло оставалось и впредь. А почти единственной общей почвой, на которой могутъ сойтись дѣятели духовной и свѣтской науки, является философія, въ которой общіе принципы разныхъ специальныхъ наукъ подвергаются критической оцѣнкѣ, сопоставляются другъ съ другомъ, — и такимъ образомъ подготавливается матеріалъ для стройнаго и свободнаго отъ крайностей міровоззрѣнія. Философскія науки въ семинаріяхъ и академіяхъ составляютъ главный залогъ возможнаго вліянія церкви на духовную жизнь и міровоззрѣніе образованнаго русскаго общества, въ которомъ, какъ это многократно уже указывалось и въ духовной и свѣтской печати, въ настоящее время замѣчается очень сильный интересъ къ общимъ вопросамъ, — философскимъ, религиознымъ и нравственнымъ.

Духовная семинарія, по своимъ задачамъ, есть учебное заведеніе смѣшаннаго типа, — отчасти общеобразовательное и отчасти профессиональное. Первостепенную важность философскія науки въ семинаріяхъ имѣютъ какъ съ точки зрѣнія даваемого тамъ общаго образованія, такъ и профессиональнаго.

Чѣмъ измѣряется достоинство общаго образованія?—Мѣрило это, вообще говоря, довольно неопредѣленно и трудно уловимо. „Образованность“, „развитіе“—вотъ два словечка, наиболѣе часто употребляемые и, пожалуй, весьма понятныя для всякаго „образованнаго“ и „развитого“ человѣка, но трудно опредѣлимые со стороны своего конкретнаго значенія. Ими-то обыкновенно и опредѣляется достоинство общаго образованія: та система лучше, которая дѣлаетъ человѣка

болѣ „развитымъ“, болѣ „образованнымъ“. Попытаемся же однако разобраться въ значеніи этихъ названій. Что образованность и развитіе не пропорціональны количеству спеціальныхъ знаній, которыми владѣетъ данный человѣкъ, — это общеизвѣстно. Многіе солидные специалисты совершенно заслуженно называются людьми мало развитыми и мало образованными. Нерѣдко даже цѣлая профессія, представители которыхъ владѣютъ массой солидныхъ и точныхъ знаній, пользуются такой незавидной репутаціей. Съ другой стороны, также общеизвѣстно, что отсутствіе нѣкоторыхъ общеобязательныхъ знаній, при всѣхъ богатыхъ природныхъ дарованіяхъ, которыми можетъ обладать данный человѣкъ, тоже кладетъ пятно малообразованности. Въ чемъ же секретъ образованности и развитія?

Существуетъ кругъ интересовъ общечеловѣческихъ. Это—вѣчные вопросы бытія и жизни, вѣчныя загадки человѣчества. Существуетъ кругъ интересовъ, выдвинутый на арену современнаго вниманія исторической жизнью человѣчества. Это—вопросы современной культуры, съ ея острыми и жгучими нуждами, радужными надеждами и неосуществимыми утопіями. Съ другой стороны, существуетъ множество интересовъ чисто дѣловыхъ и узко спеціальныхъ, интересовъ обыденно-житейскихъ и т. п. Послѣднимъ въ большей или меньшей мѣрѣ платитъ дань всякій человѣкъ. Осуществленіе личныхъ жизненныхъ задачъ, достиженіе личнаго счастья и житейскаго благополучія только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ мировыми или крупными культурно-историческими вопросами. Большинству обыкновенныхъ смертныхъ, какое-бы общественное положеніе они ни занимали, приходится дѣлать свое, въ сущности, скромное дѣло такъ, какъ если-бы никакихъ мировыхъ вопросовъ и культурныхъ задачъ даже совсѣмъ не существовало. Конечно, въ общемъ и моя скромная дѣятельность,—адвоката, профессора, врача, священника, инженера, администратора, даже сельскаго хозяина и т. п.—вноситъ извѣстный элементъ въ жизнь цѣлаго человѣчества, стало-быть, имѣетъ такое или иное принципиальное значеніе; но я, безъ всякаго ущерба и для себя и для человѣчества, могу нисколько не

сознавать этой принципиальности. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ люди проникнуты такимъ дѣловымъ и трезвымъ настроеніемъ, далеко не всѣ довольствуются тѣмъ узкимъ горизонтомъ, какой очертила для нихъ жизнь. Рѣдкій человѣкъ не создаетъ для себя никакихъ идеаловъ, не старается знакомиться съ жизнью и стремленіями другихъ людей, съ матеріальными и духовными нуждами своей страны и даже цѣлаго человѣчества; рѣдкій человѣкъ ни разу въ жизни не задавался общими вопросами о сущности и смыслѣ бытія, не чувствовалъ Weltschmerz'a и т. п. Правда, многіе сознательно и намѣренно сократили и ограничили полеты своего духа за предѣлы своего скромнаго жизненнаго горизонта,—одни вслѣдствіе разочарованія, другіе подъ напоромъ житейской прозы и пошлости; но въ общемъ все-таки есть люди, духъ которыхъ не уединенъ въ пустыню эгоизма, воля и чувство не заплутались въ темныхъ лазейкахъ своего муравейника;—есть люди, которые сознаютъ себя членами великаго человѣчества, для которыхъ солнце науки и знанія свѣтитъ не только сквозь узкое окошко ихъ спеціальности. Вотъ такихъ-то людей мы и называемъ людьми развитыми. Эти люди имѣютъ то, что называется мировоззрѣніемъ или мирозерпаніемъ. Мировоззрѣніе это можетъ быть неполно, незакончено, заключать въ себѣ много противорѣчій,—пусть такъ,—въ этихъ недостаткахъ мировоззрѣнія будетъ заключаться только гарантія противъ спячки духовной; но за то такой человѣкъ живетъ истинно человѣческой жизнью, не является каторжникомъ труда и хлѣба насущнаго, мастеровымъ науки или искусства. Итакъ, развитыми мы называемъ такихъ людей, у которыхъ существуютъ духовные запросы, выступающіе изъ рамокъ ихъ обыденно-житейскихъ и профессиональныхъ интересовъ,—людей, живущихъ интересами общечеловѣческими и интересами современной культуры. У кого такіе интересы не пробудились или выражены очень слабо, тѣхъ мы называемъ людьми неразвитыми или мало развитыми.

Теперь, что такое образованность?—Подъ образованностью мы разумѣемъ извѣстную сумму разнородныхъ знаній, обуславливающую собою высоту и разносторонность

развитія. Безъ всякихъ знаній развитіе невозможно. Слишкомъ однородныя знанія дѣлаютъ развитіе одностороннимъ. Малый запасъ, хотя-бы и разнородныхъ знаній, дѣлаетъ уровень развитія не высокимъ. Односторонне развитого человѣка мы называемъ мало образованнымъ и иногда даже совсемъ необразованнымъ. Навопросъ, — какія знанія обязательны для образованнаго и развитого человѣка, — трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Строго говоря, идеальная образованность предполагаетъ самую широкую энциклопедичность знаній. И въ старое время, когда науки не специализировались до такой степени, какъ теперь, такая энциклопедическая образованность была возможна. Образцомъ ея является извѣстный Лейбницъ. Теперь же объ энциклопедичности образования можно мечтать только въ очень относительномъ смыслѣ. Теперь для образованнаго человѣка считаются обязательными только элементарныя свѣдѣнія по всѣмъ наукамъ, не преслѣдующимъ слишкомъ специальныхъ или узко-профессиональныхъ задачъ, и сверхъ того — болѣе близкое и точное знакомство со всѣмъ, что характеризуетъ или обуславливаетъ умственныя, нравственныя, религіозныя и общественно-экономическія теченія современности. Кругъ этихъ послѣднихъ знаній весьма неопредѣленъ и измѣнчивъ, какъ измѣнчивы и самые преобладающіе интересы каждаго даннаго времени. Но всякій образованный человѣкъ, который обязательно слѣдитъ за новостями отечественной и иностранной литературы, — какъ изящной, такъ и другихъ отраслей, — быстро самъ пойметъ, съ чѣмъ ему въ данное время слѣдуетъ ближе познакомиться.

Обращаясь къ задачамъ общаго школьнаго образования, мы теперь безъ труда поймемъ, чего надо отъ него требовать. Очевидно, оно должно пробудить духовные запросы воспитанника и, если не сообщить ему готовое міровоззрѣніе, то вызвать стремленіе къ нему, сознание его необходимости для истинно человѣческой жизни. Оно должно, затѣмъ, сообщить ученику формальныя средства ориентироваться какъ въ научныхъ вопросахъ, такъ и вообще въ сложныхъ явленияхъ умственной, религіозно-нравственной и специально-экономической жизни, должно дисциплинировать его умъ и вы-

работать навыкъ къ умственной работѣ. Оно должно, наконецъ, сообщить ученику возможно разнородный запасъ элементарныхъ свѣдѣній по важнѣйшимъ наукамъ и тѣмъ дать ему возможность какъ заняться специальнымъ изученіемъ той или иной избранной научной области (въ высшемъ учебномъ заведеніи), такъ равно и самостоятельно пополнять свои свѣдѣнія, сообразно съ своими умственными запросами и съ преобладающими теченіями въ духовной жизни человѣчества.

Но сколь ни важны для развитія учащихся общеобразовательные предметы, всѣ они, въ сущности, только готовятъ почву для попытокъ осмысленнаго рѣшенія разныхъ вопросовъ бытія и жизни; да и эта-то цѣль достигается лишь въ лучшемъ случаѣ, при ясномъ сознаніи каждымъ преподавателемъ той общей задачи, какой долженъ служить его предметъ. Безъ нарочитаго руководства, на этой почвѣ можетъ ничего не произрасти, и пробужденная пытливость духа можетъ или совсемъ остаться неудовлетворенной, или повести ученика на разные ложные пути, подчинить его случайнымъ авторитетамъ. Отсутствие философской подготовки легко дѣлаетъ молодой умъ жертвою увлеченія разными односторонними теоріями и фантастическими построеніями. Въдъ всякая модная теорія, — будь то чисто философская или социально-экономическая, — которая увлекаетъ молодые умы, всегда имѣетъ свою исторію, своихъ, такъ сказать, идейныхъ предковъ въ тѣхъ или иныхъ доктринахъ прошлаго; всегда, затѣмъ, она тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ одному порядку явленій въ современной умственной жизни и становится въ отрицательное отношеніе къ другому. Незнаніе этихъ отношеній теоріи къ прошлому и настоящему порождаетъ нѣкотораго рода умственную близорукость, неспособность понять и оцѣнить истинное значеніе теоріи. Часто простая справка съ исторіей открываетъ такое невысокое и даже компрометирующее происхожденіе доктрины, что исключается всякая необходимость серьезно считаться съ этимъ отпрыскомъ пережитыхъ иллюзій, переряженныхъ только въ одежду современной науки. Недостаточное знакомство съ исторіей идей

всегда порождало неосновательныя увлеченія. Точно также умѣнне классифицировать явленіе въ разрядъ однородныхъ или подобныхъ ему чрезвычайно много помогаетъ его оцѣнкѣ. Нерѣдко человѣкъ съ паѳосомъ развиваетъ извѣстный взглядъ, какъ послѣднее слово науки, вычитанное имъ въ какой-нибудь новой книжкѣ или статьѣ; но стоитъ только ему сказать, что этотъ взглядъ не единственный изъ существующихъ въ наукѣ, что другія борющіяся съ нимъ воззрѣнія не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ уже энтузіазмъ нашего пропагандиста значительно остываетъ. Вообще, хорошее знакомство съ исторіей философіи и съ типами господствующихъ современныхъ философскихъ и научныхъ воззрѣній по разнымъ вопросамъ міросозерцанія является самымъ лучшимъ и необходимымъ пополненіемъ или даже вѣнцомъ общаго образованія.

Кругъ философскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, — логика, начальныя основанія философіи, краткая исторія философіи и психологія, — если не касаться возможной и даже едва ли не неизбѣжной постановки второй изъ нихъ, — можно-бы было признать почти достаточнымъ. Изученіе логики въ качествѣ особаго предмета, да еще сопровождаемое практическими упражненіями въ составленіи примѣровъ и схемъ, въ рѣшеніи логическихъ задачъ, въ разборѣ доказательствъ и опредѣленій, въ анализѣ софизмовъ и т. п., должно приучить учащагося вникать въ процессъ раскрытія той или иной предлагаемой ему мысли, въ ея высказываемыя посылки, скрытыя предположенія и отдаленныя слѣдствія. Человѣкъ, нарочито изучавшій логику, скорѣе замѣтитъ методологическіе недочеты любой теории, равно какъ и самъ скорѣе и вѣрнѣе съумѣетъ взяться за сложную умственную работу, не растеряется и не станетъ втупикъ предъ даннымъ ему вопросомъ, не зная, съ какой стороны приступить къ этому вопросу. Такая подготовка много поможетъ человѣку при выработкѣ собственнаго міровоззрѣнія. Намъ нерѣдко приходилось, бесѣдая съ людьми такъ называемаго здраваго смысла, просто удивляться тѣмъ энтимемамъ, по какимъ они умозаклучаютъ, той нечувствительности къ противорѣчіямъ и тому непониманію отдаленныхъ слѣдствій изъ

принимаемыхъ ими положеній, какія допускаютъ эти въ общемъ довольно образованные и даже развитые люди.

Начальныя основанія философіи, по мысли составителей дѣйствующаго устава, должны-бы дѣйствительно приносить большую пользу учащимся, знакомя ихъ съ систематическими задачами философіи, намѣчая предъ ними во всей возможной широтѣ перспективы всеобъемлющаго міро-и-жизнеистолкованія и, такимъ образомъ, подготавливая къ планообразнымъ опытамъ собственнаго философствованія. Но стремленіе дать учащимся готовое философское міровоззрѣніе, положительно обоснованное и полемически противопоставленное другимъ типамъ философствованія, — стремленіе, ясно проводимое въ программѣ этого предмета и еще яснѣе осуществленное въ учебникѣ его (Кудрявцева), на практикѣ даетъ лишь совершенно нежелательный, вполне антифилософскій результатъ. За кудрявцевскимъ учебникомъ давно уже утвердилась какъ среди учащихся, такъ и между учащимися заслуженная репутация „маленькаго Макарія“ (семинарскій учебникъ догматики), переряженнаго въ философскую одежду или, вѣрнѣе, переложеннаго, — болѣе или менѣе неудачно, — на философскій языкъ. Набиваніе ученическихъ головъ этимъ хламомъ можетъ въ однихъ поселить нерасположеніе къ самой философіи, а другихъ сдѣлать невосприимчивыми ко всякой свѣжей философской мысли*. Трудно предположить, чтобы и другой, —

* Восемь лѣтъ тому назадъ я высказывался объ учебникѣ Кудрявцева иначе, хотя и тогда отмѣчал „устарѣлость и отсталость его сужденій и немного сбивчивое изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ“. Преподавательскій опытъ этихъ 8-ми лѣтъ не прошелъ для меня даромъ: печальные плоды изученія семинаристами философіи по этому учебнику приходится мнѣ почти ежегодно наблюдать въ письменныхъ работахъ экзаменующихся на поступленіе въ академію, да и у студентовъ академіи иной разъ бываетъ весьма неприятно замѣтна эта дурная школа. Кроме того, на перемѣну моего взгляда много повліяли и отзывы знакомыхъ мнѣ семинарскихъ преподавателей философіи. Приведенное объясненіе я считаю нужнымъ сдѣлать только относительно учебника К—ва. На систему же его философіи я и раньше (еще въ 1894 г. — въ статьѣ „Философія В. Д. Кудрявцева“ въ „Чт. въ общ. люб. д. просв.“, № 1) выражалъ взглядъ, какъ на попытку философски обосновать такъ называемую общую часть православной догматики.

можетъ быть лучшей кудрявцевскаго, — учебникъ по начальнымъ основаніямъ философіи могъ дать существенно иные и болѣе цѣнные результаты. Та цѣнная цѣль преподаванія, о которой упомянуто немного раньше, лучше и вѣрнѣе можетъ быть достигнута присоединеніемъ къ исторіи философіи предметнаго обзора философскихъ ученій — по проблемамъ и направленіямъ или болѣе широко поставленнымъ введеніемъ въ философію — по образцу многочисленныхъ иностранныхъ руководствъ этого рода.

Исторія философіи, знакомя учащихся съ великими системами прошлаго времени, съ условіями ихъ разцвѣта и паденія, приучаетъ умъ къ трезвой объективности, гарантируетъ его отъ ослѣпленія блестящими успѣхами современныхъ доктринъ и отъ склонности считать непогрѣшными какія-бы то ни было человѣческія мнѣнія; вообще, ничто такъ не воспитываетъ здраваго критицизма, какъ изученіе исторіи философіи. Но, съ другой стороны, исторія же философіи воспитываетъ и уваженіе къ философскимъ задачамъ, показывая, что для каждой эпохи ея выдающіеся философы были людьми болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ ученые специалисты и люди обыденнаго или здраваго смысла; въ самой борьбѣ и смѣнѣ философскихъ ученій наблюдательный умственный взоръ увидитъ не беспорядочное круговращеніе, а постепенное и довольно закономерное приближеніе къ истинѣ, выясненіе разныхъ ея сторонъ; при всемъ разнообразіи и противоборствѣ системъ, въ ихъ исторической преемственности и взаимоотношеніяхъ можно подмѣтить осуществленіе нѣкоторыхъ тенденцій, имѣющихъ весьма большое положительное значеніе для выработки нашего міровоззрѣнія. Далѣе, исторія философіи, выяснивъ учащемуся образованіе современныхъ философскихъ направленій и партій, ставитъ его au courant новѣйшихъ работъ по философіи и даетъ возможность, съ одной стороны, надлежащимъ образомъ понять ихъ значеніе, а съ другой, — лучше намѣтить направленіе собственныхъ изысканій. Правда, оканчивающимъ курсъ въ средней школѣ рѣдко приходится самостоятельно философствовать; но за то весьма нерѣдко придется имъ встрѣчаться съ пропагандой тѣхъ или иныхъ философскихъ идей; —

вотъ въ этихъ-то случаяхъ знаніе исторіи философіи и исторіи образованія современныхъ философскихъ направленій и окажетъ имъ ту громадную услугу, о какой говорили мы выше. Вообще, безъ изученія исторіи философіи въ настоящее время всякое серьезное образованіе должно считаться неполнымъ. — Последняя изъ названныхъ выше философскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, — психологія, — едва-ли даже и нуждается въ разъясненіи своего значенія.

Кругъ философскихъ наукъ, преподаваемыхъ или желательныхъ въ семинаріи, какъ видимъ, не только даетъ формальную подготовку мысли для встрѣчи и оцѣнки разныхъ міровоззрѣній и частныхъ доктринъ, съ какими неизбѣжно приходится сталкиваться въ жизни всякому образованному челоѣку нашего времени, а равно и для опытовъ самостоятельнаго изслѣдованія и рѣшенія разныхъ болѣе или менѣе сложныхъ вопросовъ знанія и жизни, не только знакомитъ съ исторически извѣстными философскими системами, съ современными философскими направленіями и ихъ сравнительнымъ значеніемъ, знакомитъ съ фактическимъ положеніемъ дѣла по выработкѣ міровоззрѣнія, но и облегчаетъ самую критику разнообразныхъ ученій, давая запасъ положительныхъ научно разработанныхъ свѣдѣній о законахъ духовной жизни, управляющихъ и познавательными процессами, и дѣятельностью чувства, и выработкой идеаловъ. Воспитанникъ, вооруженный такими знаніями, — вступить-ли онъ прямо въ жизнь, или будетъ продолжать образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, — во всякомъ случаѣ оказывается челоѣкомъ развитымъ и образованнымъ, способнымъ болѣе сознательно и критически отнестись къ умственнымъ, нравственнымъ и религиознымъ теченіямъ современной жизни, болѣе подготовленнымъ къ самостоятельному умственному труду. Такой челоѣкъ, — если только не погрязнетъ въ житейскихъ заботахъ и не оплошится, — способенъ стоять въ ряду передовыхъ членовъ образованнаго общества, а при благоприятныхъ условіяхъ и стать его духовно-нравственнымъ руководителемъ. Здѣсь мы прямо подходимъ къ значенію философскихъ наукъ для профессионально-образовательныхъ задачъ духовной семинаріи.

Священникъ, — духовно-нравственный руководитель своей паствы, — конечно, долженъ быть прежде всего человѣкомъ богословски образованнымъ и способнымъ удовлетворять религиознымъ потребностямъ пасомыхъ. Но священникъ долженъ быть сверхъ того и вообще разносторонне и основательно образованной и высоко развитой личностью. Сколько разныхъ влияній, — научныхъ, социальныхъ, нравственныхъ, религиозныхъ, — сколько разнообразныхъ до противоположности мировоззрѣній, — материализмъ и идеализмъ, оптимизмъ и пессимизмъ, рационализмъ и наивное легковѣріе и т. д., — сколько уродствъ духовныхъ предстанетъ предъ пастыремъ, съ требованіемъ немедленнаго воздѣйствія, и предстанетъ не въ видѣ отвлеченнаго представленія, какъ большинству обыкновенныхъ людей, знакомящихся съ этими явлениями по книгамъ, а въ видѣ живыхъ, чувствующихъ личностей, — страдающихъ или самодовольныхъ, но въ обоихъ случаяхъ требующихъ врачеванія! Вотъ когда обязанность пастыря „всѣмъ быть вся“ проявляется для насъ во всемъ своемъ реальномъ значеніи. Очевидно, что отъ пастыря требуется такая тонкая чуткость и до виртуозности доведенная подвижность духа, — способность войти въ рамки любого мировоззрѣнія и настроенія, понять ихъ корни и затѣмъ все направить къ торжеству христіанской вѣры, — какая никогда не можетъ быть приобретена однимъ опытомъ духовнымъ. Необходимость для пастыря солиднаго и разносторонняго образованія вообще и философскаго въ частности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Иначе онъ никогда не можетъ быть ни солью земли, ни свѣтомъ міра, онъ вопреки притчѣ евангельской (Іоан. ІО, 4), можетъ оказаться позади своихъ овецъ. И это въ особенности надо сказать о пастыряхъ, которымъ приходится дѣйствовать среди интеллигенціи. При замѣчаемомъ въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ усиленіи интереса къ философіи и при широко распространеніи философскихъ знаній въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ, необходимо, чтобы пастырь церкви въ этой области знанія чувствовалъ себя какъ дома. Духовенство не должно терять своей старинной репутации философскаго сословія.

Литературно-публицистическая дѣятельность духовенства развита у насъ довольно слабо, но есть основанія ожидать и желать ея большаго развитія, — могучее оружіе печатнаго слова должно быть доступно и знакомо пастырю. Но быть хорошимъ публицистомъ безъ солиднаго общаго и философскаго образованія, — особенно отстаивать религиозно-нравственные и церковные интересы, — невозможно. Свѣтская популяризація всевозможныхъ знаній и доктринъ все растетъ; и ведется она въ направленіи, не всегда согласномъ съ интересами церкви. Если наше духовенство не противопоставитъ ей популяризаціи богословскихъ знаній, защиты церковныхъ интересовъ и опроверженія антирелигиозныхъ и антихристіанскихъ доктринъ, то оно весьма легко можетъ упустить изъ своихъ рукъ духовное водительство русскаго общества. Мы уже говорили выше, насколько важно, даже съ точки зрѣнія общаго образованія, для правильнаго пониманія и оцѣнки разныхъ умственныхъ теченій современности хорошее знакомство съ исторіей философіи и съ типами современныхъ философскихъ направленій. Для того же, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, эта философская подготовка еще важнѣе.

Мы сказали раньше, что безъ философскихъ наукъ и самое богословское образованіе, получаемое будущими пастырями въ семинаріи, было бы недостаточно глубоко и основательно. Дѣйствительно, многія богословскія науки не могли бы быть хорошо усвоены безъ знанія философіи. Такъ называемое введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ или основное богословіе положительно немислимо безъ знанія исторіи философіи. Различныя натуралистическія и рационалистическія объясненія происхожденія религіи, деизмъ, пантеизмъ и теизмъ, какъ типы ученій объ отношеніи Бога къ міру, отрицательная и рационалистическая критика священнаго текста ветхаго и новаго завѣта и многое другое — въ какомъ уродливомъ свѣтѣ представились бы они ученику и какъ мало были бы понятны безъ знакомства съ историческими условіями ихъ возникновенія и распространенія! Самая критика отрицательныхъ мнѣній и положительное обоснованіе истины были бы значительно затруднены безъ предварительнаго

изученія философіи и отчасти психологіи. И опытъ многихъ семинарскихъ преподавателей основнаго богословія показываетъ, что ученики 4-го класса, гдѣ начинается преподаваніе этой науки, — одновременно съ философией — съ большимъ трудомъ усваиваютъ содержаніе уроковъ, чѣмъ въ прежнее время, до 1884 года, когда основное богословіе преподавалось въ 5-мъ классѣ, стало быть, уже послѣ изученія философіи. Методологія разныхъ богословскихъ наукъ была бы невозможна безъ основательнаго знакомства съ логикой. Изученіе церковной исторіи, въ особенности древней, прямо невозможно безъ знанія греческой философіи. И теперь преподаватели церковной исторіи въ семинаріяхъ нерѣдко жалуются на то, что ученики 3-го класса, не изучавшіе еще философіи, не понимаютъ изъ церковной исторіи многихъ отдѣловъ, напр., о ересьяхъ и расколахъ первыхъ вѣковъ, о церковномъ просвѣщеніи и литературѣ, о борьбѣ съ языческой наукой и т. п. Да и въ новой церковной исторіи средневѣковая борьба номинализма и реализма, возникновеніе многихъ протестантскихъ ученій и сектъ и т. п. безъ знанія исторіи философіи будутъ непонятны. Само догматическое богословіе свои такъ называемыя соображенія здраваго разума должно бы было въ значительной мѣрѣ уродовать, упрощая и приспособляя ихъ къ уровню развитія учениковъ, не изучавшихъ философіи, а историческія ссылки и справки пришлось бы сильно ограничивать. А такіе отдѣлы догматическаго богословія, какъ ученіе о церкви, о благодати, о таинствахъ, о спасеніи и под., требующіе тонкаго и глубокаго анализа, не могли бы быть надлежащимъ образомъ раскрыты предъ учениками, не изучившими основательно логики, психологіи и исторіи философіи.

Въ заключеніе не могу не пожелать нашимъ семинаріямъ и училищамъ, чтобы они никогда не превращались въ узко-профессіональныя школы, всегда давали бы своимъ питомцамъ солидное общее образованіе и, главное, не порывали бы съ почтенной и многоплодной традиціей школы преимуще-

ственно предъ другими философской. Теперь элементы философіи вводятся въ гимназіи мин. нар. проsv. Пусть семинаріи во всемъ сравниваются съ гимназіями, но въ преподаваніи философіи пусть онѣ всегда даютъ больше гимназіямъ. Пусть для этого пришлось бы даже пожертвовать чѣмъ либо изъ программъ другихъ предметовъ, — разница съ избыткомъ покроется пользою отъ усиленнаго философскаго образованія. Что на самомъ дѣлѣ станетъ въ будущемъ съ нашимъ духовнымъ просвѣщеніемъ, мы, конечно, не знаемъ; но можно навѣрное утверждать, что наше богословіе покатится по наклонной плоскости въ бездну обскурантизма и фанатической заскорузлости съ того момента, какъ скажетъ послѣднее прости своей свѣтлой и бодрой спутницѣ — философіи.

1. XII. 1905.

Проф. Моск. дух. академіи *П. Тихомировъ.*

Какъ мы изучали Библию.

„Блаженъ, кто дивныя страницы пробѣгая
„Священной книги, духъ и смыслъ ихъ разу-
мѣль,
„Молитву чистую предъ нею повторяя,
„Безмолвствуя предъ ней въ слезахъ благо
говѣль.

Байронъ.

Какой жестокой, безошадной ироніей звучать эти слова поэта для насъ, семинаристовъ! Болѣе горькой эпиграммы на наше изученіе Библии, кажется, и не создать...

Думается, что никто такъ не способенъ „разумѣть духъ и смыслъ священной книги“, какъ прошедшій духовную школу. И нигдѣ „священная книга“ не подвергается такому грубому, варварскому обращенію, такому глумленію, издѣвательству и цинизму, какъ въ духовной семинаріи.

До слезъ стыдно и больно вспомнить наше отношеніе къ Библии. Она никогда не занимала у насъ почетнаго мѣста. По большей части она не находила мѣста даже въ столѣ, а валялась на полу подъ партой среди ненужныхъ книгъ, или на окнѣ, въ шкафу, тамъ, гдѣ меньше всего попадалась подъ руку. И лишь за урокомъ, да въ случаѣ крайней надобности появлялась она на столѣ. „На Библияхъ“ въ классѣ „сражались“, перекидываясь ими изъ угла въ уголь; на Библияхъ спали, употребляя ихъ вмѣсто подушекъ. Иногда Библия цѣликомъ шла на приготовленіе особыхъ „пасхальныхъ бомбъ“. Были лица, которыя еще съ 1-го класса про-

давали ее; — выручка шла „на табакъ“. При отъѣздѣ на лѣтнія каникулы она, какъ обременительный багажъ, сдавалась въ семинарскую кладовую. А по окончаніи семинарскаго курса продавалась служителю или кому-пришлось за 30 коп. Нѣкоторыми увозилась „на память“, но эта „память“ хранилась гдѣ нибудь въ углу за шкафомъ, на пыльной полкѣ чулана. Другими, съ менѣе расположеннымъ къ воспомина-ніямъ сердцемъ и до цинизма реальнымъ взглядомъ на вещи, еще до окончанія семинарскаго курса она постепенно уни-чтожалась „для домашняго употребленія“...

Все наше изученіе Библии было не болѣе, какъ грубой профанаціей этой книги вѣчно-юныхъ и живыхъ истинъ. Профанація каждаго священнаго и высокаго по смыслу предмета начинается тамъ, гдѣ устанавливается грубо-внѣшнее отношеніе къ нему безъ яснаго пониманія и дѣйствительнаго переживанія его внутренняго смысла и значенія. Наше отношеніе къ повѣствованію Библии было всегда чисто-внѣшнимъ, формальнымъ. Библия была для насъ тѣмъ же сухимъ, мало интереснымъ, застарѣлымъ, порой ненавистнымъ учебникомъ, который мы должны были укладывать въ измученную, высушенную память. Самую интересную книгу путемъ однообразно-механическаго, непрерывнаго, утомляющаго чтенія можно сдѣлать невыносимо-скучной, сухой, мертвой. Такой именно незамѣтно и дѣлалась для насъ Библия. Она превращалась для насъ въ окаменѣлый кусокъ хлѣба, который мы лѣниво пережевывали и который только обременялъ память, но не переваривался ни мыслью, ни чувствомъ, не претворялся въ живую кровь творческаго порыва, не проникалъ въ миропониманіе и не дѣлался основной силой жизнедѣятельности.

Библию мы начинали изучать съ первыхъ дней нашего школьнаго бытія, и это изученіе мы продолжали непрерывно въ разнообразныхъ формахъ, подъ разными флагами въ *теченіе десятилѣтія пребыванія въ духовной школѣ*. Если Библия служить первоисточникомъ, *стволомъ* богословско-христіанскаго образованія, то всѣ богословскія науки, почти *in corpore*, являются ея естественными *разветвленіями*; изучая послѣднія, мы такъ или иначе изучали Библию. Мы изу-

чали ее на урокахъ священной исторіи, катихизиса, библейской исторіи, священнаго писанія, гомилетики, догматическаго, нравственнаго, пастырскаго и отчасти основнаго богословія. Но мы никогда не слышали ея живаго голоса. Ея могучій, всегда вѣщій богочеловѣческій языкъ былъ нѣмъ для насъ. Жизнь, которою полна она,—которая, какъ море, то стонетъ, бушуетъ, вздымаетъ къ небесамъ громады страшныхъ волнъ человѣческаго гнѣва, страданій, скорби, тоски, то величаво отражаетъ красоту и необъятную силу божественной любви,—жизнь, полная пламеннаго воодушевленія, вдохновеннаго восторга, благороднаго величія, высокихъ думъ, святыхъ стремленій, святыхъ радостей, глубокихъ паденій, порывовъ правды и добра,—та жизнь, которая дѣлаетъ эту книгу вѣчно—живой, была скрыта отъ насъ глухими стѣнами. Ея многотонные звуки не доносились до нашихъ сердецъ и не зажигали ихъ своимъ вѣчнымъ огнемъ.

Библию мы изучали *не въ подлинникъ*, а по дряхлой ветоши мертворожденных учебниковъ и по запискамъ преподавателей не высшей цѣнности. Мы изучали законъ Божій Авинскаго, священную исторію ветхаго и новаго завѣта Соколова, катихизисъ, начертаніе библейской исторіи Филарета, руководства по священному писанію Хераскова, Аѳанасьева, Хергозерскаго, Богольпова, догматику Макарія, нравственное богословіе Покровскаго, Солярскаго и проч. Это былъ какой-то бюрокрatismъ учебниковъ, не менѣ губительный, чѣмъ въ жизни чиновничій. Благодаря ему сама Библия оставалась въ сторонѣ и въ существѣ всегда была для насъ „terra incognita“... Если спросить семинариста, что такое Библия? онъ не скажетъ. Можетъ быть отвѣтитъ вызубренными словами учебника: „книги, написанныя по вдохновенію и по откровенію отъ Духа Св. избранными мужами“ и проч. Но живаго, непосредственно—своего, творчески—сознательнаго отношенія къ ней высказать и выяснить онъ не въ состояніи.

Нѣтъ надобности подробно говорить объ устарѣлости и безжизненности приемовъ преподаванія „священной исторіи“, которую, кромѣ уроковъ начальной школы, мы задалбливали еще въ болѣе пространномъ видѣ въ первыхъ двухъ клас-

сахъ духовнаго училища. Она заучивалась такъ же, какъ греческая или латинская грамматика. Живыя же, глубокія и сильныя впечатлѣнія отъ библейскихъ событій и лицъ въ насъ сохранились только отъ дѣтскихъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ главную роль сыграла неприбитая школой сила дѣтской восприимчивости и чувствительности ко всему высокому и прекрасному. Съ теченіемъ же школьной жизни живая сила души и непосредственная ясность вѣры постепенно засариваются, засыпаясь хламомъ библейско-богословскихъ „научныхъ“ приобрѣтеній.

Изъ такихъ „приобрѣтеній“ уже въ курсѣ духовнаго училища нужно указать на катихизисъ митр. Филарета. Какъ и св. исторія это не было непосредственное общеніе съ Библией, а знакомство изъ вторыхъ рукъ,—въ извлеченіяхъ библейскихъ текстовъ, пониманіе которыхъ давалось намъ въ катихизическихъ вопросо-отвѣтахъ. Страшно вспомнить о томъ напряженіи и расточительной тратѣ умственныхъ силъ и энергіи, которая безвозвратно унесла съ собою слѣпая зубрежка катихизиса, изсушавшая и умъ и вѣру. Катихизисъ являлся для насъ книгой, недопускающей никакой критики. Его авторитетъ стоялъ выше Евангелія. Каждое слово въ немъ звучало для насъ непреложной истиной. Катихизисъ мы заучивали буквально „съ крышки до крышки“,—все подъ рядъ, слово въ слово и при отвѣтахъ сами ставили себѣ вопросы и давали отвѣты. Отвѣчающій напоминалъ заведенный граммофонъ. „Вопросы—отвѣты“, конечно, быстро расплывались въ памяти, теряя ясность и опредѣленность своей формулировки. Но въ мысляхъ—при дѣтски—восприимчивой и нѣжной психологіи—надолго оставался желѣзный гнетъ филаретовскаго, по большей части—юридическаго, пониманія вопросовъ вѣры. Этотъ гнетъ еще въ отрочествѣ лишалъ насъ религіозной свободы и въ корнѣ убивалъ наше личное, свободное религіозное творчество. Къ чтенію Библии теперь мы должны были приступать внутренне-отравленные и связанные „филаретовщиной“. Это было началомъ разрушительнаго вліянія школы, благодаря которому большинство изъ насъ теряло силы и средства развивать и углублять субъективное пониманіе христіанскихъ истинъ.

Устанавливался мертвый традиционизмъ, рабство религиозной мысли (а за ней логически, послѣдовательно, и религиозной жизни). Теперь же впервые гибло въ насъ и такъ естественное чувство уваженія къ слову священной книги — „къ тексту“.

Геній филаретовскаго катихизиса не оставлялъ насъ и въ дальнѣйшіе годы. Его духъ формальнаго христіанства тѣснилъ умъ и сердце во всѣхъ богословскихъ предметахъ, ибо всѣ они варьируютъ на разные мотивы одинъ и тотъ же филаретовскій катихизисъ. Послѣдній такимъ образомъ является какъ - бы своего рода дрожжами богословской школы.

Въ семинаріи начиналось непосредственное, въ подлинникъ, такъ сказать, изученіе Библии, — въ I—IV классахъ ветхаго и въ V—VI новаго завѣта. Каждый первокласникъ семинаристъ получалъ въ собственность экземпляръ славянской Библии. Новичекъ — семинаристъ приходилъ въ восторгъ, даже въ умиленіе отъ такой собственности. Еще мало загрязненное религиозное чувство загоралось у большинства изъ насъ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ „книгѣ книгъ“. Библия внимательно оберегалась. На первомъ (бѣломъ) листѣ каллиграфически тщательно надписывались извѣстные стихи съ пожеланіями, чтобы „книга священная“ была „спутницей намъ неизмѣнною“ или „звѣздной путеводною“, утѣшительницей „въ годы борьбы и труда“ и проч. и проч. Все дѣлалось искренно, чисто, правдиво; фальши не было ни на юту.

Къ изученію Библии большинство приступало съ живымъ интересомъ, искренно желая проникнуть въ душу великой книги. Этотъ юношескій интересъ къ Библии нужно было понять, дать ему возможность разрастись въ ширь и глубь, чтобы святая книга стала близкой, дорогой и настольной книгой для ученика.

Но уроки по „священному писанію“ постепенно снимали съ Библии таинственный покровъ ея религиозно-философскаго величія. И съ каждымъ шагомъ изученія, какъ воскъ при горѣніи, таяло наше благоговѣйное отношеніе къ ней.

Прежде всего, сами учителя наши мало чувствовали величіе и глубину изучаемой книги. Библия ихъ не захватывала, и „священное писаніе“ они преподавали такъ же, какъ намъ преподавали всякій другой предметъ, не исключая классическихъ языковъ. Даже болѣе, на урокахъ словесности, гражданской исторіи, философіи учителя проявляли больше живости и интереса къ дѣлу, и объ этихъ предметахъ преподаватели св. писанія, томимые тоской и „мертвящей сухостью“ своего предмета, мечтали какъ о живомъ, интересномъ дѣлѣ. И можно серьезно сомнѣваться, — больше-ли самъ учитель постигалъ смыслъ и значеніе „священной книги“ для христіанскаго міропониманія и жизнедѣятельности, чѣмъ каждый изъ насъ, набивавшій голову всевозможной богословской начинкой?

Приемы преподавательскихъ изъясненій Библии были шаблонны, серьезны и одинаково бесполезны. Одинъ пересказывалъ, въ большинствѣ случаевъ, своими словами прочитанный текстъ, — другой „объяснял“, дословно перелавая учебникъ, руководясь патриархальнымъ принципомъ „лучше книжки не скажешь“; третій, съ порывами свободнаго преподаванія и стремленіями „развивать“ нравственное чувство учениковъ, ухитрялся чуть не къ каждому тексту Писанія привязать поученіе на злобу семинарскаго дня, — о разбитомъ въ классѣ стеклѣ, о вывѣшенной въ корридорѣ прокламаціи и проч.

Прежде чѣмъ приступить къ самому чтенію Библии, мы заучивали такъ наз. „общія“ свѣдѣнія. Опредѣляли богодухновенность книгъ св. писанія, но никогда, даже и окончивъ семинарское образованіе, не могли понять, что такое „богодухновенность?“ Запоминали исторію священнаго текста, виды его толкованія и проч., и отъ всего этого черезъ нѣсколько уроковъ въ памяти безпомощно висѣли жалкіе обрывки въ видѣ *textus receptus*... Полиглотта... Тишендорфъ... Комплютенское изданіе... Остромірово евангеліе... Кромѣ „общихъ“ свѣдѣній, экзегезису каждой священной книги предшествовала исагогика, — свѣдѣнія объ авторѣ книги, мѣстѣ, времени, цѣли и задачахъ написанія и характерѣ ея. Эта „ученость“ семинарскихъ учебниковъ засоряла наши мозги, отягощала память и путала мысль. А главное — она убивала

непосредственный интерес къ Библии, на которую, психологически — незамѣтно для насъ, переносилась безжизненность и мертвенность этой „учености“. И чѣмъ больше мы набирались ея, тѣмъ менѣе интересной становилась сама Библия: ея могучая жизнь для насъ беззвучно замирала.

Приступали къ чтенію Библии. Вотъ кн. Бытія, гл. 1-я... Библейское сказаніе о шестидневномъ твореніи принималось всегда въ полномъ видѣ и буквальномъ смыслѣ. Но его нужно хоть нѣсколько разъяснить. Одинъ старается разъяснить юной аудиторіи процессъ образованія твердыхъ тѣлъ изъ безформенной, хаотической массы такой простой и безобидной аналогіей, какъ отдѣленіе сыворотки отъ творага... Другой весь процессъ мірозданія безхитростно сосредоточилъ въ одномъ словѣ „да будетъ“, — „сказано и сразу сдѣлано“... Третій старается библейское сказаніе связать съ послѣднимъ словомъ науки и въ рамки библейскаго повѣствованія, какъ въ прокрустово ложе, заботливо укладываетъ канто-лапласовскую теорію. Наши преподаватели были недалекіе, ограниченные философы, мало оригинальные. Въ результатъ длинныхъ и беспорядочныхъ рѣчей о міровомъ хаосѣ и неоднократныхъ заучиваній ихъ у насъ надолго оставался ужасный и трудно разсѣиваемый хаосъ въ мысляхъ по вопросу о происхожденіи міра и человѣка. Пытливая, философски — настроенная юношеская мысль настойчиво искала разрѣшенія его. Кругомъ — торжество эволюціонизма, дарвинизма. Факты неотразимо говорятъ объ ихъ основательности. Надъ библейскимъ сказаніемъ ставился крестъ. Черезъ 2—3 года большинство изъ насъ забывало, что и въ какой день Богъ творилъ? И въ продолженіе всего семинарскаго курса 1-я глава Бытія служила однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда зарождалось наше недоверіе къ повѣствованіямъ Библии.

Дальнѣйшее изученіе Библии катилось по тѣмъ же рельсамъ. Въ трудныхъ, неясно изложенныхъ мѣстахъ мы переводили съ славянскаго на русскій и наоборотъ. Дѣлали экскурсіи въ область греческаго, даже еврейскаго языка. Но отъ этихъ филологическихъ изслѣдованій „священное писаніе“ не становилось интереснѣе латыни или греческаго языка. Намъ приходилось напрягать всю силу ума и памяти,

чтобы найти и запомнить смыслъ того или другого мѣста, безтолково и путанно переведеннаго съ подлинника*. И такихъ мѣстъ встрѣчалось не мало. Приходилось одно мѣсто уяснять чрезъ сопоставленіе съ „параллельными“ ему, причемъ, смыслъ послѣднихъ по контексту рѣчи часто совершенно игнорировался. Случалось и такъ, что два одинаково требующіе самостоятельнаго толкованія текста, взаимно уясняли другъ друга, — первый пояснялся вторымъ и второй первымъ**. Однимъ словомъ, существовало нѣчто въ родѣ круговой поруки объясняемыхъ текстовъ.

Вниманіе преподавателей сосредоточивалось обычно на какихъ-нибудь „важныхъ“, трудныхъ и запутанныхъ для толкованія мѣстахъ. Ихъ въ каждомъ отдѣлѣ библейскихъ книгъ было нѣсколько; впрочемъ, число ихъ зависѣло отъ взглядовъ преподавателя, — что онъ находилъ болѣе „важнымъ“. Такія мѣста поглощали большую часть классныхъ уроковъ и противъ этихъ „гвоздей“ курса мы выставляли всю свою экзегетическую батарею. Преподаватель считалъ своимъ долгомъ при спросѣ каждаго воспитанника коснуться ихъ. А на экзаменѣ послѣ отвѣта изъ билета неизмѣнно слѣдовало: „а ну-те, скажите“... и дальше какой-нибудь „гвоздь“. Въ результатъ нѣкоторые изъ насъ, усвоивъ „любимыя мѣстечки“ преподавательскаго вопроса, считали себя въ правѣ не знать ничего остального.

При чтеніи „важныхъ“ и „трудныхъ“ мѣстъ намъ предлагались толкованія отцевъ и учителей церкви. Но при этомъ и наши преподаватели и гг. Херасковы, Хергозерскіе забывали о томъ, что отцы, учителя церкви по своему міросозерцанію, научнымъ — естественнымъ, филологическимъ, лингви-

* Вотъ, напр., — „крило веселящихся нееласса, аше зачнетъ асида и несса: яко оставить на земли яйца своя, и на персти согрѣеть, и забы, яко нога разбѣтъ, и звѣріе сельніи поперуть“ (Иов. 39 гл. 13—15 ст.).

** Такъ, читая Быт. 8 г. 7 ст., слово „дондеже“ („и посла врана и изшедъ не возвратися, дондеже изсяче вода отъ земли“) толковали въ смыслѣ предѣла времени, за которымъ лѣйствіе или состояніе продолжается, и въ подтвержденіе ссылались на Мф. 1, 25 с. При чтеніи же послѣдняго мѣста („и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца“) при томъ же пониманіи слова „дондеже“ ссылались на быт. 8, 7.

стическимъ и проч. познаніямъ были дѣтьми своей эпохи, и поэтому ихъ толкованія не безусловны для насъ...

Святоотеческія толкованія, между прочимъ, — когда касались ветхаго завѣта, — были всегда богаты указаніями на таинственно-прообразовательный смыслъ и значеніе библейскихъ предметовъ, событій и лицъ. И наша мысль до того изошрялась въ отысканіи этого смысла, что могла проявлять своеобразное творчество. Всему ветхому завѣту во всѣхъ мелочахъ мы могли придать таинственно прообразовательный смыслъ, и часто за урокомъ онъ указывался тамъ, гдѣ еще ни одинъ отецъ или учитель церкви не находилъ его. Но если для сознанія послѣднихъ ветхій завѣтъ являлся „сѣнью грядущихъ благъ“ отъ широты и глубины ихъ религіознаго чувства, то у насъ единственно въ силу механической привычки мысли...

Часто случалось, что воспитанники семинаріи при поступленіи въ духовную академію или при посѣщеніи семинаріи архіереемъ обнаруживали почти полное незнакомство съ подлиннымъ текстомъ Библии. Тогда намъ внушительно подчеркивалось, что „Слово Божіе должно изучать не по учебникамъ и пособіямъ, а по свящ. тексту“. Начиналось изученіе Библии „по тексту“. Мы заучивали количество главъ въ каждой книгѣ; запоминали содержаніе каждой выученной главы и на урокахъ рассказывали цѣлыя главы въ порядкѣ Библии. Часто текстъ, не передаваемый въ рассказѣ, приходилось зазубривать затѣмъ только, чтобы на урокѣ кое-какъ рассказать и потомъ забыть. Заучивали наизусть отдѣльные стихи, цѣлыя главы, рѣчи, пророчества, псалмы... Конечно, такіе приемы изученія Библии „по тексту“ окончательно превращали эту книгу въ сухой учебникъ.

Библию мы читали по программѣ — съ выпусками главъ и цѣлыхъ книгъ. Опущенное никогда не прочитывалось самимъ ученикомъ. Если съ 10-й гл. переходили къ 13-й, то 11 и 12 главы такъ и оставались непрочитанными, несмотря на связь съ ними 13-й. Непройденыя за недостаткомъ времени на урокахъ священныя книги навсегда оставались для насъ въ полной, не возбуждающей любознательности, неизвѣстности

(Притчи Соломона, Экклезіастъ, Притчи Сираха, Эсеиръ, малые пророки и проч.).

Помнится, — даже при изученіи новаго завѣта, не успѣвъ прочитать (на урокахъ, конечно) кн. Дѣяній, посланіе къ Евреямъ, — такъ и кончали курсъ безо всякой безпокойной и тревожной мысли въ душѣ. Въ Апокалипсисѣ никогда не заглядывали. Впрочемъ, любители читали его „для смѣха“. Читавшій Библию въ классѣ по личному интересу подвергался общему смѣху и дѣлался мишенью для остротъ. Съ полной увѣренностью можно сказать, что ни одинъ кончающій семинарію (изъ цѣлаго ряда выпускотъ) не прочиталъ Библии цѣликомъ — страницу за страницей, какъ всякую другую живую и интересную книгу, — въ своей семинаріи я не знаю исключеній. Нѣкоторые, кажется, придерживались даже такого предразсудка, — если кто прочтетъ Библию всю „отъ начала до конца“, тотъ сойдетъ съ ума. Въ сущности, изученіе Библии на урокахъ св. писанія сводилось къ повторенію одной и той же св. исторіи*. Неисчислимое механическое повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ дѣлало свое губительное дѣло. Великіе ветхозавѣтные мужи выступали въ какой-то искусственно-созданной оторванности отъ жизни и больше всего напоминали намъ добродѣтельныхъ персонажей изъ ложноклассической драмы или комедіи. Библейскія событія, рѣчи, невыразимо величественныя, не волновали нашей мысли и воображенія. Библейскія чудеса — за отсутствіемъ для насъ ихъ нравственнаго смысла — являлись въ нашемъ представленіи не болѣе, какъ ловкими, часто забавными фокусами. Тотъ колоритъ чудесности, который грубо окрашивалъ предъ нами всю жизнь еврейскаго народа и не былъ достаточно одухотворенъ, — дѣлалъ „народъ Божій“ и всю его исторію искусственной. „Народъ Божій“ на общеисторической сценѣ выступалъ предъ нами не сознательнымъ творцемъ, свободнымъ дѣятелемъ, но — или стороннимъ зрителемъ своей исторіи, или

* Во 2-мъ классѣ сверхъ того это повтореніе восполнялось пересказами библейскихъ событій въ „исторіи библейской“, которая до настоящихъ дней, не смотря на всѣми сознанную бессмысленность ея изученія, остается въ семинарской программѣ, — должно быть, только потому, что учебникъ написанъ митрополитомъ Филаретомъ и притомъ — языкомъ 18-го вѣка.

слѣпымъ орудіемъ нѣжныхъ материнскихъ заботъ и попеченій Иеговы. Вся „исторія домостроительства нашего спасенія“ была для насъ до того неинтересной, скучной, что гражданская и всякая другая исторія являлись пріятно ласкающимъ взоръ красивымъ пейзажемъ послѣ унылаго однообразія песчаныхъ степей. „Живая“ жизнь носилась гдѣ-то далеко отъ насъ, какъ обманчивый миражъ...

Могли ли мы постигать глубину лирики псалмовъ, мудрость рѣчей Иова и его друзей, могли ли входить въ духъ рѣчей пророческихъ?..

Не вносилъ оживляющей струи въ общій ходъ изученія Библии и Новый Завѣтъ. И здѣсь большая часть времени удѣлялась внѣшней сторонѣ повѣствованія, — напр., соглашенію Евангелистовъ при несогласіи ихъ рассказовъ объ одномъ и томъ же событіи. Приходилось разрѣшать недоумѣніе, — почему у одного евангелиста пѣтухъ поетъ два раза, а у другихъ одинъ и въ разное время? Приходилось ставить и отвѣчать на вопросъ, почему Христосъ совершилъ ветхозавѣтную пасху раньше положеннаго времени? Евангельскія мѣста въ такомъ родѣ являлись „гвоздями“ курса и на нихъ насъ „гоняли“ на урокахъ и на экзаменѣ... Насъ заставляли рассказывать евангельскія исторіи. Но что это была за комедія? Съ мѣста подымался воспитанникъ довольно солидной наружности и нехотя, лѣнливо, медленно, ежеминутно заглядывая въ „завѣтъ“, передавалъ евангельское событіе и съ такимъ серьезнымъ, глубокомысленнымъ видомъ, — какъ будто рѣшалъ мировую проблему, — въ результатъ же получался отвѣтъ ниже школьнаго. Намъ тогда это нисколько не бросалось въ глаза, — „какой же еще отвѣтъ можно давать“. На урокахъ „священнаго писанія“ въ старшихъ двухъ классахъ мы всѣ дремали, дрема прерывалась сновидѣніями въ видѣ преподавательскихъ спросовъ. Послѣ урока, за выходомъ преподавателя, всѣ сладко потягивались и зѣвали долго и громко... въ надеждѣ также мирно и сладко подремать на слѣдующемъ урокѣ какого-нибудь „богословія“. Новый завѣтъ мы „проходили“ людьми индифферентными, полуневѣрами. Насъ ничто не шевелило: ни горячая, горы переставляющая вѣра, ни адское, мифистофельское отрицаніе.

Въ послѣднихъ классахъ семинаріи мы не находили въ себѣ силъ даже для заучиванья учебника, — до того было тошно все то, что имѣло отношеніе къ библейско-евангельскому разсказу. Мы прибѣгали къ „надковкѣ“, т. е. „суть“ учебника въ краткой формулировкѣ заносили на поля Библии. Но особенно старательно „надковывали“ предъ экзаменами. Специально для этого покупались карандаши потверже — фабровскіе № 3. Исключеній, не прибѣгавшихъ къ карандашу, почти не было. Иногда для экономіи труда и времени сразу заготовляли 3—4 надкованныхъ Библии на весь классъ и по нимъ отвѣчали на экзаменѣ. Или еще болѣе упрощали дѣло, — въ нѣсколько Библий вплетали по учебнику и на экзаменѣ читали послѣдній.

Чѣмъ дольше мы изучали Библию, тѣмъ ниже падалъ для насъ ея священный авторитетъ. Являлось невольное стремленіе омрачить ея истинность и „святость“, найти въ ней самой что-нибудь ея компрометирующее. Праздная мысль отыскивала внѣшнія противорѣчія въ текстѣ и разсказахъ. Сочинялись бытовья сценки съ библейскими сюжетами, — въ родѣ того, что къ Аврааму приходятъ три странника и просятъ поставить самоварчикъ и проч. Комическіе разсказы, подобные „всемірной утопіи“, переписывались, ходили по рукамъ и при чтеніи вызывали дружный ободряющій хохотъ. Находились любители священныхъ мѣстъ съ „пикантнымъ“ содержаніемъ. Терпѣливо перелистывались страницы, и „нужныя“, „интересныя“ мѣста прочитывались вслухъ окружающимъ. Сколько попутныхъ сальностей, двусмысленныхъ замѣчаній, сравненій, непередаваемого, часто до виртуозности изощреннаго цинизма сопровождало чтеніе такихъ мѣстъ! Были особые „любители“ чтенія „книги Пѣснь пѣсней“. Нѣкоторыя библейскія фразы съ содержаніемъ „пикантнаго“ свойства, благодаря „любителямъ“ обогащали семинарскую терминологию.

Наша полная апатія даже къ Евангелію значительно объясняется обиліемъ „богословскихъ“ наукъ въ старшихъ „богословскихъ“ классахъ. Всевозможныя „богословія“ должны бы были еще глубже раскрыть предъ нами содержаніе Библии, выяснить ея метафизику, психологию, этику. Въ дѣйствительности не было ничего подобнаго. Разныя „богосло-

вія“ повторяли предъ нами то, что не разъ мы слышали на урокахъ „св. писанія“. Но здѣсь голосъ Библии, чтобы достигнуть слуха ученика, долженъ былъ пройти сквозь толстую стѣну и не учебника только, а громоздкихъ богословскихъ системъ, которыя брали изъ Библии въ большинствѣ случаевъ только нужныя имъ обрывки текста. Такой въ первую голову является „догматика“. Не говоря уже объ ея безжалостномъ издѣвательствѣ надъ нашей памятью, въ семинарской постановкѣ она сводилась къ тому, что библейское повѣствованіе какъ нѣчто цѣлое, какъ живой организмъ, беспощадно рубилось на части. Изъ „живой“ книги Библия превращалась въ какой то мертвый сводъ законовъ съ подраздѣленіями на отдѣлы и параграфы. Какая могла быть метафизика христіанскаго ученія въ механическомъ сцѣпленіи текстовъ? Нужно, напр., раскрыть истину „единства Божія по существу“ — для этого приводится нѣсколько обрывковъ текста изъ разныхъ книгъ: „видите, видите, яко Азъ есмь; и нѣсть Богъ развѣ Мене“ (Втор. 32, 29), — „Азъ первый и Азъ по сихъ, кромѣ Мене нѣсть Бога“ (Ис. 44, 6) и т. д. Параграфъ, заполненный текстами, въ которыхъ хотя бы мимоходомъ, косвенно упоминалось о единствѣ Божества, являлся раскрытіемъ даннаго въ заголовкѣ положенія. И такой самый пестрый, механическій подборъ текстовъ мы должны были заучивать наизусть!..

Мало этого. „Догматика“ пользовалась текстами тенденціозно. Шестидневное твореніе, напр., въ самомъ наивномъ, буквальномъ пониманіи его, она возводила въ догматъ. На степень же догмата, конечно, со ссылками на „слово Божіе“, возводились простыя, чуть не народныя сказанія о характерѣ за гробныхъ мученій и т. п. Догматика содержала въ своемъ курсѣ такія положенія, какъ „внѣ церкви Христовой нѣтъ спасенія“. Нечего и говорить о томъ, какъ унижался, обезцѣнивался текстъ! „Догматику“ мы ненавидѣли больше, чѣмъ всякую другую семинарскую науку. Ненавидѣли за ея бессмысленность, механичность, бездушіе, которыя требовали отъ насъ только слѣпой зубрежки и дѣлали изъ насъ автоматовъ.

„Нравственное богословіе“ должно было ввести насъ въ глубь библейскаго ученія о нравственности. На этомъ пред-

метъ всего ярче выступало безсиліе учебника и преподавателей помочь общему горю духовной школы. Учебникъ являлся для насъ чѣмъ-то въ родѣ новозавѣтнаго „второзаконія“. вмѣсто духа и силы въ нашъ мозгъ переливали размѣченную цифрами азбучную переченьъ добродѣтелей. Это былъ какой-то дѣтски наивный лепетъ объ обязанностяхъ семьянина, гражданина, о клятвѣ, дуэли... Здѣсь мы заучивали виды всевозможныхъ грѣховъ,—простыхъ и смертныхъ, запоминали рецепты объ обязанностяхъ къ Богу, ближнимъ и самому себѣ,—и все это обильно пересыпалось текстами.—Этой практической части предшествовали отвлеченныя разсужденія о нравственномъ чувствѣ, долгѣ, законѣ... Правда, они развивали у нѣкоторыхъ философскую гибкость мысли, но съ вѣтвей этихъ разсужденій не падало ни одной живой капли на душу.

Главной задачей „Основнаго богословія“ являлась защита библейскаго ученія передъ наукой и иновѣріемъ. Оно должно было уяснить намъ сущность и возможность сверхъестественнаго откровенія, чудеса, дать апологию личности и дѣла Христа и т. п. Но защита его была малодоказательной. Двумя—тремя соображеніями оно разбивало такія системы, какъ ученіе Канта, пессимизмъ Шопенгауера и др. философъ. Доказывало, что атеистовъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ отрицающій Бога долженъ прежде познать Его; но это человѣку не по силамъ, отсюда... и т. д. Положительное же раскрытіе христіанства здѣсь было повтореніемъ только въ другихъ словахъ тѣхъ же параграфовъ догматики, св. писанія и другихъ богословскихъ наукъ.

Первоисточникомъ богословскаго образованія служить Библия и безъ знанія и пониманія ея духа оно то же, что домъ безъ фундамента, тѣло безъ души. Это бездушіе семинарской образованности особенно ярко и выразительно проявлялось на урокахъ гомиетики—проповѣдничества. Гомиетика должна вѣнчать все знаніе семинарской науки. Здѣсь въ письменныхъ проповѣдяхъ, устныхъ импровизацияхъ должно было выливаться все наше христіанское воодушевленіе, воспитанное на живомъ, чуткомъ усвоеніи и пониманіи духа Евангелія. Но мы въ своихъ проповѣдяхъ оставались только

вѣрны себѣ,—тому механически-внѣшнему изученію Библіи, которое сушило нашъ мозгъ и сердце. Наши проповѣди были не „явленіемъ духа и силы“, а сухимъ, холоднымъ, порой искуснымъ подборомъ или просто нанизываньемъ текстове на данный текстъ съ „нравственнымъ приложеніемъ“, въ которомъ мы рыцарски смѣло и рѣшительно поносили все „мірское“. Наши проповѣди были апоэозомъ нашего бого-словствования.

И вотъ, мы выходимъ изъ школы, ставимся на верху горы, какъ храмы, чтобы всѣмъ было видно величіе христіанства, и смотримъ съ этой вершины на міръ, — бездушные, безжизненные съ темными страшными впадинами вмѣсто сверкающихъ оконъ.

Сама духовная школа въ лицѣ своихъ старшихъ представителей давно уже съ горькимъ чувствомъ сознала, какъ нищенски жалко богословское рубище „кандидатовъ священства“.

Когда мы поступали послѣ семинаріи въ духовную академію, обнаружилось полное банкротство нашего богословско-христіанскаго образования. На нашихъ „экспромптахъ“, въ которыхъ мы черезъ 3 мѣсяца по выходѣ изъ школы раскрывали свои силы и семинарскія богословскія „цѣнности“, профессора дѣлали такія рецензіи: „представленные сочиненія... даютъ полное основаніе признать неприготовленность воспитанниковъ семинарій мыслить *по-евангельски*“*. Такъ писалось въ 1903 году. Черезъ годъ мы читаемъ: „грустное и грозное впечатлѣніе оставили во мнѣ прочитанныя поученія. Не говорю уже о формальной безурядицѣ изложенія, вялости языка, скудости мыслей. За всѣмъ этимъ стоитъ еще болѣе серьезный недостатокъ христіанскаго проповѣдникаго *духа*. Писали вѣдь наилучшія силы изъ очень многихъ и разномѣстныхъ семинарій, все студенты уже солиднаго возраста... и ни одинъ изъ писавшихъ не обнаружилъ ни малѣйшаго даже намека на сознаніе того, что, о чемъ, какъ, кому и для чего онъ говоритъ или пишетъ? Какъ будто составляется канцелярскій докладъ въ данномъ тонѣ. Дано

* Журналы собраній Совѣта Моск. дух. академіи 1903 г. 249—250 стр.

поученіе о премудрости міра сего, какъ безумія у Бога. И вотъ бездушная мысль вяло цѣпляется за все, что стоитъ въ какой либо связи съ мірскою мудростью, безъ всякаго разбора. Хуленію подвергнуто все свѣтское и мірское.—поэзія, философія, искусство, естественныя науки особенно. И все это поверхностно, обрывками, безъ ясно сознанныхъ мотивовъ: истиннымъ же Христовымъ духомъ, долженствующимъ руководить и оживотворять мысль и слово проповѣдника, поученія не обвѣяны... У семинаристовъ, даже наилучшихъ, нѣтъ никакой подготовки говорить о христіанскихъ предметахъ въ духѣ Христовомъ—школа не дала для сего твердыхъ принциповъ, усвоенныхъ приѣмовъ и выработаннаго языка...“*

Увы, это—горькая правда.

Н. Торжоставъ.

* Тамъ же 1904 г. 249—251 стр.

Духовно-учебное начальство.

На Руси такъ заведено, что ни одно общественное дѣло не обходится безъ опекающаго начальства. Начальство это постепенно возвышается, образуя цѣлую серію восходящихъ инстанцій, и чѣмъ выше оно, тѣмъ шире его права, тѣмъ сильнѣе его власть. Образуются какъ бы концентрическіе круги начальства, которые сжимаютъ всякую общественную инициативу и каждому соціальному явленію стараются придать опредѣленную форму, заключить его въ опредѣленные границы. Это общее зло русской жизни наиболее рельефно обнаруживается въ духовно-учебномъ мірѣ.

Учитель—душа школы; это, казалось бы, общеизвѣстная истина. Но не такъ въ духовномъ вѣдомствѣ: здѣсь душою школы является начальство. Въ духовныхъ училищахъ такимъ начальствомъ служитъ смотритель, въ семинаріяхъ ректоръ. Эти ближайшіе начальники духовныхъ школъ надѣлены широкими прерогативами: имъ подчинены всѣ служащіе въ данной школѣ и они призваны наблюдать за всѣми сторонами школьной жизни. Такъ, они обязаны вникать въ духъ, направление и способы преподаванія, слѣдить за успѣшнымъ прохожденіемъ предметовъ и личнымъ вліяніемъ направлять дѣятельность наставниковъ къ достиженію общей цѣли. Они имѣютъ право дѣлать преподавателямъ внушенія и замѣчанія и даже доносить высшему начальству о неблагонадежныхъ по ихъ мнѣнію преподавателяхъ; они же представляютъ по своему усмотрѣнію достойныхъ преподавателей къ награжденію (гл. III уст. дух. сем., гл. VI уст. дух. учил.). Поль-

зуюсь такими широкими правами, ближайшій начальникъ духовно-учебнаго заведенія дѣйствительно можетъ вытравить вольный духъ въ преподаваніи, обуздать энергичныхъ учителей съ оригинальными педагогическими взглядами, все подчинить своимъ желаніямъ, на все наложить отпечатокъ своей личности и такимъ образомъ быть въ полномъ смыслѣ слова душою учебнаго заведенія. Но эта душа не самостоятельна, она въ свою очередь подчинена высшей власти и погому живеть не столько собственною творческою силою, сколько внушеніями, идущими свыше. Такою высшею властью является епархіальный архіерей. Архіерей—главный начальникъ духовныхъ училищъ своей епархіи, какъ выражается семинарскій уставъ (§ 14). Онъ имѣетъ высшее наблюденіе за направленіемъ преподаванія, за воспитаніемъ и вообще за всѣмъ ходомъ училищной жизни. Ему, какъ главному начальнику, учебное заведеніе представляетъ на утвержденіе всѣ свои постановленія; но архіерей можетъ не утвердить этихъ постановленій, а предписать правленію учебнаго заведенія поступить въ томъ или другомъ случаѣ такъ, какъ вздумается архіерею. Никакихъ возраженій или апелляцій тутъ уже не полагается; слово архіерейское—законъ для учебнаго заведенія, подлежащій немедленному исполненію подъ страхомъ отвѣтственности за противленіе начальству. А страхъ предъ архіереемъ у духовныхъ педагоговъ долженъ быть не малый. Вѣдь архіерей не только начальникъ, но и судья: онъ собственно властью награждаетъ преподавателей или ходатайствуетъ о награжденіи, дѣлаетъ имъ выговоры, перемѣшаетъ съ одного предмета на другой, временно устраняетъ отъ должности; вся судьба преподавателей зависитъ отъ архіерейской благосклонности. При такихъ условіяхъ педагогамъ поневолѣ приходится съ покорностью внимать словамъ архіерея и даже проникать въ тайныя его желанія, чтобы только избѣжать архіерейскаго гнѣва.

За архіереемъ слѣдуетъ новая, еще большая административная сила—учебный комитетъ при святѣйшемъ Синодѣ. Учебный комитетъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣ мужскія и женскія духовно-учебныя заведенія, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ Россіи, и своею властью проникаетъ во всѣ стороны

ихъ жизни. Отъ него исходятъ для духовныхъ школъ уставы, положенія, программы, назначеніе и увольненіе преподавателей, всякаго рода циркуляры, нормирующіе жизнь этихъ школъ. Сами архіереи, являющіеся въ епархіяхъ деспотичными начальниками, покорно склоняютъ свою голову предъ учебнымъ комитетомъ. Впрочемъ, такую власть учебный комитетъ имѣетъ не самъ по себѣ, а въ силу санкции святѣйшаго Синода или синодальнаго оберъ-прокурора. Учебный комитетъ не есть учрежденіе самостоятельное, онъ подчиненъ высшей власти и всѣ свои предположенія представляетъ на утвержденіе Синода или оберъ-прокурора, смотря по степени ихъ важности (Положеніе объ учебн. ком. ст., П. С. З. 1867 г. № 44570).

Но эти высшія инстанціи могутъ не соглашаться съ мнѣніями комитета, имѣютъ право самостоятельно дѣлать постановленія по духовно-учебному вѣдомству и предписать учебному комитету тѣ или иныя распоряженія. Синодъ съ оберъ-прокуроромъ и составляетъ собственно то высшее начальство, которому принадлежитъ главная руководящая роль въ управленіи духовно-учебными заведеніями.

Такимъ образомъ получается четыре или, точнѣе пять* начальственныхъ инстанцій, которыя всѣ заботятся о духовныхъ школахъ и каждая оставляетъ на нихъ свой болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ. Не смотря на такое обиліе начальства, наши духовныя школы лишены всякаго благоустройства. Въ нихъ, особенно въ семинаріяхъ, обнаруживается какое-то внутреннее разложеніе, о чемъ свидѣлствуютъ непрекращающіеся беспорядки почти въ каждой семинаріи. Благодаря этимъ беспорядкамъ, нормальная учебная жизнь прерывается въ семинаріяхъ и послѣднія становятся учрежденіями не столько воспитывающими, сколько калѣбчашами юныхъ питомцевъ путемъ безжалостнаго увольненія ихъ какъ преступниковъ безъ балловъ по поведенію или съ дурными баллами.

* Для духовныхъ училищъ имѣется еще шестая инстанція въ видѣ семинарскихъ правленій, которыя также имѣютъ начальственное значеніе по отношенію къ духовнымъ училищамъ и по уставу училищъ (глава IV-ая) имѣютъ право вторгаться своими распоряженіями во внутреннюю ихъ жизнь.

Отчего это такъ? Мысль невольно обращается къ начальству, которое взяло на себя опеку надъ духовными школами, а слѣдовательно и отвѣтственность за ихъ благосостояніе.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду исключительно духовно-учебное начальство послѣднихъ трехъ инстанцій, которое можно объединить подъ общимъ наименованіемъ центрального управленія. Дѣлаемъ это потому, что именно центральное управленіе даетъ тонъ и направленіе духовнымъ школамъ, мѣстное же начальство является болѣе исполнителемъ тѣхъ внушеній, какія идутъ сверху.

Центральное духовно-учебное управленіе состоитъ изъ небольшой группы лицъ, стоящихъ во главѣ духовной власти. Лица эти не выборныя отъ церкви и не представители ея, а назначены начальствомъ. Такъ, въ составъ учебнаго комитета назначаются члены святѣйшимъ Синодомъ — духовные по его непосредственному усмотрѣнію, а свѣтскіе по предложенію оберъ-прокурора. (Положеніе, ст. 4). При такомъ назначеніи замѣтную роль всегда играютъ знакомство, кумовство и другія формы протекціи. Самъ Синодъ составляется изъ епископовъ безъ участія церковнаго общества, подъ исключительнымъ влияніемъ оберъ-прокурора. Оказавшись такимъ образомъ во главѣ церкви независимо отъ ея желанія, члены центрального управленія самовластно и безконтрольно распоряжаются затѣмъ всѣми церковными дѣлами, въ томъ числѣ и духовной школой. Выдвинутые кверху высшимъ начальствомъ они не имѣютъ надобности прислушиваться къ голосу православно-церковнаго общества, да и голосъ-то этотъ при нашей привычкѣ заграждать уста раздается слишкомъ слабо.

Просматривая дѣйствующіе въ духовно-учебномъ мірѣ уставы, циркуляры, программы, мы дѣйствительно видимъ, что всѣ они вышли исключительно изъ нѣдръ центральной духовно-учебной бюрократіи. Не только представители церковнаго общества, но даже ближайшіе дѣятели духовной школы — преподаватели никогда не были приглашаемы для предварительной разработки школьныхъ вопросовъ или по крайней мѣрѣ для совѣта по нимъ. Напротивъ, центральная власть даже нарочно старается устранить всякій обществен-

ный элементъ отъ вліянія на постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ духовныхъ школахъ; она не довѣряетъ въ этомъ отношеніи даже духовенству. Допустивъ его къ обсужденію экономическихъ нуждъ духовныхъ школъ (§ 93 Уст. духовн. семин.), центральное управленіе затѣмъ настойчиво подавляетъ всякія попытки со стороны духовенства проникнуть во внутреннюю жизнь тѣхъ школъ, гдѣ воспитываются его дѣти. Въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ циркулярныхъ распоряженій, которыми воспрещается сѣздамъ духовенства входить въ разслѣдованіе безпорядковъ или опущеній по учебно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ, высказывать сужденіе о педагогической дѣятельности преподавателей, ходатайствовать о ихъ награжденіи, присутствовать на экзаменахъ (уставы дух. сем. и учил. съ разъяснительными постановленіями святѣйшаго Синода, изданіе 1896 года, стр. 125), даже производить освидѣтельствованіе училищныхъ суммъ, библиотекъ и имущества (уставы, стр. 125, 126; циркуляры по духовн.-учебн. вѣд. № 15, стр. 5—6; № 19, стр. 61). Духовенству предоставляется одно—давать деньги на содержаніе духовныхъ школъ, а то, чему и какъ учить его дѣтей, въ какомъ направленіи ихъ воспитывать.— все это центральное управленіе оставило исключительно за собою.

Задача, принятая на себя центральнымъ духовно-учебнымъ управленіемъ, велика и отвѣтственна. То или иное разрѣшеніе ея должно отразиться не только на молодомъ духовномъ поколѣніи, но и на состояніи нашего духовенства, на положеніи православной церкви и отчасти всего православно-русскаго народа. Какъ же отвѣчаетъ центральное управленіе на эту поистинѣ страшную задачу?—Безпрестаннымъ потокомъ канцелярскихъ *бумагъ*. Въ тиши непроницаемыхъ канцелярій засѣдаютъ бюрократическіе авгуры и, не справляясь съ жизнью, запросами общества и требованіями времени, не зная школьной практики, сочиняютъ безконечныя *бумаги*, носящія разныя наименованія—уставовъ, программъ, циркуляровъ, указовъ и проч. Эти *бумаги* имѣютъ назначеніе управлять людьми, нормировать жизнь, закрѣпить свободный человѣческій духъ. Онѣ проникаютъ во

всѣ стороны школьной жизни, стараются все оформить, всему дать опредѣленное направленіе. Какъ будто школьное дѣло не живое, постоянно развивающееся, прогрессирующее дѣло, творчески создаемое живыми людьми, а лишь безпрекословное и точное исполненіе начальственныхъ предписаній.

Центральное управленіе прежде всего создало для духовныхъ школъ общіе уставы, въ которыхъ точно опредѣляется, чему можно учить въ этихъ школахъ, а архіереямъ поручается слѣдить за исполненіемъ уставовъ и слѣдовательно за недопущеніемъ въ курсъ духовныхъ школъ какихъ-либо недозволенныхъ наукъ. Затѣмъ, по каждому предмету составлены особыя программы, опредѣляющія объемъ преподаванія, и каждый наставникъ обязательно долженъ преподавать свой предметъ по такимъ программамъ, утверждаемымъ святѣйшимъ Синодомъ (уст. сем. § 60; уст. учил. § 64). Далѣе, преподаватели должны также строго слѣдовать и методамъ, указаннымъ въ объяснительныхъ къ программамъ запискахъ (уставы съ разъясн. постан., стр. 26, 143). Методы эти преподаются кромѣ того въ цирк. указахъ св. синода (уставы, стр. 168—176), и такимъ образомъ получается, такъ сказать, казенная методика. Преподавателямъ, наконецъ, указаны и учебники, по которымъ они должны вести преподаваніе. Если же учебникъ не удовлетворяетъ нѣкоторымъ требованіямъ программы, то для непремѣннаго выполненія ея преподавателю позволяется выдавать ученикамъ дополнительные записки, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднія были просмотрѣны ректоромъ и съ его разрѣшенія литографированы (уставы, стр. 26; циркуляръ № 1, стр. 1—2).

Всѣми такими распоряженіями центральное начальство опредѣляетъ своеобразную норму духовнаго просвѣщенія, необходимаго по его мнѣнію для будущихъ пастырей церкви. Не входя здѣсь въ оцѣнку этой нормы, мы не можемъ однако не замѣтить, что начальство видимо не довѣряетъ тѣмъ самымъ лицамъ, которые призваны быть проводниками его идей, и потому своими предписаніями старается такъ урегулировать ихъ дѣятельность, чтобы не оставалось мѣста ни для увлеченій или уклоненій отъ долга, ни для свободного твор-

чества, оригинальной, независимой педагогики. Въ своемъ стремленіи все регламентировать, всѣхъ опекать, начальство доходитъ даже до курьезовъ, обучая иногда преподавателей прямо азбучнымъ истинамъ. Напр., преподаватели, внушаетъ оно, при назначеніи урока должны обращать вниманіе на то, хорошо ли понять онъ учениками, а при прохожденіи курса должны заботиться о томъ, чтобы пройденное сохранялось въ памяти учениковъ (Уставы, стр. 27, 143); при спрашиваніи уроковъ отъ учениковъ они не должны выходить изъ предѣловъ хладнокровія и терпѣнія (уставы, стр. 148); при оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ баллами должны быть справедливыми (Уставы, стр. 70, 149). Впрочемъ, не надѣясь на преподавательскую справедливость, центральное управленіе затѣмъ подробно и точно выясняетъ, путемъ какихъ ариметическихъ дѣйствій слѣдуетъ выводить средніе баллы (уставы, стр. 72). Начальство хочетъ проникнуть даже въ частную жизнь преподавателей и ее не оставляетъ безъ своихъ регламентацій. Такъ, по приказанію начальства, преподаватели должны возможно часто являться къ богослуженіямъ въ ту церковь, куда ходятъ воспитанники (Уставы, стр. 101); затѣмъ, если преподавателю случится быть въ мѣстѣ общественаго собранія, то онъ не долженъ позволять себѣ азартныхъ игръ и вообще сопряженныхъ съ матеріальнымъ интересомъ (Цирк. № 7, стр. 2).

Окруживъ такимъ образомъ преподавателей всевозможными ограничительными предписаніями, начальство позаботилось и о томъ, чтобы эти предписанія непременно исполнялись. Для этого оно поставило надъ преподавателями особыхъ надзирателей въ лицѣ смотрителей и ректоровъ, вмѣнивъ послѣднимъ въ непремѣнную обязанность о всякой неисправности, а тѣмъ болѣе о неблагонадежности преподавателей немедленно доносить архіерею для исправленія провинившихся или даже для устраненія отъ службы (Уставы, стр. 10, 138).

Вслѣдъ за преподавателями начальство въ своемъ горделивомъ высокомеріи не питаетъ большого довѣрія и къ духовенству, и даже къ самимъ архіереямъ, и ихъ не оставляетъ безъ своего руководства. Такъ напр., духовенству внушаетъ-

ся, при избраніи изъ своей среды членовъ въ семинарскія правленія, соблюдать осмотрительность и избирать только вполне достойныхъ по своему образованію и образу жизни (уставы, стр. 35); очевидно, по мнѣнію центральной власти, духовенство само не можетъ дойти до этой простой истины. Центральное управленіе даже сомнѣвается, чтобы духовенство имѣло понятіе о томъ, что такое хорошія дѣти и что худыя, и какъ ихъ нужно воспитывать, а потому оно поручаетъ епархіальнымъ архіереямъ „разъяснять родителямъ воспитывающихся въ духовныхъ школахъ дѣтей, что дѣти, воспитанныя въ христіанскомъ благочестіи, приносятъ родителямъ чистыя радости и святое утѣшеніе, а дѣти нравственно неблагоустроенныя—скорбь и огорченія, и внушать имъ, чтобы они воспитывали дѣтей въ наказаніи и ученіи Господнемъ, строго наблюдая, чтобы въ дни праздниковъ они неопустительно присутствовали при богослуженіи церковномъ, помогали отцамъ своимъ въ исполненіи обязанностей церковнослуженія чрезъ прислуживаніе въ алтарѣ и клиросное чтеніе и пѣніе“. (Уставы, стр. 100). Но и послѣ такихъ разъясненій начальство все же не вѣритъ въ способность духовенства воспитывать своихъ дѣтей въ строго церковномъ духѣ. Поэтому оно воспрещаетъ отпуска воспитанниковъ духовныхъ семинарій и даже маленькихъ „приготовишекъ“ духовныхъ училищъ въ дома родителей на первую недѣлю великаго поста и требуетъ, чтобы всѣ учащіеся исполнили долгъ говѣнія и св. причастія непременно подъ наблюденіемъ инспекціи (Уставы, стр. 80, 154). Должно быть инспекція, по мнѣнію центральнаго начальства, компетентнѣе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей, чѣмъ отцы этихъ дѣтей—пастыри. Даже отпуская учениковъ на каникулы, необходимые въ школьной жизни, начальство не оставляетъ ихъ на попеченіи однихъ родителей, а создаетъ на этотъ случай особый институтъ бесплатныхъ субинспекторовъ въ видѣ благочинныхъ и на нихъ возлагаетъ наблюденіе за учениками, пока они находятся въ домахъ родителей (Уставы, стр. 69, 100). Неудивительно, что при такомъ недовѣріи къ духовенству, начальство совершенно устранило его отъ всякаго вліянія на учебно-воспитательное дѣло въ духовныхъ школахъ.

Архіереевъ центральное управление надѣлило довольно широкими полномочіями по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, но по своей привычкѣ во все вмѣшиваться и все регламентировать, оно не думаетъ, чтобы архіереи могли обходиться безъ дополнительныхъ циркулярныхъ разъясненій, и потому сочиняетъ не мало указовъ специально для архіереевъ. Указы эти имѣютъ въ виду не ограниченіе архіерейской власти, а подробное разъясненіе тѣхъ правъ и обязанностей, какія принадлежатъ архіереямъ по уставамъ духовныхъ школъ. Центральное управление очевидно подозреваетъ, что архіерей по какой либо причинѣ можетъ не воспользоваться во всей полнотѣ предоставленными ему правами, и для устранения этого неоднократно разъясняетъ, что именно онъ долженъ дѣлать, какъ главный начальникъ мѣстныхъ духовныхъ школъ, для вѣдшаго ихъ благоустройства (Уставы, стр. 100—102, 108—109. Цирк. № 5, стр. 8—12; Цирк. № 18, стр. 39).

Но больше всего ограниченій создано центральной властью для учениковъ, вслѣдствіе чего положеніе ихъ становится очень тяжелымъ. Два главныхъ врага, по мнѣнію начальства, окружаютъ питомцевъ духовныхъ школъ, это—книги и общество; и оно заботливо оберегаетъ ихъ отъ этихъ враговъ.—Книги свѣтскія, рассуждаетъ святѣйшій Синодъ, содѣйствуютъ больше разсѣянію и даже развращенію мысли (Цирк. № 10, стр. 2). Въ этомъ отзывѣ скрывается явное недовѣріе къ свѣтскимъ книгамъ, страхъ предъ ними, какъ смущающими духовныхъ питомцевъ, возбуждающими ихъ пытливую мысль. Въ борьбѣ съ такимъ зловреднымъ элементомъ начальство не стѣсняется и поступаетъ довольно рѣшительно. Въ духовныхъ семинаріяхъ оно прямо воспрещаетъ выписывать въ ученическія бібліотеки газеты и журналы, кромѣ одобренныхъ (Уставы, стр. 77—78), и даже въ академіяхъ требуетъ закрытія студенческихъ читаленъ съ періодическими изданіями (Цирк. № 10, стр. 3).

Но какіе журналы одобрены, этого мы не знаемъ, достоверно только то, что ни одинъ изъ серьезныхъ свѣтскихъ журналовъ не удостоился одобренія духовнаго начальства. Воспретить выписку въ семинарскія бібліотеки всѣхъ свѣт-

скихъ книгъ было бы дико; центральное управление этого и не воспрещаетъ явно, но оно принимаетъ мѣры къ тому, чтобы уберечь учениковъ отъ книгъ, якобы не соотвѣствующихъ задачѣ и цѣли духовнаго образованія. Для этого центральное управление прежде всего само старается указать книги, какія могутъ быть приобретаемы въ школьныя бібліотеки и какія должны быть изъяты изъ нихъ (Цирк. № 1, стр. 9—26, цирк. № 3, стр. № 19—27). Правда, центральное духовно-учебное управление не задается цѣлью цензурировать съ точки зрѣнія пользы для духовныхъ школъ всѣ свѣтскія книги и затѣмъ издавать индексы запрещенныхъ и дозволенныхъ книгъ. Очевидно, такая задача не подлѣ силу центральному управленію, а можетъ быть оно вообще не сочувствуетъ такой специальной цензурѣ. Какъ бы то ни было, но самъ святѣйшій Синодъ повѣдалъ намъ (Циркуляръ № 18, стр. 1—2), что учебный комитетъ разсматриваетъ только тѣ книги, которыя соблаговолятъ прислать къ нему авторы или издатели. Значитъ, въ рекомендаціи учебнымъ комитетомъ книгъ нѣтъ опредѣленной системы, нѣтъ самостоятельнаго выбора, и книги одобряются случайно, только тѣ, съ которыми могъ познакомиться учебный комитетъ по волѣ издателей и авторовъ. И если бы послѣдніе согласились вдругъ ничего не посылать въ учебный комитетъ, то пожалуй ни одна книга не удостоилась бы отъ него одобренія. Такимъ образомъ, рекомендація книгъ учебнымъ комитетомъ существуетъ болѣе для престижа власти, потому что неудобно же, чтобы центральная власть совершенно упустила изъ своихъ рукъ такой могущественный факторъ школьнаго образованія, какъ книги. И она дѣйствительно ежегодно отмѣчаетъ въ своихъ циркулярахъ одобренныя для школьныхъ бібліотекъ книги, но это только капля въ книжномъ морѣ. Сознвая свое безсиліе объять необъятный міръ литературы и науки, центральное управление за то строго наказываетъ ближайшимъ начальникамъ духовныхъ школъ не пропускать въ бібліотеки ни одной книги безъ своего разрѣшенія и точно устанавливаетъ порядокъ пріобрѣтенія книгъ въ бібліотеки. Книга рекомендуется наставникомъ, затѣмъ разсматривается педагогическимъ собраніемъ и, наконецъ, утверждается на-

чальствомъ; вообще же ни одна книга не поступаетъ въ библіотеки, если содержаніе ея неизвѣстно начальствующимъ лицамъ и наставникамъ (Уставы, стр. 43, 78, 153). Правилами этими создается какой-то безвыходный кругъ. Съ одной стороны нельзя выписывать книгу, содержаніе которой неизвѣстно наставнику, и съ другой—наставникъ не можетъ знать въ подробностяхъ ея содержаніе, пока она не выписана, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ. И если бы этими правилами руководствоваться во всей строгости, то рѣдкія книги удостоились бы попасть въ семинарскія или училищныя библіотеки. Но вотъ послѣ долгихъ мытарствъ книга оказалась въ фундаментальной библіотекѣ. Не думайте, что ее легко оттуда достать. Центральное управленіе словно боится, что интересная книга станетъ предметомъ любознательнаго увлеченія учениковъ и для охлажденія этого увлеченія создаетъ рядъ затрудненій въ получении книгъ изъ фундаментальной библіотеки. Такъ, чтобы получить книгу, ученикъ долженъ сначала заявить объ этомъ наставнику, къ предмету котораго относится требуемая книга; затѣмъ, наставникъ письменно сообщаетъ свое разрѣшеніе библіотекарю (Уставы, стр. 68), но предварительно такое разрѣшеніе контролируется ректоромъ (Уставы, стр. 77), и только послѣ всего этого ученикъ является въ библіотеку за книгой. Понятно, что не у всякаго ученика хватитъ смѣлости и терпѣнія пройти всю эту процедуру. Да при томъ, когда же и читать-то? По распоряженію центрального начальства ученики въ часы обязательныхъ занятій должны учить уроки и могутъ читать только тѣ книги, которыя относятся къ даннымъ урокамъ или темамъ для сочиненій, и лишь въ свободное время дозволяется почитать книги изъ ученической библіотеки или, по рекомендаціи начальства и наставниковъ, изъ фундаментальной (Уставы, стр. 78). Но въ свободное-то время, которое начинается послѣ ужина, ученикамъ всего естественнѣе отдохнуть отъ продолжительной умственной работы и заняться уже не книгами, а какимъ либо развлеченіемъ. Такъ въ дѣйствительности обычно и бываетъ. Такимъ образомъ, благодаря попечительности внимательнаго начальства, при условіи, конечно, точнаго испол-

ненія его предписаній, семинаристъ является вполнѣ обезопасеннымъ отъ своего перваго главнаго врага—свѣтскихъ книгъ.

Не менѣе заботливо оберегаетъ начальство бѣдныхъ учениковъ духовныхъ школъ и отъ второго врага—общества. Различіе заключается только въ приемахъ: тамъ начальство боролось съ самимъ врагомъ и его старалось не допускать до учениковъ, здѣсь же оно оперируетъ надъ учениками и ихъ хочетъ удалить отъ общества. Для этого оно поступаетъ вполнѣ радикально; оно просто требуетъ, чтобы ученики сидѣли въ интернатахъ и не смѣли никуда отлучаться безъ спроса инспекціи. „Всякія отлучки учениковъ изъ общежитій въ учебные дни, говоритъ святѣйшій Синодъ, хотя бы во время свободное отъ учебныхъ занятій, отнюдь не должны быть допускаемы безъ особо уважительныхъ причинъ и безъ особаго каждый разъ разрѣшенія инспекціи“ (Уставы, стр. 83). Для учениковъ открывался одинъ, повидимому, безобидный путь общенія съ внѣшнимъ міромъ—это участіе въ разныхъ благотворительныхъ, гимнастическихъ и другихъ обществахъ. Но центральное управленіе послѣшило закрыть и этотъ путь подъ тѣмъ предлогомъ, что участіе въ подобныхъ обществахъ можетъ сопровождаться неблагоприятными въ педагогическомъ отношеніи послѣдствіями и вообще не соответствуетъ матеріальному и общественному положенію воспитанниковъ (Цирк. № 17, стр. 5).

Благодаря такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, питомецъ духовной школы оказывается заключеннымъ въ тѣсныхъ стѣнахъ школьныхъ зданій. Но и здѣсь начальство не оставляетъ его на свободѣ. Оно изгоняетъ отсюда все то, что носитъ характеръ общественности, объединенія, корпоративности, воспрещая воспитанникамъ устраивать литературно-музыкальные вечера (Уставы, стр. 81), товарищескій судъ (Уставы, стр. 10), ссудную кассу (Уставы, стр. 4), участвовать въ чествованіяхъ, носящихъ публичный характеръ (Уставы, стр. 82—83). Какъ будто начальство хочетъ сказать воспитанникамъ: живите вмѣстѣ, но дѣйствуйте врозь, каждый для себя. Самый порядокъ этихъ дѣйствій строго опредѣленъ. Въ общихъ чертахъ онъ указанъ центральнымъ управлені-

емь (Уставы, стр. 79—82, 153—156); подробное же и точное распределение ученической жизни предоставлено правлениям семинарий и училищ, которые составляют для этого особые правила (п. 19 § 103 уст. сем., § 98 уст. учил.). Впрочем, центральному управлению не чуждо желание и эти правила привести к единообразию. Так, пять лет тому назад от всех семинарий и училищ были затребованы в учебный комитет действующие на местах ученические правила. Но, ознакомившись с ними, учебный комитет должен был убедиться в химеричности своей попытки устроить одинаковый образ жизни во всех духовно-учебных заведениях. По крайней мере до сих пор что-то не слышать, чтобы комитет привел в исполнение свое намерение.

Вот вкратце деятельность центрального начальства по управлению духовно-учебными заведениями. Соединяя вместе все подобные бумажные труды духовно-учебной бюрократии, мы получим довольно солидные томы. И это касается только печатных трудов, а то, что хранится в архивах, наверное составляет целая горы. Что же дает видимо кипучая и неустанная работа высшей учебной бюрократии для духовных школ?

Школа больше, чем всякое другое учреждение, нуждается в живых, свободных, творчески-продуктивных деятелях. Все благосостояние школы зависит от качества преподавателей, от их энергии, способностей, умственного богатства, высоты их духовной личности. Чтобы поднять школу, надо прежде всего возвысить самих преподавателей, поставить их в такие условия, чтобы они могли свободно работать и, уча других, сами в то же время развиваться и усовершенствовать свои приемы обучения. Между тем духовно-учебная бюрократия поступает как раз наоборот. Она прежде всего унижает преподавателей своим недоверием к ним. Бюрократия эта, как мы видим, действует вполне независимо и с высоты своего начальственного вели-

чия прямо игнорирует многочисленную учащую корпорацию. Она не позволяет преподавателям устраивать съезды, на которых они могли бы обсуждать нужды духовной школы, намечать их разрешение и вообще высказывать свои *ria desideria*. Она никогда не предлагает на предварительное обсуждение всей коллегии преподавателей свои проекты о духовной школе, никогда не спрашивает их мнения по тем или другим школьным вопросам. Она все делает самостоятельно, а на долю преподавателей оставляет одно — подчиняться и исполнять начальственные предначертания. Мало того, мы видим, что центральная бюрократия поставила преподавателей даже под надзор ближайших начальников духовной школы — смотрителей и ректоров. Какойнибудь смотритель духовного училища является как бы директором департамента, а училищные наставники — его подчиненными, обязанными следовать его указаниям, выслушивать его замечания и даже подвергаться его секретным доносам. Целая корпорация преподавателей под постоянным надзором одного лица. Положение еще больше ухудшается тем, что против злостных наветов такого начальственного лица преподаватели почти бессильны, так как доносы пишутся обычно конфиденциально, оглашению не подлежат и известны бывают больше по своим прискорбным последствиям. Можно ли после этого еще больше унижить преподавателя? Он живет под постоянной угрозой со стороны своего ближайшего начальника. Он заранее подозревается в какой-то неблагонадежности; он человек подневольный и даже поднадзорный. Какое же может быть при этих условиях творчество и оригинальность в преподавании, откуда преподаватель может почерпнуть воодушевление и энергию на своем тернистом пути? Между тем, высшее начальство, проникнутое недоверием к целой корпорации учащихся, в то же время грешит непомерным самонадеянием. Оно воображает себя способным вполне урегулировать всю школьную жизнь. И мы видим, что своими циркулярами оно пытается обнять все стороны духовно учебного дела, все определить, на все дать руководственное указание. Этой подробной регламентацией школьной жизни начальство окончательно

убиваетъ всякую инициативу, самодѣтельность, свободный творческой починъ у духовныхъ педагоговъ. Они поневолю должны дѣйствовать не такъ, какъ нужно, какъ было бы желательно при данныхъ условіяхъ, а какъ приказано начальствомъ. Поэтому въ ихъ дѣятельности все мертво, шаблонно, формально. И духовная школа является такъ сказать, бездушной, безыдейной школой. А съ такой школой менѣе всего могутъ мириться юные питомцы съ ихъ идеальными порывами.

Протестуютъ учащіеся, но не думайте, чтобы сами наставники были вполнѣ довольны своимъ рабскимъ положеніемъ. Пока въ нихъ теплится искра идеала и сердце дышетъ любовью къ дѣтямъ, они испытываютъ глубокий внутренній разладъ, который дѣлаетъ ихъ прямо мучениками. Въдѣ обязательныя для педагоговъ предписанія центрального начальства носятъ часто явно нелѣпный, ретроградный характеръ, особенно по воспитательной части. Вся сущность выработанной бюрократіей педагогики сводится къ тому, чтобы держать учениковъ взаперти, вдали отъ современной жизни, общества и вообще всего, что можетъ смутить ихъ односторонне, архаически развиваемую мысль. И вотъ духовному педагогу приходится трудиться надъ такимъ дѣломъ, которому онъ въ душѣ не сочувствуетъ и противъ котораго быть можетъ даже возмущается. Онъ принужденъ раздваиваться, быть неискреннимъ, лицемерить: думать одно, а дѣлать другое. Этотъ разладъ тяжелымъ камнемъ ложится на сердце педагоговъ. Смѣлыхъ изъ нихъ онъ влечетъ къ протестамъ, къ реформѣ установившагося режима. Но энергіи на такой протестъ хватаетъ не надолго: сила вещей заставляетъ ихъ или уступить, съ горькимъ сознаніемъ разбитой, неудавшейся жизни, или оставить поле битвы, уйдя въ другое вѣдомство.

Въ общемъ, положеніе какъ педагоговъ, такъ и питомцевъ духовной школы очень тяжелое: тѣмъ и другимъ здѣсь душно, тѣсно. Придавленные бюрократическимъ колпакомъ они всѣ въ большей или меньшей степени рвутся на свободу, къ свѣту, жаждутъ новой жизни, новаго строя духовной школы, всѣ желаютъ неизбежной и коренной ея реформы. — Вотъ къ чему привело продолжительное бюрократическое управленіе ду-

ховными школами. Такой результатъ, при всей его неутѣшительности, имѣетъ одну добрую сторону: онъ указываетъ путь для реформы духовной школы. Школа эта должна быть реформируема не снизу, а сверху, потому что пока существуетъ теперешній бюрократическій строй въ управленіи духовной школой, никакія частныя преобразованія ея не могутъ возродить ее къ жизни.

У. А.

Записки семинариста*

Олимпъ.

Зевсъ, Аполлонъ и другіе боги населяли древній Олимпъ; — ректоръ, инспекторъ и преподаватели возсѣдаютъ на нашемъ Олимпѣ.

Нашъ ректоръ архимандритъ Андрей человѣкъ очень почтенный, важный. Правда, его небольшая фигура, словно проглотившая аршинъ, продолговатое лицо съ непропорционально большимъ овальнымъ лбомъ, чисто русскимъ широкимъ носомъ, не производитъ впечатлѣнія олимпійца, а отражаетъ только важность и внутреннее достоинство. Важность выражается также и въ рѣчи о. ректора: говорить онъ рѣдко и тяжеловѣсно, хотя главная причина здѣсь заключается въ особомъ физиологическомъ устройствѣ его губъ, которыми онъ, какъ говорятъ у насъ, „шлепаеть“. Вообще, въ фигурѣ, рѣчи, походкѣ у нашего ректора

* Когда я былъ въ 5 кл. семинаріи (въ 1894 г.), мы издавали класный журналъ. Просуществовалъ онъ очень недолго за недостаткомъ переписчиковъ, но у меня сохранилась тетрадь съ „материалами“. Эта тетрадь послѣ прекращенія журнала какъ бы замѣнила его собою. Все, что представляло интересъ съ точки зрѣнія семинариста въ нашей жизни, заносилось въ эту тетрадь. Разумѣется, въ матеріалахъ жизнь отражалась довольно односторонне, рисовались отрицательныя черты семинарскаго уклада, но, при несоотвѣтствіи дѣйствительности смутно чувствуемому нами идеалу, это было вполне естественно и психологически понятно. Часть этихъ матеріаловъ и предлагаю въ „запискахъ“.

мало олимпійскаго. Олимпійность у него, такъ сказать, внутренняя. Онъ старается держать на высотѣ свой авторитетъ недоступностью для воспитанниковъ. Его такъ же трудно увидеть, какъ турецкаго султана. Онъ выходитъ изъ своихъ „покоевъ“, ужасно стуча большими сапогами, только на урокъ, да въ церковь. Звукъ ректорскихъ сапоговъ всѣмъ извѣстенъ и, слышавъ ихъ издали, семинаристы стараются уклониться отъ пріятной встрѣчи, хотя отлично знаютъ, что при встрѣчѣ ректоръ ничего не скажетъ и даже не посмотритъ. Удостоиваетъ о. ректоръ воспитанниковъ своимъ разговоромъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, большею частію по случаю крупныхъ проступковъ, дошедшихъ до его свѣдѣнія. Воспитанника, съ которымъ онъ хочетъ говорить, вызываютъ обыкновенно къ нему въ покои. При разговорѣ съ воспитанниками ректоръ старается внушить къ себѣ уваженіе. „Молчать, когда съ вами разговариваютъ“, рѣшительно заявляетъ онъ. Вообще, о. Андрей придерживается того взгляда, что воспитанникамъ „не должно смѣть свое сужденіе имѣть“, нужно слушаться, а не разсуждать. „Не забываетесь, передъ кѣмъ вы стоите“, говоритъ о. ректоръ, замѣтивъ, что воспитанникъ держитъ руки не по швамъ. Однажды ректоръ призываетъ воспитанника. „Разскажите мнѣ обстоятельно, говоритъ о. ректоръ, какъ было дѣло?“ Дѣло шло объ оскорбленіи классомъ надзирателя. Воспитанникъ попалъ не изъ робкаго десятка; желая выяснить сущность дѣла, онъ началъ такъ: „Видите-ли, о. ректоръ, тутъ виноваты обѣ стороны ..“ — „Вы забываетесь, прервалъ его ректоръ, помните, предъ кѣмъ вы стоите!“ — Такъ воспитаннику и не удалось объясниться по душамъ. Справедливость требуетъ сказать, что у нашего ректора есть и хорошія черты. Говорятъ, что, сидя одинъ въ своихъ громадныхъ покояхъ, онъ много занимается къ исполненію своихъ педагогическихъ обязанностей онъ относится крайне педантично. Приходитъ на урокъ вмѣстѣ со звонкомъ и, если опоздаетъ на 2 минуты, то непременно извинится. Знаетъ онъ, повидимому, свой „предметъ“ хорошо, но отъ этого намъ не легче; онъ, какъ и большинство нашихъ „преподавателей“, не умѣетъ преподавать. Урокъ его тянется скучно,

вяло и всё вздыхаютъ облегченно, когда звонокъ освобождаетъ отъ „отбыванія повинности“ по изученію св. писанія.

Подъ корою учености у нашего ректора замѣчено и трепетаніе сердца. Семинаристы, слышавшіе отъ него только сухія черствыя слова выговоровъ, сомнѣвались въ этомъ. Но теперь сомнѣніямъ положенъ конецъ: ректоръ оказался способнымъ плакать. Одинъ исключенный изъ 4-го класса, за излишнее усердіе по части служенія Бахусу, хотѣлъ поступить снова въ семинарію и держалъ экзаменъ въ 5 классѣ. Пробравшись черезъ лабиринтъ всякихъ наукъ благополучно, поклонникъ Бахуса провалился по философіи. Просить прибавить баллъ у преподавателя философіи — онъ зналъ, совершенно безнадежно, такъ какъ тотъ, на всякое обращеніе къ нему воспитанниковъ, неизмѣнно отвѣчалъ классической фразой: „я съ вами не разговариваю“ или: „я васъ не замѣчаю“... Несчастный обратился за совѣтомъ къ А., единственному почти преподавателю, снисходившему до общенія съ учениками. „Посоветуйте, что мнѣ дѣлать?“ Тотъ принялъ, какъ всегда, участіе и говоритъ: „въ 5-мъ классѣ, я знаю, есть одна свободная стипендія; вы пойдите къ ректору и упросите его принять; объясните хорошенько свои домашнія обстоятельства.“ — „Да! отвѣчаетъ тотъ, развѣ его упростишь; вѣдь, знаете нашего о. ректора!..“ — „Ничего, вы расплачьтесь хорошенько, онъ совсѣмъ не перевариваетъ слезы!“ Пришелъ, по совѣту А., нашъ воспитанникъ къ ректору и горько расплакался, прося принять его въ семинарію, и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовалъ свое безпомощное положеніе. Слушалъ, слушалъ его ректоръ, наконецъ, не выдержалъ — усадилъ съ собою, чего никогда не дѣлалъ, и самъ расплакался. Сидятъ другъ противъ друга и плачутъ. Умилительная картина... Плакали довольно долго. Въ концѣ концовъ ректоръ сталъ утѣшать воспитанника и, когда немного тотъ успокоился, онъ заявилъ рѣшительно, что его просьбу всетаки не можетъ удовлетворить. Тутъ нашъ ректоръ сразу обнаружилъ и чувствительность сердца, способнаго отзываться на несчастье ближняго, и непреклонность характера и воли.

Вотъ еще одинъ случай, свидѣтельствующій о томъ, что въ нашемъ почтенномъ начальникѣ мирно уживаются самыя несомнѣвимыя добродѣтели. Я уже говорилъ объ учености нашего ректора. Эта ученость, однако, не мѣшаетъ ему преклоняться передъ мудростью народныхъ суевѣрій и спокойно уживается съ смиренной вѣрой въ дурное значеніе числа 13-ть. Обнаружилъ эту добродѣтель нашего уважаемаго ректора такой случай. Къ концу уроковъ или вечернихъ занятій въ нашихъ классахъ дѣлается такъ душно, что дышать приходится одной углекислотой. Въ виду этого нѣкоторые изъ учениковъ стали проситься у ректора уходить изъ класса на время вечернихъ занятій въ столовую. Наиболѣе благонадежнымъ ректоръ разрѣшалъ. Съ подобною же просьбой обратился къ ректору одинъ воспитанникъ. — „А сколько сейчасъ народу занимается въ столовой?“, спросилъ ректоръ. — „Двѣнадцать человѣкъ“, отвѣтилъ воспитанникъ. — „Двѣнадцать! сказали многозначительно ректоръ, съ вами значитъ будетъ 13-ть, а 13-ть число нехорошее... Пришлите еще товарища и тогда можете идти!“ Хорошій человѣкъ нашъ о. ректоръ и не даромъ воспитанники зовутъ его „папашей“...

Мягко стелеть, да жестко спать.

Мягко стлалъ Василій Михайловичъ, а спать было жестко. Впрочемъ, онъ, вѣдь, лиса извѣстная, какъ его называютъ у насъ. Однако, позвольте вамъ его представить: В. М. былъ у насъ инспекторомъ и преподавалъ евангелія въ 5-мъ классѣ, изъ которыхъ онъ успѣвалъ пройти за годъ только евангеліе отъ Маттея. Кромѣ евангелія, онъ съ такимъ же успѣхомъ преподавалъ пѣніе; при этомъ, по составленнымъ имъ самимъ запискамъ по теоріи пѣнія всегда, какъ говоритъ преданіе, проходилъ съ учениками только двѣ первыя страницы; справедливость преданія повидимому, подтверждается, такъ какъ большинство литографированныхъ записокъ В. М. по теоріи пѣнія не были разрѣзаны далѣе 3-ей страницы. Свою карьеру онъ составилъ тѣмъ, что юлилъ передъ высшимъ начальствомъ и лисилъ передъ воспитанниками. За свою лисиную

натуру В. М. былъ выжить послѣдними изъ семинаріи, а начальствомъ, въ награду за долгую, полезную дѣятельность на поприщѣ духовнаго просвѣщенія, назначенъ смотрителемъ дух. училища. Внѣшность В. М. не говоритъ ни за, ни противъ него, а его небольшіе, бойко бѣгающіе глаза обнаруживаютъ даже остроту ума. В. М. умѣетъ каждаго очаровать своимъ обхожденіемъ. — „Что за человѣкъ, говорятъ обыкновенно, увидавшіе его въ первый разъ, вотъ душа то, такой ласковый, привѣтливый“. Пройдетъ нѣсколько времени и тотъ же господинъ говоритъ: „что за чортъ, вотъ дьяволь-то, вотъ лиса-то!“.. Попадется—у насъ говорятъ: „влупится“ — ктонибудь В. М.—чу, призоветъ онъ его въ кабинетъ, пожуритъ ласково, успокоитъ насчетъ послѣдствій и отпуститъ съ миромъ; черезъ мѣсяцъ В. М. приходитъ, по обычаю, въ классъ объявлять баллы. — „За что же мнѣ три поведенію?“ спрашиваетъ, недоумѣвая, воспитанникъ. — „Ну вотъ, за что?“ говоритъ, весело улыбаясь, В. М. и ласково добавляетъ: „какъ будто сами не знаете!“.. — Раздраженные постоянной любезностью инспектора, воспитанники рѣшили его выжить изъ семинаріи. Выживать В. М. семинаристы стали совсѣмъ бурсацкимъ способомъ: камни по вечерамъ полетѣли въ окна его квартиры, въ спальнѣ гасили огонь во время его прихода и начинали бомбардировать его подушками; въ столовой освистывали его, стучали ногами, тарелками; пресса тоже не бездѣйствовала, создавая настроеніе и подогрѣвая страсти: сатиры, стихи, пасквили, каррикатуры появлялись въ разныхъ мѣстахъ по адресу инспектора. И какъ ни хитрилъ и ни юлил онъ, а пришлось ему уйти изъ семинаріи. На мѣсто В. М. прислали для усмиренія разбушевавшихся семинаристовъ свирѣпаго монаха Геронтія: ну, этотъ жестко стелеть и жестко спать. Только и ему не пришлось долго свирѣпствовать: и его постигла участь В. М.. И, стало-быть, напрасно злорадствовалъ изящнѣйшій Павелъ Ивановичъ, когда, по случаю пріѣзда о. Геронтія на мѣсто В. М., читалъ ученикамъ басню: „Лягушки, просящія царя“...

Казань въ рясахъ.

Геронтій былъ монахъ: это примите къ свѣдѣнію. Роста онъ былъ довольно высокаго, грудь имѣлъ богатырскую; по этому поводу онъ иногда не безъ самодовольства говорилъ про себя: „сила Божія въ немощи проявляется; не отъ скоромной пищи зависитъ здоровье-то“... Смѣлая походка и пронзительный взглядъ обнаруживали недюжинную энергію. И дѣйствительно, о. Геронтій былъ человѣкъ несомнѣнно недюжинный. Говорятъ, что онъ пошелъ въ монахи, увлекшись Алешей Карамазовымъ Достоевскаго, другіе говорятъ, что онъ надѣлъ рясу для карьеры, — чтобы попасть въ архіереи. Можетъ быть справедливо и второе мнѣніе, но первое кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Геронтій былъ человѣкомъ вѣрующимъ и убѣжденнымъ, хотя, надо признаться, онъ не смѣшилъ воплощать въ жизнь свои убѣжденія.

Появленіе о. Геронтія въ семинаріи и первые шаги его инспекторской дѣятельности произвели сильное впечатлѣніе на семинаристовъ. Его энергія показалась имъ опасной: они испугались за свою свободу. Скоро одно качество о. Геронтія пріобрѣло ему массу враговъ; это — страсть къ реформамъ. Реформаторство было присуще дѣятельной натурѣ инспектора и онъ началъ реформы съ плеча и чисто петровски, — съ мелочей: заставилъ чинно выходить изъ церкви, стоять не прислоняясь и не разговаривая и т. п. Не помогало Геронтію и то, что онъ стремился къ сближенію съ воспитанниками, къ отеческому общенію съ ними: приходилъ въ классъ, шутилъ, дружески разговаривалъ, рассказывалъ про свою жизнь; на него смотрѣли, какъ на волка въ овечьей шкурѣ, и не довѣряли его рѣчамъ. Съ теченіемъ времени недовольство противъ Геронтія все усиливалось. У него появилось много личныхъ враговъ, готовыхъ бороться съ нимъ не на животь, а на смерть за остатки свободы семинаристовъ. Начались противъ него всевозможныя каверзы, только дразнившія его. Расправлялся онъ съ своими противниками жестоко: одного изъ нихъ, по подозрѣнію въ написаніи ему ано-

нимнаго письма, — какъ достовѣрно извѣстно, неосновательному, — онъ продержалъ 2-е сутокъ въ карцерѣ и далъ „тройку“ по поведенію.

— „Ну, каковъ вашъ новый инспекторъ“? спрашивали у семинаристовъ — „Подлецъ“! категорически отвѣчали тѣ. Обычные протесты не оказывали дѣйствія на Геронтія, нужно было выдумать что-нибудь посильнѣе. Стали изобрѣтать. А между тѣмъ Геронтій за это время успѣлъ снискать себѣ популярность среди преподавателей, сдѣлавшись душою ихъ общества. Онъ у всѣхъ бывалъ и всѣхъ очаровывалъ, особенно дамъ. По его инициативѣ преподаватели купили лодку сообща для катанья и вообще стали сближаться, устраивать собранія, пирушки, на которыя выползали изъ своихъ раковинъ. Но по мѣрѣ того, какъ Геронтій пріобрѣталъ симпатіи преподавателей и особенно ихъ женъ и даже мѣстныхъ дамъ — его поклонницъ, нерасположеніе къ нему воспитанниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Болѣе всего подрывало уваженіе воспитанниковъ къ о. Геронтію то обстоятельство, что слово у него постоянно расходилось съ дѣломъ. Въ личной жизни онъ не осуществлялъ того, что требовалъ отъ воспитанниковъ. А главное, онъ былъ монахъ. Какъ умильно-благодетельно онъ крестился, входя въ церковь, какъ горячо онъ клалъ земные поклоны отъ избытка религиозныхъ чувствъ; съ какимъ воодушевленіемъ объяснялъ онъ на урокахъ евангеліе, — казалось, евангельскія истины глубоко проникли въ его сердце и укрѣпились тамъ непоколебимо; какъ энергично Геронтій доказывалъ воспитанникамъ необходимость соблюденія постовъ, строго запрещая ходить на молочную ферму пить молоко, что было въ обычаѣ; какъ горячо онъ и въ церкви и въ личной бесѣдѣ проповѣдывалъ воспитанникамъ нравственныя, христіанскія истины, — а, между тѣмъ, самъ, какъ было хорошо извѣстно семинаристамъ, часто разрѣшалъ себѣ кушать скоромную пищу, не прочь былъ даже искусственно повеселить сердце на вечеринкахъ преподавателей и возвращался оттуда въ приподнятомъ настроеніи; очень любилъ общество дамъ и не только не избѣгалъ многочисленныхъ поклонницъ, но его иногда можно было видѣть — къ соблазну семинаристовъ — играющимъ съ ними въ догонялки,

на лугу за монастыремъ, куда, вопреки обычаю, семинаристамъ ходить было запрещено Геронтіемъ. Общественное сознаніе семинаристовъ возмущалось; въ поведеніи Геронтія оно находило нравственную опору для своего протеста. Геронтію старались досадить на каждомъ шагѣ, не принимая ничего въ расчетъ и не гнушаясь никакими средствами.

Безъ $\frac{1}{4}$ въ 10 часовъ вечера пробились звонокъ на общую молитву. Воспитанники, шутя и разговаривая, толпами входили въ церковь. Говоръ и смѣхъ продолжались здѣсь. Благотворнѣя, свойственнаго мѣсту, не замѣтно. Да это и естественно. По-моему, воспитанники, которыхъ утомили, замучили, задержали вѣчными требованіями выполнять свои религиозныя обязанности, вполне выстрадали себѣ право относиться къ исполненію этихъ обязанностей, созданныхъ іезуитской педагогикой, совершенно отрицательно. Утомительно долго шла молитва, наконецъ, кончилась. Воспитанники прогремѣли троекратно: „Господи помилуй“ и стремительно ринулись изъ церкви, предвкушая сладкій сонъ. Но въ дверяхъ ихъ остановилъ неожиданно Геронтій, объявляя, что онъ сейчасъ намѣренъ по новому плану разставить воспитанниковъ въ церкви. Затѣя Геронтія произвела на многихъ очень неприятное впечатлѣніе. Во первыхъ, это была реформа; во вторыхъ, всѣмъ хотѣлось спать, такъ какъ семинарскій учебный день довольно утомителенъ. Между тѣмъ Геронтій сталъ разставлять, заботясь о красотѣ, симметріи, о порядкѣ, начиная съ перваго класса. Разстановка шла медленно. Семинаристы ворчали про себя. Кто-то съ нетерпѣнія кашлянулъ. Сосѣдь, по инерціи должно быть, тоже кашлянулъ. Десятокъ, другой нарочно кашлянули и вдругъ закашляла вся церковь — громко, дружно; продолжать работу было невозможно. Возмущенный Геронтій сначала было раскричался, но это не помогло; какъ только онъ переставалъ говорить, въ разныхъ углахъ большого темнаго церковнаго зала снова начинался кашель, волной разливавшійся кругомъ. Видя, что ничего не выходитъ, Геронтій уступилъ и кончилъ разстановку.

У насъ былъ обычай, — за обѣдней, во время великаго выхода, когда служащіе іереи произносили: „начальствующихъ, учащихъ и учащихся да помянетъ Господь Богъ во царствіи

Своемъ "..., воспитанники отвѣчали въ полголоса: „священство (или монашество или архимандритство) твое да помянетъ Господь Богъ"... Гуль проходилъ по церкви, смущая постороннихъ богомольцевъ. Этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ воспользоваться одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ враговъ Геронтія, подговоривъ всѣхъ молчать во время великаго выхода, чтобы не только досадить самому Геронтію, но и обратить вниманіе постороннихъ на отношеніе къ нему воспитанниковъ, — тѣмъ болѣе, что Геронтій любилъ говорить, что держитъ семинаристовъ въ рукахъ: „вотъ какъ“, — показывалъ онъ, сжимая, кулакъ. Былъ воскресный день. Шла обѣдня. Воспитанники стояли по своимъ мѣстамъ, перешептывались; стояшіе у оконъ смотрѣли на прохожихъ. Вотъ на амвонѣ появились со святыми дарами въ предшествіи учениковъ свѣченосцевъ о. Геронтій, духовникъ и дьяконъ — сербъ. Золотые лучи весенняго солнца, проникая сквозь окна церкви, играли на блестящихъ ризахъ священнослужителей. Въ церкви было много посторонняго народа, приходившаго сюда, кто изъ-за пѣвчихъ, кто — преимущественно дамы — изъ-за Геронтія. Послѣдній, по обычаю, громогласно провозгласилъ: „начальствующихъ, учащихся и учащихся“, но.... къ удивленію публики обычнаго жужжания и гула въ рядахъ воспитанниковъ не послѣдовало: въ церкви царило зловѣщее, гробовое молчаніе. Говорятъ, этотъ случай такъ повліялъ на Геронтія, что онъ нѣсколько дней потомъ не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Но за то, когда появился, — сталъ свирѣпствовать еще съ большею силою. Семинаристы, съ своей стороны, видя, что еще далеко не докончили о. инспектора, изобрѣтали все новые и новые приемы борьбы. Болѣе горячія головы предлагали радикальныя мѣры: забраться ночью къ нему на квартиру и выпоротъ, но подобные проекты не встрѣчали сочувствія, вѣроятно, только въ виду трудности ихъ выполнения. Между тѣмъ пятикласники придумали новый родъ мести. Ихъ классъ находился какъ разъ надъ квартирой инспектора. Изъ-за шума, который производили пятикласники, и особенно изъ-за танцевъ у нихъ выходили съ Геронтіемъ непріятности; кончилось дѣло тѣмъ, что Геронтій разрѣшилъ воспитанникамъ, помѣщавшимся надъ его квартирой, танцы, а не „чертоплясье“. Теперъ же,

въ острый періодъ борьбы съ инспекторомъ, воспитанники 5-го класса рѣшили не больше не меньше, какъ проломить потолокъ въ инспекторской квартирѣ. Для этого, собравшись въ классъ послѣ ужина, они подняли на воздухъ нѣсколько тяжеловѣсныхъ партъ и разомъ бросили ихъ на полъ. Черезъ нѣсколько секундъ въ классъ влетѣлъ взбѣшенный инспекторъ, но въ классѣ никого не оказалось: всѣ ученики, какъ это и было въ обычаѣ у насъ, расхаживали по корридорю, пользуясь свободнымъ временемъ. Геронтій потребовалъ къ себѣ дежурнаго, на котораго хотѣлъ взвалить ствѣтственность за событіе въ его классѣ; но въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ дежурнымъ, словно громъ прокатился по квартирѣ инспектора и потолокъ, готовый разрушиться, вздрогнулъ. Геронтій выбѣжалъ въ корридоръ. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ изъ семинаріи и — къ удовольствію воспитанниковъ — больше не возвращался. На его мѣсто пріѣхалъ тоже монахъ — о. Нафанаиль.

Пещерножитель и скромный мечтатель.

О. Нафанаиль являлся полною противоположностью о. Геронтію. Это — лѣто и зима. Самую отличительною чертою характера новаго инспектора была безличность, какая-то неопредѣленность. Въ немъ буквально не было ничего особеннаго, оригинальнаго, выдающагося. Даже внѣшность у него была какая то сѣрая: ничего нельзя отмѣтить въ ней особеннаго, никакихъ особыхъ примѣтъ. Совершенно безслѣдно и незамѣтно прожилъ онъ годъ въ семинаріи и, когда ушелъ, то всѣ сразу позабыли о немъ; да и вспомнить-то его было нечѣмъ: ни худа, ни добра, ничего онъ не сдѣлалъ семинаристамъ. Если же и осталась память о немъ, то только въ видѣ нѣсколькихъ анекдотовъ.

О. Нафанаиль очень некраснорѣчивъ. При объясненіи съ воспитанниками онъ обыкновенно за каждымъ словомъ лазилъ въ карманъ, а своимъ толкованіемъ евангелія нагонялъ такую скуку, что воспитанники для развлеченія начинали играть подъ партами въ карты, чего разумѣется Нафанаиль

не замѣчалъ. Случай, о которомъ я собираюсь вамъ рассказать, произошелъ во время всенощной, въ церкви. Шла всенощная. На хорахъ гремятъ пѣвчіе, не жалѣя своихъ легкихъ; громъ проносился по церкви и барабанныя перепонки молящихся дрожали, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нотахъ было показано *crescendo*, что на семинарскомъ языкѣ значило: „разнести“. Однажды пѣвчіе такъ „залѣпили“ *crescendo*, что вывели изъ молитвеннаго настроенія о. Нафанаила. Онъ рѣшился подняться на хоры и спросить, почему такъ кричать: „Должно быть у васъ, обратился онъ къ регенту, было въ нотахъ показано это... гм, гм... — Нафанаиль никакъ не могъ найти подходящаго слова, —э така штука“... и онъ показавъ, сложивъ руки, такой двусмысленный знакъ, что заставилъ дружно расхохотаться весь хоръ къ недоумѣнью публики.

Другой случай съ Нафанаиломъ произошелъ на почвѣ его незнанія семинарскаго быта и нравовъ. Воспитанники, преимущественно трехъ старшихъ классовъ, которые много ѣдятъ, мало занимаются и ничего, кромѣ игры въ карты, не дѣлаютъ (а такихъ добрыхъ 75%), подыскиваютъ себѣ въ первомъ или второмъ классѣ мальчиковъ, которые получаютъ названіе „симпатій“ и „смазей“. За симпатіями они начинаютъ ухаживать. Ухаживаніе выражается въ томъ, что съ этими симпатіями — смазами въ свободное время они шляются по корридору и, такъ какъ различіе въ лѣтахъ довольно велико для того, чтобы можно было вести товарищескую бесѣду, говорятъ всякую чепуху. А товарищи такихъ симпатій начинаютъ дразнить. Дѣло доходитъ до брани и порой кончается дракой. Однажды первокласникъ, выведенный товарищами изъ терпѣнья, „донесъ“ инспектору, что его товарищи дразнятъ „смазью“. Нафанаиль сказалъ, что разберетъ. Но слово „смазь“ было для него terra incognita. И вотъ, дернула его нелегкая за разъясненіемъ такого недоумѣннаго вопроса обратиться къ семинаристамъ. Приходитъ онъ въ классъ на урокъ и спрашиваетъ: „Господа! что значитъ слово: „смазь“? Комичнѣе вопроса нельзя было предложить. Всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ озадаченному Нафанаилу. И долго потомъ смѣялись по поводу этого: „что значитъ смазь?“. Больше отъ Нафанаила не осталось ничего въ памяти семинаріи. Это былъ пещерно-

житель по своему призванію, прихотью высшаго начальства, играющаго для забавы семинаріями, назначенный на административно-педагогическій постъ. Тюлень или моржъ, заброшенные въ африканскіе пески, чувствовали бы себя больше у мѣста, чѣмъ Нафанаиль на инспекторскомъ посту.

Замѣнить Нафанаила „прислали“ снова молодого ученаго монаха — о. Павла. Этотъ, повидимому, тоже попалъ сюда по ошибкѣ, какъ случайно забредшій прохожій. Онъ былъ бы болѣе на мѣстѣ въ роли командующаго эскадрономъ жандармовъ, или завѣдующаго охраннымъ отдѣленіемъ при канцеляріи градоначальника, такъ какъ онъ на первыхъ же шагахъ обнаружилъ большія способности по этой части, съ большою любознательностью изучая по ночамъ содержимое ученическихъ партъ. Впрочемъ, онъ человекъ довольно скромный: его мечты не идутъ дальше архіерейства. Семинаристы, интервьюировавшіе его келейника, узнали, что онъ уже давно сшилъ себѣ архіерейскую рясу, которую надѣваетъ въ свободное время, любуясь на свою массивную фигуру передъ зеркаломъ и благословляя воображаемую паству. Ну, и пусть его себѣ любитъ. О немъ, какъ о присутствующемъ, историку говорить не подобаетъ. Когда его „возьмутъ“, тогда и для него наступитъ судъ исторіи*.

Чѣмъ больше, тѣмъ меньше.

Изученіе философіи и постоянная эквилибристика мысли при разработкѣ схоластическихъ темъ для сочиненій развиваютъ у семинаристовъ, занимающихся наукой, духъ критицизма. Отсюда страсть семинаристовъ къ спору. Споръ это ихъ стихія. Познакомившись съ той или другой философской системой, семинаристъ не только считаетъ себя ея сторонникомъ, но и старается найти послѣдователей, распространить ее. Поэтому въ старшихъ классахъ чрезвычайная пестрота міровоззрѣній: тамъ встрѣчаются и толстовцы, и атеисты, и социалисты, и материалисты, и коммунисты, и всякіе исты,

* Взяли его, конечно, очень скоро и своей цѣли онъ уже достигъ.

горячо сражающиеся другъ съ другомъ изъ за мнѣній, но зато мало просто религиозныхъ людей, очень мало. Оно, пожалуй, и естественно. Чѣмъ больше женщину мы любимъ, тѣмъ меньше нравимся мы ей, говоритъ поэтъ. Чѣмъ больше, тѣмъ меньше—этотъ законъ обратной пропорціональности часто наблюдается въ жизни; онъ же приложимъ и къ семинаристамъ: чѣмъ больше насъ принуждаютъ къ исполнению религиозныхъ обязанностей, тѣмъ меньше мы дѣлаемся религиозными на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, и схоластическая постановка религиознаго воспитанія ведетъ къ тѣмъ же результатамъ. Прекрасно сказала Алмазовъ устами семинариста:

Намъ всѣ наставники хотѣли,
 Что-бъ нашей вѣрѣ твердость дать,
 Намъ все на свѣтѣ доказать;
 Но не дошли до этой цѣли.
 Внимая шуму ловкихъ фразъ
 И доказательствамъ наивнымъ,
 Я убѣждался каждый разъ
 Не въ томъ, въ чемъ убѣдить хотѣли насъ,
 А—увѣряю васъ—въ противномъ.

Дальше я хочу привести нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ эти соображенія. Первый фактъ относится къ нашему инспектору о. Павлу, очень рьяно принявшемуся за подогрѣваніе религиозныхъ чувствъ семинаристовъ и, говоря библейскимъ языкомъ, оцѣживавшему на этой почвѣ комаровъ. Онъ очень жалѣлъ, что нельзя заставить семинаристовъ проводить большую часть дня въ церкви, и при разговорахъ совѣтывалъ, какъ лучшее средство противъ дурныхъ мыслей, неустанно читать про себя молитву Иисусову. Больше всего отличался Павелъ, конечно, по постамамъ и особенно великимъ, когда семинаристовъ держали чуть не на хлѣбѣ съ водой, — „да духъ спасется“, и когда они, проклиная благочестивые обычаи, установленные аскетами, и эконома, особенно тяготѣли ко всякимъ суррогатамъ, въ видѣ колбасы, молока и даже смирновскаго. И вотъ однажды утромъ, въ день причастія,

передъ обѣдней, о. Павелъ пошелъ въ неурочный часъ въ столовую и—о, ужасъ!—засталъ тамъ многихъ воспитанниковъ за чаемъ. Негодованію его не было конца...

А вотъ еще случай, относящійся къ тому же времени. Оставшіеся въ семинаріи на первой недѣлѣ великаго поста говѣли и въ четвергъ исповѣдывались у духовника. Послѣдняго сильно подозрѣвали въ томъ, что послѣ исповѣди онъ имѣетъ интимную бесѣду съ начальствомъ, отъ котораго получаетъ предварительную инструкцію на счетъ вопросовъ. И имѣли основаніе подозрѣвать. Не удивительно, поэтому, что къ исповѣди относились формально. Между службами все время играли въ карты. Даже передъ исповѣдью. Особенно увлекался одинъ воспитанникъ П, большой охотникъ поинтить. Вдругъ ему говорятъ, что его очередь исповѣдываться (исповѣдывались въ порядкѣ алфавитнаго списка). Онъ бросилъ карты и побѣжалъ. Прибѣжалъ и узналъ, что надъ нимъ пошутили и до него еще далеко. Вернулся назадъ и снова засѣлъ. Черезъ нѣкоторое время снова зовутъ, но ему надо сдавать и онъ не вѣрится; но вотъ приходитъ уже служитель за нимъ; тогда, сунувъ на ходу карты за пазуху, П. побѣжалъ „исповѣдываться“. Пришелъ къ духовнику и, по обычаю, сталъ класть земной поклонъ, но лишь только онъ нагнулся, какъ карты разсыпались по всему алтарю, къ ужасу и духовника, и исповѣдника. Чѣмъ кончилось дѣло—объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Почти бунтъ.

Въ нашей семинаріи бунтъ—это самое интересное время: общественная жизнь кипитъ ключемъ, происходитъ агитація, собранія, голосованіе за и противъ, появляется соответственная литература, начинаются дебаты и т. п. Бунтъ можетъ возникнуть во всякое время и по самой незначительной причинѣ, такъ какъ почва для него въ видѣ недовольства начальствомъ существуетъ всегда. Нужна только искра, чтобы вспыхнулъ этотъ порохъ недовольства, — все равно, будетъ ли эта искра—червякъ во щажъ, столкновение съ надзирателемъ,

грубость со стороны ректора и т. п. Бунты² бывают то продолжительные, как осенний дождь, то кратковременные, как весенняя гроза. Вотъ, напр., исторія, случившаяся въ 1894 году. На 7-ое число ноября было назначено погребеніе Государя. Изъ газетъ воспитанники узнали, что всѣ учебныя заведенія освобождаются на этотъ день отъ занятій, а между тѣмъ у насъ дѣло шло своимъ чередомъ и 7-го числа должны были быть уроки. Патріотическія чувства семинаристовъ, слабо тлѣвшія въ другое время и выражавшіяся только по царскимъ днямъ неистовыми криками „ура“ передъ обѣдомъ послѣ исполненія гимна, теперь вспыхнули сильнымъ и неудержимымъ пламенемъ. Завтра похороны Государя, а мы и не помолимся, а главное—вотъ безобразіе-то! — будемъ учиться, когда всѣ учебныя заведенія освобождены отъ занятій въ этотъ день. Такъ не должно быть, рѣшили воспитанники и стали думать, какъ напомнить начальству, не подвергая себя опасности, о днѣ похоронъ Государя и о томъ, что необходимо почтить этотъ печальный день отмѣной уроковъ. Задумали, заволновались, забѣгали по корридору. Горизонтъ семинарской политической жизни потемнѣлъ и покрылся тучами. Готова была разразиться гроза. Но вотъ выступилъ одинъ юноша съ такимъ предложеніемъ: вырѣзать изъ газеты то мѣсто, гдѣ говорилось объ освобожденіи всѣхъ учебныхъ заведеній отъ занятій на 7-ое число, наклеить его на листъ бумаги, которую въ черной траурной рамѣ и вывѣсить на видномъ мѣстѣ. Сказано—сдѣлано. Вырѣзали изъ газеты нужныя строки, прикрѣпили ихъ къ траурному листу, на которомъ еще крупными буквами написали внизу: „а наша семинарія подчинена, должно быть, турецкому султану!“ и этотъ листъ повѣсили въ корридорѣ рядомъ съ росписаніемъ уроковъ, съ тревожнымъ сердцемъ ожидая результатовъ. Въ корридорѣ горячо обсуждали событіе. „Ректоръ, навѣрное, велитъ не учиться, говорили одни, испугается демонстрацій; его за это въ архіереи не возьмутъ, а онъ ужъ и такъ три года у моря сидитъ“; „нѣтъ, говорили другіе, теперь нарочно, что-бы не вышло по нашему, будутъ учиться“; „посмотримъ, что будетъ“, говорили третьи, философски настроенные. Между тѣмъ въ 4½ часа, въ обычное время, пробили звонокъ

на „мѣста“ (вечернія занятія). Воспитанники изъ корридора разошлись по классамъ и нехотя взяли за книги. Въ корридорѣ появился дежурный субъ-инспекторъ. Онъ тотчасъ замѣтилъ нѣчто неладное: какой-то листъ на стѣнѣ; подошелъ, прочелъ, осторожно снялъ и побѣжалъ въ квартиру инспектора. Изъ классовъ зорко слѣдили за дѣйствіями субъ-инспектора. Не прошло и пяти минутъ, какъ инспекторъ, съ траурнымъ поллистомъ въ рукахъ, взволнованный, бѣжалъ къ ректору; прошло еще нѣсколько минутъ и швейцаръ побѣжалъ на квартиру двухъ преподавателей—главныхъ членовъ семинарскаго совѣта. Около пяти часовъ въ залѣ семинарской канцеляріи уже открылось экстренное собраніе, составившееся изъ ректора, инспектора и двухъ членовъ совѣта. О чемъ они рассуждали—Аллахъ вѣдаетъ, но только въ 6 часовъ пробили въ неурочное время звонокъ,—оказалось, ко всеобщей радости, что 7-го числа ученья не было. Воспитанники успокоились.

Укрощеніе строптиваго вощука и слѣдователи.

Борьба съ начальствомъ у насъ была вообще почти нормальнымъ отношеніемъ,—такъ къ ней привыкли. Одинъ изъ нашихъ воспитателей „вощукъ“ (вощукъ на семинарскомъ языкѣ значитъ надзиратель) Никольскій потерялъ въ одно время всякое уваженіе у семинаристовъ: они замѣтили въ немъ уклоненіе отъ истиннаго идеала воспитателя. Воспитатель, конечно, долженъ уважать личную свободу воспитанниковъ и давать просторъ для ихъ всесторонняго развитія. Никольскій же, вопреки всякимъ требованіямъ здраваго смысла, запрещалъ послѣ обѣда въ столовой курить. Каково это? И даже болѣе. Онъ имѣлъ дерзость доносить про курящихъ инспектору. Но это еще ничего, пожалуй. Но вотъ что, дѣйствительно, возмутительно: Никольскій отнял у одного воспитанника газету, которую тотъ читалъ между уроками, и обѣщался довести объ этомъ до свѣдѣнія ректора. За чтеніе газетъ преслѣдуютъ у насъ строго и любителю политики это удовольствіе угрожало „тройкой“ поведенія. Это пере-

полнило чашу терпѣнія. Туча надвигалась. И вотъ, день праведнаго суда, день расплаты насталь. Была суббота. Послѣ ужина въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ, скрытыхъ отъ глазъ начальства, воспитанники замѣтили развѣщенные чьей-то заботливой рукой прокламаціи. Въ этихъ, написанныхъ куриннымъ почеркомъ, прокламаціяхъ объявлялось, что-бы воспитанники, спящіе въ такихъ-то спальныхъ комнатахъ, сегодня постарались быть на своихъ мѣстахъ раньше обхода ихъ вошукомъ. И только. Прочли и намотали себѣ на усъ. Въ половинѣ десятаго пробилъ звонокъ и всѣ сразу, какъ это не бываетъ въ другое время, пошли въ спальни, легли и съ нетерпѣніемъ ждали, что будетъ. Наконецъ, исполняя свою будничную обязанность, вошукъ побѣжалъ по спальнымъ номерамъ. (У насъ всѣ спальни проходныя). Едва онъ прошелъ изъ одной комнаты въ другую, какъ входная дверь притворилась чьей-то невидимой рукой и шелкнулъ замокъ. Попалъ, значить, вошукъ въ капканъ. А между тѣмъ вошукъ, не подозревая опасности, обошелъ верхній этажъ спальныхъ номеровъ, спустился въ нижній, обошелъ и этотъ; все въ порядкѣ: никто не читаетъ со свѣчкой и даже какъ то особенно тихо, нигдѣ почти не разговариваютъ. Надо возвращаться назадъ. Выходная дверь въ нижнемъ этажѣ зимою обыкновенно бываетъ заколочена наглухо. Единственный выходъ—вверху. И вошукъ съ легкимъ сердцемъ вбѣжалъ снова на верхній этажъ; подошелъ къ той двери, въ которую вошелъ, дернулъ, и—о ужасъ!—онъ въ ловушкѣ. Поблѣднѣлъ бѣдняжка и опрометью бросился въ нижній этажъ; тамъ, дескать, среди младшихъ классовъ,—безопаснѣе. Потомъ онъ сдѣлалъ попытку выбраться въ окно въ нижнемъ этажѣ, но оно, какъ на грѣхъ, было задѣлано прекрасно и замазка не поддавалась перочинному ножу, дрожавшему въ рукѣ вошука. Потерявъ надежду спастись по-подколесински, онъ сталъ въ форточку звать сторожа. Но это былъ голосъ вопіющаго въ пустынь. Вернулся вошукъ снова въ верхній этажъ и давай неистово тормозить дверь. Но—дверь ничего: только прыгаетъ. „Глупыя шутки, господа“... обращается слезливымъ голосомъ надзиратель къ воспитанникамъ, какъ будто глубоко спящимъ и ничего не замѣчающимъ. Опять спустился въ ни-

жній этажъ. Гдѣ помѣститься? Нѣтъ ни одной свободной кровати. Отчаявшійся въ спасеніи вошукъ расположился ночевать въ карцерѣ, гдѣ стояла пустая койка. Глупыя шутки продолжались до 2 часовъ ночи, когда другой вошукъ догадался привести слесаря, и освободилъ своего несчастнаго, заключеннаго коллегу.

Случай съ вошукомъ поднялъ на ноги все начальство. Горя благороднымъ негодованіемъ, оно рѣшило отыскать зачищника „глупой шутки“. Инспекторъ, какъ и подобаетъ монаху, началъ дѣло потихоньку. У него было нѣсколько любимцевъ, съ которыми онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ объ интимныхъ семинарскихъ дѣлахъ. Въ силу добрыхъ семинарскихъ традицій, воспитанники терпѣть не могутъ доносчиковъ, ябедниковъ. И такіе рѣдко являются. Но, вѣдь, семья не безъ уroda. Нѣкоторые слабохарактерные попадаютъ на удочку смиренной инспекторской педагогики и начинаютъ ходить по временамъ пить чай къ начальству. Горе имъ. Однако, не знаю почему, на этотъ разъ о. инспектору его пріятели ничего не могли сообщить. Дѣло перешло къ о. ректору. Ректоромъ въ то время былъ архимандритъ Іоаннъ, человекъ умный, дѣльный и тактичный, хотя и монахъ. Онъ достигъ того, что воспитанники пьянствовали при немъ мало, а если и пили, то умѣренно и старались не попадаться, такъ какъ напившійся увольнялся немедленно. А чтобы не попадаться, придумывались всевозможныя средства, „отшибающія духъ“. Иногда оказывалась хорошимъ средствомъ махорка. (Вотъ, господа, рекомендую!) Однажды онъ послалъ за однимъ воспитанникомъ 6-го класса служителя. Служитель пришелъ въ классъ: „г-нъ Димитрій Спиридоновъ, къ отцу лехтору!“ Спиридоновъ, какъ на грѣхъ, только что кончилъ служеніе Вакху и едва ворочаетъ языкомъ. Что дѣлать? Бѣда. Прощай alma mater, съ трудомъ шевеля мозгами, соображалъ онъ. Мятными лепешками, сухимъ чаемъ товарищи и не думали изгонять изъ него духъ винный. Какъ же быть?! Зная слабость о. ректора, Спиридоновъ, для спасенія живота, рѣшился на отчаянное средство. Клинь клиномъ вышибается. Взялъ да и накурился махорки, какъ сапожникъ. Явился къ ректору и уже хотѣлъ подойти подъ

благословеніе, какъ тотъ, до смерти не любившій махорочнаго духа, замахаль руками и закричалъ: „убирайтесь, убирайтесь, въ другой разъ“. Такъ махорка выручила Спиридонова изъ бѣды и онъ отдѣлался только „четверкой“ поведенія. Къ этому-то ректору и перешло дѣло о запертомъ въ спальнѣ вошукѣ. Можно было бы думать, что побѣдитъ здравый смыслъ о. ректора и онъ предастъ это дѣло на волю Божію. Побѣдило, однако, ученье о первородномъ грѣхѣ и монашескій аскетизмъ, требовавшій искоренить дурную траву, уничтожить въ самомъ зародышѣ злодѣя. Но Іоаннъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы самому заниматься дознаніемъ, и онъ поручилъ это дѣло специалисту по „этой“ части, субъинспектору Муравьеву. Этотъ почтенный мужъ, хотя кромѣ субъинспекторства занимался не безъ успѣха изобличеніемъ богопротивной ереси—раскола старообрядчества, однако на другомъ попришѣ могъ бы еще болѣе принести пользы „отечеству“. Позвольте, всетаки, представить его. Багрово-красное массивное лицо, мутные глаза и постоянное кусаніе ногтей—вотъ его особія примѣты. Красное лицо и особенно носъ характеризуютъ, впрочемъ, не только его внѣшность. Есть у него другія, гораздо болѣе непріятныя для воспитанниковъ слабости; это — лѣнь и грубость. Послать воспитанника къ чорту, а то куда-нибудь и еще подальше, обругать, совсѣмъ ничего не отвѣтить, посмѣяться надъ кѣмъ-нибудь—это для Муравьева ничего не стоитъ: онъ даже считаетъ, вѣроятно, очень педагогичнымъ относиться къ семинаристамъ свысока, съ насмѣшкой; впрочемъ онъ снисходитъ иногда и до шутки. „Егоръ Ивановичъ“, говоритъ ему за ужиномъ воспитанникъ, „у насъ въ кашѣ попадается дробь“. — „Што-о?“ говоритъ хрипо Егоръ Ивановичъ, лѣниво покачиваясь своимъ массивнымъ корпусомъ. — „Дробь въ кашѣ“, повторяетъ воспитанникъ. — „Ну, что-жъ!“ флегматично растягивая слова, отвѣчаетъ Муравьевъ: „вѣдь она не стрѣляетъ“ .. Но особенно ученики страдаютъ отъ лѣни Муравьева. Онъ, къ сожалѣнію, завѣдуетъ такъ называемой фундаментальной библиотекой. По части чтенія у насъ въ семинаріи не важно. Въ ученической библиотекѣ беллетристика представлена Державиннымъ, Ломоносовымъ, — изъ старыхъ писателей, изъ новыхъ—Лѣ-

сковымъ, Писемскимъ, Печерскимъ. Преподаватель литературы особенно рекомендуетъ послѣдняго, заставляя читать его „На горахъ“. Не только Толстого или кого-нибудь изъ дѣйствительно новыхъ, въ нашей библиотекѣ нѣтъ Тургенева. Когда я былъ помощникомъ библиотечкаря, то извлекъ изъ-за шкафа спрятанный тщательно туда тотъ томъ „Русскаго Вѣстника“, гдѣ напечатаны „Отцы и дѣти“. Этотъ томъ долго потихоньку передавался изъ рукъ въ руки, пока совсѣмъ не истрепался. Вообще, спасаетъ насъ отъ умственного замерзанія добавочная литература, существующая отчасти на чердакѣ, отчасти на рукахъ старшихъ учениковъ. Тутъ есть и сочиненія Писарева, которыми, какъ запрещеннымъ плодомъ, зачитываются семинаристы, и Добролюбова, и Чернышевскаго; въ рукописяхъ ходятъ „Историческія письма“ Миртова, „Что дѣлать?“, „Кто виноватъ?“, „Знаменіе времени“ и тому подобное. Но это читать приходится потихоньку, съ оглядкой. Поэтому, семинаристы очень обрадовались, когда ректоръ о. Андрей разрѣшилъ старшимъ классамъ пользоваться фундаментальной библиотекой. Въ фундаментальной библиотекѣ и выборъ книгъ больше и, главное, есть духовные и свѣтскіе журналы. Торжествовали. Но торжество было не продолжительно. Удобнѣе верблюду пройти черезъ игольные уши, чѣмъ семинаристу получить книгу отъ Муравьева. Разъ десять подойдешь къ нему: то онъ ключъ позабылъ, то ему некогда, то не время, то еще что-нибудь—всегда найдется отвѣтъ на просьбу выдать книгу, а то такъ просто обругаетъ. Въ одномъ неутомимъ былъ Муравьевъ—это въ отысканіи тайныхъ преступниковъ; тутъ онъ и лѣнь свою позабывалъ на время и пускался на всякія хитрости. Порученіе о. ректора открыть виновника заключенія вошука Муравьевъ принялся исполнять съ обычной въ этихъ случаяхъ ревностью, но сколько ни допрашивалъ и какъ ни изошрялся въ этомъ искусствѣ, ничего не могъ добиться. Впрочемъ, чело-вѣкамъ пяти былъ уменьшенъ баллъ за поведеніе „по подозрѣнію“.

Генезисъ слова „Вошукъ“.

Это слово создано исторически. Теперь оно нарицательное, даже ругательное имя надзирателя. А надзиратель, какъ извѣстно, — послѣдняя спица въ колесѣ семинарской правительственной машины. Въ доброе старое время надзиратели не были вошуканами; они, какъ окончившіе курсъ большею частью въ той же семинаріи, не зазнавались, жили дружно съ воспитанниками, списывали имъ баллы изъ класныхъ журналовъ, никогда не жаловались на учениковъ инспектору и дѣло шло, какъ по маслу: — и волки были цѣлы и овцы сыты. Но вотъ—ничто подь луной не вѣчно—надзирателемъ сдѣлался Козловскій — человѣкъ недалекій, тщеславный—это въ скобкахъ—и все перевернулъ вверхъ дномъ. Онъ, подобно крыловской лягушкѣ, не захотѣлъ довольствоваться скромной долей и, побрякивая цѣпочкой и завивая усы, сказалъ себѣ: подымай выше, мы, вѣдь, не воспитанники. Результаты его дѣятельности, вытекавшей изъ такого принципа, были одинаково неприятны для обѣихъ сторонъ. Какъ замѣтить кого въ куреніи или на-веселѣ, такъ сейчасъ скажетъ: „во-оше, во-оше, я про васъ донесу“... „Что вы, говорить озадаченный такую дерзостью воспитанникъ, съ ума сопли“? — „Во-ше, во-ше“... вы грубите изволите, я скажу про васъ инспектору“ замѣчаетъ неутомимый Козловскій. И, дѣйствительно, говоритъ. А инспекторъ—вещь извѣстная—за это по головкѣ не погладитъ: — онъ или запишетъ въ штрафной журналъ въ ущербъ поведенію, или оставитъ безъ обѣда, или даже въ карцеръ на сутки посадитъ, смотря по настроенію — и все изъ-за вошукана! Такое попраніе Козловскимъ естественныхъ ученическихъ правъ вызвало сильное противъ него озлобленіе. Оппозиція противъ надзирателя выразилась сначала въ освистываніи, но освистываніе ему, какъ стѣнѣ горохъ, онъ себѣ и въ усы не дуеетъ, ходитъ спокойно по свистящей столовой, да еще — вотъ нахальство-то! замѣчаетъ наиболѣе рьяныхъ свистуновъ и доносить даже про нихъ начальству. Какъ тяжкій млатъ, дробя

стекло, куеетъ булатъ, такъ ненависть воспитанниковъ къ вошукану, разбиваясь о его неприступное хладнокровіе, закалялась и, наконецъ, достигла апогея своего развитія. Козловскому житья не стало отъ воспитанниковъ: ему старались досадить на каждомъ шагу: бросали въ него послѣ обѣда хлѣбомъ, запирали въ его комнатѣ, даже облили однажды изъ цѣлаго ведра воды; ему дали, не въ примѣръ прочимъ, массу прозваній: цѣпочкинъ, тумбочка, академикъ, очки и самое ругательное: „вошикъ“ за его привычку постоянно говорить: „вобщемъ, воше, — я про васъ донесу“. Съ теченіемъ времени слово вошикъ видоизмѣнилось въ слово вошукъ—и до сихъ поръ остается нарицательнымъ именемъ надзирателей. А такъ какъ надзиратели теперь идутъ, большею частію, хотя и не всегда, по стопамъ своего бывшего коллеги, то для выраженія безграничнаго презрѣнія къ нимъ ихъ и называютъ вошуканами*.

Блаженный.

Для пополненія коллекціи нашихъ уважаемыхъ начальниковъ я долженъ упомянуть еще объ одномъ субинспекторѣ Антоновѣ. Это тоже любопытный типъ. Одинъ видъ чего стоитъ: высокій, худой, какъ щепка, съ нѣсколькими волосками на подбородкѣ, съ длинными сухими руками, которыми онъ имѣлъ обыкновеніе потирать при разговорѣ, съ остро-конечной головой, постоянно качавшейся изъ стороны въ сторону на длинной сухой шеѣ, онъ сразу производилъ комичное впечатлѣніе. А какъ надѣлъ рясу, такъ совсѣмъ „уморилъ“. За умильно-юродивое выраженіе лица, за скромную походку, беззвучный голосъ, постоянное покачиваніе головой, потираніе руками и весь душевный складъ, вполне соотвѣтствовавшій этимъ внѣшнимъ признакамъ, Антонова въ семинаріи сразу прозвали „блаженнымъ“. И дѣйствительно, это слово мѣтко обрисовывало его характеръ. Замѣтитъ онъ кого

* Впослѣдствіи въ нашей семинаріи „вошукана“ вывелись и смѣнились „топорами“; теперь и „топоры“ вымерли.

нибудь въ нарушеніи дисциплины и, какъ бы маловажень проступокъ ни былъ, непременно скажетъ, словно извиняясь: „я ужъ про васъ долженъ буду донести инспектору“. Если воспитанникъ попроситъ извиненія и настоятельно, то Антоновъ, покачавъ головою, самодовольно замѣтитъ: „ну, на этотъ разъ я васъ прощаю, только въ другой разъ такъ не дѣлайте“. И дѣло, повидимому, кончилось. Какъ бы не такъ. Глядишь, на другой день инспекторъ призываетъ воспитанника, замѣченнаго и прошеннаго Антоновымъ, и дѣлаетъ ему выговоръ за нарушение дисциплины. Антоновъ, стало-быть, записаль-таки въ штрафной журналъ. Выслушавъ хладнокровно моральную рать инспектора, воспитанникъ бѣжитъ къ Антонову и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ,—что же это значитъ, неужели онъ его записаль. А Антоновъ, покачивая головой, потирая руки и скорчивъ умильную физиономію, замѣчаетъ: „я и хотѣлъ было васъ не записывать, да побоялся: совѣсть замучаетъ; теперь будетъ спокойнѣе и вамъ и мнѣ“. Конечно, за такую совѣстливость, можно сказать, чрезмѣрную, Антонова не особенно долюбливали и между прочимъ выражали ему свою неприязнь „оцикиваньемъ“. Однажды одного изъ цикавшихъ онъ замѣтилъ и общался про него доложить начальству. Потомъ, должно быть, сжалился и, подойдя къ нему, сказалъ: „извинитесь и я прощу васъ“. Воспитанникъ молчитъ. Антоновъ уговариваетъ его извиниться. Тотъ упорно молчитъ. „Ну, скажите одно слово, настаиваетъ Антоновъ, и я прощу“. Раздосадованный воспитанникъ отрывисто произноситъ: „ну, извините“. „Вотъ только это и нужно было!“ радостно говоритъ Антоновъ и уходитъ. Записаль-ли его онъ въ журналъ,—неизвѣстно.

Аристотель.

Вамъ, я думаю, надоѣли рассказы все про начальство, да про начальство. Поэтому, теперь я буду рассказывать про семинарскаго сапожника. Иванъ Емельянычъ—его воспитанники всегда звали по имени и отчеству—это совершенно рыжій мужчина среднихъ лѣтъ, замѣчательный тѣмъ, что имѣеть совершенно рыжую жену и обладаетъ аристотелев-

скою памятью. Память у Емельяныча въ самомъ дѣлѣ поразительная: онъ знаетъ всѣхъ семинаристовъ т. е. около четырехсотъ человекъ по фамиліи, знаетъ, сколько кому выдано обуви, сколько у кого взято въ починку. Никакихъ записей онъ не ведетъ: все замѣчаетъ глазами. Лексиконъ его не богатъ и самымъ употребительнымъ словомъ у него было „завтра“, имѣвшее очень широкій смыслъ. „Иванъ Емельянычъ, когда мнѣ будутъ готовы сапоги?“—„Завтра, завтра, завтра... затараторить тотъ, не безпокойтесь, господинъ Ивановъ“. При этомъ и господинъ Ивановъ и И. Е. отлично знаютъ, что ни завтра, ни послѣ завтра ничего не будетъ готово. „И. Е.—чѣ, а мнѣ что-же сапоги?“—„Несутся, несутся, несутся“...—Это значитъ, что сапоги несутся въ семинарію мальчиками. И. Е. знаетъ не только всѣхъ семинаристовъ по фамиліямъ, онъ знаетъ всѣ сапоги, такъ сказать, по фамиліямъ, узнаетъ по сапогамъ ихъ владѣльца, не смотря на то, что всѣ четыреста воспитанниковъ имѣютъ не одну пару сапогъ и постоянно мѣняютъ ихъ. Объ этой изумительной способности И. Е.—ча знала вся семинарія, а начальство такъ пыталось извлечь изъ нея и выгоды. Случился однажды бунтъ. А отливаются наши бунты въ самыя причудливыя формы. Вы, вѣроятно, видали, что дѣлаетъ теленокъ, послѣ долгихъ усилій оборвавшій привязывавшую его къ изгородкѣ веревку, какія онъ выдѣлываетъ штуки, какъ комично мечется изъ стороны въ сторону, какія выкидываетъ антраша. Наши семинаристы напоминаютъ этого оригинала; они начинаютъ брыкаться, какъ телята: камни летятъ въ окна инспекторской квартиры, сапоги въ дверь; въ столовой — шумъ, въ классѣ—дыканье, свистъ. На этотъ разъ бунтъ вспыхнулъ изъ-за того, что инспекторъ обругалъ учениковъ „свиньями“. Въ виду этого квартира его подверглась бомбардировкѣ, во время которой одинъ сапогъ, брошенный въ дверь его квартиры, былъ имъ конфискованъ въ надеждѣ по нему открыть террориста. Однако, всѣ усилія сапожныхъ экспертовъ оставались тщетными: призвали, наконецъ, субинспектора Муравьева, надѣясь на его гениальность въ этомъ отношеніи, но и онъ ничего не могъ сказать: сапогу было такъ много лѣтъ, что онъ самъ не помнилъ о времени своего рожденія.

Всетаки Муравьевъ напалъ на слѣдъ — вызвалъ сапожника. И. Е. тщательно осмотрѣлъ сапогъ — и подметку и голенища — и сказалъ великодушно: „не знаю“. Послѣ онъ является въ классъ и прямо подходитъ къ террористу: „вы зачѣмъ же бунтуете-то, господинъ NN?“ — „А вы почему знаете?“ удивляется тотъ. — „Да я, вѣдь, сейчасъ вашъ сапогъ видѣлъ у о. инспектора въ квартирѣ“... — „А когда И. Е. принесете мои сапоги?“ „Несутся, несутся, несутся“...

Ж. Румянцевъ.

Страничка изъ недавняго прошлаго.

Въ настоящее время вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній назрѣлъ до послѣдней степени. Вопиющіе факты прорвали черствую кору бюрократической косности. Само первоверховное синодское начальство въ лицѣ (бывшаго) оберъ прокурора было принуждено сознаться въ своемъ банкротствѣ. Въ извѣстной секретной запискѣ по поводу церковнаго собора оно открыто заявляетъ о необходимости скорѣйшей реформы. Теперь же объ этомъ заявлено и вслухъ. Однако, сколько нужно было грозныхъ, роковыхъ событій, чтобы придти къ такому признанію. Только общій революціонный подъемъ страны заставилъ, наконецъ, центральное управленіе пробудиться отъ его исконной летаргии. А между тѣмъ, какъ давно уже страстно, горячо бьются сердца сотенъ придавленныхъ школьнымъ гнетомъ юношей съ жгучей жаждой избавленія отъ тюремной тоски. Какъ давно уже въ разныхъ уголкахъ родины назрѣвалъ сознательный, убѣжденный, а не какой либо бунтовщическій протестъ во имя вопиющихъ нуждъ и разбитаго сердца. Трагичны были эпизоды этого протеста: жестоко платила за непокорство административная Немезида. Но все-же и она была не въ силахъ сокрушить жизнь.

Одною изъ такихъ, можетъ быть наивныхъ, но убѣжденныхъ попытокъ рѣшить вопросъ является опросъ семинаристовъ о необходимыхъ реформахъ, предпринятый студентами Московской духовной академіи года два--три тому назадъ. Вынесшіе на себѣ всю тягость разлагающагося школьнаго строя,

потерявшие вѣру въ возможность какой либо реформы сверху, студенты рѣшили подвинуть ее снизу. Во всѣ семинаріи посланы были опросные листы съ предложеніемъ всѣмъ интересующимся духовнымъ образованіемъ высказаться о мѣстныхъ нуждахъ и желательныхъ реформахъ духовной школы. Предполагалось, матеріалы, добытые путемъ такого опроса, безъ административнаго давленія и чуждые официальной лжи, обработать въ видѣ петиціи въ Синодъ, которая въ тоже время была бы программой будущей реформы. Такой широкой постановкой предполагалось также устранить съ себя упрекъ въ юношескомъ легкомысліи въ столь серьезномъ предпріятии. Дѣло было начато, и не безъ успѣха... Но вскорѣ умерло насильственной смертью. Результаты понятны безъ догадокъ: перехваты корреспонденціи, циркуляры, репрессіи, увольненія, — все, чѣмъ богата старая школа...

Вотъ этотъ опросный листъ. Пусть онъ говоритъ самъ за себя. Намъ же лично кажется, если бы верховное духовное начальство хотя бы изрѣдка снисходило до выслушиванія заявленій о своихъ нуждахъ самихъ учащихся, даже хотя бы во имя пословицы „дѣтя не плачеть, мать не разумѣеть“, не пришлось бы ему въ безпомощности нынѣ стенать „на рѣкахъ Вавилонскихъ“... — Приводимъ студенческое воззваніе до-словно и одинъ изъ полученныхъ семинарскихъ отвѣтовъ.

Воспитанникамъ духовныхъ семинарій студенты Московской духовной академіи.

Просимъ г.г. семинаристовъ дать ясные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

I. Касательно постановки учебнаго дѣла.

1. Желательно-ли соединеніе духовныхъ училищъ съ семинаріями?—2. Должно-ли ограничить пріемъ въ семинаріи ино-сословныхъ извѣстнымъ процентомъ, и если да, то какимъ?—3. Должно-ли признать за окончившими курсъ 4-хъ классовъ

- семинаріи права имѣющихъ средне-образовательный цензъ, открывающій доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія?—4. Желательно-ли допущеніе всѣхъ семинаристовъ въ духовную академію безъ различія разрядовъ и безъ экзамена?—5. Должна-ли семинарія на протяженіи всѣхъ 6-ти лѣтъ представлять соединеніе специально — богословскихъ наукъ съ общеобразовательными?—6. Если нѣтъ или съ ограниченіемъ, то какимъ?—7. Какіе предметы изъ общеобразовательныхъ должны быть внесены вновь; расширены или сокращены?—8. Нужно-ли и насколько изученіе древнихъ языковъ?—9. Желательно-ли расширеніе философіи?—10. Цѣлесообразно-ли перенесеніе изученія психологіи въ 3-й классъ?—11. Оставленіе логики въ 3-мъ классѣ?—12. Какіе изъ богословскихъ предметовъ должны быть безусловно изгнаны?—13. Какіе расширены, сокращены?—14. Желательно-ли учрежденіе богословскаго факультета при университетахъ?—15. Взамѣнъ академій или наряду съ ними?—16. Желателенъ-ли лекціонный способъ преподаванія философско богословскихъ наукъ?—17. Желательна-ли болѣе серьезная постановка сочиненій?—18. Сокращеніе или увеличеніе срока?—19. Желательна-ли выдача заразъ нѣсколькихъ темъ для одного сочиненія?—20. Необходимо-ли открытіе фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ семинарій для воспитанниковъ?—21. До какихъ предѣловъ долженъ быть расширенъ каталогъ библиотекъ ученическихъ?—22. Желательно ли учрежденіе читальни съ допущеніемъ въ нее текущей газетной и журнальной литературы?—23. И на какія средства?—24. Не желательно-ли перенесеніе начала учебнаго года на январь мѣсяцъ?—25. До какой степени необходима отмена экзаменовъ: пріемныхъ, переходныхъ, выпускныхъ?—26. Желательно-ли измѣненіе балловой системы, и если да, то въ какомъ родѣ?

II. Касательно воспитательной стороны.

1. Безусловно-ли необходимо общежитіе (закрытый интернатъ)?—2. Желательно-ли ослабленіе надзора за соблюденіемъ семинаристами религіозныхъ обязанностей (посѣщеніе

богослуженія, молитвъ, посты)?—3. Желательно-ли вообще ослабленіе инспекторскаго (полицейскаго) надзора?—4. Должно-ли освободить семинаристовъ старшихъ классовъ отъ всякаго надзора?—5. До какихъ часовъ желательно предоставленіе живущимъ въ общежитіи полной свободы?—6. Какіе пороки должны-быть безусловно преслѣдуемы: развратъ, пьянство? Азартныя игры? Еще?—7. Усилить или ослабить надзоръ за низшими классами?—8. Какія желательны мѣры взыскація?—9. Какое начальство желательно: свѣтское, бѣлое или монашествующее?

III. Касательно побочныхъ воспитательно-образовательныхъ средствъ.

1. Желательно-ли предоставить воспитанникамъ семинаріи нѣкоторое самоуправленіе?—2. Для какихъ классовъ?—3. Въ какой формѣ—сходокъ?—4. Выборныхъ?—5. Какіе вопросы могутъ быть обсуждаемы внутренней организаціей семинаристовъ: а) учебныя? б) воспитательныя; в) экономическія и т. п.?—6. Съ кѣмъ должны сноситься уполномоченные представители семинаристовъ: съ инспекторомъ? ректоромъ? правленіемъ?—7. Насколько желательно развитіе внутреннихъ организацій?—8. Желательно-ли составленіе кружковъ для самообразованія?—9. Съ чтеніемъ рефератовъ, съ дебатами?—10. Желательны-ли организація проповѣдничества, собесѣдованія съ раскольниками, участіе въ народныхъ чтеніяхъ?—11. Желательно-ли изданіе своего журнала (безъ цинизма и пасквалей)?—12. Желательно-ли устройство кружковъ любителей пѣнія—духовнаго и свѣтскаго?—13. Имѣть учителя музыки?—14. Устройство кружковъ пчеловодовъ съ устройствомъ пасѣкъ?—15. Кружковъ садоводства—съ устройствомъ садовъ?—16. Желательно-ли учрежденіе при семинаріяхъ изъ всѣхъ семинаристовъ общества потребителей съ доходами въ пользу семинаріи?—17. Общей кассы?

IV. Касательно быта въ вашей семинаріи.

1. Какъ относится къ семинарскому начальству и къ семинаристамъ его преосвященство?—2. Каковы отношенія къ

семинаристамъ ректора и инспектора?—3. Монахи они или нѣтъ?—4. Замѣтно-ли нравственное вліяніе монашествующаго начальства?—5. Если да, то въ чемъ оно выражалось?—6. Пользуется-ли начальство въ дѣлѣ надзора за воспитанниками услугами шпіонства?—7. Перехватываютъ-ли письма?—8. Часты-ли бунты и волненія?—9. На вашей памяти?—10. Главные поводы?—11. Смѣнялись-ли инспекція, преподаватели?—12. Сколько увольнялось семинаристовъ послѣ каждаго бунта или волненія?—13. Сколько уволенныхъ (въ извѣстные годы) по другимъ причинамъ?—14. По какимъ?—15. Прочія мѣры наказанія?—16. Число смертныхъ случаевъ (въ извѣстные годы)? причины?—17. Число сумашествій (въ извѣстные годы)? причины?—18. Число самоубійствъ (въ извѣстные годы)? причины?—19. Есть-ли преподаватели, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ?—20. Много-ли ихъ?—21. Чѣмъ объясняется обратное отношеніе?—22. Какіе любимые большинствомъ предметы? почему?—23. Наиболѣе ненавистныя у большинства воспитанниковъ учебныя предметы? почему?—24. Много-ли серьезно изучающихъ новые языки? какіе?—25. Есть-ли постоянные учителя музыки?—26. Преподается-ли рисованіе?—27. Обращается-ли вниманіе на физическое воспитаніе?—28. Открыта-ли для семинаристовъ фундаментальная бібліотека?—29. Богата-ли ученическая бібліотека?—30. Свободно-ли открытъ доступъ въ публичную бібліотеку?—31. Много-ли пользующихся? Строго-ли преслѣдуется чтеніе „неказенныхъ“ книгъ? (факты)—32. Чѣмъ занимаются семинаристы помимо обязательныхъ работъ?—33. Есть-ли при семинаріи образцовый садъ, пасѣка, переплетная и др. мастерскія?—34. Каковы развлеченія семинаристовъ?—35. Устраивались-ли образовательныя экскурсіи съ начальствомъ, или безъ него? Куда и когда?—36. Устраиваются-ли спектакли? публичные-ли? концерты? литературныя, вокальныя, музыкальныя вечера? публичные-ли? танцевальныя вечера?—37. Дозволено-ли ходженіе въ клубы, въ театры?—38. Каковы отношенія къ прочимъ учащимся: гимназистамъ, реалистамъ?—39. Широко-ли развито взаимообщеніе? На какой почвѣ?—40. Пользуются-ли семинаристы общественнымъ уваженіемъ и довѣріемъ? Если нѣтъ, то почему?—41. Существуетъ-ли и развито-ли пьян-

ство? Если да, то какія причины этого?—42. Не страдаютъ ли семинаристы отъ недостатка развлеченій? тяжелыхъ гигиеническихъ условій, плохого питанія, городской тѣсноты?—43. Много-ли лицъ вамъ извѣстныхъ въ среднемъ числѣ (изъ оканчивающихъ въ извѣстные годы) склонно къ принятію сана священническаго? много-ли по убѣжденію?—44. Идутъ ли въ монахи? Сколько вамъ извѣстно съ семинарскимъ образованіемъ и изъ академіи (изъ вашей семинаріи)?—45. Какой процентъ инословныхъ установленъ въ вашей семинаріи?

V. Касательно духовныхъ училищъ.

1. Какія желательны измѣненія въ программѣ духовныхъ училищъ?—2. Какіе предметы должны быть изгнаны, сокращены, расширены, или внесены вновь?—3. Желательно-ли установить институтъ воспитателей въ духовныхъ училищахъ? Не практикуются-ли въ настоящее время въ извѣстныхъ вамъ духовныхъ училищахъ мѣры физическаго воздѣйствія на учениковъ, въ видѣ пощечинъ, шелчковъ, плевковъ въ физиономію? Какія вообще наказанія примѣняются въ духовныхъ училищахъ въ настоящее время?—5. Обращается-ли какое либо вниманіе на физическое и эстетическое воспитаніе учениковъ?—6. Какова постановка чтенія книгъ? Руководятъ-ли и не запрещаютъ-ли?—7. Развито-ли среди учениковъ пьянство и воровство?

Надѣмся, что вы охотно познакомите насъ въ отвѣтахъ на предложенные вопросы съ вашими взглядами на дѣло реформы и съ картиной быта въ вашей семинаріи. Скажемъ спасибо и за коллективные и частные отвѣты. Познакомьте съ нашимъ опроснымъ листомъ надежныхъ преподавателей, священниковъ, учителей: желательно услышать и ихъ голосъ.

P. S. Просимъ высказываться свободно, не стѣсняясь рамкой предложенныхъ вопросовъ

Студенты Московской духовной академіи.

Студентамъ Московской духовной академіи Тобольскіе семинаристы.

На присланный вами опросный листъ мы имѣемъ возможность дать коллективный отвѣтъ только отъ лица 150 человекъ изъ общаго числа воспитанниковъ—220. Семьдесятъ человекъ остались неопрошенными: одни, какъ не возвратившіеся еще съ рождественскихъ каникулъ, другіе — какъ лица, не пользующіяся нашимъ довѣріемъ (шестой классъ почти въ полномъ своемъ составѣ).

I. Касательно постановки учебнаго дѣла.

1. Ограниченіе приѣма въ семинарію инословныхъ извѣстнымъ процентомъ не желательно. 2. За всѣми, окончившими курсъ четырехъ классовъ семинаріи, должно признать права имѣющихъ общеобразовательный цензъ, который открывалъ-бы доступъ во *все* высшія учебныя заведенія наравнѣ съ окончившими курсъ свѣтской средней школы. *Исполненіе этого пункта желаній составляетъ особенно важный предметъ нашихъ ожиданій отъ предстоящей реформы.* 3. Взамѣнъ академіи желательно учрежденіе богословскихъ факультетовъ при университетахъ. 4. Признаемъ безусловно необходимымъ дать возможность всѣмъ окончившимъ полный семинарскій курсъ поступать на богословскій факультетъ безъ различія разрядовъ и безъ экзамена. 5. Необходимо, чтобы семинарія въ первыхъ четырехъ классахъ носила характеръ только общеобразовательнаго учебнаго заведенія съ изученіемъ богословскихъ наукъ по программѣ свѣтской средней школы; спеціально же богословскія науки должны быть отнесены къ V—VI классамъ. 6. Признаемъ нужнымъ ввести въ курсъ семинарскихъ наукъ ботанику и зоологию по программѣ реальныхъ училищъ. 7. Необходимо расширить программы физико-математическихъ наукъ, именно: алгебра и геометрія должны проходиться въ объемѣ гимназическаго курса; присоединить космографію и тригонометрію;

начальныя основанія химіи (съ опытами) должны быть изучаемы наряду съ соприкасающимися съ ней отдѣлами физики. 8. Преподаватели естествознанія и физико-математическихъ наукъ должны быть обязательно со специальнымъ университетскимъ образованіемъ. 9. Изученіе литературы послѣ-гоголевскаго періода должно быть расширено и доводимо до нашихъ дней, при чемъ желательно, чтобы одно полугодіе было посвящено обстоятельному разбору литературныхъ образцовъ, начиная съ 40-выхъ годовъ. 10. Древніе языки сдѣлать необязательными для изученія предметами. II. Философія не должна быть служанкой богословія; „основанія философіи“—исключить; оставить введеніе и исторію философіи со включеніемъ обзора новѣйшихъ философскихъ системъ. 12. Считаемо нужнымъ изгнать библейскую исторію, догматическое богословіе сократить и соединить съ нравственнымъ; расширение остальныхъ богословскихъ наукъ отнюдь не желательно. 13. Необходимо, чтобы фундаментальная библіотека въ полномъ своемъ составѣ была открыта для всѣхъ семинаристовъ. 14. Всѣ цензурныя книги должны быть разрѣшены для чтенія воспитанникамъ семинаріи. 15. Подборъ книгъ въ ученической библіотекѣ не долженъ быть одностороннимъ: распредѣленіе книгъ по разнымъ отраслямъ знанія необходимо сдѣлать равномернымъ. 16. Учрежденіе читальни съ допущеніями въ нее газетно-журнальной литературы желательно только въ томъ случаѣ, когда въ выборѣ периодическихъ изданій будетъ предоставлена доля участія самимъ семинаристамъ. 17. Приемные экзамены для окончившихъ духовныя училища должны быть отмѣнены безусловно такъ же, какъ и переходные изъ класса въ классъ семинаріи; экзаменъ оставить только для оканчивающихъ полный курсъ семинарскихъ наукъ, при чемъ желательно, чтобы онъ ограничивался программой только VI класса. 18. Желательно улучшение качества учебниковъ (напр., долженъ быть безусловно изгнанъ пресловутый трудъ по исторіи Иловайскаго).

II. Касательно воспитательной стороны.

1. Не должно быть никакого надзора за соблюденіемъ семинаристами религиозныхъ обязанностей (посѣщеніе богослу-

женій, молитвъ, поста). Добавляемъ, что при обсужденіи этого вопроса изъ 150 человекъ 5 воспитанниковъ высказались за надзоръ при исполненіи семинарскихъ религиозныхъ обязанностей. 2. Такъ называемый полицейскій инспекторскій надзоръ (со шпионами, разнаго рода вымогательствами и насиліями) не долженъ имѣть мѣста въ семинаріи. 3. Желательно ослабленіе настоящаго семинарскаго режима. 4. Считаемо необходимымъ живущимъ въ интернатѣ предоставить полную свободу до одиннадцати часовъ вечера. 5. Семинарское начальство должно быть свѣтское по преимуществу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—изъ блага духовенства, но отнюдь не изъ лицъ монашествующихъ.

III. Касательно побочных воспитательно-образовательныхъ средствъ.

1. Желательно предоставить всѣмъ воспитанникамъ семинаріи нѣкоторое самоуправленіе (сходки и выборные). 2. Внутренней организаціей должны обсуждаться всѣ болѣе или менѣе важныя вопросы, касающіеся быта семинаристовъ въ учебномъ, воспитательно-образовательномъ и экономическомъ отношеніи. 3. Уполномоченные представители семинаристовъ должны сносятся съ правленіемъ. 4. Составленіе самообразовательныхъ кружковъ (съ чтеніемъ рефератовъ, съ дебатами) желательно, даже необходимо, но только безо всякой стѣснительной начальственной опеки. 5. Изданіе рукописнаго журнала признаемо нужнымъ и возможнымъ только въ томъ случаѣ, если будетъ предоставлена извѣстная свобода мнѣній.

IV. Касательно быта нашей семинаріи.

1. Отношенія между преосвященнымъ и ректоромъ натянуты; между инспекторомъ и архіереемъ царитъ миръ и согласіе. Отношеніе преосвященнаго къ семинаристамъ недовѣрчивое и носитъ характеръ сыскно полицейскій. Не довольствуясь законнымъ надзоромъ за семинаристами чрезъ

инспекцію, онъ прибѣгаетъ къ помощи жандармовъ и полиціи для того, чтобы наблюдать за поведеніемъ воспитанниковъ (напр., за посѣщеніемъ семинаристами спектаклей, даваемыхъ въ мѣстной народной аудиторіи). 2. Въ дѣлѣ надзора инспекція прибѣгаетъ къ шпіонству и усердно его культивируетъ. 3. Письма къ семинаристамъ перехватываются, иногда передаются адресатамъ распечатанными. 4. Волненія происходятъ каждый годъ (на нашей памяти); главные поводы къ нимъ—это недовольство инспекціей, поощряющей шпіонство въ формѣ дружескихъ отношеній съ нѣкоторыми изъ воспитанниковъ; пристрастно-строгое отношеніе инспекціи къ однимъ и снисходительно-послабляющее—къ другимъ (привилегированному меньшинству фаворитовъ); грубое и заносчивое обращеніе лицъ инспекторскаго надзора, доходящее до униженія личнаго достоинства, въ особенности съ воспитанниками младшихъ классовъ. 5. За послѣдніе безпорядки въ декабрѣ 1901 года уволено 13 человекъ. Дѣло было старательно затушено на первой же инстанціи (у инспекціи и архіерея) и потому для всесторонняго и безпристрастнаго разбора его не былъ присланъ ревизоръ, не смотря на то, что волненія приняли рѣзко выраженную форму (было разбито въ кровь лицо надзирателя). 6. Для характеристики отношеній между учащими и учащимися въ нашей семинаріи считаемъ нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что изъ преподавателей нѣтъ ни одного, пользующагося всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Это объясняется тѣмъ, что преподаватели наши прежде всего—чиновники, холодно относящіеся къ своему дѣлу, и среди нихъ, за рѣдкими исключеніями, очень мало такихъ, научную компетентность которыхъ нельзя было бы заподозрить. 7. Доступъ въ публичныя бібліотеки для семинаристовъ закрытъ. 8. Посѣщеніе театра безусловно и строжайше воспрещено (см. объ этомъ пунктъ I-й IV-го отд.). 9. Пьянство развито и держится довольно прочно. Главная причина—отсутствіе разумныхъ развлеченій и общая мертвящая атмосфера учебнаго заведенія съ схоластическимъ оттѣнкомъ. 10. Принимающихъ санъ священства по искреннему убѣжденію изъ окончившихъ нашу семинарію мы ни одного не знаемъ.

V. Насательно духовнаго училища.

Древніе языки должны быть изгнаны; сокращено преподаваніе славянскаго языка; желательно ввести преподаваніе новыхъ языковъ (одинъ изъ нихъ—обязателенъ); расширить программу географіи; улучшить письменныя работы по русскому языку (изложеніе прочитаннаго, несложныя самостоятельныя сочиненія); въ двухъ духовныхъ училищахъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ пополняется контингентъ воспитанниковъ нашей семинаріи, воспитательное дѣло поставлено различно: въ Тобольскомъ уч. не примѣняются мѣры физич. воздѣйствія на учениковъ, чего нельзя сказать объ Ишимскомъ училищѣ. Подборъ дѣтскихъ книгъ въ ученической бібліотекѣ Тобольскаго учил. можетъ быть названъ хорошимъ, въ Ишимскомъ же—чувствуется настоятельная нужда въ подходящей литературѣ. Въ обоихъ училищахъ изъ крупныхъ пороковъ съ прискорбіемъ нужно отмѣтить довольно развитое воровство. Изъ числа дисциплинарныхъ мѣръ взысканія безусловно необходимо исключить наказанія учениковъ чрезъ лишеніе пищи (безъ обѣда, безъ чаю и т. п.).

Тобольскіе семихаристы.

Семинарскія петиціи.

Почти всѣ духовныя семинаріи въ текущемъ году демонстративно прекратили учебныя занятія. Воспитанниками закрытыхъ семинарій были поданы на имя св. Синода петиціи съ требованіями реформъ духовной школы. Петиціи эти представляютъ серьезный интересъ, какъ голосъ самихъ учащихся. Всѣ онѣ въ общихъ основныхъ чертахъ совпадаютъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Петиція московской семинаріи.

...Всѣмъ достаточно извѣстно, что наша духовная школа имѣетъ весьма крупныя недостатки въ отношеніи воспитанія, учебной программы и хозяйственной части. Объ этихъ недочетахъ весьма много говорилось въ петиціяхъ воспитанниковъ другихъ семинарій, и мы полагаемъ, что сказанное ими достаточно ясно и опредѣленно отмѣчаетъ всѣ пункты желательной намъ реформы. вмѣстѣ со всѣми своими товарищами, воспитанниками другихъ семинарій, мы находимъ что программы по предметамъ семинарскаго курса далеко отстали отъ жизни и во многомъ уже не удовлетворяютъ запросамъ нашего времени, что особенно можно сказать о программахъ общеобразовательныхъ предметовъ. Признавая, что оживленіе преподаванія во многомъ зависитъ отъ самихъ преподавателей, мы сознаемъ то, что лучшіе изъ нашихъ пастырьковъ установленными программами и всѣмъ нынѣш-

нимъ учебнымъ строемъ семинаріи стѣснены въ своей преподавательской дѣятельности,—мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ, прежде всего, предоставить преподавателямъ семинаріи полную свободу въ ихъ учебно-педагогической дѣятельности: необходимо, чтобы они свободно могли расширять программу по своему усмотрѣнію въ одномъ отношеніи и суживать ненужный для жизни хламъ нашихъ программъ въ другомъ. Не говоря о свободѣ въ методѣ преподаванія, мы находимъ необходимымъ просить, чтобы ректоръ, инспекція и преподавательскій персоналъ были выборными, при чемъ ректоръ необходимо выбирается изъ блага духовенства или лицъ свѣтскихъ.

Теперь же главнымъ образомъ мы указываемъ тѣ хорошо сознанья нами, какъ необходимыя, и необходимыя немедленно, условія, безъ которыхъ невозможно начать и продолжать занятія. Прежде всего, мы требуемъ уничтоженія существующей системы разграниченія воспитанниковъ на два разряда. Разграниченіе это ненормально: оно нисколько не опредѣляетъ дѣйствительнаго развитія воспитанниковъ, такъ какъ въ основу его кладется математическое вычисленіе количества балловъ, результатомъ чего является часто то, что развитые и способные воспитанники не попадаютъ въ первый разрядъ, благодаря тройкѣ (3) по какимъ-либо предметамъ, весьма мало опредѣляющимъ степень развитія способностей воспитанниковъ. Необходимо уничтожить разряды, чтобы это чисто внѣшнее дѣленіе воспитанниковъ не создавало какого то привилегированнаго класса и класса низшаго порядка, урѣзаннаго въ своихъ правахъ сравнительно съ первымъ. Нужно уравнять всѣхъ воспитанниковъ предъ вступительными экзаменами въ духовную академію; необходимо открыть свободный доступъ во всѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія безъ различія разрядовъ. Закрытіе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній для семинаристовъ имѣетъ прямою цѣлью удержать ихъ въ духовномъ званіи. Но развѣ силою можно заставить человека честно проходить свое духовное служеніе, развѣ эта мѣра даетъ намъ призваніе? Мы желаемъ, чтобы двери университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній были открыты для насъ съ начала слѣдующаго учебнаго года

не на бумагѣ только, а на дѣлѣ, притомъ по окончаніи IV-го класса и, опять повторяемъ, безъ различія разрядовъ. Точно такъ же мы безусловно отвергаемъ, какъ ненужные и бесполезные, переходные экзамены и признаемъ ихъ только для VI и IV классовъ, если изъ послѣдняго будетъ непосредственный доступъ во всѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія. Въ цѣляхъ возвышенія личности воспитанника, забитой полицейскимъ инспекторскимъ режимомъ, мы требуемъ, чтобы намъ, воспитанникамъ, была предоставлена большая свобода въ нашей внутренней жизни, которая давала бы намъ право для обсуждения своихъ нуждъ и вопросовъ, зарождающихся въ нашей средѣ, собираться на общія собранія, давала бы право свободно организовать кружки съ цѣлью саморазвитія или самовоспитанія (свободное изданіе ученической газеты или журнала; товарищескій судъ и признаніе его), свободно пользоваться разумными развлечениями (свободное посѣщеніе оперныхъ и драматическихъ спектаклей, публичныхъ лекцій, устройство литературныхъ вечеровъ въ семинаріи), свободно читать книги и газеты (желательно устроить ученическую читальню съ періодическими изданіями, журналами и газетами). При этомъ требуемъ непреслѣдованія личности воспитанника за тѣ или иныя убѣжденія. Ради большаго сближенія со своими преподавателями и воспитанниками, въ виду того, что выгоды и интересы воспитанниковъ ближе и понятнѣе непосредственно имъ самимъ, мы просимъ допускать въ педагогическія засѣданія депутатовъ отъ воспитанниковъ, когда дѣло касается личности воспитанниковъ или ихъ общей ученической жизни; равно какъ считаемъ необходимымъ официальное признаніе и неприкосновенность личности делегатовъ (выборныхъ старостъ), какъ посредниковъ между инспекціей и воспитанниками. Для скорѣйшаго рѣшенія въ удовлетворительномъ смыслѣ представленныхъ нами требований, просимъ немедленнаго созыва епархіальнаго съѣзда, который бы совместно съ прочими, чисто церковными вопросами, разрѣшилъ тѣ изъ нашихъ требований, которыя могутъ подлежать компетенціи съѣзда. Желательно, чтобы этотъ съѣздъ коснулся и вопроса о реформѣ женскихъ епархіальныхъ училищъ—вопросъ первой важности.

Чтобы наши желанія и требованія были лучше извѣстны съѣзду, мы требуемъ права участія делегатовъ отъ воспитанниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требуемъ права апелляціи какъ въ съѣздъ, такъ и въ Синодъ на дѣйствія нашего непосредственнаго начальства. Для рѣшенія общихъ педагогическихъ вопросовъ требуемъ періодическихъ совѣщаній родителей совместно съ начальствомъ и преподавателями семинаріи ..

Петиція воронежской семинаріи.

Требованія касательно общаго строя и правъ духовной школы.

1. Соединеніе духовнаго училища съ семинаріей въ одну общеобразовательную школу, съ прибавленіемъ двухъ спеціально богословскихъ классовъ. 2. Право окончившихъ 8 классовъ школы поступать во всѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія безъ различія разряда, а окончившимъ богословскіе классы—въ академіи безъ различія разряда. 3. Уничтоженіе переходныхъ экзаменовъ кромѣ выпускныхъ изъ 8 и 10 классовъ. 4. Введеніе лекціоннаго способа преподаванія въ старшихъ 3-хъ классахъ, съ полугодными репетиціями. 5. Уничтоженіе сословныхъ различій при поступленіи въ духовную школу.

Требованія касательно программы.

1. Введеніе въ кругъ наукъ естествознанія и новыхъ языковъ (одинъ обязательно) съ младшихъ классовъ духовнаго училища. 2. Расширеніе математики и физики въ предѣлахъ гимназическаго курса, новѣйшей литературы и основнаго богословія. 3. Уничтоженіе греческаго и латинскаго языковъ какъ обязательныхъ предметовъ, пасхалии и библейской исторіи. 4. Пересмотръ учебниковъ и ихъ перемѣна.

Требованія, подлежащія немедленному исполненію.

1. Гуманное отношеніе начальства ко всѣмъ воспитанникамъ.
2. Отмѣна дисциплинарныхъ взысканій, какъ-то: карцера,

оставленія за голоднымъ столомъ и т. п. 3. Выставка балловъ по поведенію на основаніи однихъ только точно установленныхъ фактовъ, независимо отъ балла предыдущей четверти и аттестатовъ изъ училища. 4. Расширеніе инициативы учащихся и ихъ самоуправленіе, а именно: а) позволеніе устраивать кружки самообразования и собранія безъ контроля начальства; б) устройство кассы взаимопомощи; в) завѣдываніе учащимися бібліотекой, которая должна быть расширена до каталога публичныхъ бібліотекъ; г) устройство читальни, въ которую должны быть допущены всѣ газеты и журналы. 5. Уничтоженіе обысковъ. 6. Неприкосновенность ученической корреспонденціи. 7. Расширеніе отпуска и уравненіе его для всѣхъ учащихся безъ различія классовъ. 8. Позволеніе посѣщать театры и концерты. 9. Открытый доступъ въ физическій кабинетъ для всѣхъ воспитанниковъ старшихъ трехъ классовъ для производства опытовъ. 10. Свободный выходъ на квартиры и выборъ ихъ.

Петиція виѳанской семинаріи.

Превращеніе духовныхъ училищъ и четырехклассныхъ семинарій въ одну общеобразовательную восьмиклассную среднюю школу подъ управленіемъ свѣтскаго лица, избраннаго изъ среды преподавателей ими самими, и предоставленіе инициативы въ дѣлѣ преподаванія. Соответствующая этой школѣ программа, режимъ и права слѣдующіе:

Программа: введеніе свѣтскихъ общеобразовательныхъ наукъ (естественныхъ и общественныхъ), расширеніе курса математическихъ наукъ, всемірной гражданской исторіи и исторіи литературы до новѣйшаго времени включительно; философскія науки остаются, при чемъ изученіе начальныхъ основаній философіи должно быть замѣнено изученіемъ исторіи философіи; остается латинскій языкъ и вводятся два новые, изъ коихъ одинъ обязателенъ. Передача преподаванія свѣтскихъ наукъ специалистамъ, введеніе необязательнаго изученія черченія, рисованія и ремесль.

Режимъ: гуманное отношеніе начальствующихъ и учащихся къ воспитанникамъ и уваженіе къ личности воспитанниковъ; предоставленіе воспитанникамъ права защиты передъ правленіемъ; свободная организація кружковъ (литературно-научныхъ) въ цѣляхъ самообразования; предоставленіе права свободного чтенія книгъ и періодическихъ изданій на основаніи общей цензуры; свобода собраній для обсужденія своихъ нуждъ, отмѣна контроля надъ корреспонденціей и отмѣна обысковъ; уничтоженіе разрядныхъ списковъ и переводныхъ изъ класса въ классъ экзаменовъ; свободное учрежденіе кассы взаимопомощи; непосредственное сношеніе со свѣтѣйшимъ Синодомъ въ видѣ частныхъ и общихъ петицій.

Права: право поступать въ эту школу лицамъ всѣхъ сословій безъ всякаго процентнаго ограниченія на правахъ свободного конкурса; окончившимъ курсъ этой школы предоставить право поступленія во всѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія: специальныя — по свободному конкурсу и въ университетъ — безъ экзамена. Богословскія науки изучаются въ специальныхъ классахъ. Переходъ въ эти классы предоставляется всѣмъ желающимъ, окончившимъ восьмиклассную общеобразовательную школу. Предоставленіе окончившимъ богословскіе классы свободнаго доступа въ духовную академію безъ экзамена.

Требованія воспитанниковъ ставропольской семинаріи.

1. Право безпрепятственно, безъ надзора инспекціи собираться для обсужденія своихъ нуждъ въ свободное отъ занятій и богослуженія время, увѣдомивъ о собраніи свое начальство чрезъ помощника инспектора. 2. Кружки и собранія, устраиваемые съ самообразовательною цѣлью, и кассы взаимопомощи не подлежатъ никакому преслѣдованію со стороны инспекціи. 3. Списокъ книгъ ученической бібліотеки составляютъ воспитанники по соглашенію съ преподавателями и представляютъ ихъ на разсмотрѣніе правленія семинаріи. 4. Посѣщеніе частныхъ бібліотекъ воспитанниками не преслѣ-

дуются инспекціей. 5. Разрѣшается воспитанникамъ посѣщать думскія засѣданія, лекціи, концерты и театры. 6. Предоставить свободный выборъ квартиръ, не стѣсняемый назначеніемъ отъ инспекціи. 7. Ради улучшенія пищи воспитанники имѣютъ право контролировать книги и документы экономического характера. 8. Личность депутатовъ неприкосновенна.

Епархіальныя женскія училища.

„А жена да боится своего мужа“...

Среди пестраго узора жизни разныхъ слоевъ русскаго общества ни въ одномъ съ такой яркостью не сквозитъ византийско-татарскій взглядъ на женщину, низводящій ее въ особую низшую породу людей, какъ въ духовномъ сословіи, и нигдѣ этотъ взглядъ, искусно маскируясь, не проведенъ столь систематично тонко и не развитъ столь всесторонне въ деталяхъ, какъ въ постановкѣ въ его средѣ женскаго образованія; мы говоримъ о такъ называемыхъ *епархіальныхъ училищахъ*. Съ виду такой приговоръ жестокъ, но онъ правдивъ... Конечно, *tempora mutantur*; и, если по византийскому взгляду женщина есть „сосудъ діавола“, а по татарскимъ нравамъ не предосудительно привязать ее за косу къ повозкѣ, если выросшій на этой почвѣ домостроевскій взглядъ въ женщинѣ, даже супругѣ и хозяйкѣ дома, не видитъ ничего, кромѣ привилегированной „рабы“, надъ которой узаконяется всякое издѣвательство „благостной руки“ супруга или отца, — то теперь, разумѣется, не то. Современная византийско-татарская домостроевщина утончилась, облагородилась, отлилась въ новыя болѣе культурныя формы. Хитро извиваясь, какъ паразитъ, она спряталась подъ чужимъ флагомъ. Безсильная среди общаго прогрессивнаго женскаго движенія открыться явно, она надѣла личину образованія и, пользуясь его покровительственной окраской, продолжаетъ безмятежно жить во враждебномъ станѣ, сохраняя во всемъ строгъ и ха-

рактёръ епархіального образования свой исконный специфическій духъ затхлаго не то теремнаго, не то тюремнаго затворничества, выдерживая всюду одинъ тонъ, одно стремленіе — удержать женщину въ оковахъ умственнаго и нравственнаго убожества, какъ низшее сравнительно съ мужчиной существо.

Разсмотримъ вопросъ ab ovo.

Прежде всего предъ нами одинъ общій вопросъ: кому принадлежать епархіальныя училища? И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь кто ихъ создалъ, тотъ ихъ и хозяинъ. Кому они нужны, тотъ долженъ и заботиться о нихъ, печалиться и радоваться и вкладывать въ нихъ душу. Казалось-бы, это самое естественное дѣло. Съ виду такъ обстоитъ и здѣсь. Дѣйствительно, полноправнымъ хозяиномъ еп. уч. повидимому является епархіальное духовенство, подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земства считаютъ своимъ любимымъ дѣтищемъ созданныя ими учительскія школы. Вѣдь, въ большинствѣ случаевъ училища построены на средства церкви и духовенства. Содержатся они путемъ ежегодныхъ сборовъ съ тѣхъ же церкви и духовенства. Затѣмъ, контингентъ воспитанницъ училищъ почти исключительно духовно-сословный. Воспитаніе и образованіе значительно подогнано подъ духовный, чисто монастырскій ранжиръ. И самое названіе то они, наконецъ, носятъ „епархіальныя училища“... Но все это только повидимому. Въ дѣйствительности, духовенство даже городское, о сельскомъ и говорить нечего, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ училищной жизни. У него въ отношеніи къ училищамъ, согласно §§ 13 и 14 уст. Е. Ж. У.*, одна лишь обязанность—всегда имѣть открытымъ для нихъ свой карманъ**. Что же касается какихъ либо правъ, то

* § 13 Уст. Е. Ж. У. Епархіальное женское училище ввѣряется попеченію мѣстнаго духовенства. § 14 Попеченіе духовенства объ училищѣ состоитъ въ изысканіи средствъ къ содержанію училища и въ наблюденіи за благосостояніемъ училища по всѣмъ частямъ онаго.

** Такъ, „Самарскія Епархіальныя Вѣдомости“, (№ 13, 1905) рисуя въ статьѣ „Ужасное положеніе“ крайне тяжелую картину антисанитарнаго состоянія мѣстнаго епархіальнаго училища, добавляютъ, что духовенству не поручались заботы объ училищахъ; все дѣлалось „по усмотрѣнію“ и

ихъ нѣтъ и въ поминѣ: духовенство фактически отстранено отъ всѣхъ дѣлъ: отъ учебныхъ, воспитательныхъ и даже хозяйственныхъ. Участіе въ училищномъ совѣтѣ двухъ членовъ отъ духовенства, пожеланія нѣкоторыхъ сѣздовъ духовенства о введеніи въ училищахъ преподаванія музыки, живописи, шитья церковныхъ одеждъ, случайные хозяйственные контроли училищъ, все это слишкомъ ничтожно, чтобы говорить о какомъ-либо живомъ интересѣ и активномъ участіи духовенства въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей. Въ случаяхъ же, когда духовенство выражало законныя претензіи на свое слишкомъ обидное безправіе и пыталось расширить полномочія далѣе одного лишь отверзанія въ живой готовности кошелька, власти, какъ ближайшія, такъ и болѣе отдаленныя, спѣшили скорѣй пресѣчь такое узурпаторство. Подобный, напр., случай послужилъ поводомъ къ слѣдующему циркулярному приказанію центрального управления: „одинъ изъ сѣздовъ духовенства, читаемъ мы здѣсь, избралъ изъ своей среды особую комиссію, которая послѣ бѣглаго (?) осмотра помѣшеній е. ж. у. сочла себя вправѣ контролировать веденіе училищной экономіи (только экономіи!) и представила сѣзду неосновательное (конечно!) заключеніе. Въ виду сего синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 27 іюля 1898 года, за № 180, поручено мѣстнымъ преосвященнымъ разъяснить епархіальному сѣзду духовенства, что § 15 У. е. ж. у. сѣздамъ предоставлено наблюдать за благосостояніемъ ж. у. чрезъ (лицъ) избираемыхъ изъ членовъ училищнаго совѣта (послѣдніе же часто почти до тождества сливаются съ училищной администраціей, а предсѣдатель совѣта, какъ назначаемый архіереемъ (У. е. ж. у. § 17), уже никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ духовенства); для избранія же съ этой цѣлью особой комиссіи въ существующихъ постановленіяхъ нѣтъ никакихъ основаній (еще бы!)“. Синодъ находитъ еще, что „подобныя комиссіи нарушаютъ правильныя отношенія сѣздовъ къ училищному начальству“ (Цир.

желанію „небольшой кучки“ лицъ. Духовенство привыкло только вносить сборы съ церкви да съ причта на епархіальное училище. („Наша Жизнь“ № 232). И подобныя жалобы приходится слышать весьма часто.

№ 19, 6 стр.). Легко видѣть, какъ дѣтски наивенъ весь циркуляръ и какъ преувеличенно онъ разсчитанъ на благоговѣйную покорность и довѣріе подданныхъ рачительному начальству. А кстати сказать, рѣдкій съѣздъ духовенства въ настоящее время обходится безъ подобныхъ конфликтовъ съ училищемъ, наиболѣе яркимъ примѣромъ чего можетъ служить хотя-бы недавній осенній съѣздъ Ярославскаго духовенства. И это не безъ основаній, ибо свободное отъ общественнаго контроля училище не прочь иногда втихомолку обдѣлывать дѣла такъ, что оно похоже на „дѣлишки“, въ чемъ большую услугу оказываютъ училищнымъ начальникамъ циркуляры центральныхъ инстанцій. Между тѣмъ, послѣдствія отъ такихъ циркулярныхъ и нециркулярныхъ предписаній понятны. Въ первой своей стадіи они ведутъ къ крайне враждебному отношенію епархіальнаго духовенства къ своей школѣ, и безъ того не обвѣянной симпатіями. На училищное начальство и всю корпорацію оно смотритъ, какъ на вѣчныхъ враговъ своихъ дѣтей. Въ 1902 г. Тверской съѣздъ отказалъ въ ассигновкѣ дополнительныхъ суммъ на содержаніе семинарской инспекціи прямо на томъ основаніи, что поддерживая на счетъ духовенства инспекція будетъ только „исключать“ его же дѣтей. Мнѣ извѣстно также письмо одного отца діакона къ своей 14-лѣтней дочери въ епархіальное училище: „ты помни, Шура“, писалъ, между прочимъ, онъ, „вѣдь только я у тебя твой истинный настоящий другъ. А разное начальство: начальница, воспитательницы и пр.— вѣдь это все наши враги“ и т. д. Письмо это попало начальницѣ.

Это общее враждебное отношеніе духовенства къ училищу выразилось и еще въ одной своеобразной формѣ, потребовавшей даже циркулярнаго вмѣшательства высшей администраціи. Такъ, циркуляръ № 19, отмѣтивъ, что „епархіальныя училища изобилуютъ малоуспѣшными и малоразвитыми ученицами почти въ каждомъ классѣ“, гласитъ дальше слѣдующее: „такую снисходительность къ ученицамъ проявляютъ представители окружнаго духовенства, которые всячески стараются облегчить положеніе родителей, воспитывающихъ въ училищѣ своихъ дочерей, и потому не

стѣсняють послѣднихъ въ приемѣ въ училище или въ переводѣ изъ низшаго класса въ высшій, если-бы и была замѣчена значительная неподготовленность у нѣкоторыхъ дѣвицъ“. Послѣ этого правдивѣе и точнѣе говорить о духовенствѣ не какъ о блюстителяхъ матеріальныхъ интересовъ школы, а скорѣе какъ о представителяхъ оппозиціи противъ училища, оторваннаго отъ живой почвы. Но и эта оппозиція только въ лучшей, наиболѣе живой части духовенства. Большинство же нимало не опечалено своею изолированностью отъ школы. Цѣня епархіальныя училища лишь постольку, поскольку можно сплавлять туда часть слишкомъ размножившагося семейства, духовенство въ массѣ совершенно равнодушно къ тому, что училище даетъ ихъ дѣтямъ и къ чему готовить. Очень любопытно поговорить на эту тему съ кѣмъ либо изъ духовной среды, особенно провинціальной. Вашъ собесѣдникъ легко, безъ протеста признаетъ всѣ недочеты своей женской школы и въ концѣ концовъ полуравнодушно скажетъ: „да что тутъ говорить! Что даютъ училища, то и ладно. Чего „имъ“ еще!?“ а потомъ, понизивъ голосъ, какъ-бы высказывая свою задушевную мысль, добавитъ: „а по моему-то, и еще лучше-бы было, если-бы ничего не давало. Все равно—попадѣй, дьяконицей будетъ, все забудетъ... Куда имъ образование? Да и бѣда съ ними съ „образованными“-то... И послѣдняя мысль, съ непремѣннымъ „по моему“, у духовенства весьма популярна.

Но если не духовенство, не вѣдаетъ ли епархіальныя училища центральное управленіе? Судя по вышеупомянутымъ случаямъ циркулярнаго попеченія, это похоже на правду. Дѣйствительно, епархіальныя училища, подобно духовнымъ семинаріямъ и духовнымъ училищамъ, состоятъ въ вѣдѣніи центральнаго управленія. Однако, отсюда еще далеко до того, что-бы оно особенно рачительно пеклось о своемъ дѣтищѣ. Во 1-хъ, характеръ бюрократическаго вѣдѣнія извѣстенъ всѣмъ и каждому и въ случаяхъ разныхъ мѣстныхъ нуждъ выражается формулой: „до Бога высоко, а до Синода еще того дальше“. Въ результатѣ—большинство ходатайствъ училищныхъ совѣтовъ, даже самыхъ незначительныхъ, получаетъ одинъ отвѣтъ: „оставить дѣло безъ послѣдствій“.

училище долго хлопотало о распределении уроков истории вместо четырех в 5-м классе и двух в 4-м по три урока в каждом, и получило отказ.

Во 2-х, по свойству своей полицейско-надзорной деятельности центральное управление меньше всего интересовалось и интересуется епархиальными училищами, ибо они никаких опасностей — кармолы — для него не представляют и никакими особо каверзными историями и столкновениями, как показали опыт, не угрожают. Этот факт любопытно отметить, сопоставив количество циркуляров центрального управления для духовных семинарий и епархиальных училищ. Процент последних столь ничтожен, что о направлении попечительной заботливости центрального управления не может быть двух мнений.

В 3-х, и это самое главное, в лицах своих главных представителей центральное управление совершенно отрицательно относится к какой либо культуре женского духовного образования, в силу чего задерживается, напр., введение 7-го класса во многих училищах. Между прочим, совсем на днях Саратовскому духовенству, ходатайствовавшему об открытии на собственные средства 7-го класса в двух местных училищах, центральное управление отклонило отказом с ссылкой „на неожиданно - оказавшиеся препятствия“. Вообще же, признавая официально кажущуюся автономию епархиальных училищ и даже ссылаясь на устав, центральное управление обычно сохраняло за собой лишь право общего надзора учебно-воспитательного дела в виде складывания в своих архивах ежегодных училищных отчетов и в виде периодических прогулок по училищам ревизоров. В случаях же острой нужды какого-либо руководственного вмешательства в дела училища, центральное управление предпочитало наиболее целесообразным решением вопросов „на месте“ т. е. — „по благоусмотрению его преосвященства“.

Это благоусмотрение и является настоящим источником, откуда берет начало и развивается вся жизнь епархиальных училищ. Епархиальный преосвященный есть их законодатель, хозяин и главный блюститель. Он прини-

мает и утверждает учебный и отчасти воспитательный персонал, ему представляют на рассмотрение и утверждение все проекты и постановления училищного совета, — он блюдет за всем строем и порядком жизни училища, от его лица идут в центральное управление по делам училища все „представления“; словом, епархиальному архиерею принадлежит в училищах вся полнота педагогической и административной власти. Такое верховное руководство и заведывание училищем, при необычайной многочисленности и разнообразии деятельности епархиальных начальников, совсем не архипастырское дело. Педагогическая деятельность требует творчества, специального искусства и не минутных урывков времени, а постоянного серьезного и вдумчивого труда. И вот на практике получается: меньше всего действительную жизнь женской школы знают ее главные начальники. Обычно же их участие в настоящей школьной жизни или до крайности ничтожно (это особенно у престарелых преосвященных); или канцелярски официально, через „журналы и доклады“ (это у особенно ярых монахов); или крайне субъективно и зависит от каких нибудь минутных налетных взглядов (господствующий из них: борьба с крамолой). В конечном же итоге епархиальные училища являются только необходимым украшением архиерейской кафедры, не более. — Не смотря однако на это, было бы грешно не почтить добрым словом память некоторых владык, считавших своим непереманным долгом, на закате дней своей жизни, увеселить свою память устройством в своей епархии „разсадника“ женского духовного образования, где они часто одинокие, усталые и разбитые от архипастырских трудов, не прочь были искать иногда себя душевного покоя*. Так выросли на средства местных епископов Ионафановская, Иоанникийевская, Саввинская и др. женские училища. Понятно отсюда, что обычные ви-

* „Ох, устал, говорил ученикам в епархиальном училище один преосвященный, — сейчас был в семинарии, страшно изругал семинаристов, устал, приехал к вам отдохнуть“. А в некоторых епархиальных мѣстах так уже установилось традиционно: „благоволение“ к епархиальным училищам и „неблаговоление“ к семинариям.

зиты преосвященных въ училища лишь съ внѣшней стороны являютъ видъ учебно-воспитательнаго надзора. Самые счастливые въ большинствѣ экзамены тѣ, на которые прѣзжаетъ архіерей; и это отлично знаютъ воспитанницы.

Да и сказать правду—что они, архіереи, могутъ видѣть въ училищѣ, окуриваемые лестью и всякаго рода угодничествомъ, обманываемые дутымъ показнымъ блескомъ на каждомъ шагу?! Въ концѣ концовъ всѣ эти визиты получаютъ характеръ пышныхъ овацій и триумфальныхъ шествій для одной стороны и веселаго, среди тягуче-монотонной жизни училища, праздника, часто съ конфетами и цвѣтами, — для другой. И что грѣха таить, нерѣдко случается, что начальницы училищъ бывають въ щекотливомъ затрудненіи отъ слишкомъ заго- стившагося начальства.

Такъ, ни епархіальное духовенство, ни центральное управление, ни епархіальный архіерей не обнаруживаютъ особо горячаго рвенія къ процвѣтанію женской духовной школы, и такъ у трехъ нянекъ, но въ сущности безъ призора, растеть убогое дѣтище.

Это отсутствіе настоящаго руководителя очень печально отражается на общемъ ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла и прежде всего на формулировкѣ личности училища. У епархіальныхъ училищъ нѣтъ своего тщательно выработаннаго типа. Они безъ типа или, точнѣе, плохое совмѣщеніе всѣхъ типовъ женскихъ школъ, что открываетъ просторъ такому субъективизму ихъ ближайшихъ руководителей, который порой угрожаетъ полнымъ банкротствомъ всему учебно-воспитательному дѣлу.

И въ самомъ дѣлѣ, что это—гимназія?

Отчасти—да. За это говоритъ многое: и тожество учебныхъ предметовъ гимназій и епархіальныхъ училищъ, и сравнительная однородность занятій, и общій распорядокъ предметовъ, и экзамены, и дипломы домашнихъ учительницъ; самое устройство епархіальныхъ училищъ вызвано нуждой дать дѣвушкамъ духовнаго круга образованіе въ уровень съ общимъ среднимъ женскимъ образованіемъ. Но немного нужно труда, чтобы видѣть, сколько еще не дотянули въ этомъ отношеніи строители епархіальныхъ училищъ. Такъ,

вмѣсто семигодичнаго гимназическаго курса, курсъ епархіальныхъ училищъ сдѣланъ шестигодичный. Общеобразовательный курсъ наукъ, и безъ того урѣзанный на цѣлый годъ, специально приспособленъ къ цѣлямъ воспитанія „духовныхъ“ дѣвицъ. Но что всего хуже, выкинуть такой классъ или годъ, который болѣе всего нуженъ. Дѣло въ томъ, что, кончая 4-мъ классомъ, гимназіи и епархіальныя училища и въ программѣ, и въ характерѣ занятій, и въ отношеніи возраста учащихся идутъ совершенно параллельно. Затѣмъ, въ гимназіяхъ школьный матеріалъ распланированъ на два года—кл. 5-ый и 6-й; въ епархіальныхъ-же училищахъ онъ съ разными урѣзками вогнанъ въ одинъ годъ 5-го класса. А нужно замѣтить, по одному чисто-физиологическому свойству этого возраста, падающаго именно на 5 классъ (14 — 16 лѣтъ), занятія не могутъ быть въ немъ успѣшны. Наконецъ, 6-й классъ епархіальнаго училища и 7-й женской гимназіи въ большей или меньшей степени снова совпадаютъ (изученіе литературы, новѣйшей отечественной исторіи, педагогика и др.). Въ общемъ получается впечатлѣніе какого-то испуга: начато дѣло, успѣшно поведено, потомъ вдругъ, словно въ предчувствіи печальныхъ для закоснѣлаго домостроевскаго уклада послѣдствій, все сразу скомкано, искалѣчено и, если не сведено на нѣтъ, то значительно превращено въ жалкія лохмотья.

Однако все это имѣетъ особенно глубокой смыслъ, обычно рѣдко принимаемый въ соображеніе, а именно: вслѣдствіе вышеупомянутой постановки дѣла всѣ почти учебные предметы въ епархіальныхъ училищахъ проходятся въ возрастѣ совершенно дѣтскаго отношенія къ преподаваемымъ наукамъ. На 15—16-мъ году, когда епархіалки кончаютъ курсъ, вдумчивое сознательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ только что пробуждается. Въ 6-мъ классѣ впервые онѣ начинаютъ относиться и понимать свое дѣло не поученически, и самый характеръ предметовъ этого класса (литература, исторія, педагогика, занятія въ образцовой школѣ) невольно будятъ мысль, окрыляя ее уже не дѣтской мечтой. И вотъ, когда едва вспыхнувшіе запросы личности вдругъ встанутъ со всею яркостью передъ докучливымъ сознаніемъ и властнымъ требованіемъ всюду заставить дѣвушку искать

себѣ отчета, ее училище выкидывает вонъ, часто въ медвѣжью глушь, выкидывает какъ зрѣлый плодъ, съ дипломомъ полной культурной жизнеспособности, но въ сущности безъ знаній, безъ опыта и безъ какихъ-либо установившихся взглядовъ. Неудивительно, что черезъ 2 — 3 года отъ епархіального образованія у бывшей воспитанницы не остается ничего. Она становится тѣмъ, что даетъ ей въ отвѣтъ на пробужденную мысль окружающая среда, т.-е., калибромъ ниже въ сравненіи со школой, какъ это всегда бываетъ съ воспитаніемъ путемъ среды. Правда, на все это могутъ сказать, что въ настоящее время въ епархіальныхъ училищахъ вводится такъ называемый 7-ой педагогическій классъ, повидимому, возмѣщающій отмѣченный недочетъ. Однако, на это слѣдуетъ замѣтить, что число епархіальныхъ училищъ съ 7-мъ классомъ у насъ такъ же рѣдко, какъ рѣдко можно найти теперь женскую гимназію безъ 8-го класса, до котораго епархіальному вѣдомству у себя, очевидно, долго не дорости. А между тѣмъ такая постановка дѣла въ епархіальныхъ училищахъ оказывается крайне губительной и въ томъ отношеніи, что она дѣлаетъ почти невозможнымъ кончившимъ епархіальное училище доступъ въ разныя высшія женскія учебныя заведенія (медицинскій институтъ, высшіе курсы), заставляя ихъ для этой цѣли поступать въ послѣдніе классы гимназій. Дипломъ „домашней учительницы“, выдаваемый при этомъ училищемъ своимъ питомицамъ, формально одинаковый съ гимназическимъ, съ одними фиктивными правами безъ реальныхъ, звучитъ въ данномъ случаѣ какой-то насмѣшкой.

Итакъ, епархіальныя училища далеко не гимназій. Но, быть можетъ, они институты?

Дѣйствительно, въ строѣ епархіальныхъ училищъ есть тенденція являть собою подобіе институтовъ. Воспитательная жизнь закрытаго интерната, какую обычно представляютъ собою епархіальныя училища, несомнѣнно имѣетъ своимъ первообразомъ институтскій порядокъ. Но особое тяготѣніе къ копировкѣ институтовъ проявляютъ нѣкоторыя начальницы частію въ интересахъ наибольшей регламентаціи воспитательнаго дѣла съ населеніемъ нерѣдко въ 500 человекъ, частію

въ обезпеченіе себѣ возможно-большихъ правъ и власти на подобіе институтскихъ начальницъ, а частью изъ рабьяго благоговѣнія предъ привилегированнымъ аристократизмомъ столичныхъ заведеній. Понятно, что не имѣющая для себя никакой почвы подобная копировка неизбѣжно превращаетъ копию въ жалкое уродство, дѣлая для воспитанницъ, взятыхъ съ деревенскаго приволья, пріютившее ихъ училище не *casa diosa**, а душный казематъ съ возведенной въ культъ, доводящей до обезличенія, до нравственнаго отупѣнія, муштровкой, съ мертвящимъ однообразіемъ и скукой жизни (и со всѣмъ просторомъ, за отсутствіемъ живой жизни, самой низкой бабьей сплетни). Живымъ примѣромъ такой „культуры“ можетъ служить слѣдующая сценка. Идетъ подготовка къ акту, къ „церковному параду“. Цѣлый рядъ репетицій, съ цѣлью показать товаръ лицомъ передъ публикой. Въ училищной церкви собраны всѣ ученицы. Начальница стоитъ на церковномъ амвонѣ со звонкомъ, представляя собою архіерея. Динь... и вся масса должна сдѣлать извѣстный поклонъ. Динь... и вся масса дѣлаетъ полуоборотъ и поклонъ въ соответствии полуоборота благословляющаго архіерея. Снова „динь“... и новый оборотъ, въ другую сторону...! И такъ, со всѣми воспитательными приѣмами, „солдатское ученье“ идетъ до тѣхъ поръ, пока церемонія не пройдетъ безукоризненно. Въ другомъ училищѣ цѣлыя трагическія исторіи происходили изъ-за кантиковъ на воротникахъ платьевъ, цѣлыя гоненія воздвигались за вѣшанье образковъ у кровати на неположеннаго цвѣта ленточкахъ. Особенно много изобрѣтательности проявляется въ регламентаціи религіозной жизни воспитанницъ и въ организациі разныя праздничныхъ церемоніаловъ. Здѣсь такъ тщательно, по заранѣе выдаваемымъ воспитанницамъ записочкамъ, распредѣлено, когда въ какіе моменты богослуженія становиться на колѣни, когда вставать, когда дѣлать поясные и непоясные поклоны, когда за кого и какъ молиться, — такъ пунктуально выработанъ религіозный этикетъ, что право

* „Веселый домъ“—училище эпохи возрожденія, организованное въ духѣ идей возрожденія и выпустившее много даровитыхъ питомцевъ.

не нужно ходить въ театр маріонетокъ. И трудно вообще представить себѣ изобиліе всѣхъ начальственныхъ причудъ, долженствующихъ культивировать благовоспитанность, благоприличіе, благоувѣтливость и прочія добродѣтели несчастныхъ жертвъ епархіально-институтскаго режима. На этой почвѣ иногда вырастаютъ факты полные глубокаго трагизма, переплетающіеся неуловимо-хитрою сѣтью тонкихъ отношений. Такъ, въ циркулярѣ № 20 читаемъ слѣдующее: „Обозрѣвая одно епархіальное женское училище, ревизоръ вынесъ весьма благопріятное впечатлѣніе отъ заботливости начальства о возможной чистоплотности и опрятности воспитанницъ училища. Заведенный въ училищѣ въ этомъ отношеніи порядокъ можетъ служить добрымъ примѣромъ и для другихъ училищъ. Ревизоръ пишетъ: „относительно воспитанницъ особенно младшаго возраста соблюдается возможная опрятность. Такъ, воспитанницы, вставши, при воспитательницѣ перевертываютъ свои тюфяки (?), встряхиваютъ простыни (?), стелютъ постели (?) и подъ надзоромъ воспитательницъ одѣваются (?). Каждая старшая воспитанница смотритъ за порученной ей младшей и вечеромъ, послѣ общей молитвы, вычесываетъ ей голову (?); еженедѣльно воспитательницы вычесываютъ (?) своихъ воспитанницъ, и два раза въ годъ начальница сама провѣряетъ чистоплотность воспитанницъ. Благодаря такому порядку, въ училищѣ, при многолюдствѣ живущихъ, нѣтъ никакихъ наскромыхъ. Безукоризненная чистота поддерживается и во всѣхъ училищныхъ помѣщеніяхъ, корридорахъ, классахъ, спальняхъ, залѣ“ и т. д. Какой восторгъ, какой плѣнительный видъ, подумашь, открывается циркуляромъ. Какой чистенькій, прибранный уголокъ! Однако, стоитъ только немного представить въ „реальныхъ“ чертахъ означенный циркуляръ, основываясь на дѣйствительныхъ, а не мечтательныхъ только впечатлѣніяхъ воспитательной практики, чтобы во очію вообразить себѣ весь воспитательный ужасъ, и хочется невольно сказать: timeo Danaos et dona ferentes... Но данайцы не смущаются и спокойно преподносятъ училищамъ циркулярныя предписанія и похвалы, какъ законодательное руководство. А въ результатъ въ нѣкоторыхъ училищахъ развертываются исторіи въ родѣ, напр., „повѣсти о клопѣ“.

Пріѣзжаетъ въ училище ревизоръ, одинъ изъ „данайцевъ“, чуть ли не авторъ вышеприведеннаго циркуляра. Были приняты всѣ мѣры. Въ училищѣ подъ дамкловымъ остриемъ циркуляра, все было „вылизано“, по выраженію мѣстнаго шутика. И, о ужасъ, въ спальнѣ, у кровати одной воспитанницы, многоочитый, торжествующій взоръ ревизора узрѣлъ клопа. Скандаль и трагедія. Какъ была установлена наличная принадлежность клопа извѣстной воспитанницѣ, сказать трудно; но только виновная три дня „стояла за обѣдомъ“ и имѣла уменьшенный годовой баллъ въ поведеніи. Это было въ 1902 году.

Не искушаетъ всѣхъ помянутыхъ недостатковъ „институтскаго“ режима и изученіе иностранныхъ языковъ въ епархіальныхъ училищахъ, составляющихъ одну изъ видныхъ даней такого подражанія: постановка ихъ въ епархіальныхъ училищахъ такова, что самый смѣлый критикъ предпочелъ бы обойти этотъ вопросъ краснорѣчивымъ и многозначительнымъ молчаніемъ.

Нельзя-ли, наконецъ, подвести епархіальныя училища подъ типъ женскихъ учительскихъ семинарій?

Дѣйствительно, въ училищной атмосферѣ „епархіальное“ образованіе есть довольно опредѣленное вѣяніе, въ особенности въ послѣднее время, съ развитіемъ церковно-приходскихъ школъ и толками о народно-школьномъ призваніи епархіалки. Послѣдній выпускной классъ отчасти такъ и приспособленъ, чтобы кончившія курсъ стали учительницами. Но какова эта учительская подготовка въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, въ теченіи 1 года, въ видѣ двухчасовыхъ уроковъ педагогики и 1—2 пробныхъ уроковъ въ образцовой школѣ—судите сами. Нѣтъ нужды говорить о настольныхъ книгахъ будущей учительницы—учебникахъ общей педагогики и дидактики Миропольскаго—въ настоящее время онѣ ниже всякой критики. Можно безусловно утверждать только одно, что кончившая 6 классовъ епархіалка, несмотря на аттестатъ, больше ребенокъ, чѣмъ опредѣлившаяся личность, и безъ малѣйшихъ дѣйствительныхъ педагогическихъ знаній, безъ жизненнаго опыта и знанія современныхъ общественныхъ условий, съ однѣми благими мечтами,—на долгое время малонадежная

учительница. Фактовъ по этой части безъ конца. А сколько жалобъ мнѣ пришлось слышать отъ молодыхъ учительницъ—епархіалокъ на внезапно выросшія неодолимые трудности въ представляемомъ столь поэтично-легкомъ школьномъ дѣлѣ и сѣтованій на *alma mater*, которая ничего не дала имъ, выпустивъ въ жизнь. Бѣдныя, онѣ и не подозрѣвали, что ихъ заботливая мать не могла, да и не старалась чего-либо дать насущно-нужнаго для современнаго школьнаго дѣла. Въдъ подготовка школьныхъ учительницъ случайная нашивка въ системѣ епархіальнаго образования. Попадѣй и дяконницей можно быть и безъ диплома учительницы. Безспорно, много есть изъ епархіалокъ и образованныхъ матушекъ и народныхъ учительницъ; но можно смѣло утверждать, что тутъ не причемъ епархіальное училище, какъ *alma mater*.

Итакъ, это не гимназія, не институтъ и не учительская школа. Это все и ничего. Съ точки зрѣнія людей, измѣряющихъ женщину „хозяйствомъ, спальней, кухней“ (а такихъ много среди заправляющихъ постановкой образования въ епархіальныхъ училищахъ), епархіальное училище по своей идеѣ и строго—все; съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ нуждъ современной жизни—ничего: ни образование, ни воспитаніе*.

* Могутъ, впрочемъ, указать какъ на специальную принадлежность епархіальнаго образования его религіозно-нравственное направленіе, отмѣчая въ немъ, такъ сказать, свой самостоятельно выработанный типъ. Но относительно этого должно сказать слѣдующее. Во 1-хъ, религіозное воспитаніе и образование, составляя, въ смыслѣ идеальномъ, сферу интимной жизни человѣка, мало чего вносятъ индивидуальнаго въ понятие образованнаго человѣка, какъ общественной единицы. Религія устанавливаетъ лишь отношенія человѣка къ Богу; что же касается выработки и установленія тѣхъ или иныхъ отношеній къ ближнему, то-есть, нравственныхъ понятій, то этого не чуждается и свѣтская школа, такъ что съ этой стороны ея училища не представляютъ чего либо особеннаго. Во 2-хъ, если допустить, что религіозное воспитаніе въ епархіальныхъ училищахъ осуществляется путемъ церковныхъ службъ, большей или меньшей длины, двукратно въ годъ говѣнїемъ, то въ данномъ случаѣ они нисколько не отличаются, напр., отъ институтовъ съ тѣми же порядками религіозной жизни. Лишніе же часъ-два уроковъ закона Божія въ епархіальномъ училищѣ не сдѣлаютъ воспитанницъ особо религіозными. Въ 3-хъ, религіозное воспитаніе и образование, какъ нѣчто специфическое въ епархіальныхъ училищахъ, если и есть, поставлено въ большинствѣ учи-

Еще одинъ вопросъ, стоящій въ непосредственной связи съ той-же системой взглядовъ: что такое епархіальное училище—школа или ремесленное заведеніе? Официально и по статуту и по очерченному положенію это—школа. Но если-бы зналъ читатель, въ какомъ въ дѣйствительности фальшивомъ положеніи во многихъ училищахъ находится этотъ вопросъ! Какъ часто въ нихъ до жалкой каррикутуры третируется учебное дѣло. Какая скрытая, темная, а подчасъ трагическая борьба идетъ изъ-за „книги“. -- „Онѣ должны быть хозяйками“, „онѣ должны умѣть шить, варить“, „къ чему имъ образованіе!“, таковъ принципъ администраціи до самыхъ крайнихъ верховъ. Это можно прослѣдить по журналамъ совѣтовъ епархіальныхъ училищъ Москвы, Твери, Владимира, Самары, Ярославля... Въ одномъ училищѣ, напр., совѣтъ, въ виду невозможности прохожденія геометріи безъ знанія элементарной алгебры, постановилъ удѣлить на преподаваніе ея нѣсколько уроковъ. Мѣстный преосвященный на журналѣ совѣта сдѣлалъ надпись: „не лучше-ли эти уроки посвятить на руководѣліе“... Нѣкоторые высокіе представители администраціи изошряются даже до такого житейскаго прозрѣнія: „начи-таетесь Горькаго да Чехова, семинаристы васъ замужъ не будутъ брать!“ (изъ рѣчи одного архіерея къ епархіалкамъ). И вотъ, подъ административнымъ давленіемъ вырастаетъ ремесленный школьный режимъ. Выплываетъ на свѣтъ Божій руководѣліе въ безчисленно-разнообразныхъ формахъ. Всѣ свободные по какимъ-либо обстоятельствамъ уроки заполняются шитьемъ, вышиваньемъ, вязаньемъ... 5-й часъ руководѣльный, помимо обычныхъ урочныхъ часовъ. Бываютъ случаи, когда

лишь столь ложно въ духѣ фарисейски показнаго ханжества, внѣшней обрядности и формализма, монастырскаго аскетизма и т. п., что, право, подобнаго рода религіозностью восхищаться приходится всего менѣе. Наше время—время широкаго, активнаго евангельскаго гуманизма, а не чахлаго, прозябательнаго аскетизма. Если же послѣдствія отъ такого воспитанія въ епархіальныхъ училищахъ не столь радикально ощутительны, сравнительно напр. съ семинаріями, то это объясняется особымъ складомъ женской личности, давшимъ поводъ одному профессору высказать мысль, что „жена священника, не вѣрующая въ Бога, седьмое чудо въ свѣтѣ“.

ученицы на урокахъ научныхъ предметовъ сидятъ съ какимъ нибудь рукодѣлемъ. Въ Царскомъ Селѣ года 3 тому назадъ это даже практиковалось въ видѣ награды лучшимъ ученицамъ. Ученица, небрежная въ рукодѣліи, объявляется „крамольницей“. Ее обвиняютъ не въ лѣности, не въ небрежности, а въ „неблагонадежности“. Параллельно воздвигается полное гоненіе на книгу. Ученицы не имѣютъ ни минуты свободной. Имъ часто некогда читать, такъ какъ онѣ должны къ опредѣленному сроку сдать рукодѣлія. Въ большинствѣ училищъ сами ученицы обшиваютъ себя и ученицъ младшихъ классовъ. Искусственно создаются разныя общественныя рукодѣльныя работы для подарковъ властямъ всѣхъ ранговъ въ день ангела и по инымъ случаямъ, къ актамъ и разнымъ праздникамъ, для показного шегольства передъ публикой. Учебное дѣло въ такія эпохи падаетъ: появляются привилегированныя группы рукодѣльницъ, многія ученицы сидятъ по ночамъ. Глубоко жаль только одного, что никто изъ гостей не хочетъ знать, цѣною какихъ непосильныхъ трудовъ, какихъ незримыхъ страданій достаются эти часто замѣчательно художественно шитые пояса, полотенца, холсты, подушки, церковныя пелены, воздухи—работы маленькихъ рабынь. Словомъ, научные предметы временно оказываются въ столь страшномъ загонѣ, что преобладающій курсъ школы оказывается вполне опредѣленнымъ, хотя и съ фальшивымъ флагомъ. Конечно, здравый педагогическій тактъ могъ-бы установить должную мѣру того и другого элемента. Къ сожалѣнію, въ темномъ, хотя и просвѣтительномъ, царствѣ гораздо болѣе приходится считаться съ рабымъ угодничествомъ, чѣмъ съ дѣйствительнымъ тактомъ. Но что всего хуже — это то, что такую постоянно подчеркиваемую тенденціей чрезвычайной важности разныхъ рукодѣльныхъ занятій для епархіалокъ вытравляется послѣднее уваженіе къ книгѣ, къ знанію, къ ученію и въ концѣ концовъ ремесленно-техническая выучка заслоняетъ собою если не все, то весьма многое. Само собою понятно, что и ремесленная выправка хороша и необходима; но тогда она и пусть будетъ не замаскирована идеальными мечтами объ общемъ образованіи, а поставлена широко и разумно. Въ дѣйствительности же нѣтъ ни того, ни другого, одна лишь внутрен-

няя фальшь, только деморализующая учащихся и причиняющая напрасныя страданія.

Посмотримъ теперь, какъ распределяется внутренняя жизнь въ епархіальномъ училищѣ, на комъ лежатъ разныя административныя функціи. Должно сознаться, и тутъ мы встрѣчаемъ какую-то путаницу, явно рассчитанную на принципъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Административныя функціи училища распределяются между 3-мя лицами: начальницей, инспекторомъ классовъ и предсѣдателемъ совѣта. По уставу епархіальныхъ училищъ начальница вѣдаетъ воспитательную часть въ училищѣ, инспекторъ — учебную, а предсѣдатель стоитъ во главѣ правленія. Въ собственномъ-же смыслѣ совѣта, какъ корпоративнаго учрежденія всего учебно-воспитательнаго персонала училища, нѣтъ совсѣмъ. Недавніе циркуляры центрального управления о правѣ совѣщательнаго голоса преподавателей по вопросамъ педагогическимъ не много расширяютъ автократію совѣта. Такимъ образомъ, три лица стоятъ у кормила епархіальнаго правленія. Въ практикѣ это отливается въ совершенно своеобразную форму, врядъ-ли гдѣ еще практикующуюся. Въ затхлой атмосферѣ болотной епархіальной жизни замираютъ почти совершенно всякія идейныя тенденціи подлиннаго педагогическаго дѣла и воцаряется во всей непринужденной красотѣ интрига съ самымъ беззастѣнчивымъ коварствомъ. Въ общемъ, получается наличное состояніе каждаго момента въ жизни епархіальныхъ училищъ въ такомъ видѣ: главенство кого-либо изъ триумвировъ. Если главенствуетъ начальница, — инспекторъ и предсѣдатель совѣта въ загонѣ. Тогда послѣдніе составляютъ между собою гласную или негласную коалицію и начинается походъ: подковы, борьба, интриги, сплетни, средства дозволенныя и недозволенныя. Если слишкомъ доминируетъ предсѣдатель, то такой союзъ заключаютъ начальница съ инспекторомъ. Этотъ союзъ наиболѣе частый въ жизни епархіальныхъ училищъ. Менѣе часто гоненіе на возмнившаго инспектора классовъ. Однако и здѣсь бывають исторіи и съ очень серьезными послѣдствіями. Перемена ролей при дружной работѣ совершается часто въ теченіе одного года. И такъ триумвиры по-немногу вѣдятъ другъ друга, пока, наконецъ, менѣе живучая

сила, надломленная борьбой, не запросить пощады. Автору известны случаи, когда преосвященный начальник, из опасения вредного преобладания отдѣльных представителей администраціи училища, назначалъ предсѣдателемъ совѣта чело-вѣкъ—хитраго дипломата, большого мастера стравлять враждебныя силы. Это называлось водвореніемъ системы „политическаго равновѣсія“. Можно отсюда судить, какія полныя живого драматизма сцены иногда разыгрываются въ залѣ совѣта епархіальнаго училища. Можно безошибочно предположить, какую малую долю интереса возбуждаетъ къ себѣ здѣсь собственно педагогическое дѣло. По журналамъ совѣта въ эти эпохи борьбы можно отчетливо прослѣдить, кто царить въ училищѣ. И можно, наконецъ, видѣть, какъ все это, совершаемое на глазахъ у всѣхъ, не исключая учащихъ (въ духовномъ сословіи большое стремленіе къ тайнѣ, но и нигдѣ эта тайна не защита столь бѣлыми нитками, какъ у того-же духовенства) развращающе влияетъ на всю школьную жизнь. Въ этомъ отношеніи монархизмъ управленія женскихъ институтовъ и гимназій съ первоверховнымъ главенствомъ начальницы, при всемъ открывающемся просторѣ субъективизма и произвола, представляетъ собою болѣе совершенную форму. Слишкомъ зарвавшійся произволь неизбѣжно скоро падетъ на самого-же себя; въ совѣтѣ же епархіальныхъ училищъ все же, несмотря на интриги и борьбу, рука руку моетъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, центральное управленіе хочетъ, очевидно, устранить отмѣченную аномалію. Такъ, циркуляромъ № 21 значительно отодвигается предсѣдатель совѣта отъ административнаго вмѣшательства въ жизнь училища, при чемъ расширяются полномочія, очевидно, въ соотвѣтствіе столичнымъ институтамъ, начальницы училища. Но мысль центрального управленія попрежнему идетъ на какихъ то запяткахъ, безъ инициативы и безъ живого творчества. Въ то время, какъ школы мало-мальски прогрессивнаго направленія, не бояшіяся свѣта и жизни (училища министерства финансовъ, нѣкоторыя частныя училища), съ каждымъ годомъ все развиваются въ духѣ корпоративной автономіи совѣтовъ училища, убогое центральное управленіе, ковыляя, едва успѣваетъ только повторять ошибки, роковой вредъ которыхъ давно

другими уже сознанъ. И все это имѣетъ особенную цѣну въ томъ отношеніи, что по уставу еп. ж. училищъ служашія въ училищѣ воспитательницы могутъ быть „достаточнаго образованія“, о начальницѣ же и того не сказано (У. е. ж. у. § 28), что на практикѣ ведетъ къ послѣдствіямъ вполне понятнымъ*. Рѣдко можно встрѣтить большей ироніи надъ образованіемъ. И это все не гдѣ нибудь, а въ учебномъ заведеніи. Можно сказать, въ полномъ смыслѣ апоѳеозъ невѣ-

* Именно только на такой благодарной почвѣ и мыслимы событія, извѣстныя въ лѣтописяхъ нѣкоторыхъ училищъ подъ именемъ „сказаній“. Таково напр. „сказаніе о мопсѣ“. У начальницы одного епарх. училища былъ мопсъ. Разумѣется, мопсъ пользовался рѣдкимъ привилегированнымъ положеніемъ. Неприкосновенность его особы была абсолютная. Ученицы звали его инспекторомъ. Онъ спокойно, важно ходилъ по корридорамъ. Заслышавъ его поступъ, ученицы, сидя въ классѣ, шептали: „идеть, идеть“... И иногда онъ, дѣйствительно, заглядывалъ въ классъ въ случайно отворенную дверь. Входилъ и уходилъ при дружномъ гробовомъ молчаніи. Учителя были довольны серьезнымъ, молчаливымъ инспекторомъ. Недоволенъ былъ лишь одинъ экономъ—дьяконъ, наблюдавшій за чистотою зданія. Но никто не смѣлъ даже побеспокоить какъ либо столь важнаго фаворита. Однажды онъ встрѣтился въ училищномъ корридорѣ съ преосвященнымъ. На этотъ разъ онъ былъ отогнанъ скорѣе въ сторону. Но преосвященный, шутя, замѣтилъ начальницѣ, кивая головой въ сторону ученицъ: „что-же, вы и ихъ учите ходить на заднихъ лапкахъ?“, и прошелъ мимо. Это была, конечно, лишь милая шутка начальства—не болѣе... Съ помянутымъ мопсомъ, дававшимъ столько развлеченій ученицамъ и учителямъ, въ училищѣ было связано много всякихъ исторій и комическихъ и трагическихъ. Упомяну о двухъ. Зашелъ однажды мопсъ вечеромъ, во время ужина воспитанницъ, въ столовую. Никто не обратилъ на него вниманія. Тамъ онъ встрѣтился съ кухонной кошкой и вышелъ пассажъ: послышался какой-то неистовый, невозможный не то крикъ, не то визгъ и произошла такая паника, такой ужасъ, столько оказалось со всякими ушибами, столько побитой посуды и столько пережитаго страху, что, право, мопсъ не стоилъ и сотой доли случившагося. Однако, въ дѣйствительности, мопсъ цѣнился куда выше, дороже чело-вѣка. Это другая исторія, уже болѣе печальная. Мыли мопса въ банѣ и вымытаго несли домой. И какъ на грѣхъ, дернуло собаку дворника привѣтствовать громкимъ лаемъ своего привилегированнаго собрата. Мопсъ замечался, зарычалъ, вырвался изъ рукъ и прямо, чистенький и свѣжій, ринулся въ осенюю грязь. Черезъ три дня дворникъ получилъ расчетъ. Никто и не говоритъ, конечно, кромѣ развѣ злыхъ языковъ вольтерьянцевъ, что все это случилось изъ-за собаки. Да, чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!

жества. Кто же послѣ этого повѣритъ, что домостроевское „наказаніе“ въ вопросѣ о женскомъ образованіи не идеаль для центрального управленія.

Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ учебнаго и воспитательнаго строя епархіальныхъ училищъ. Они столь характерны и столь роковымъ образомъ переплетаются съ основною тенденціей женскаго епархіальнаго образованія, что трудно сказать, что на счетъ чего существуетъ. Прежде всего выростаеъ страшная губительная сила въ *бѣдности*. Въ одномъ изъ отчетовъ объ епархіальномъ училищѣ центральное управленіе восхищается необычайно быстрымъ количественнымъ ростомъ епархіальныхъ училищъ, безъ пособій казны, на одни лишь мѣстныя средства, истолковывая этотъ фактъ, какъ добрый признакъ. Но если-бы центральное управленіе знало, въ какое убогое въ дѣйствительности положеніе поставлено учебное дѣло и именно изъ-за бѣдности. Библіотеки въ большинствѣ скудны, такъ какъ не на что покупать книги (о цензурѣ уже не говорю). Разныхъ наглядныхъ пособій, многихъ приборовъ часто нѣтъ совсѣмъ. Стипендій очень мало. Переводить изъ класса въ классъ, напримѣръ, нельзя — не годны, а не переводить, равносильно увольненію, такъ какъ не на что отцамъ содержать дѣтей. Усиленно позаняться, какъ либо подогнать тоже немислимо: классы переполнены, минимумъ 40 человекъ, а иногда 50, 60, 65. Учителя бѣгутъ, такъ какъ трудъ оплачивается дешевле, чѣмъ въ какомъ либо учебномъ заведеніи, а работы при общемъ количествѣ ученицъ, особенно по предметамъ письменнаго характера, безъ конца. Часто на двухъ-трехъ годахъ смѣняется нѣсколько учителей. Въ концѣ концовъ изъ всего получается какой-то безысходный кругъ, въ которомъ на почвѣ нужды царитъ торжествующее невѣжество подъ кичливой вывѣской образовательнаго заведенія. А когда съ кѣмъ-либо изъ духовныхъ говоришь на эту тему, то услышишь одно: „неужели все мало? И то сколько ухлопываешь денегъ на это дѣло... И зачѣмъ только? Есть немного и будетъ“ *et cetera*... Въ Ярославлѣ, напр., при сравнительной дороговизнѣ жизни, содержаніе ученицы въ день стоитъ 15 коп. и то духовенство на

сѣздѣ жаловалось, что „слишкомъ балуютъ ихъ дѣтей“... Подобныя мысли очень роковыми оказываются въ отношеніи педагогическаго персонала къ своему дѣлу. Высшая администрація здѣсь строго блюдетъ за выполненіемъ вышеупомянутаго принципа: „женщинѣ образованія большого не нужно. Онѣ должны быть хозяйками, воспитательницами. Къ чему тутъ какое-то „развитіе?“ Еще пожалуй на „курсы“ пойдутъ?.. А замужъ-то кто же тогда пойдетъ“... Горе, поэтому, какому нибудь молодому ретивому педагогу, вздумавшему стать наперекоръ административнымъ стихіямъ. Его затравятъ, замучаютъ преслѣдованіями и въ концѣ концовъ непременно сживутъ за неугомонную ревность. Я знаю нѣсколькихъ потерпѣвшихъ подобную участь. Но исторія одного особенно памятна. Глубокій умница, съ благороднымъ характеромъ, съ блестящимъ краснорѣчіемъ и не зауряднымъ административнымъ талантомъ—онъ еще будучи студентомъ въ духовной академіи, цѣлыхъ 4 года, нося титулъ „министра“, заправлялъ всей студенческой жизнью; къ его голосу прислушивалось и съ его мнѣніемъ считалось само академическое начальство... И что же? Поступилъ онъ въ епархіальное училище. Черезъ мѣсяць слышу—исторія съ начальницей, столкновеніе съ преосвященнымъ, а черезъ года два онъ оказался уже въ казенной палатѣ.. И это совсѣмъ не единичный примѣръ. Но если такова неизбежная участь слишкомъ неукротимой энергіи; за то сколь блаженна судьба людей, умѣвшихъ мирно войти въ тихую, уютную колею епархіально-учебной службы, и такими теплоприсосавшимися паразитами оказываются люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Вполнѣ понятно, какая, подъ влияніемъ упомянутаго, создается школьная атмосфера въ епархіальныхъ училищахъ. Сколько здѣсь духоты, затхлости и самаго непригляднаго сора. Давленія сверху дѣлаютъ ее еще болѣе тяжелой, удушливой. Большинство предписаній сверху носить какой-то пресѣкающей характеръ, населяя училищную жизнь черными страшными призраками на случай выхода за предѣлы положеннаго. Всѣ объяснительныя записки, приложенныя къ программамъ въ назиданіе учителямъ, гласятъ одно: *не обременять* воспитанницъ—не обременять ни разными подробно-

стями, голословными фактами, отвлеченными теоріями, модными взглядами и пр. и пр. и такъ безъ конца. Всѣ эти объяснительныя записки въ этомъ отношеніи столь характерны, что однѣхъ ихъ было бы достаточно для характеристики домостроевскаго склада епархіальнаго образованія. Циркулярныя приказы позднѣйшіе такого же типа. Такъ, одинъ, напр., оповѣщаетъ (16, 6 стр.) преподавателей метематики, географіи, что „нужно лишь ограничиться указаніемъ результатовъ науки по этому предмету, никакихъ же математическихъ формулъ выводить не слѣдуетъ“. Правда, быть можетъ, подобныя циркуляры и объяснительныя записки вызваны любовною педагогическою заботливостію центральнаго управленія о воспитанникахъ въ предупрежденіе жестокостей учителей, ученое рвеніе которыхъ можетъ быть дерзостно—неутомимо; однако, въ нихъ столь же ярко сквозитъ и иная тенденція: чѣмъ меньше, тѣмъ лучше... И замѣчательно, какое впечатлѣніе создается изъ всего этого на мѣстѣ. Одно епархіальное училище, вслѣдствіе многихъ мѣстныхъ условий, выпустило не одинъ десятокъ ученицъ столь безграмотныхъ въ разныхъ отношеніяхъ, что земство постановило не принимать болѣе кончившихъ курсъ въ епархіальномъ училищѣ къ себѣ въ учительницы. Въ училищѣ поднялся вопросъ о грамотности, о письмѣ, о сочиненіяхъ. Но тутъ появился въ руководство циркуляръ „предписывающій совѣтамъ училищъ не придавать отмѣткамъ по письменнымъ упражненіямъ особаго самостоятельнаго значенія“. (13, 36 стр.) И вотъ, подъ давленіемъ циркуляра практика жизни создала такое положеніе дѣла, что письменныя работы потеряли „всякое“ значеніе. Центральное вѣдомство разсчитало вѣрно: на мѣстѣ циркулярный приказъ проводится всегда возведеннымъ, по меньшей мѣрѣ, въ квадратъ.

Такъ, въ мертвыхъ желѣзныхъ тискахъ влачится учебная жизнь въ епархіальныхъ училищахъ. Можно судить поэтому, насколько гнетуще тяжела училищная атмосфера. Давленія всякихъ начальствъ непосредственныхъ, ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ породило всевозможные страхи, висящіе какъ дамокловъ мечъ надъ школой. Воязливая мысль, „что-какъ скажутъ“, „а вдругъ узнаютъ“ или „донесутъ“, развивается

до болѣзненности, до пугливой мнительности, до полной свѣтбоязни. При каждомъ движеніи живой мысли, словно кошмарныя навожденія, черные призраки всевозможныхъ страховъ уже зловѣще выглядываютъ изъ cadaго угла, какъ бы заранѣе предрекая ей печальную судьбу. Иногда часто въ дѣйствительности ничего „устрашающаго“ нѣтъ; въ ближайшемъ ни „предостереженій“, ни „циркуляровъ“. А темные призраки, созданные подъ вѣчнымъ давленіемъ „верховъ“, вспоенные и вскормленные постоянно взвинчиваемою нервностью, уже смотрятъ на васъ своими подозрительными взорами, словно выслѣживаютъ свою жертву.

Припоминаются нѣкоторые факты. Въ образцовой церковно-приходской школѣ при епархіальномъ училищѣ была учительница. Она также входитъ въ составъ епархіальнаго мірка. Вся ея маленькая личность была наполнена однимъ чувствомъ паническаго страха предъ всякаго рода начальствомъ. Ни убѣжденій, ни вѣры въ свое дѣло, ни любви къ нему не было ни капли. Но рабская покорность начальству и болѣзненная чуткость ко всякимъ грядущимъ ужасамъ была безмѣрна. И какъ же отражалось это на школьной жизни! Говорили, напр., что особенное вниманіе въ церковной школѣ должно быть обращено на воспитаніе, — и она завела у себя въ школѣ такую дисциплину, что даже во время перемѣнъ между уроками дѣти не сходили съ мѣстъ и не разговаривали. Говорили въ такомъ же родѣ, напр., о церковно-славянскомъ языкѣ и она добила то, что по-славянски дѣти читали въ совершенствѣ, по-русски—слабо, объ ариѳметическомъ же счетѣ и говорить нечего. Жалко было видѣть эти совсѣмъ не дѣтскія личики, гдѣ вѣчные страхи создали эту тягостную гнетущую атмосферу. И все это было не изъ какого либо тщеславія или желанія отличиться... нѣтъ. Здѣсь все было пропитано однимъ чувствомъ, надъ всѣмъ стоялъ одинъ роковой вопросъ: „а вдругъ, что скажутъ?! А вдругъ, что увидятъ?!..“

Еще припоминаются факты... Особенно врѣзался въ память одинъ, гдѣ искусственно созданные страхи сплетаются въ цѣлую трагикомическую исторію. Праздновался въ училищѣ Гоголевскій юбилей. Для публичнаго чтенія Гоголь былъ исправленъ (?): всѣ мѣста, гдѣ у Гоголя попадалось

слово „чортъ“, были замѣнены словомъ „Богъ“*. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо, чтобы дѣвицы въ духовномъ заведеніи вдругъ произнесли это слово. Но курьезъ вышелъ въ иномъ. По случаю юбилея купили бюстъ Гоголя. Одинъ учитель предложилъ, для увѣковѣченія школьнаго торжества, выгравировать соответствующую надпись. Взята фраза изъ Гоголя: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“, какъ наиболѣе характеризующая міровое значеніе писателя. Надпись, понравившаяся ученицамъ, съ согласія начальства, была прибыта. Вдругъ инспекторъ начинаетъ раздумывать, а не сдѣлалъ ли онъ какую оплошность? Не слишкомъ ли мрачный характеръ имѣетъ надпись? Не поселила бы она пессимизма въ юныхъ сердцахъ? А вдругъ увидитъ архіерей? А вдругъ заинтересуется кто нибудь на актѣ изъ именитыхъ гостей города? А что скажетъ ревизоръ?.. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ страхи все растутъ, одинъ страшнѣе другого, совершенно лишая покоя мнительнаго инспектора. Начинаются „начальническія“ бесѣды съ учителемъ; надпись приказано снять. Но исторія усложняется дѣйствіемъ. Въ духовной семинаріи устраивается Гоголевскій вечеръ. Ректоръ семинаріи пріѣзжаетъ съ просьбою къ инспектору училища сосудить бюстъ Гоголя на праздникъ и проситъ показать его. Но инспекторъ знаетъ, что у него на бюстѣ злополучная надпись... Какъ ее показать?.. Что еще „подумають“?.. Ужъ не прослышали ли „что нибудь“? Ужъ не подосланъ ли ректоръ отъ архіерея? Инспекторъ старается отказать ректору, но тотъ настаиваетъ рѣшительнѣе. Приходится вести и показывать... И вотъ, въ классѣ около бюста Гоголя разыгрывается комичнѣйшая пьеса... Инспекторъ, у котораго страхъ и подозрительность достигли до высшей степени напряженія, всячески старается сдѣлать такъ, чтобы надпись не была увидѣна ректоромъ, и онъ полами своей рясы, и туловищемъ, и покрываломъ старается всячески спрятать злополучную надпись; а ректоръ, словно ни въ чемъ не бывало, съ любопытствомъ осматриваетъ бюстъ со всѣхъ сторонъ... Мнѣ отъ души жаль не-

* Одинъ изъ учителей, между прочимъ, о своемъ епархіальномъ училищѣ пишетъ: „порядки хуже монастырскихъ. Имя чорта хоть изъ всѣхъ книгъ вычеркивай, особенно по постамъ“.

счастливаго инспектора, очень симпатичнаго человѣка, но совершенно убитаго вѣчными страхами, заставлявшими его всего бояться и непремѣнно „чего нибудь“ ожидать.. На другой день надписи уже не было...

И такъ дальше и выше тѣ же призраки, тѣ же подозрительные страхи и опасенія. Понятно отсюда, какое общее настроеніе должно царить въ этой столь удушливой атмосферѣ епархіальныхъ училищъ. Какую деморализующую струю вноситъ оно въ школьную жизнь. И напередъ можно предугадать, какъ оно должно отражаться на тѣхъ, кто такъ или иначе оказался вышедшимъ изъ установившихся рутинныхъ формъ и нарушаетъ усыпляющую домостроевскую тишь и гладь. Темныя силы, насыщающія школьную атмосферу и свято блюдущая незаблемую неприкосновенность оковъ женскаго умственнаго и нравственнаго убожества, не преминутъ въ отеческой заботливости пресѣчь въ самомъ корнѣ дерзновенную смуту, оставивъ на долю несчастныхъ педагоговъ лишь надорванные силы и подточенную вѣру.

Слѣдуетъ еще нѣсколько сказать относительно постановки воспитательнаго дѣла въ епархіальныхъ училищахъ. Сущность ея вполне опредѣляется и можетъ быть точно оцѣнена тѣмъ фактомъ, что это воспитаніе массовое, гуртовое, подъ одинъ ранжиръ, словомъ, воспитаніе со всѣми особенностями жизни интерната. Педагогическая стоимость этого института расцѣнена у насъ слишкомъ преувеличенно и можетъ быть оправдана только развѣ матеріальными нуждами. Однако, тягости тюремнаго институтскаго режима въ епархіальныхъ училищахъ оказываются вдвойнѣ мучительными въ виду общей скудости тамъ духовной жизни. Въ этомъ отношеніи свѣтскіе институты поставлены если и не разумнѣе, то послѣдовательнѣе. Изолировавъ воспитанницъ отъ жизни, они стараются хоть внѣшнимъ блескомъ, красивымъ декорумомъ разныхъ приманокъ, наполнить внутренній міръ институтки; епархіальное же училище, отнявъ ребенка отъ родной среды, отъ живыхъ впечатлѣній, ограничиваетъ свое попеченіе лишь убогими уроками, считая на этомъ свои обязанности оконченными и открещиваясь отъ всякихъ живыхъ запросовъ личности, какъ отъ навожденій злого духа (въ

епархіальныхъ училищахъ при монастыряхъ это особенно), или видя въ нихъ неукротимую лютость крамолы. Въ результатъ получается томительная скука тягуче-однообразныхъ дней, сонливая вялость и апатія ученицъ къ духовнымъ запросамъ, отсутствие молодой жизнерадостности, что такъ рѣзко бросается въ глаза при сопоставленіи епархіалокъ, живущихъ въ интернатѣ, съ такъ называемыми „приходящими“. Даже во внѣшнемъ обликѣ епархіалокъ замѣтно это влияние сидячей, придавленной жизни интерната. Приходящія ученицы всегда выше ростомъ и стройнѣе, живущія въ общежитіи всегда короче и какъ-то анемично—пухлѣе. Здѣсь впрочемъ училище повинно еще въ аскетическомъ презрѣніи къ физическому воспитанію. Запертыя въ 4-хъ стѣнахъ епархіалки не знаютъ ни чистаго воздуха, ни физическаго труда, ни свободныхъ прогулокъ и чахнуть, прозябая безъ свѣта и жизни, подобно блѣдно-желтымъ картофельнымъ росткамъ въ подпольѣ. Затѣмъ, благодаря тому же интернату, въ епархіальныхъ училищахъ довольно ходячъ совершенно не педагогическій принципъ показнаго воспитанія. Тамъ воспитываются не съ тѣмъ, чтобы быть, а для того лишь, чтобы казаться. И вотъ заботы и старанія, чтобы при публикѣ все „сошло“ благополучно,—это предметъ всѣхъ воспитательныхъ наставленій и руководствъ. И замѣчательно, все это дѣлается открыто, безъ малѣйшихъ сомнѣній въ доброкачественности такой показной жизни. Вообще, на этой почвѣ въ педагогическомъ міровоззрѣніи епархіально-учебнаго начальства сложился своеобразный идеаль „благовоспитанной дѣвушки“, прекрасно выраженный жалобой одной воспитанницы—епархіалки на свою судьбу: „не знаешь, что дѣлать, какъ ступить; идешь смѣло — „бойко, говорятъ, скромности нѣтъ;“ идешь съ оглядкой, — „что понуро ходишь?“ Наставленія всѣ отрицательнаго характера: „того не дѣлай“, „это запрещено“, „это грѣхъ“, „по сторонамъ не глядѣть—глядѣть въ ноги“ и проч. И часто отъ такого добродѣтельнаго потупливанія очей не могутъ избавиться весьма долго по выходѣ изъ школы. Такъ въ епархіальномъ воспитаніи цѣнится лишь внѣшнее обнаруженіе, оказательство въ духѣ рабской приниженности; внутренняя же жизнь губится въ режимѣ двуличья.

Есть и еще въ воспитательной атмосферѣ женскихъ духовныхъ училищъ, да кажется и вообще во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, одно роковое и едва-ли поправимое зло—старыя дѣвы. Невыразимо тяжелый и горькій осадокъ оставляютъ послѣ себя эти острые, страстные порывы умирающей жизни, и ужъ совсѣмъ антипедагогическимъ вѣетъ отъ ихъ то бурной, и клокочущей злости, то припадочно нервной истеріи. Но увы, это уже не столько школьный, сколько социальный вопросъ, это уже не столько школьный, сколько социальный вопросъ, и врядъ ли во всѣхъ несчастіяхъ, связанныхъ съ нимъ, могутъ быть повинны сами жертвы. Однако, его трагизмъ нигдѣ не ощутимъ съ такою мучительно страшной силой, какъ въ замкнутой, подневольно монастырской жизни интерната.

Таковыобщія типичныя черты жизни епархіальныхъ училищъ. Мы могли бы продолжать нашу рѣчь по радіусамъ дальше. Но достаточно сказаннаго. Слѣдуетъ упомянуть лишь вкратцѣ еще о двухъ особенностяхъ. Обѣ онѣ глубоко цѣнны для школы будущаго. Во 1-хъ, слѣдуетъ добрымъ словомъ помянуть рѣдкое прилежаніе и трудолюбіе учащихъ дѣвушекъ духовнаго круга. Авторъ близко знакомъ съ школьною жизнью гимназій и институтовъ, но въ указанномъ отношеніи онъ всегда готовъ отдать предпочтеніе епархіалкамъ. Правда, онѣ, пожалуй, менѣе развиты, запасъ впечатлѣній у нихъ бѣднѣе, нѣтъ такой живости, какъ у живущихъ по домамъ гимназистокъ или баловней судьбы — институтокъ, но въ смыслѣ усидчиваго прилежанія, искренней отзывчивости и методичной исполнительности, имъ должно отдать по заслугамъ. Во 2-хъ, жизнь еп. училищъ, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства внутренняго строя, несмотря на всѣ стремленія властей оковать ее замкнутыми герметически рамками, хранить въ себѣ черты удивительно домашняго, семейнаго характера. Это отчасти черта духовнаго соловія. Благодаря этому, всѣ отношенія здѣсь и учащихъ и учащихся, внѣ какихъ либо официальныхъ противорѣчій, замѣчательно просты, безыскусственны, домашни. При иныхъ условіяхъ они могли бы быть подлинно нормальной почвой для педагогическаго дѣла. Отчасти и теперь они смягчаютъ остроту существующихъ столкновений, безъ которыхъ епархіальная училищная жизнь была бы адомъ. Но эта же семей-

ственность имѣть и другую сторону. Разрушая оковы официального безразличія, что особенно чувствуется въ ремесленно-чиновной службѣ въ институтахъ, она интимнѣе втягиваетъ педагога въ жизнь училища, обнажая, выпуклѣе представляя предъ нимъ, всѣ вопіющія нужды и раны. Здѣсь больше чѣмъ гдѣ нибудь педагогу до всего есть дѣло и все невольно будитъ его отзывчивость. При большей свободѣ жизни въ епархіальныхъ училищахъ и взаимномъ довѣрїи администраціи и педагогическаго персонала такой домашній характеръ могъ бы несомнѣнно быть въ высшей степени благотворной атмосферой для школьной жизни.

Еще нѣсколько заключительныхъ словъ. Спрашивается, чего же мы хотимъ? Уничтоженія епархіальныхъ училищъ? Ничуть. Преобразованія ихъ въ гимназіи или институты? Ничуть. Радикальной реформы ихъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Намъ хотѣлось только сказать одно: школа вообще, а женская въ особенности, достойна тѣхъ, кто ее создалъ и кто ее вѣдаетъ. Настоящая женская духовная школа есть результатъ домостроевскаго взгляда на женщину нашего духовенства. Пока такой взглядъ существуетъ, пока женщина есть, дѣйствительно, низшей, сравнительно съ мужчиной, породы существо, пока ея цѣнность измѣряется лишь разными житейскими экономическими интересами мужчины, въ которыхъ кухонному хозяйству принадлежитъ первенствующая роль, никакія преобразованія, никакая радикальная ломка не поможетъ. Школа все будетъ убожествомъ и недоноскомъ, а образованіе лишь подновленной въ духѣ современности личной невѣжества и обскурантизма. Только уваженіе къ женщинѣ, признаніе въ ней человѣка можетъ создать истинную женскую школу. Для духовенства уже одно это будетъ громадной реформой. И если такая реформа въ жизни произойдетъ, повѣрьте, все найдется тогда — и люди, и средства, и опытъ, и таланты, чтобы разрушить тотъ заколдованный кругъ домостроевской темноты, возведенной въ идеаль, въ которомъ въ настоящее время мирно дремлетъ чахлая духовная жизнь женскихъ епархіальныхъ училищъ.

А. Смирновъ-Кутаческій.

О духовныхъ академіяхъ.

І. Бастилія духа.

Пишущему эти строки не разъ приходилось слышать вопросъ: „что такое духовная академія по самой своей идеѣ“? При этомъ наибольшее недоумѣніе вызывалъ эпитетъ „духовная“. На что онъ указываетъ? Съ какой стороны характеризуетъ академію? Военная академія подготавливаетъ военныхъ (офицеровъ), академія художествъ выпускаетъ художниковъ. По этой аналогіи, казалось бы, духовная академія должна выпускать духовныхъ лицъ. Между тѣмъ, какъ, вѣроятно, всякому извѣстно, ничего подобнаго нѣтъ. Духовныя академіи выпускаютъ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 22 до 25 лѣтъ съ ученой (?) степенью кандидата богословія или съ званіемъ дѣйствительнаго студента, съ правомъ на чинъ извѣстнаго класса и на государственную службу — преимущественно въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, но также и въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ не требуется непременно опредѣленной спеціальной подготовки. Правда, въ числѣ выпускаемыхъ академіями кандидатовъ всегда бываютъ въ маломъ количествѣ и духовныя лица (рѣдко болѣе 5%); но это есть дѣло чистой случайности: съ одной стороны, духовныя лица имѣютъ право поступать въ студенты академіи наравнѣ съ свѣтскими лицами, а съ другой, во время прохожденія курса нѣкоторые студенты принимаютъ монашество, не оставляя академіи; — въ обоихъ случаяхъ духовный санъ въ такой же мѣрѣ не является существенной принадлежностью питомцевъ духовныхъ акаде-

мій, въ какой, напр., онъ же не служить препятствіемъ къ поступленію священника на медицинскій факультетъ. Прѣва и то, что кандидаты богословія, выпускаемые академіями, считаются ближайшими кандидатами именно на должности архіереевъ и священниковъ и преподавателей въ духовныхъ школахъ (семинаріи, епархіальныя женскія училища и духовныя мужскія училища); зато однако, съ другой стороны, очень не малый процентъ ихъ поступаетъ и въ совершенно свѣтскія вѣдомства (случалось, хотя и не часто, что количество такихъ доходило чуть ли не до 80%) — въ министерство финансовъ, государственный контроль, акцизъ, министерство внутреннихъ дѣлъ и т. п. Въ какомъ же смыслѣ рассматриваемыя учебныя заведенія называются именно „духовными“ академіями?

Казалось бы, дѣйствительнымъ основаніемъ могло служить то, что эти академіи находятся въ духовномъ вѣдомствѣ. Но, — не говоря уже о томъ, что съ официально-вѣдомственной точки зрѣнія говорить о „духовномъ“ вѣдомствѣ вмѣсто вѣдомства православнаго исповѣданія является не оправдываемой неточностью, — самый принципъ представляется здѣсь довольно страннымъ. Вѣдь тогда и нѣкоторые политехникумы, инженерныя училища, торговыя школы и т. п., находящіяся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, надо бы называть „финансовыми“ училищами или академіями. Если мы обратимся къ уставу духовной академіи, то и тамъ не найдемъ искомага объясненія. „Православная духовная академія, — читаемъ мы въ 1-мъ параграфѣ, — имѣетъ цѣлю доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности“. Совершенно ясно, что специальное учебное заведеніе должно получать свое наименованіе отъ той специальности, какая въ немъ преподается. Съ этой точки зрѣнія совершенно непонятно, почему же академія, — вопреки точному и недвусмысленному заявленію ея устава, что она даетъ высшее *богословское образованіе*, — названа не „богословской“ академіей, какъ бы слѣдовало, а духовной. Объясненія этой странности надо искать въ исторіи уставовъ нашихъ духовныхъ академій — 1814, 1869 и 1884 гг.

Академіи учреждались съ цѣлю дать высшее завершеніе богословскому образованію, получаемому въ духовныхъ семинаріяхъ и, съ этой точки зрѣнія, названы также духовными; семинаріямъ же, какъ школамъ, назначавшимся тогда, а въ въ представленіи многихъ назначающимся и теперь для специального подготовленія лицъ духовнаго сана, было и казалось вполне естественнымъ называться духовными. Столь случайно появившееся названіе стало служить потомъ для нѣкоторыхъ принципиальныхъ заключеній объ организациіи рассматриваемыхъ высшихъ школъ, а въ этомъ, въ свою очередь, было усмотрѣно основаніе дорожить такимъ счастливымъ наименованіемъ. Въ наши дни уже прямо можно слышать такого рода рассужденія: „если не хотимъ, чтобы наши академіи перестали быть духовными, то надо вотъ то-то“ или — „поколикую академія духовная, она должна“ и т. д. Ихъ приходилось мнѣ слышать и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; легко, конечно, ихъ услышать и въ любой провинціи; но, и къ изумленію, ихъ же, не давая себѣ труда вдуматься въ нихъ, повторяютъ и лица высокой авторитетности и образованности, являющіяся прямо или косвенно вершителями судебъ нашей духовной школы (я самъ лично слышалъ эти рассужденія во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ въ комиссіи изъ делегатовъ всѣхъ академій для изысканія мѣръ къ возстановленію занятій въ академіяхъ). Невольно приходится признать какую то психологическую загадку въ томъ, почему люди не хотятъ спросить себя: да, полно, должна-ли академія быть въ какомъ-либо отношеніи духовной и обязываетъ ли къ чему-либо такое ея названіе?..

Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, это названіе такъ полюбилось, и какой реальный интересъ имъ прикрывается?

Богословскимъ академіямъ у насъ съ самаго начала постарались придать двойственный характеръ: съ одной стороны, въ нихъ справедливо видѣли расадники высшаго богословскаго образованія, а съ другой, ихъ хотѣли сдѣлать *воспитательными* заведеніями, подготовляющими въ лицѣ выходящихъ изъ нихъ богослововъ соответственнымъ образомъ настроенныхъ служителей церкви. Последняя цѣль въ глазахъ церковнаго правительства всегда брала перевѣсъ

или, во всякомъ случаѣ, преслѣдовалась имъ наиболѣе искренно. О первой же болѣе говорили изъ нѣкотораго чувства приличія, нежели серьезно считали ее непререкаемо важной*. Наилучшимъ доказательствомъ этого служатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда, по мнѣнію церковныхъ властей, церковно-практическіе интересы сталкивались съ научно-академическими, — и при этомъ послѣдніе неизмѣнно приносились въ жертву первымъ. вспомнимъ преслѣдованія сочиненій и личностей—профессоровъ Ф. А. Терновскаго, Е. Е. Голубинскаго, А. П. Лебедева, Н. Θ. Каптерева и др. Вспомнимъ циркуляры св. синода, воспрещающіе академическимъ ученымъ цѣлыя группы предметовъ изслѣдованія, извѣстные приемы работы и проч. Все это опять дѣлалось ради своеобразно понятыхъ интересовъ церкви. Чтобы все это можно было дѣлать, понадобилось поставить академіи подъ усиленный контроль духовныхъ властей, для которыхъ практическія цѣли, конечно, всегда были цѣннѣе научныхъ. Въ этихъ видахъ уставомъ 1814 г. руководство академіями ввѣряется конференціямъ, въ составъ которыхъ, помимо академическихъ профессоровъ, въ избиліи былъ введенъ духовно-іерархическій элементъ. Дѣятельность и рѣшенія этихъ конференцій были подчинены властному руководству епархіальнаго архіерея. А высшей инстанціей, тоже имѣвшей возможность многообразно и властно

* Это видно, между прочимъ, изъ того, что и въ уставахъ 1869 и 1884 гг. св. синодъ вычеркиваетъ изъ первоначальной редакціи требованіе отъ ректора академіи высшей ученой степени доктора богословія, замѣняя ее въ первомъ случаѣ магистерской степенью, а во второмъ совершенно умалчивая о степени (такъ что не было-бы противно уставу не только назначеніе ректоромъ священника, не получившаго вообще высшаго богословскаго образованія, — напр., изъ семинаристовъ, но и не прошедшаго даже средней духовной школы, — напр., принявшаго монашество юриста или медика), и въ резолюціи недавно бывшаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора кн. А. Д. Оболенскаго, профессоры духовныхъ академій требованіе отъ ректора докторской степени отвергнуто св. синодомъ. Цѣль здѣсь вездѣ одна и та-же: не создавать препятствія къ замѣщенію ректорской должности духовными лицами, среди которыхъ имѣющихъ магистерскую степень еще можно найти, а докторовъ — почти нельзя. Очевидно, научная авторитетность цѣнится гораздо ниже духовнаго сана.

имѣшиваться въ жизнь академій, былъ св. синодъ. Уставъ 1869 г., наиболѣе либеральный, оставилъ однако во главѣ академіи духовное лицо въ званіи ректора, назначаемое св. синодомъ*; дѣятельность совѣта и правленія академіи подчинялъ двойному контролю — епархіальнаго архіерея и св. синода; утверждение въ ученыхъ степеняхъ принадлежало синоду. Наконецъ, уставъ 1884 года, самый реакціонный и подозрительный къ наукѣ и ея представителямъ, весь проникнутъ тенденціей создать во главѣ академіи возможно сильную власть въ лицѣ назначеннаго синодомъ духовнаго лица (ректора), — на практикѣ таковыя лица назначались исключительно изъ монаховъ, какъ людей, наиболѣе послушныхъ предначертаніямъ власти, — отдать академіи въ почти неограниченное распоряженіе епархіальнаго архіерея (митрополита или архіепископа) и открыть для св. синода постоянную возможность регулировать теченіе академической жизни сообразно выясняющимся церковнымъ нуждамъ и интересамъ. Здѣсь уже совершенно ясно и полно выразилось торжество принципа, что академія должна прежде всего служить интересамъ церкви и ея представителей, а не науки. Этотъ уставъ уже во всей полнотѣ воспользовался перспективами, открываемыми самымъ наименованіемъ академій „духовными“ академіями. „Поколикъ академія — духовная“, она должна быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ ее уставъ 1884 года... Понятно теперь, почему такое названіе такъ полюбилось всѣмъ, кто стоитъ за преобладаніе церковно-практическихъ интересовъ надъ научно-богословскими.

Теперешнее состояніе духовныхъ академій показываетъ, насколько ложень и вреденъ былъ принципъ, доселѣ проводившійся въ отношеніи къ нимъ высшею церковною властью. Послѣдней науку задушить не удалось. Вопреки всѣмъ циркулярамъ и утѣсненіямъ, академи остались учеными учрежденіями и никогда не оскудѣвали такими достойными пред-

* Въ первоначальной редакціи устава 1869 года намѣчался выборный ректоръ. Но архіеп. Макарій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій), исправлявшій, по порученію св. синода, текстъ этого устава, замѣнилъ выборнаго ректора назначаемымъ. Съ этой поправкой уставъ и былъ утвержденъ.

ставителями, которые могли съ честью занимать мѣсто на ряду съ представителями университетской учености. Но, какъ говорится, стѣны лбомъ не прошибешь и противъ рожна не поперешь. Ученныя силы академіи почти исключительно стали сосредоточиваться на разработкѣ вопросовъ историческихъ, археологическихъ и филологическихъ, игнорируя вопросы чисто богословскіе, какъ такую область, для вступленія въ которую надо обладать специально исповѣдническимъ или мученическимъ настроеніемъ. Тѣ смѣльчаки, которые осмѣливались забыть это, жестоко платились за свою дерзость (диссертациі Аквилонова, Тарѣва, Свѣтлова и др.). А тѣ несчастные, которые, не обладая такимъ настроеніемъ, вынуждены были однако заниматься богословіемъ, давали въ своихъ трудахъ такую убійственную схоластику, что по справедливости должны считаться виновными въ томъ презрѣніи, какимъ въ нашемъ образованномъ обществѣ пользуется русское православное богословіе. Не даромъ одинъ изъ лучшихъ представителей свѣтской науки и философіи, кн. С. Н. Трубецкой, на своемъ докторскомъ диспутѣ сказалъ, что наше русское богословіе относится къ научному богословию, какъ алхимія къ химіи или астрологія къ астрономіи. Студенты духовныхъ академій стали интересоваться всѣмъ, кромѣ богословія. Воспитательныя задачи академій, не смотря на усиленное разведеніе въ послѣднихъ монашества, не достигались ни въ самомалѣйшей степени: 80% кандидатовъ, покидающихъ духовное вѣдомство, — наилучшая тому иллюстрація; а если въ стѣнахъ академіи общестуденческая сходка торжественно требуетъ отъ начальства „свободы совѣсти“, это ли не блестящій результатъ монашескаго воспитанія? Теперь, наконецъ, академіи *забастовали*. Студенты всѣхъ академій рѣшительно заявили, что не приступятъ къ занятіямъ, пока академіямъ не будетъ дана *автономія*. Профессорскія коллегіи, сами еще раньше начавшія готовить такое же ходатайство, всецѣло поддержали студенческое требованіе. Настойчиво въ теченіе столѣтія проводившаяся система стала, наконецъ, ненавистна всѣмъ, къ кому примѣнялась. И учащіе, и учащіяся стали чувствовать себя въ тискахъ этой системы, какъ узники въ темницѣ...

Здѣсь мы подходимъ къ самому вѣрному объясненію того, почему, и въ какомъ смыслѣ разсматриваемымъ учебнымъ заведеніямъ можно дать названіе „духовныхъ“ академій. Это названіе можно понимать только въ ироническомъ смыслѣ. „Гдѣ духъ, тамъ и свобода“, сказано 19 вѣковъ тому назадъ; а у насъ темница духовной жизни и богословской мысли, получила названіе „духовной“ академіи. *Бастилія духа*—вотъ разгадка этого страннаго названія!..

II. Управление академіями и академическое воспитаніе.

Было бы грубой несправедливостью приписывать духовной власти сознательное намѣреніе сдѣлать высшія богословскія школы именно тѣмъ, чѣмъ онѣ сдѣлались вслѣдствіе почти столѣтняго господства системы, подчинявшей научныя задачи академій задачамъ церковно-практическимъ. Среди нашихъ высшихъ іерарховъ было немало людей, искренно благожелательныхъ къ духовному просвѣщенію и къ наукѣ. Но дурная система или ложный принципъ тѣмъ то и вредны, что даже въ благожелательныхъ рукахъ приносятъ все то зло, какое могутъ принести и въ злонамѣренныхъ;—разница только въ продолжительности требующагося на это времени. Бастилія духа академію сдѣлала двойственностью поставленныхъ ей задачъ и подчиненіе ея научно-учебныхъ цѣлей цѣлямъ церковно-практическимъ. Къ этому присоединилось почти полное отсутствіе людей, способныхъ достойнымъ образомъ осуществлять послѣднія.

Для служителей и представителей церкви справедливо считается необходимымъ солидное богословское образованіе. Въ этомъ—главнѣйшій *raison d'être* богословскихъ школъ. Для богословскихъ школъ главной задачей считается приготовленіе служителей и представителей церкви. Въ этомъ *πρώτη φεῦδος* системы, сдѣлавшей академіи бастиліями духа. Казалось бы, преслѣдованіе обѣихъ этихъ цѣлей (культивированіе богословской науки и сообщеніе учащимся богословскихъ знаній, съ одной стороны, и подготовка служителей церкви, съ другой) не заключаетъ въ себѣ противорѣчія; ме-

жду тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно иное. Для плодотворной разработки науки необходимо, чтобы она руководилась только своими собственными интересами и задачами (т. е. интересами истины), а не поступала въ услуженіе разнымъ практическимъ задачамъ. Стремленіе возможно полно использовать науку въ разныхъ практическихъ цѣляхъ никогда не можетъ помириться (и по многимъ, кажущимся вѣскими, основаниямъ) съ такимъ отрѣшеннымъ отъ жизни служеніемъ истинѣ. Здѣсь — корень самыхъ печальныхъ конфликтовъ и обоюдныхъ жалобъ между представителями научныхъ и практическихъ стремленій. „Если вамъ нужна истина, — говоритъ первый, — то не мѣшайте намъ ее отыскивать и пользуйтесь отысканнымъ, какъ знаете“. — „Намъ нужна только полезная для церкви истина. — отвѣчаетъ второй, — и нужны люди, способные истинною служить церкви; давайте намъ только такую истину и выпускайте изъ вашихъ школъ только такихъ людей“. Это принципиальное разногласіе изъ области логической очень легко и быстро переходитъ въ сферу практическаго недовѣрія и борьбы. Вотъ діалектические моменты такого перехода*.

— „Истина одна, — продолжаетъ свою мысль ученый, — и она не можетъ быть вредной. Если хотите ее использовать, слушайте насъ, по принципу: *crede experto!*“

— „Истина въ церкви, — отвѣчаетъ практикъ, — и вашей задачей является обоснованіе церковнаго ученія; а если вы этого не дѣлаете, или ваши ученики не хотятъ служить церкви, то, значитъ, вы находитесь на ложномъ пути“.

— „Пусть истина въ церкви (да и то не вся, а только догматическая; въ отношеніи же ко всякой другой истинѣ, напр., исторической, филологической, естественнонаучной и т. п., церковь не является ея хранительницей); но церковь то не въ васъ. Кто вамъ далъ право говорить отъ ея имени? *Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus* — вотъ принципъ церковной истины. Но кому же лучше это знать, —

* Въ помѣщаемомъ ниже діалогѣ представительницей церковно-практическаго интереса является духовная власть; но отъ ея имени и въ ея тонѣ охотно говорятъ и многочисленные добровольные партизаны опеки надъ наукой.

намъ ли, изучающимъ исторію церкви и ея ученія отъ самаго ея зарожденія до нашихъ дней, или вамъ, служителямъ дѣловой программы лишь современнаго момента?“

— „А, такъ вотъ что! Но ужъ это прямой бунтъ противъ церковной власти и церковнаго авторитета. Это не православная точка зрѣнія. Это чисто протестантскій принципъ. Вы хотите на мѣсто церковнаго авторитета водворить научный произволь. Мы знаемъ, къ чему приводитъ этотъ путь. Невѣріе гнилого запада намъ достаточно извѣстно. Нѣтъ, мы не допустимъ, чтобы наши богословскія школы превратились въ новые Тюбингены и т. д.“.

— „Но вѣдь это все — лишь голословныя обвиненія. Чѣмъ вы ихъ можете подтвердить?“

— „Мы не хотимъ вступать съ вами въ споръ, а мы просто не позволимъ, чтобы русская богословская школа работала въ подрывъ православной церкви. Мы подчинимъ ученую и учебную дѣятельность академій контролю компетентныхъ духовныхъ лицъ, которыя будутъ охранять интересы православія и церковности“.

— „Но почему же эти люди а priori признаются компетентными для такой высокой и отвѣтственной задачи?“

— „Потому что они — духовные и уполномочены церковью“.

— „Но развѣ ряса сообщаетъ носящему ее лицу научно-богословскую компетенцію? А духовная власть, назначающая въ академіи начальниковъ, — развѣ она составляетъ православную церковь?“

— „Во всякомъ случаѣ, въ интересахъ православія ряса надежнѣе фрака, а засѣдающій въ синодѣ архіерей, хотя бы и не получившій богословскаго образованія, — скорѣе представитель церкви, нежели свѣтскій профессоръ, хотя бы и докторъ богослоя“.

Приведенный діалогъ сотни и тысячи разъ повторялся между сторонниками „академической свободы“ и приверженцами существующаго порядка, прежде чѣмъ, наконецъ, властному „не позволимъ“ со стороны послѣднихъ первыя рѣшили отвѣтить тоже весьма выразительнымъ „*non possumus*“ въ формѣ забастовки всѣхъ академій. Теперь, повиди-

тому, и высшая церковная власть пошла на уступки и готова дать академіямъ нѣкоторую автономію; но объ этомъ у меня рѣчь будетъ впереди. Я только хотѣлъ показать ходъ разсужденій, который всегда приводилъ церковную власть къ мысли о необходимости подчинить академическую науку цѣлямъ церковно-практическимъ, а самыя академіи сдѣлать воспитательными заведеніями подъ начальственнымъ руководствомъ назначенныхъ св. синодомъ духовныхъ лицъ и подъ наблюдениемъ духовной власти. Какъ это отражалось на академической наукѣ, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же я остановлюсь на непосредственномъ и высшемъ начальствѣ надъ духовными академіями и на результатахъ того воспитанія, какое старались давать въ академіяхъ.

По нынѣ дѣйствующему уставу (1884 г.) ближайшимъ начальникомъ академіи является ректоръ. Права и власть его чрезвычайно обширны. При желаніи и при поддержкѣ высшаго начальства (а таковая ректору почти всегда безусловно обеспечена), онъ можетъ совершенно свести къ нулю все значеніе совѣта и правленія, номинально считающихся распорядителями академической жизни. И мы знаемъ массу примѣровъ, что самыя незаконныя затѣи ректора поддерживались высшею властью вопреки рѣшеніямъ академическихъ совѣтовъ. Въ одной изъ академій ректоръ за послѣдніе полтора года систематически заявлялъ отдѣльное мнѣніе вопреки почти единогласному рѣшенію совѣта, и епархіальный архіерей, утверждающій совѣтскіе журналы, всякій разъ соглашался съ этимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ. А соединенными усилиями ректора и епархіального архіерея отмѣняются иногда и такія рѣшенія совѣта, которыя самимъ уставомъ признаются за окончательныя. Обладатель такой большой власти, несомнѣнно, накладываетъ отпечатокъ своей нравственной и умственной личности на всю академическую жизнь. Естественно поэтому желать и требовать, чтобы онъ былъ достойнымъ той важной и отвѣтственной миссіи, которая ему ввѣряется. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?— За рѣдкими исключениями, далеко нѣтъ.

Глава высшаго учебнаго заведенія, наблюдающій въ немъ „за ходомъ и направлениемъ преподаванія и точнымъ выпол-

нениемъ программъ“ (Уст. п. 23) и самъ обязанный преподавать одну изъ богословскихъ наукъ (Уст. п. 21), повидимому, долженъ бы обладать не только высшей ученой степенью, но и солиднымъ научнымъ авторитетомъ. Въ этомъ залогъ дѣйствительнаго и плодотворнаго вліянія. Между тѣмъ, и самъ уставъ не требуетъ отъ ректора никакой ученой степени, и практика назначенія ректоровъ св. синодомъ показываетъ, что въ данномъ отношеніи къ нимъ большой требовательности не проявляютъ. Обыкновенно довольствуются тѣмъ, чтобы молодой или старый монахъ, назначаемый ректоромъ, имѣлъ только магистерскую степень, и больше ни о чемъ не спрашиваютъ. О научномъ авторитетѣ, о способности читать лекціи въ высшемъ учебномъ заведеніи никому и въ голову не приходитъ спрашивать. И вотъ начальниками академій назначаются иногда лица, которыя безъ монашеской рясы никогда не осмѣлились бы мечтать даже о должности самаго скромнаго преподавателя въ академіи;— лица, не только не обладающія научнымъ авторитетомъ, но и не способныя удовлетворить даже тѣмъ чрезмѣрно скромнымъ требованіямъ, какія къ нимъ предъявляетъ тенденціозный въ ихъ пользу уставъ 1884 г. Въ академіяхъ бывали ректора, которые не могли читать лекцій и вмѣсто того читали по печатной книгѣ, знакомой студентамъ еще изъ семинаріи. И такая профанация ученой каѳедры никого изъ власти имущихъ не возмущала.. Большинство ректоровъ лекціи читали настолько плохо, что ни въ какое сравненіе съ другими профессорами и итти не могли, и въ студенческомъ сознаніи эти лекціи обыкновенно учитывались не со стороны ихъ учебной цѣнности, а скорѣе въ смыслѣ нѣкоторой богослужебной церемоніи, на которой неудобно не присутствовать. Обычно ректора и сами знаютъ это и потому пользуются всякимъ случаемъ, чтобы лекцій не читать. Количество проманкированныхъ ректорами лекцій ежегодно бываетъ весьма велико (бывали случаи, что иной ректоръ успѣвалъ во весь учебный годъ прочитать только отъ 3 до 5 лекцій). Чтобы это не казалось ужъ очень зазорнымъ, ихъ не принято писать въ вѣдомость опущенныхъ лекцій. Что касается учено-литературной дѣятельности, то извѣстенъ только одинъ случай, что

ректоръ въ бытность свою на академической службѣ успѣлъ написать докторскую диссертацию (теперешній Псковскій епископъ Арсеній). въ большинствѣ же остальныхъ случаевъ они не печатаютъ почти ничего, если не считать поученій и неудачной публицистики. Отъ чтенія диссертаций и отъ диспутовъ по своей наукѣ они обычно или уклоняются, или относятся къ этому дѣлу съ компрометирующимъ высшую школу легкомысліемъ. Въ качествѣ цензоровъ академическихъ изданій они рѣдко обнаруживаютъ пониманіе научныхъ интересовъ и объективной правды, изошряя все свое вниманіе почти исключительно на томъ, какое впечатлѣніе та или иная мысль можетъ произвести на высшее начальство, и какъ бы имъ за нее не „влетѣло“ (словечко, довольно часто слышимое изъ устъ академическихъ начальниковъ).

Таковы въ большинствѣ случаевъ академическіе ректора за время дѣйствія устава 1884 г. Упомянутыми мною выше рѣдкими исключеніями являются ректора изъ бывшихъ профессоровъ академіи. Изъ лицъ чисто монашеской карьеры къ такимъ исключеніямъ можно отнести не болѣе одного-двухъ. За то изъ послѣдней категоріи бывали и бывають такіе экземпляры, что профессорамъ и студентамъ приходилось прямо краснѣть отъ стыда за такихъ представителей академіи. И эти то люди считаются лучшими блюстителеми интересовъ православія и церковной истины, чѣмъ посвятившіе всю жизнь свою богословской наукѣ и исторіи церкви ученые профессора!..

Чѣмъ же отражается на жизни академіи управленіе ея такихъ начальниковъ?—Здѣсь необходимо принять во вниманіе ихъ административныя отношенія кверху. По уставу ректоръ является „отвѣтственнымъ за благосостояніе академіи по всѣмъ частямъ управленія“ (п. 22). Ближайшимъ и почти исключительнымъ его начальствомъ, предъ которымъ онъ долженъ отвѣчать, является епархіальный архіерей (митрополитъ или архіепископъ),—второе и еще болѣе жестокое орудіе академическаго угнетенія. Все зло отъ недостойныхъ своего поста ректоровъ станетъ понятно лишь въ связи съ тою ролью, какую играетъ по отношенію къ академіи епар-

хіальный архіерей. Поэтому я остановлюсь на послѣдней съ нѣкоторою подробностью.

Епархіальный архіерей облеченъ громадными полномочіями по отношенію къ академіи. Онъ утверждаетъ журналы совѣта и правленія академіи, „входитъ во всѣ подробности управленія ею, удостовѣряется въ степени ея благоустройства и, когда признаетъ нужнымъ, присутствуетъ на лекціяхъ, въ засѣданіяхъ совѣта и правленія, въ ученыхъ собраніяхъ академіи и на испытаніяхъ (Уст. пп. 81, 94, 12). Онъ „наблюдаетъ за направленіемъ преподаванія и воспитанія въ академіи“ (п. 11), онъ удаляетъ отъ должности служащихъ ниже экстраординарнаго профессора собственною властью и начиная съ экстраординарнаго профессора по сношенію съ св. синодомъ (п. 13—14), наконецъ, ему же принадлежитъ довольно удивительное право дѣлать совѣту и правленію, „смотря по надобности, письменныя предложенія къ исполненію“ (п. 15),—право, открывающее широкій просторъ произволу и усмотрѣнію. Въ полномъ объемѣ, правда, своими правами онъ не въ состояніи воспользоваться, потому что за массой епархіальныхъ дѣлъ не имѣетъ къ тому времени. Обычно его сношенія съ академіей рѣдко выходятъ изъ сферы бумажной (утвержденіе журналовъ и письменныя предложенія); лично онъ сносится только съ ректоромъ. Но давленіе его власти отъ того чувствуется отнюдь не слабѣе. Напротивъ, мало зная академію непосредственно, епархіальный архіерей можетъ легко составить себѣ тенденціозное представленіе о сдѣятельности (иногда подъ вліяніемъ ректорскихъ донесеній, а иной разъ и подъ случайными сторонними вліяніями) и въ силу этого начать относиться къ ней особенно придирчиво и безцеремонно. Такъ, напр., митрополитъ Сергій не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ московской академіи; и сколько всевозможныхъ мелочныхъ и часто унижительныхъ придирокъ пришлось отъ него пережить послѣдней (начиная съ незаконной ревизіи воспитательной и хозяйственной части членомъ учебнаго комитета, бывшимъ семинарскимъ инспекторомъ, продолжая торможеніемъ ординатуры профессора, почему то заподозрѣннаго въ сочувствіи расколу, пересмотромъ рѣшеній уже совѣтомъ дѣлъ по тайнымъ доносамъ, запрещеніемъ

студентамъ бесѣдовать съ профессорами о взятыхъ у нихъ темахъ для научныхъ работъ и т. д.),—обо всемъ этомъ даже и вспоминать не хочется. О властныхъ и не соответствующихъ интересамъ академіи дѣйствіяхъ нынѣшняго московскаго митрополита Владиміра (назначеніе на профессорскую кафедру, вопреки рѣшенію совѣта, іеромонаха Серафима, закрытіе кафедры физики и естествовѣдѣнія, промовированіе на кафедре петербургскаго епархіальнаго миссіонера Боголюбова) не мало писалось нынѣшній годъ въ петербургскихъ газетахъ („Наша Жизнь“, „С.-Петербур. Вѣд.“ и др.). Именно вслѣдствіе малой освѣдомленности о настоящей жизни академіи и ея истинныхъ интересахъ епархіальный архіерей и можетъ на нее дѣйствовать особенно угнетающимъ и разстраивающимъ образомъ. Априорныя и постороннія соображенія въ этомъ случаѣ почти всегда берутъ въ его глазахъ перевѣсъ надъ сужденіями и указаніями академическихъ корпорацій. Вотъ, напр., студенческая забастовка (въ февр. н. г.) для выраженія сочувствія освободительному движенію. Профессора единогласно рѣшаютъ прекратить на время занятія въ академіи, увѣренные, что это наилучшій исходъ для студенческаго настроенія и для сохраненія профессорскаго достоинства. Но епархіальный архіерей, отождествляя освободительное движеніе съ революціоннымъ, безусловно это воспрещаетъ и заставляетъ профессоровъ читать лекціи кучкѣ угодливыхъ къ начальству Streikbrecher'овъ. Кромѣ униженія и нравственной пытки для профессоровъ и паденія ихъ авторитета, ничего изъ этого хорошаго не вышло. Новая забастовка осенью н. г. изъ-за автономіи. Профессора постановляютъ возбудить соответственное ходатайство. Епархіальный архіерей съ неудовольствіемъ объявляетъ имъ, что они занимаются не своимъ дѣломъ, и что ихъ обязанность работать мѣры для подавленія забастовки; на этотъ разъ, положимъ, корпорація не послушалась своего начальника, но характерно самое отношеніе послѣдняго къ насущнымъ нуждамъ академической жизни. Справедливость требуетъ сказать, что далеко не всѣ архіереи, начальствующие надъ академіями, проявляютъ по отношенію къ нимъ такую притязательную властность. Лучшие изъ нихъ оставляютъ академію въ покоѣ.

Но и тогда ихъ авторитетъ и власть въ рукахъ опытнаго ректора остаются достаточно страшнымъ пугаломъ для давленія на академическіе совѣты и правленія.

Ректоръ академіи, какъ я сказалъ, является отвѣтственнымъ за всѣ части управленія предъ епархіальнымъ архіереемъ. Вотъ эта то отвѣтственность и желаніе угодить начальнику, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее движеніе по служебной лѣстницѣ, и заставляетъ ректоровъ особенно усердствовать въ проявленіи своихъ административныхъ талантовъ. Безъ этого побужденія многіе изъ нихъ предпочли бы мирно отбывать свой ректорскій стажъ, не мѣшая корпораціи управляться самой, какъ умѣетъ. И нѣкоторые дѣйствительно рѣшались такъ вести себя; такіе, не смотря на свою негодность для занимавашагося ими поста, все-таки вспоминаются, какъ лучшіе ректора. Но не всѣ такъ равнодушны къ своей дальнѣйшей карьерѣ и не всѣмъ позволить такъ вести себя само высшее начальство. Обычно ректоръ все свое вниманіе напрягаетъ на угадываніе или даже на прямое разузнаваніе того, чего хочется отъ академіи ея высшему начальнику. Соответственно этому строится вся его административная программа, которую онъ и проводитъ съ настойчивостью и безоглядностью, пропорціональными силѣ его характера, т. е. иногда совсѣмъ не считаясь съ интересами академіи, а иногда дѣлая имъ уступки, но въ послѣднемъ случаѣ почти каждый разъ съ видомъ заговорщика, обманывающаго свое начальство, а не съ сознаніемъ своей обязанности именно такъ дѣйствовать. А такъ какъ указанія высшаго начальства почти всегда основываются не на близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣла, а либо на априорныхъ соображеніяхъ, либо на стороннихъ вліяніяхъ и свѣдѣніяхъ, то понятно, что ректорская программа почти *никогда не соответствуетъ* дѣйствительнымъ потребностямъ академической жизни. Отсюда постоянная борьба ректора противъ совѣта и обратно. Лучшие и наиболѣе честные изъ ректоровъ, наскучивъ такой борьбой, наконецъ, искренно становились на сторону академической корпораціи; но за это они нерѣдко платились утратой благоволенія вверху.

Изъ всего сказаннаго легко понять, какъ подавленно и противоестественно должна была протекать жизнь нашихъ духовныхъ академій. Совѣты и правленія либо становились безмолвными орудіями въ рукахъ духовнаго начальства, либо растрачивали свои силы на безплодную борьбу съ нимъ. На плодотворную и широкую дѣятельность въ пользу своей alma mater и ея питомцевъ — студентовъ они не могли и разсчитывать. Единственною сферою, куда, не смотря на все несомнѣнное желаніе, ни ректоръ, ни епархіальный архіерей не могли сколько нибудь вліятельно проникнуть, оставалась область собственно академическаго преподаванія. Это было самое дорогое, чѣмъ едва ли какой профессоръ согласился бы поступиться. И ничего академическіе профессора такъ ревниво не оберегали, какъ именно своей научной и преподавательской свободой въ аудиторіи. И можетъ быть, только благодаря этому, теперь, въ пору крушенія господствующей духовно-школьной системы, они не потеряли все-таки довѣрія своихъ студентовъ. Но почему же именно въ эту то область духовная власть и не могли проникнуть съ своимъ контролем? Вѣдь это, казалось бы, необходимѣе всего прочаго. Вѣдь именно для контроля надъ преподаваніемъ, какъ мы видѣли, и понадобилось поставить во главѣ академіи духовное лицо и подчинить ее епархіальному архіереею. Здѣсь мы присутствуемъ при зрѣлищѣ жестокой ироніи судьбы: для этой задачи духовная власть чувствовали себя безусловно некомпетентными и за разрѣшеніе ея не брались по естественному чувству благоразумія, изъ боязни оскандалиться. А можетъ быть, здѣсь сказывалась уже и совѣстливость. Во всякомъ случаѣ, исторія здѣсь дала наилучшее *reductio ad absurdum* тѣхъ принциповъ, какіе въ началѣ этой главы я вложилъ въ уста сторонниковъ подчиненія академической науки церковно практическимъ цѣлямъ*...

* Любопытно, что неосуществимость этой задачи со всею откровенностью признана, наконецъ, и самимъ св. синодомъ. Въ упоминавшихся уже мною совѣщаніяхъ профессорскихъ делегацій въ ноябрѣ с. г., гдѣ участвовали и два бывшихъ ректора академіи — архіеп. Сергій Финляндскій и еписк. Арсеній Псковскій (оба, надо отдать имъ справедливость, принадлежавшіе въ свое время къ разряду достойнѣйшихъ и сравнительно

Областью, гдѣ сила ректорской власти и поддерживавшаго ее архіерейскаго авторитета и вліянія могла проявляться во всей полнотѣ, была область — административныхъ отношеній, того маленькаго самоуправления, какое академіямъ все еще оставалось и по уставу 1884 г., и воспитанія учащагося въ академіяхъ юношества. Здѣсь безсиліе профессорскихъ корпорацій иллюстрируется неисчислимымъ количествомъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ. Ректоръ, вопреки уставу, отказывается созывать совѣтъ по требованію профессоровъ, на совѣтѣ отказывается ставить для обсуждения вопросы, неугодные ему или епархіальному архіереею; обсужденіе поставленныхъ вопросовъ предваряетъ заявленіемъ: „Владыкѣ угодно, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ такомъ то смыслѣ“, или: „Какъ бы вы, господа, ни рѣшили, мое мнѣніе вотъ какое, и я буду отстаивать его всѣми доступными мнѣ мѣрами до подачи отдѣльнаго рапорта включительно“; неприятнымъ для ректора или епарх. архіерея, но непредотвратимымъ постановленіемъ совѣта не дается хода посредствомъ канцелярскихъ проволочекъ или посредствомъ не утверждающихъ либо отсрочивающихъ *ad calendas graecas* резолюцій и т. д. *. Принятіе мѣръ къ замѣщенію вакантныхъ профессорскихъ кафедръ въ уставѣ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ академиче-

лучшихъ изъ ректоровъ эпохи 1884—1905 г.), — послѣдними рѣшительно было заявлено, что контроль надъ научной и учебной дѣятельностью академій практически неосуществимъ, совершенно не нуженъ въ той формѣ, въ какой думали его имѣть доселѣ, и только компрометируетъ самые контролирующіе органы. Члены св. синода и сами противъ ученой и учебной автономіи академій не стали ничего возражать.

* Вотъ, напр., совѣтъ Моск. д. академіи въ октябрѣ 1904 г. рѣшилъ пригласить на 1904/5 учебный годъ для приготовленія къ занятію профессорской кафедры преподавателя Иркутской д. семинаріи М. В. Одинцова. Постановленіе это только въ мартѣ 1905 г. вернуто было въ совѣтъ съ условной резолюціей: если непременно желаютъ пригласить Одинцова, то пусть ходатайствуютъ предъ г. оберъ-прокуроромъ и т. д. Неизвѣстно, то пусть ходатайствуютъ предъ г. оберъ-прокуроромъ и т. д. Неизвѣстно, сколько времени потребовалось-бы на послѣднее ходатайство, одно несомнѣнно, что прибыть по приглашенію изъ Сибири г. Одинцовъ могъ не многимъ ранѣе 16 августа, т. е. конца того срока, на который онъ приглашался.

скимъ совѣтомъ (п. 81, лит. а, 7), — и однако было уже нѣсколько случаевъ въ разныхъ академіяхъ, когда ректоръ и еп. архіерей замѣшали академическія каѳедры *по назначенію*. Зачисленіе въ студенты академіи рѣшается совѣтомъ и утверждается архіереемъ; бывали однако случаи, когда послѣдній *motu proprio* зачислялъ въ студенты молодыхъ людей, лично ему извѣстныхъ своимъ добронравіемъ, хотя и не выдержавшихъ повѣрочныхъ испытаній для поступленія въ академію. Увольненіе студентовъ изъ академіи принадлежитъ къ тому же разряду совѣтскихъ дѣлъ, — и однако его часто производятъ безъ совѣта *. Но вѣдь всѣхъ примѣровъ и не перечислять... Въ концѣ концовъ совѣты оказываются совершенно парализованными и лишеными всякой возможности реального вліянія на академическую жизнь. Послѣднее удается только при особенной сплоченности корпораціи или благодаря добродушію и уступчивости начальства. Но сплоченныя дѣйствія нигдѣ не трактуются столь нетерпимо, какъ именно въ духовномъ вѣдомствѣ, и наиболѣе ретивые дѣятели дружной оппозиціи всегда рискуютъ безъ суда и слѣдствія лично поплатиться своимъ служебнымъ положеніемъ, что, конечно, способно у многихъ умѣрить оппозиціонный пылъ **. Добродушіе и уступчивость (точнѣе, равнодушіе) начальства дѣйствительно частенько имѣютъ мѣсто; но до того унижительно и обидно пользоваться своимъ правомъ только въ мѣру неохоты властей посягать на это право!...

Отъ рѣшенія воспитательныхъ дѣлъ, т.-е. касающихся студентовъ, совѣтъ почти безусловно отстраненъ. Къ нему обращаются только въ экстренныхъ случаяхъ, — при какихъ-нибудь грандіозныхъ скандалахъ, беспорядкахъ, забастовкахъ и т. п., — чтобы воспользоваться силой того нравственного авторитета, который еще не подорванъ въ глазахъ студентовъ. И надо сказать, что за послѣдніе годы не мало сдѣлано для скомпрометированія и этого авторитета, такъ

* Говорю это на основаніи устава (§ 81, б, 1), но не увѣренъ, не изъято-ли это изъ числа совѣтскихъ дѣлъ какимъ-либо позднѣйшимъ циркуляромъ.

** Имѣющіеся въ моемъ распоряженіи факты этого рода я не считаю пока удобнымъ оглашать безъ согласія заинтересованныхъ лицъ.

что нѣкоторыя благоразумныя корпораціи начали, наконецъ, въ подобныхъ случаяхъ прямо отказываться отъ обсужденія.

Все воспитательное дѣло въ академіяхъ находится... въ рукахъ начальства. Ректоръ здѣсь играетъ главную роль, но кромѣ него весьма существенное значеніе имѣетъ и другое административное лицо, именно инспекторъ.

По уставу (п. 32) инспекторъ назначается изъ ординарныхъ профессоровъ. Если не ошибаемся, это требованіе устава за все время его дѣйствія только въ одной академіи и одинъ разъ было исполнено (въ Казани). Въ особо уважительныхъ случаяхъ дозволяется назначать изъ экстраординарныхъ профессоровъ. Такихъ назначеній было во всѣхъ академіяхъ около 6—7. А всего въ академіяхъ за это время перебивало инспекторовъ отъ 25 до 30 человекъ *. Откуда же брались остальные $\frac{2}{3}$ этого числа? — Обычно вопреки уставу, ихъ брали не изъ профессоровъ, а по большей части со стороны — почти исключительно изъ *монаховъ*, только что получившихъ магистерскую степень или даже совсѣмъ не имѣющихъ таковой **. Дѣлалось явное беззаконіе, котораго не рѣшился санкціонировать даже реакціонный уставъ 1884 г., всетаки понимавшій, что для руководства взрослыми людьми надо ставить лицо, обладающее научнымъ и нравственнымъ авторитетомъ. Но не трудно понять, почему это дѣлалось. Тенденція здѣсь та же, что и въ назначеніи духовныхъ ректоровъ: хотѣли непременно поддерживать и насаждать духъ церковности. Монахи для этого казались самыми подходящими людьми: ужъ на что церковнѣе и покорнѣе предначертаніямъ власти? А нравственный авторитетъ за ними должны были студенты признавать въ силу одного ихъ духовнаго сана. Но надъ этой богатой идеей исторія насмѣялась еще больше, чѣмъ надъ идеей непременно духовнаго ректорства. Никто такъ не скомпрометировалъ себя и такъ не осрами-

* Цыфровыя данныя во всѣхъ этихъ случаяхъ я привожу приблизительно.

** Считаю необходимымъ оговориться, что сказанное имѣло мѣсто только въ двухъ академіяхъ: — Московской и Петербургской. Но и въ Кіевской и Казанской академіи, насколько мнѣ извѣстно, система давала себя знать, м. б., и независимо отъ проводившихъ ее лицъ.

лись, какъ именно инспектора духовныхъ академій. Неподходящихъ и прямо даже негодныхъ людей здѣсь было весьма достаточно. Въ рѣдкой академіи студенты не бунтовали противъ инспектора чуть не ежегодно. Между ними попадались экземпляры, удалявшіеся со службы самимъ начальствомъ въ 24 часа... О какомъ воспитани и нравственномъ авторитетѣ можетъ быть тутъ рѣчь?.. Въ нашей Московской академіи перебивало 12 инспекторовъ (въ томъ числѣ 10 монаховъ). Изъ нихъ 6 оставили академию со скандаломъ. Но и при остальныхъ безъ скандаловъ и т. н. бунтовъ не обходилось. Объясняется это тѣмъ, что около половины ихъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи были совершеннымъ ничтожествомъ. Авторитета въ глазахъ студентовъ они не имѣли и не могли имѣть абсолютно *никакого*. А между тѣмъ притязательность у нихъ бывала огромная и охота водворять „порядки“ смертная. Рѣдкій питомецъ академіи не вспоминаетъ своего инспектора, — безъ всякаго преувеличенія скажу, — съ ненавистью и омерзѣніемъ, сохраняющими свою силу и десятки лѣтъ спустя по окончаніи курса. Приводить примѣры ихъ воспитательныхъ подвиговъ прямо даже и не хочется: до того все это мелочно, глупо, унижительно, позорно... Перечитайте многочисленные очерки гимназической жизни и дѣятельности тамъ инспекціи, прибавьте сюда изрядную дозу религіознаго лицемѣрія и ханжества, представьте, что вся эта милая система примѣняется къ взрослымъ людямъ въ возрастѣ обычно отъ 21 до 24 лѣтъ, а иногда и до 30 и болѣе, изъ которыхъ нѣкоторые до академіи успѣли побывать на службѣ, — и вы поймете всю нелѣпость такого положенія въ объективномъ смыслѣ и всю гнетущую и раздражающую гнусность его въ смыслѣ субъективномъ (для тѣхъ, кому приходится самимъ его переживать)*. Недаромъ въ резолюціяхъ студентовъ почти всѣхъ

* Я лично безъ негодованія не могу вспомнить инспектора-монаха моего времени. И помню, что тогда-же еще его режимъ казался болѣе нелѣпымъ и мелочнымъ, чѣмъ даже господствовавшій во многихъ семинаріяхъ: для послѣобѣденной прогулки требовалось брать билетъ, опозданіе возвращеніемъ въ академию на $\frac{1}{4}$ часа считалось дисциплинарнымъ проступкомъ; студентовъ заставляли раскрывать ротъ и дышать въ лицо

академій, разсматривавшихся въ ноябрьскихъ засѣданіяхъ профессорскихъ делегацій въ СПб., стоитъ категорическое требованіе—*уничтоженія инспекціи!* Недаромъ и профессора, обсуждавшіе этотъ вопросъ, пришли къ единогласному рѣшенію, что въ существующемъ видѣ и съ теперешними задачами инспекція въ академіяхъ безусловно не можетъ быть терпима. Предлагалось уничтожить даже самое имя „инспекторъ“, ставшее ненавистнымъ, и замѣнить его названіемъ „проректоръ“.

У студентовъ инспектора вызываютъ не только ненависть, но и призрѣніе часто еще и потому, что въ добавокъ къ отсутствію у него всякаго нравственнаго авторитета и къ нелѣпости проводимой имъ педагогической системы, онъ бываетъ весьма плохимъ (чтобы не сказать болѣе) преподавателемъ. Нарушая требованіе устава, чтобы инспекторъ назначался изъ профессоровъ, духовное начальство пыталось однако прикрыть такое нарушеніе это право совѣту академіи назначаемыхъ на эту должность монаховъ въ званіи профессора или доцента, отдавая ему какую-либо вакантную въ данное время кафедру. Что представлялъ изъ себя такой незаконный профессоръ или доцентъ, легко вообразить. Бывали инспектора, которые, въ смущеніи предъ тяжестью предстоящей имъ задачи, не рѣшались приступить къ ея выполненію и за все время своей службы не прочли ни одной лекціи; но, какъ справедливо сказалъ нѣкто, это не были худшіе: бывали инспектора, читавшіе всѣхъ курсовъ... для потѣхи надъ феноменальной глупостью и комической притя-

инспектору, чтобы онъ могъ убѣдиться, не пахнетъ-ли отъ студента пивомъ или водкой; студентъ, занявшій въ церкви мѣсто не въ томъ ряду, какой ему указанъ по алфавиту, считается не бывшимъ у богослуженія; по окончаніи профессорской лекціи иногда появлялся инспекторъ и дѣлалъ переключку; шпіонство во всѣхъ видахъ (черезъ служителей и даже товарищей), обыски, денежные штрафы, лишеніе стипендій, увольненія... Но все и вспоминать противно!... Если онъ прочтетъ эти мои строки, то пусть хоть теперь устыдится за то попираніе человѣческой личности и достоинства, какое онъ надъ нами практиковалъ.

зательностью лектора. Пусть это было уже рекордом профессорской негодности; но и обычно студенты на вопрос, — какъ читаетъ инспекторъ, не колеблясь называютъ его лекціи „галиматьей“ или „чепухой“, и — никто такимъ отзывамъ не удивляется; — большаго рѣдко и ожидаютъ. И вотъ стоитъ предъ глазами студента такой „воспитатель“ и „профессоръ“, какъ живое и до невыносимой боли раздражающее оскорбленіе ему и той высшей школѣ, которой бы ему хотѣлось гордиться...

При такомъ личномъ составѣ академическаго управленія (ректоръ и инспекторъ), при тѣхъ задачахъ, какія это начальство преслѣдовало, и при томъ впечатлѣніи, какое оно производило на подчиненныхъ, — что за результаты могло давать академическое воспитаніе? — не трудно а ргіогі сказать, что результаты эти могли быть только отрицательные. Такъ называемой церковности въ нашихъ студентахъ гораздо меньше, чѣмъ могли бы ожидать самые нетребовательные и чуждые ханжества люди. Многіе поступаютъ въ академію съ искреннимъ намѣреніемъ пойти потомъ во священники; но окончивши курсъ, объ этомъ намѣреніи и не вспоминаютъ. Бываютъ, правда, принимающіе монашество еще на студенческой скамьѣ или прямо по окончаніи курса; но это, по большей части, не лучшіе студенты, а беззащѣнчивые карьеристы. Виноваты въ этомъ не академія и не профессора, а тѣ самые монахи, которыхъ сажаютъ въ академію, чтобы не допустить ее сдѣлаться „новымъ Тюбингеномъ“. Тюбингенами то академіи могли бы сдѣлаться и не смотря на монаховъ, потому что послѣдніе все равно контролировать преподаваніе и руководить имъ не въ состояніи; но воспитывать людей не только равнодушныхъ къ церкви, а нерѣдко и даже враждебныхъ безъ монаховъ было бы невозможно. Если кому, то именно монашескому начальству академіи обязаны упадкомъ въ нихъ церковнаго духа. Говорятъ, что въ роли ректора и инспектора свѣтскій профессоръ, самъ иной разъ не слишкомъ усердный къ церкви, не въ состояніи руководить религіознымъ воспитаніемъ студентовъ. Но, спрашивается, зачѣмъ имъ руководить - то? И что это за странная вещь — воспитаніе, примѣняемое къ совершеннолѣтнимъ лю-

дямъ! Невольно хочется сказать: да бросьте вы, господа, эту ложную идею! Вѣдь вотъ вы пытались „руководить“ уже по меньшей мѣрѣ 20 лѣтъ — и видите, что изъ этого вышло... Право, религія и церковность не такія ужъ хрупкія вещи, чтобы нуждались въ вашей компрометирующей поддержкѣ.

Внѣшняя дисциплина, вводимая въ жизнь академическихъ студентовъ, ничего, кромѣ раздраженія, не вызываетъ; и студенческая жизнь протекаетъ спокойно и приятно, а сами студенты не отрываются отъ своихъ научныхъ занятій къ разнымъ домашнимъ злобамъ дня только тамъ, гдѣ эта дисциплина слаба*. Иначе вся энергія студентовъ и начальства расходуется на взаимную борьбу, въ итогѣ которой — только обоюдная ненависть и отнятое у полезнаго дѣла время. Мнѣ кажется, что отсюда давно бы пора сдѣлать тотъ вполне естественный выводъ, что не слѣдуетъ академіямъ навязывать какихъ-либо *воспитательныхъ* цѣлей. Академіи должны быть учеными и учебными учреждениями, обязанными разрабатывать и преподавать *богословскую науку* и — больше ничего! Нравственное и воспитательное воздѣйствіе будутъ оказывать профессора впечатлѣніемъ своей личности и исповѣдуемыхъ принциповъ и наука — содержаниемъ своихъ высокихъ и чистыхъ истинъ. Разные же нравственные и юридическіе казусы въ академической жизни гораздо лучше мо-

* Не могу здѣсь не вспомнить добрымъ словомъ бывшаго ректора нашей академіи архимандрита Антонія Храповицкаго (нынѣ епископа Волынскаго). Въ то время (1890 — 1895 гг.) въ немъ не было замѣтно тѣхъ реакціонныхъ замашекъ, какими онъ прославилъ себя въ послѣднее время. Человѣкъ рѣдкаго, выдающагося ума, добрый, безкорыстный, онъ, не смотря на личныя свои симпатіи къ побѣдоносцевско-монашеской системѣ, умѣлъ всетаки не идти тѣмъ избитымъ путемъ, какимъ шли до и послѣ него монашествующіе начальники академій. Онъ понималъ, что дѣйствовать на юношество можно только нравственнымъ вліяніемъ, а не внѣшней дисциплиной; и самъ онъ имѣлъ вліяніе громадное. Такъ называемыхъ „порядковъ“ при немъ въ академіи не было абсолютно никакихъ: все было можно! И замѣчательно, что, не смотря на это, многія отрицательныя стороны студенческой жизни при немъ сгладились и почти исчезли. Но насколько такой „курсъ“ не гармонировалъ со всею системой, какую власти хотѣли проводить въ отношеніи къ академіямъ, видно изъ того, что именно за Антоніевское правленіе Моск. академія и расплатилась униженной Нечаевской ревизіи, о которой и упоминалъ выше-

жетъ разсудить совѣтъ профессоровъ или студенческой судъ, нежели специально делегированныя духовныя власти.

Итакъ, ни контроль надъ преподаваніемъ, ни религиозно-нравственное и церковное воспитаніе оказались не по плечу тѣмъ людямъ, въ назначеніи которыхъ начальниками академій видѣли гарантію противъ оміршенія послѣднихъ и увлеченія протестантскимъ духомъ. Ясно, что надо отказаться отъ самой мысли о необходимости для академій непременно духовнаго начальства. И надо самое это начальство организовать на другихъ началахъ. Короче—академіямъ должна быть дана *автономія*.

Заканчивая эту главу, я считаю долгомъ сказать, что менѣ всего хотѣлъ въ ней задѣвать тѣхъ или иныхъ личностей. Матерія такая одиозная — тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, при всемъ желаніи не обижать отдѣльныхъ лицъ. Думаю однако, что осуществить это желаніе мнѣ почти удалось. Если же ошибаюсь, то искренно прошу извиненія у всѣхъ, кому сказалъ что либо обидное. Жаль, что не могу сказать: *amicis monachi...* За то не боюсь сказать: *magis amica veritas!*

III. Академическая наука.

Безъ такъ называемой „академической свободы“ нѣтъ настоящей науки. Духовное начальство менѣ всего склонно было предоставлять такую свободу нашимъ высшимъ богословскимъ школамъ. При такомъ положеніи, казалось бы, изъ нашихъ духовныхъ академій долженъ былъ испариться и самый запахъ настоящей научности. Между тѣмъ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть и въ I-ой главѣ, это далеко не такъ. Почему же случилось то, что, повидимому, неизбѣжно должно было случиться? — Здѣсь одновременно дѣйствовало нѣсколько различныхъ причинъ и условій: 1. духовная власть не располагала никакими средствами для воплощенія въ жизни своихъ предначертаній, кромѣ чисто внѣшнихъ предписаній и контроля; — 2, она не смогла и не сумѣла подобрать надежныхъ исполнителей этихъ своихъ предначертаній; — 3, самый свой контроль она безсильна была сдѣлать дѣйствительнымъ и вліятельнымъ; — 4, наконецъ, у нея не хватало

послѣдовательности и настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли, не хватало и силы сопротивленія напору нарождавшихся требованій новаго времени и культуры.

Въ жизнь входитъ и прочно воплощается въ ней только то, что само въ себѣ сколько нибудь имѣетъ духа живого; а мертвыя рамки, запреты и стѣсненія могутъ только уродовать жизнь, задерживать тѣ или иныя ея проявленія, но никогда не въ состояніи сдѣлать, чтобы на репейникѣ родились смоквы. Ученыхъ можно сколько угодно стѣснять, можно запретить имъ говорить и писать, но никогда нельзя заставить ихъ видѣть то, чего нѣтъ или не видѣть того, что есть. Нельзя заставить думать иначе, чѣмъ думается и чѣмъ поддается фактами и т. н. научными данными. Само собою понятно, что профессора духовныхъ академій, знакомясь съ источниками и основаніями преподаваемыхъ ими наукъ, а также и съ трудами по этимъ наукамъ западныхъ ученыхъ, не могли приходить къ какимъ либо инымъ выводамъ, какъ только къ тѣмъ, какіе дѣйствительно возможны для даннаго времени по состоянію научнаго матеріала и его разработки въ соотвѣтственной ученой литературѣ. Пусть иному не освѣдомленному въ наукѣ равнителю будетъ казаться, что эти выводы противорѣчатъ интересамъ православія и церкви, ученый не въ состояніи будетъ даже понять силы такого аргумента и серьезности предъявляемаго къ нему притязанія; самъ то ученый вѣдь твердо знаетъ, что истина не можетъ вредить ни церкви, ни православію, а о своемъ обвинителѣ знаетъ, что онъ судитъ по невѣдѣнію истины и, можетъ быть, также по невѣдѣнію (какъ говаривали въ старой Руси) „ни православія, ни кривославія“. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ даже у самаго не строптивнаго человѣка *искреннее* согласіе подчиняться антинаучнымъ требованіямъ начальства? Конечно, нѣтъ. А гдѣ нѣтъ искренняго подчиненія, тамъ всегда живетъ духъ протеста и готовность при всякой возможности нарушить кажущееся незаконнымъ требованіе. Дѣятели академической науки, такимъ образомъ, неизбѣжно толкались на путь систематическаго и неискоренимаго противодѣйствія притязаніямъ подчинить науку практическимъ интересамъ. Устранить это противодѣйствіе можно было

только двумя способами: или лишить профессорів возможности знакомиться съ тѣми источниками и литературой, которые могли бы порождать въ нихъ нежелательное направление мыслей, или принимать на службу только такихъ профессорівъ, которые уже успѣли зарекомендовать себя достаточно благонамѣреннымъ образомъ мыслей. То и другое въ разное время и въ разной мѣрѣ было пробовано, — но совершенно безуспѣшно.

Контроль за составомъ академическихъ библиотекъ въ началѣ и срединѣ 19-го столѣтія практиковался довольно серьезно. Но, во-первыхъ, нельзя же было ужъ ничего не допускать изъ заграничныхъ ученыхъ изданій, а отборъ лишь замедлялъ и разрѣжалъ проникновеніе въ академіи запретныхъ идей, но не устранялъ его совершенно. А затѣмъ, вѣдь немножко и совѣстно было опекать солидныхъ мужей науки, какъ малолѣтнихъ дѣтей. Во-вторыхъ же, для такого контроля необходимо было, чтобы сама контролирующая власть обладала надлежащей научной освѣдомленностью, а это то, — увы! — имѣло мѣсто досадно рѣдко. . Были попытки и въ концѣ столѣтія стѣснять пользование нѣкоторыми книгами; но онѣ производили комическое впечатлѣніе своей запоздалостью и явной несообразностью. Напр., въ 80-хъ годахъ запрещались Штраусъ и Ренанъ, тогда какъ вся послѣдующая новозавѣтная литература, не только впитавшая всѣ ихъ идеи, но и ушедшая въ развитіи послѣднихъ гораздо дальше, благополучно избѣгала опалы — потому только, что составители этого пикантнаго индекса все еще продолжали считать Штрауса и Ренана „новѣйшими“ рационалистами...

Цензура лицъ, занимающихъ академическія кафедры, тоже не считалась излишней. Исторія академій знаетъ случаи удаленія профессорівъ за нежелательный образъ мыслей (Гиляровъ-Платоновъ, Филиппъ Терновскій и др.), еще больше въ преданіяхъ академій сохранилось случаевъ угрозъ такимъ удаленіемъ. Но и здѣсь безсиліе власти сказалось въ полной неспособности провести эту цензуру послѣдовательно и настойчиво. Удаленіе профессора всегда являлось актомъ личнаго преслѣдованія, а не системы. Для системы же не хватало умѣнья организовать контроль и собрать дѣйствительныя

улики. Замѣчательно, что попавшій на подозрѣніе профессоръ почти всегда требуетъ позволенія узнать пункты обвиненія и написать свой отвѣтъ. То и другое для власти обыкновенно бываетъ страшно неприятно и дозволяется только въ случаѣ нежеланія доводить дѣло до удаленія со службы; въ противномъ же случаѣ удаленіе совершается безъ объясненія причинъ и безъ выслушанія отвѣта обвиняемаго. Начальство а priori знаетъ, что не сумѣетъ поддержать обвиненіе, не компрометируя себя... Непонятно, почему назначеніе на службу начальство не захотѣло всецѣло удержать въ своихъ рукахъ, а предоставило выборъ профессорівъ самимъ академическимъ совѣтамъ. Эта странность существовала во всѣхъ уставахъ, не исключая и 1884 г. Последнее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что одновременно изданный университетскій уставъ отмѣнялъ избраніе профессорівъ самими университетами и замѣнялъ его назначеніемъ отъ министерства. Вѣроятно, это было сдѣлано по недосмотру, а не изъ благожелательности къ академической наукѣ. А можетъ быть, здѣсь дѣйствовало и сознаніе того, что самимъ, безъ профессорскихъ совѣтовъ, съ такимъ серьезнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ все равно не справиться. Какъ бы то ни было, но подборъ надежныхъ исполнителей своихъ предначертаній духовная власть изъ своихъ рукъ упустила и предоставила самимъ академіямъ. Последнія же, понятно, менѣе всего склонны были руководиться какими-либо сторонними соображеніями, а не интересами только науки. Такимъ образомъ, въ академіяхъ создавалась слоченная сила, готовая всѣми мѣрами бороться за науку, создавались традиціи и завѣты такой борьбы и выработывался инстинктивный взглядъ на всякое духовное начальство, какъ на естественныхъ и непримиримыхъ враговъ дорогой всѣмъ намъ науки и истины. Въ такой умственной и нравственной атмосферѣ воспитывалось и студенчество, которое потомъ переносило это настроеніе и въ среднюю школу. Имъ не могли не заражаться, по крайней мѣрѣ, въ молодые годы и сами носители церковной власти, потому что вѣдь почти всѣ они учились все таки въ академіи же; — эти отравляющія воспоминанія юности, вѣроятно, не у одной властной особы въ значительной степени парализовали инкви-

зиторскую энергію;—вѣдь невольно же онъ читаль въ глазахъ молчаливаго и, можетъ быть, оробѣвшаго подчиненнаго отпечатокъ того чувства, которымъ и самъ нѣкогда жилъ .. Оппозиція окончательно кристаллизовалась. Разбитая глыба дала бы все ровно части, составленныя изъ такихъ же кристалловъ.

Духовная власть, какъ я сказалъ, была безсильна сдѣлать свой контроль надъ академической наукой дѣйствительнымъ и вліятельнымъ. Она пробовала требовать отъ профессоровъ программы ихъ преподаванія. Программы представлялись; но кто могъ почестъ себя достаточно компетентнымъ, чтобы подвергнуть эти программы критической оцѣнкѣ съ цензурной точки зрѣнія и потребовать измѣненій, которыя бы потомъ не сдѣлались посмѣшищемъ для студентовъ и профессоровъ? Въ 1896 году придумали довольно хитроумное средство: программы одинаковыхъ предметовъ въ разныхъ академіяхъ отпечатали въ четыре параллельныхъ столбца и разослали по академіямъ съ требованіемъ, чтобы каждый профессоръ написалъ критическія замѣчанія на программы по его предмету, представленныя профессорами другихъ академій. Надѣялись отъ этого взаимоистребленія кое чѣмъ воспользоваться и, насколько извѣстно, подумывали даже о выработкѣ такимъ путемъ обязательной нормальной программы. Но профессора на эту удочку не пошли: критическихъ замѣчаній изъ всѣхъ четырехъ академій не представилъ, кажется, *никто*. Послѣщеніе лекцій начальствомъ, понятно, тоже ничего дать не могло. Разсмотрѣніе студенческихъ сочиненій, пишущихся подъ руководствомъ профессоровъ, вмѣнялось въ обязанность ректору; но послѣдній не имѣлъ физической возможности просматривать всѣ сочиненія, а частичныя наблюденія всегда оказывались настолько спорны, что большинство ректоровъ предпочло совсѣмъ бросить это безпокойное дѣло. Тогда было предписано, чтобы кандидатскія сочиненія рецензировались двумя профессорами, при чемъ одинъ отмѣчалъ бы степень согласія сочиненія съ принципами православія; но этого не стали дѣлать нигдѣ, кромѣ только одной академіи. Потребовали тогда (по крайней мѣрѣ, въ московской академіи), чтобы рецензирующій профессоръ приписывалъ въ отзывѣ, что „не находить въ сочиненіи ничего противнаго православію“. При-

писку стали дѣлать, не считая ее къ чему-либо обязывающей, а когда умеръ митрополитъ, издавшій такое распоряженіе, то и этотъ дурной обычай бросили.

Болѣе дѣйствительнымъ оказался было сначала контроль за печатными работами профессоровъ и работающихъ подъ ихъ руководствомъ молодыхъ ученыхъ (магистровъ). Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ было предоставлено св. синоду. Послѣдній сталъ давать ученые сочиненія для отзыва кому-либо изъ своихъ членовъ или одному изъ не присутствующихъ въ синодѣ архіереевъ. Одно время дѣло повелось было очень сурово: отказы въ утвержденіи стали почти зауряднымъ явленіемъ. Пишущая на степень братія была терроризована. Стали говорить и совѣтовать на степень писать что-либо „самое нейтральное“,—что нибудь настолько археологическое или филологическое, что къ православію не имѣло бы абсолютно никакого отношенія.

Исторія, чистая исторія, безъ всякаго намека на какое-либо собственное убѣжденіе автора, сдѣлалась любимымъ градусомъ прибѣжища для всѣхъ специальностей. Интересныя вещи,—такъ стали говорить,—можно печатать послѣ, а въ синодѣ надо послать что-либо неудобочитаемое. Нехитрая уловка скоро была замѣчена, и св. синодъ предписалъ, чтобы магистерскія и докторскія диссертации непременно писались или на богословскую тему, или на тему, имѣющую близкое отношеніе къ богословію. Разумѣется, на перваго рода темы (богословскія) охотниковъ писать почти не находилось,—кому же захочется трудиться съ рискомъ провала по цензурнымъ основаніямъ?—но темы имѣющія „отношеніе“ къ богословію стали выдумываться довольно искусно: попрежнему считалось лучшимъ взять какую угодно „нейтральную“ тему, но въ предисловіи необходимо было расписать, что она „имѣетъ самое близкое отношеніе“ къ богословію. Нѣкоторое время это было достаточно. Но преслѣдователи наши все-таки были вѣдь люди умные. Скоро потребовали, чтобы „отношеніе“ не рекламировалось только въ предисловіи, котораго иной читатель и читать не станетъ, а раскрывалось въ самомъ сочиненіи. Очень туго тутъ пришлось богословамъ, не желавшимъ заниматься богословіемъ. Особенно плохо было профессорамъ

свѣтскихъ предметовъ и ихъ ученикамъ. Ну, какую, напримеръ, философъ возьметъ себѣ „богословскую“ или имѣющую „отношеніе“ къ богословію тему?— „Вѣра“, „Бытіе Божіе“, „Сушность религіи“, „Безсмертіе души“ и проч. под.—все это до того затаскано, что серьезному мыслителю просто скучно объ этомъ писать. Къ героическому средству прибѣгъ одинъ солидный философъ, написавшій прекрасное сочиненіе о Локкѣ (ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ): вѣдь ужъ, кажется, никакого „отношенія“ къ богословію! а онъ взялъ да и присоединилъ въ концѣ книги обзоръ богословскихъ мнѣній объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ; и диссертация благополучно прошла чрезъ чистилище...

Въ указахъ св. свнода по поводу диссертаций не мало есть и довольно своеобразныхъ предметныхъ требованій. Напримеръ, въ сочиненіяхъ по священному писанію запрещается отвергать подлинность какой-либо священной книги или даже ея части. Запрещается говорить о разныхъ авторахъ Пятикнижия; Исаи, давать историческое объясненіе такъ называемымъ мессіанскимъ мѣстамъ и т. д. Въ сочиненіяхъ по церковной исторіи запрещается заниматься еретиками, особенно систематизировать ихъ ученія, нельзя упоминать о церковныхъ „партіяхъ“ 4 и 5 вѣковъ, нельзя отрицать древнерусскихъ легендъ и т. д. Въ богословскихъ сочиненіяхъ нельзя даже расходиться съ филаретовскимъ катихизисомъ. Одна такая диссертация (о церкви) прошла въ академіи, а свнодъ поручилъ ее читать еще епископу костромскому Виссаріону. Послѣдній ее одобрилъ, но при этомъ имѣлъ неосторожность посовѣтовать перемѣнить, соотвѣтственно выводамъ автора, въ катихизисѣ объясненіе 9 члена символа вѣры; за это не только автору было отказано въ степени магистра, но и преосвященный рецензентъ, кажется, подвергся неприятностямъ.

Изображенный порядокъ господствуетъ и доселѣ. Доведенная до абсурда ненормальность его теперь уже стала очевидна и духовнымъ властямъ. По крайней мѣрѣ въ появившемся 26 ноября с. г. указѣ св. свнода проектируется утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ предоставлять совѣтамъ академій. Ну, и слава Богу! Вздохнетъ теперь свободнѣе бѣдная наша наука...

Контроль надъ диссертациями былъ самымъ сильнымъ средствомъ угнетенія науки; но, какъ мы видѣли, науки онъ все-таки не убилъ, а лишь заставилъ избѣгать нѣкоторыхъ опасныхъ темъ. Послѣднія открывалась возможность трактовать не въ диссертацияхъ, а въ журнальныхъ статьяхъ или отдѣльныхъ книгахъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, приходилось уже считаться съ цензурою: но это—бичъ (теперь, къ счастью, уничтоженный) не для однихъ духовныхъ писателей. Въ общемъ, какъ видимъ, изъ контроля надъ богословіемъ толку все равно не вышло никакого.

Въ организациі преподаванія академической науки между уставами 1884 и 1869 годовъ замѣчается полная противоположность. Послѣдній допускалъ спеціализацію,—всѣ науки дѣлились на три параллельныхъ группы, изучавшіяся по выбору студентовъ,—а первый чуть не всѣ 28 наукъ сдѣлалъ общеобязательными.

Недостатки современной многопредметности ясно сознавались и сознаются профессорами и весьма тяжело и невыгодно чувствуются студентами. Недостатки эти вкратцѣ можно перечислить такъ: 1, нѣтъ возможности поставить преподаваніе на надлежащую научную высоту и воспользоваться для него всѣми вспомогательными средствами, которыя доступны при изученіи небольшой и болѣе или менѣе однородной группы научныхъ предметовъ; всякая попытка въ послѣднемъ направленіи разбивается о безусловный недостатокъ учебного времени и студенческихъ силъ, вынужденныхъ расходоваться на обязательныя работы по массѣ разнородныхъ наукъ;—2, студентъ, лишаясь возможности сосредоточиться на изученіи любимыхъ предметовъ и вынужденный заниматься иными науками совершенно противъ воли, теряетъ понемногу тотъ драгоценный юношескій энтузіазмъ къ наукѣ, который одинъ составляетъ залогъ прочнаго успѣха въ умственной жизни и закаляетъ молодую силу для будущаго плодотворнаго служенія культурѣ; умственная усталость, скептицизмъ и сознаніе какой-то недодѣланности нерѣдко остаются тяжелымъ наслѣдствомъ на всю жизнь даже самымъ талантливымъ питомцамъ нашихъ академій;—3, практически, вы-

пускаемый изъ академіи молодой „ученый“ сознаетъ себя обыкновенно безусловно не готовымъ ни къ какой ученой или учебной дѣятельности, а вынужденъ уже на мѣстѣ, какъ говорятъ, „изучать свой предметъ“, выбираемые на академическія кафедрѣ доценты первые годы посвящаютъ всецѣло на такое изученіе и почти совершенно не въ состояніи сколько нибудь авторитетно руководить студенческими занятіями; назначаемые въ семинаріи преподаватели иногда прямо сознаются, что о своемъ предметѣ „не имѣютъ понятія;“—4, для самостоятельныхъ самообразовательныхъ занятій, для работы философскаго, нравственнаго и политическаго міровоззрѣнія добросовѣстному студенту не остается никакого времени; прекрасныя студенческія библіотеки и читальни, какъ это ни странно, болѣе посѣщаются лѣнливыми студентами, нежели трудолюбивыми, и, опять какъ ни странно, первые часто оказываются гораздо болѣе развитыми, нежели лучшіе по выпускному списку кандидаты богословія.

Возвратъ къ практикѣ 1869 г. былъ бы, конечно, весьма существеннымъ улучшеніемъ. Но еще лучше было бы, какъ это признано и въ студенческихъ петиціяхъ и въ резолюціяхъ профессорскихъ совѣщаній, введеніе такъ называемой „предметной системы“ и изученіе небольшихъ группъ предметовъ, подбираемыхъ по степени ихъ однородности, но, впрочемъ, не фиксированныхъ разъ навсегда. Теперь это все, повидимому, дѣло сравнительно недалекаго будущаго, какъ можно судить по тому, что въ упоминавшемся уже указѣ св. синода отъ 26 ноября, возвѣщающемъ преобразование академій на основѣ широкой ученой и учебной автономіи академическихъ совѣтовъ, предписывается послѣднимъ къ 1 февраля 1906 года выработать проекты новаго устава для духовныхъ академій. А академическіе совѣты, какъ мнѣ извѣстно, рѣшительно вездѣ высказались противъ теперешней организаціи учебнаго дѣла въ академіяхъ.

Многое и весьма интересное можно бы было почерпнуть изъ исторіи академическаго преподаванія для характеристики того образованія, какое выносятся изъ академій ихъ питомцы; но все это имѣло бы только, пожалуй, бытовой интересъ и едва ли понадобилось бы, чтобы кого нибудь въ чемъ нибудь

убѣждать, потому что... и убѣждать то уже некого: сами власти духовныя въ этомъ отношеніи уже ничего не хотѣтъ отстаивать. Поэтому я на данномъ вопросѣ и остановился такъ кратко и бѣгло. Задачей моей статьи было—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ, освобожденію духовныхъ академій отъ тѣхъ оковъ и стѣсненій, какія превращали эти разсадники высшаго богословскаго образованія въ „бастиліи духа“. Главный источникъ всего зла я указалъ въ незаконныхъ и несостоятельныхъ притязаніяхъ духовныхъ властей на подчиненіе богословскихъ наукъ церковно-практическимъ пѣлямъ. Эта опасность не устранена еще, и противъ нея не мало еще придется бороться и обновленнымъ академіямъ. На ней поэтому я и сосредоточилъ все свое вниманіе. Если иной читатель замѣтилъ, что я, на примѣръ, ни полсловомъ не обмолвился о самыхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ академіяхъ, о студенческихъ организаціяхъ, объ издательской и популяризаторской дѣятельности академій, объ участіи ихъ въ реформѣ церковной жизни и т. д., то я спокойно отвѣчу: всѣ эти вопросы благополучно и наилучшимъ образомъ разрѣшатся и безъ моихъ подсказываній, лишь бы сдѣлано было единое на потребу. А это единое выражается въ одномъ, уже почти столѣтіе рвущемся изъ наболѣвшихъ душъ академическихъ труженниковъ воплѣ: „изведите изъ темницы души наши“!..

Окончивъ свою статью, я не могу не спросить себя: что же въ самомъ дѣлѣ станетъ съ нашими бѣдными духовными академіями въ будущемъ?

Уже не однажды упоминавшійся указъ св. синода отъ 26 ноября могъ бы, повидимому, внушать прочныя надежды на лучшее будущее. Но кто знаетъ исторію происхожденія этого указа (а я знаю ее, потому что самъ участвовалъ въ засѣданіяхъ профессорской комиссіи, собиравшейся подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора св. синода кн. А. Д. Оболенскаго въ Спб. 11—22 ноября с. г.), тотъ не поспѣшитъ отдаться такимъ оптимистическимъ упованіямъ. Я не хочу рассказывать какихъ либо деталей и подробностей, но считаю необходимымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ засвидѣтельствовать, что безъ энергичнаго содѣйствія кн. А. Д. Оболенскаго мы и такого указа никогда не получили бы,

хотя и онъ (указъ) объщаетъ гораздо меньше, чѣмъ надо по нашему убѣжденію (говорю объ убѣжденіи всѣхъ участвовавшихъ въ комиссіи профессоровъ)*. Спасибо, конечно, блажелательному и просвѣщенному оберъ-прокурору, который понимаетъ наши нужды и сумѣлъ помочь намъ! Но невольнo является вопросъ: что же будетъ дальше? Само собою понятно, — если кн. Оболенскій сохранитъ свой постъ, онъ поможетъ академіямъ въ будущемъ достигнуть, пожалуй, даже и большаго; но отъ какой же, слѣдовательно, случайности зависитъ вся будущность академій! Вѣдь съ переменною оберъ-прокурора (а въ наше богатое всякими переменами время это можетъ случиться въ любой моментъ) надъ головами академій опять нависнетъ дамокловъ мечъ... Вотъ тутъ то и является искуcительно-заманчивое желаніе: уйти бы изъ духовнаго вѣдомства!.. А вдали рисуются радужныя перспективы настоящей „академической свободы“ подъ университетской эгидой въ формѣ *богословскаго факультета*...

7 декабря 1905 года.

Проф. Моск. дух. академіи *П. Тихомировъ*.

* Вотъ существенныя положенія проектируемаго этимъ указомъ академическаго строя (выдержка приводится буквально):

1, Дух. академіи находятся въ подчиненіи высшей церковной власти въ лицѣ св. синода и состоятъ подъ попечительнымъ наблюденіемъ мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго; 2, ректоръ и инспекторъ академіи избираются академическою корпораціею и утверждаются въ должности св. синодомъ. Ректоръ академіи состоитъ въ духовномъ санѣ и долженъ имѣть ученую степень не ниже магистра богословія. Если бы оказалась необходимость временно допустить къ исправленію должности ректора лицо, не имѣющее духовнаго сана, то такое временное исполненіе обязанностей ректора не можетъ продолжаться долѣе 6 мѣсяцевъ; 3, въ составъ академическаго совѣта должны входить всѣ ординарные и экстраординарные профессора и доценты, а въ случаѣ признанной совѣтомъ надобности принимаютъ участіе въ собраніи совѣта и прочіе преподаватели академіи; 4, совѣту должно быть предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ и самостоятельное въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ.

